

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2011
№ 8

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Художник
Дмитрий Бикашов

Редакционный совет

А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский, Е.С. Галкина,
О.Б. Неменский, М.В. Ремизов, А.В. Самоваров, П.В. Святенков,
А.Н. Севастьянов, С.Н. Семанов, В.Д. Соловей, Е.С. Холмогоров,
И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

Русская национал-демократия как структурный вызов режиму.....3	Олег Кильдюшов
Тема номера. МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ	
Предчувствие Орды 10	Егор Холмогоров
Крах мультикультурализма: что дальше? Круглый стол «Вопросов национализма».....23	Олег Неменский
Соблазн мультикультурализма.....50	Максим Брусиловский
Мультикультурализм как современный апартеид.....66	Дмитрий Алтуфьев
Критика толерантности.....70	Дометий Завольский
Русский культуроцентризм против лжеуниверсализма 78	МИРОВОЙ ОПЫТ Владимир Близнеков
Швейцарская демократия и мультикультурализм 83	Сергей Карамев
Белый и черный национализм в Родезии.....90	PERSONALIA Роман Фролов
Патрик Бьюкенен 112	ПОЛЕМИКА Иван Русаков
«...На следующий день...».....126	ЮБИЛЕИ Сергей Сергеев
Достоевский и русский национализм 138	IN MEMORIAM
Памяти Сергея Семанова 145	ПУБЛИКАЦИИ Сергей Семанов
Дневник 1982 года.....155	РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ Александр Севастьянов
Диалектика русского этноса, или В поисках русского генофонда.....189	КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ Александр Ефремов
Уроки погибшей империи.....233	
Авторы номера.....239	
Summary 240	

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

РУССКАЯ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ВЫЗОВ РЕЖИМУ

Что происходит?

Открытые репрессии против лидеров русского демократического и правозащитного движения (К. Крылов и др.), а также удивительная по составу коалиция, организованная властями для борьбы с «новым русским национализмом», могут считаться прямым признанием того, насколько высоко правящий в РФ режим оценивает риски для своего дальнейшего существования, исходящие именно отсюда. В этом смысле следует признать, что демократически нелегитимные властные группы довольно верно понимают суть происходящего в стране: в процессе общественного самоопределения «новый русский национализм» на наших глазах становится платформой формирования и артикуляции интересов нового демократического большинства, соединяя в рамках одной политической программы до сих пор нерешенные задачи русской национальной революции (создание современного национального государства) с делом русской свободы (демократизация всех общественных институтов).

Стоит ли говорить, что подобное объединение двух программ, традиционно считавшихся антагонистическими (в рамках ложной дилеммы «национал-патриоты» vs. «демократы»), с точки зрения социологии политики означает радикальное расширение социальной базы для нового политического движения. И хотя пока, на нынешней — прямо скажем, начальной — стадии развития русского движения нынешним властям предрержащим и обслуживающим их

охранителям вроде бы нечего опасаться всерьез, тем не менее нужно отдать им должное: они верно уловили наметившуюся тенденцию, реализация которой на практике лишит их всякого функционального места в русском будущем. Видимо, именно поэтому они уже сейчас — пока не поздно — пытаются любыми средствами, вплоть до открытых репрессий, остановить процесс неизбежного общественного размежевания по линии «исключенное большинство» vs. «нелегитимное меньшинство».

Рассмотрим более подробно некоторые аспекты формирования национал-демократии как позитивной программы (ре-)учреждения нового русского государства для большинства, а также попытки конкурирующих сил торпедировать данный процесс.

Мы и они

Процесс общественно-политического размежевания по линии *мы — они, общество — власть, нелегитимное меньшинство — исключенное большинство* наметился еще несколько лет назад, сегодня же он приобрел совершенно структурированные формы. Очевидно, что он только усилился за последний год-полтора в ходе ускоренной делегитимации режима, принимающей иногда уже совсем клинические формы вроде попытки учреждения виртуальных «обществ сторонников президента», бессодержательных «народных фронтов» и т.д.

Если говорить высоким стилем, сегодня для все более широких и политически релевантных слоев рос-

сийского общества речь идет уже не только и не столько о «политическом» размежевании во властно-партийном смысле выбора принадлежности к той или иной группе, сколько о политико-онтологическом или даже цивилизационном переопределении русского общества. По сути, речь идет о выборе того институционального дизайна, который будет социально приемлемым, т.е. комфортным для формирующегося демократического большинства, выдвигающего вполне определенные требования в отношении качества институтов: прозрачность, предсказуемость и т.д.

Стоит ли говорить, что в подобную цивилизационную рамку не вписываются все институциональные достижения «эпохи стабильности» — кстати, вместе с обслуживающим их «одно-разовым» политперсоналом из проектов типа «Единая Россия» и т.п. Подобные «надстроечные» форматы вряд ли смогут торпедировать формирование негативного общенационального консенсуса относительно нынешней стилистически архаичной и функционально неэффективной власти, воспринимаемой все более широкими, в т.ч. наиболее «продвинутыми» слоями общества в качестве основной преграды для развития страны в направлении демократизации, модернизации, одним словом — нормализации русской жизни и демобилизации русского народа из истории войн, катастроф и геополитических авантюр с их перманентной опричниной и прочей чекистской чрезвычайщиной.

Самоопределяющееся русское общество прямо на глазах начинает требовать от властей установления и соблюдения четких, стабильных и общих для всех правил политической игры, в постоянном нарушении которых в течение последних двух десятилетий больше всего были заинтересованы именно правящие круги РФ. Самый наглядный пример здесь — постоянное изменение избирательного законода-

тельства, стабильность которого невыгодна прежде всего самой власти: в результате каждая кампания по выборам в Государственную Думу проходила по изменившимся правилам. То есть те, кто — казалось бы — больше других должен быть заинтересован в долгосрочном поддержании статус-кво (правящие элиты, «Единая Россия»), постоянно препятствуют стабилизации правил социальной жизни, в т.ч. политической борьбы. Здесь мы сталкиваемся с известным российским парадоксом: властные группы интересов, по меткому выражению социолога Дэвида Старка, возникшие «на институциональных развалинах прошлого», своими краткосрочно мотивированными действиями сами выступают постоянным источником дестабилизации социально-экономической и политической ситуации в стране, не позволяя нормализовать русскую жизнь в долгосрочной перспективе...

Понимание этого принципиального момента очень важно для происходящего процесса политико-онтологического размежевания по линии *общество — власть*, поскольку здесь становится очевидной логика действий властей, которая строится по формуле: правила игры постоянно меняются, а ее результаты — заранее predeterminedены, тогда как большинство требует восстановления нормальной ситуации: правила игры сохраняются неизменными, а ее результаты — не predeterminedены. Таким — парадоксальным на первый взгляд — образом перед всем русским обществом, включая национал-демократию, стоит небанальная задача заставить демократически нелегитимную властью соблюдать собственные правила игры! Однако всем давно件нятно, что это невозможно сделать в том *режиме бесконечных исключений, чрезвычайных полномочий, особого статуса и т.д.*, что установили в стране обладатели федеральных «ксив» и мигалок для себя и своей политчеляди...

Усилившееся в преддверии выборов

чувство общественной изоляции существующего режима, на глазах лишаящегося последних остатков легитимности, является базовым условием для возникновения представления о новой *мы*-группе — т.е. о русском большинстве, стремящемся реализовать свое конституционное право суверена в русском государстве — причем вопреки сопротивлению демократически нелегитимных групп (*они*), пытающихся сохранить нынешнее статус-кво, неприемлемое для абсолютного большинства.

Говорим — Путин, подразумеваем — Кадыров!

Само устройство подобного государства непуганых подполковников предполагает недопущение практической реализации базового для Модерна представления о политическом народе-суверене, состоящем из принципиально равных граждан, относящихся к политически гомогенному сообществу компатриотов, обладающих равными правами уже в силу своей принадлежности к нему и имеющих практическую возможность отстаивать свои права посредством соответствующих правовых и политических институтов.

В этом смысле характерно очевидное сходство двух типов отношений: между обладателями властных ресурсов и остальным российским обществом и между нерусскими этнокорпорациями и русским большинством. Как и недемократическая власть РФ, исключая себя из всех правил, которые распространяются на остальных, нерусские этнические корпорации (как в самих республиках, так и в так называемых диаспорах) также требуют и успешно добиваются для себя режима изъятий из «правил для русских», а также иных особых статусов и привилегий. Так что здесь существует известный изоморфизм: (русское) большинство поражено в правах по сравнению с демократически нелегитимными группами различного рода, обладающими специальными правами

в рамках существующей системы политически гетерогенных статусов.

Существование в нынешней России и фактическое признание ее властями подобных иноэтничных групп с особым внеправовым статусом, недоступным для русского большинства, лишь еще раз подчеркивает всю нерешенность задач национально-демократической революции. Ведь здесь мы встречаем двойное отчуждение власти и ресурсов от абсолютного большинства граждан, — когда политическое отчуждение накладывается на отчуждение национальное. Стоит ли говорить, что в рамках существующей системы этому исключенному большинству остается лишь сокрушаться и более или менее громко возмущаться данническими отношениями между этнократиями и правящей элитой РФ, тушащей тот же кавказский костер «бензином» в виде ресурсов, изъятых у жителей русских регионов и открыто растрачиваемых на дорогостоящие игрушки для местных деспотов типа футбольного клуба «Терека» и пр. Или же остается «утешаться» тем, что подобное экономическое чудо в дотационных регионах может довольно быстро завершиться очередной русско-кавказской войной, неизбежно провоцируемой каждым последующим заявлением Р. Кадырова о спонсорстве со стороны Аллаха...

Однако в структурном смысле сам феномен кадыровщины и проводимая правящим режимом политика кадыровизации этнократических элит в нерусских регионах РФ лишний раз подтверждает наличие серьезного социального основания для формирования массового запроса на национал-демократическую программу, уникальность которой заключается именно в построении русского национального государства современного типа, обладающего демократической легитимацией властных институтов.

В этом смысле здесь очень показателен тот охранительный пафос «дружбы народов», что активно использу-

ется сегодня властями, в т.ч. первыми лицами режима (Путин, Медведев), в текущей дискурсивной борьбе с русским национальным движением: по сути, речь идет о наложении официального табу на серьезное и предметное обсуждение существующего в стране кризиса межэтнических отношений и нарушенного во многих регионах, в т.ч. русских, баланса между различными этническими группами. Однако остановить формирование запроса на русскую политику в интересах русского большинства невозможно никакими политтехнологическими уловками и запретами. Так что никому, — особенно тем, кто все еще отождествляет свое будущее с нынешним режимом, — не стоит заблуждаться на тот счет, что в исторической перспективе попытка правящей клики посредством бессодержательных лозунгов о «международном мире» заболтать наиболее острую проблему русской жизни означает только одно: эту структурную проблему будут решать уже другие люди и в совсем иных условиях...

Идеальные противники

Появление на идейно-идеологическом поле России нового национал-демократического проекта и заметный рост его популярности привел в легкое чувство паники не только теоретиков и практиков от нынешней властной констелляции, но также стал серьезным концептуальным вызовом для остальных игроков данного поля, традиционно считавших себя привилегированными оппонентами режима.

В первую очередь это касается политпредпринимателей либерального толка — активных участников «демократического строительства» 90-х. Как известно, тогда относительно небольшая группа деятелей внутри Садового кольца играла в демократию для себя, не обращая никакого внимания на то, что происходит с собственно социальной базой любой демократии — т.н.

«простыми людьми». Мы прекрасно знаем, чем закончилась та их игра, которую они вели в 90-е, во время расцвета *демократии для политической элиты*, и которую они пытались выдать за общее дело (*res publica*). Тем не менее многие из них даже сегодня, в совершенно иных политико-идеологических условиях выражают готовность продолжать бороться за «свободу и демократию» против «национализма, шовинизма и ксенофобии». Это было оценено по достоинству, и теперь их борьба ведется в рамках коалиции сил, сформированной властями для противодействия русской национал-демократии. Здесь очень примечательно почти полное отсутствие интереса у либеральной публики к тому интеллектуальному осмыслению демократии как важнейшего принципа организации русской жизни, что как раз и стало заметным трендом теоретической дискуссии среди националистической сцены. Сегодня многие статусные либералы попросту пытаются дискредитировать демократический поворот русского национализма посредством подмены понятий, например, при помощи страшилок вроде этнизации русского дискурса в виде «русского фашизма» и т.д. Они пытаются представить его в свете, выгодном для его идеологических конкурентов и власти — хтоническим, зоологически-ксенофобским, борющимся с «жидомасонами», «чурками» и т.д. И хотя понятно, что (как и среди любого широкого движения) здесь действительно хватает расистов, ксенофобов и антисемитов, тем не менее довольно странно и политически недалководно для либералов не замечать очевидную демократическую тенденцию среди значительной части русского национального движения.

Еще более интересный случай представляют так называемые «старые националисты» и различного рода «национал-патриоты», активно включившиеся в кампанию по политиче-

ской диффамации «националистов новых». Причем многие из них делают это совершенно искренне, а не просто отрабатывают кэш «из-за кремлевской стенки». Просто в головах этих «идеологических виртуозов» (М. Вебер) не укладывается то, что понятие «русский националист» может быть очищено от той негативной семантики, которую ему в 90-е годы придала публика определенного — обскурантистского — толка. Сегодня всем этим «евразийцам» и «имперцам» (национал-державники, советские монархисты и православные коммунисты и прочие сторонники различных инфантильно-упрощенных версий прошлого и будущего России) также приходится реагировать на «русские» культурно-политические инициативы и сигналы, исходящие от властных элит. В результате подобного обострения «внутривидовой» борьбы ряд «старых патриотов» (включая титанические фигуры А. Проханова и С. Кургиняна) оказался в серьезной степени инструментализирован властью для дискредитации и диффамации русской национал-демократии (например, в рамках дискурса «предательства патриотических идеалов»).

Здесь следует особо подчеркнуть структурное сходство между неутомимыми борцами за либеральные ценности разлива 90-х и всей этой публикой с ее кампаниями по поводу «красной империи», «белой монархии», «православной автаркии» и т.п. Ведь с точки зрения действующей власти и сторонники либерального реванша, и традиционные «патриотические» мракобесы представляют собой идеальных оппонентов, поскольку не представляют для режима никакой серьезной политической опасности уже в силу экзотического для абсолютного большинства содержания их идей. Ведь ни либеральные прожекты «людей 90-х», ни евразийские и прочие имперские геополитические химеры «вечно вчерашних» не способны собрать массовую соци-

альную базу, поскольку их носители являются представителями маргинальных сект, ориентированных на особые субкультурные практики. В этом смысле «новый русский национализм» с его практически неограниченной социальной базой, потенциально включающей все большинство, радикально отличается от подобных «любимых врагов» правящей антинациональной клептократии. Ведь артикулируемые им интересы суть реальные интересы миллионов новых собственников и участников новых массовых культурных практик, заинтересованных прежде всего в нормализации и стабилизации ситуации в важнейших сферах жизни — например, таких как безопасность, правовая защита и т.д. Так что массовый запрос на новую национальную политику является здесь лишь логическим продолжением запроса на новую институциональную политику, а национальное действие предстает как горизонт действия демократического.

Именно поэтому власть готова использовать любые способы и средства и задействовать кого угодно — от либералов до старых национал-патриотов — для разрыва смертельно опасной для нее связки между делом национальной революции и делом русской свободы. Именно этим объясняется возникновение столь странной коалиции (демшиза, охранители, этнократии), брошенной режимом на подавление вызова со стороны «нового русского национализма». Так что у нас есть все основания говорить о возникновении в русском дискурсивном пространстве новой констелляции: все против русских национал-демократов!

Национал-демократия: точка сборки русского будущего

Итак, ключевым вопросом русской политической жизни сегодня вновь, как и сто лет назад, является строительство общественных институтов, адекватных как современному институциональному развитию, так и нашим

представлениям о том, в *какой* стране мы бы хотели жить. При этом проблема демократического реформирования существующего институционального ландшафта лишь внешне имеет отношение к либеральному пафосу образца 90-х. К тому же формально многие политические и экономические институты Модерна с различной степенью успеха были «трансферированы» в российский социальный контекст уже двадцать лет назад. В рамках нового русского проекта речь идет о *демократизации институтов*, а не традиционной *институционализации демократии*. То есть под демократизацией здесь понимается не некое либеральное «царство свободы» в духе демшизы 90-х, а исторически усиливающийся процесс, применительно к которому выдающийся социолог Норберт Элиас говорил о «функциональной демократизации». Другой классик — Макс Вебер — называл этот процесс «пассивной демократизацией», поскольку речь здесь идет не о либеральном пафосе, а о расширении реальных шансов *массового политического и экономического участия*, т.е. о политике в интересах большинства. Стоит ли говорить, что утверждение этого национально-демократического вектора развития России является сегодня главным вызовом русской модернизации — особенно если учитывать имеющиеся антидемократические элиты и существующую недемократическую институциональную рамку.

Все эти — казалось бы — абстрактно-теоретические построения имеют прямое отношение к русской национал-демократии как новой позитивной программе для большинства. Ведь и само понятие «функциональная модернизация» было введено Норбертом Элиасом для адекватного описания процесса возникновения «растущего давления снизу». Речь идет о фиксации той ситуации, когда радикально изменяется структурно определенный баланс сил между различными соци-

альными группами: когда все более широкие слои населения получают значительные возможности контроля над «верхами». Подобный «эгалитарный тренд» означает изменение баланса отношений между группами в направлении уравнивания их возможностей взаимного контроля, т.е. сокращения властного разрыва между различными группами интересов. Отсюда прямо вытекает переход к иным, компромиссно-договорным формам взаимодействия между основными политическими акторами...

Таким образом, в современном российском контексте борьба за утверждение новой — национал-демократической — повестки дня обусловлена структурными потребностями самой русской модернизации. Одновременно это есть процесс самоутверждения общества современного типа с образованием новой русской (национальной, культурной, государственной) идентичности нового солидарного сообщества. В условиях «функциональной демократизации» именно русская национал-демократия призвана дать удовлетворительный для большинства ответ на вопрос: что за общество существует сегодня в РФ, насколько оно (не) соответствует национальным представлениям о справедливости и что должно прийти ему на смену. То есть стоящая сегодня перед национал-демократами теоретическая задача не ограничена простой критикой политико-правового фасада нынешней системы, например, при помощи критико-полемиических терминов («гибридный режим», «демократура», симуляционная» или «имитационная демократия»). Теоретикам-интеллектуалам и политикам-практикам русской национал-демократии предстоит предложить обществу полноценную альтернативу существующей системе, приемлемую для абсолютного большинства. Но уже сейчас очевидно, что в рамках концептуальных разработок «нового русского национализма» для

всех становится очевидна антинациональная сущность нынешнего режима власти-собственности в России, организованного в интересах абсолютного меньшинства.

Именно поэтому русскому демократическому движению предстоит заново осознать себя в новой системе координат не только по отношению к политике правящих кругов, но и к обществу в целом. Именно поэтому оно уже сейчас находится во главе борьбы

за интересы русского большинства. Именно поэтому оно оказалось под ударом объединенной коалиции политических противников. Остается только надеяться, что осознание уникальной исторической миссии «нового русского национализма» поможет ему и его лидерам не только выстоять в условиях репрессий, но и стать для всего русского общества подлинной платформой для сборки нового будущего.

Руки прочь от Константина Крылова!

4 ноября этого года против известного политического публициста, писателя, общественного деятеля, главного редактора сайта АПН.ру и журнала «Вопросы национализма», президента Русского общественного движения (РОД) Константина Крылова было возбуждено уголовное дело по печально известной «русской» статье 282. Поводом для этого стало его выступление на митинге «Хватит кормить Кавказ!», состоявшегося 22 октября на Болотной площади.

Не сомневаемся, что любой непредубежденный человек, ознакомившись с речью Крылова (её видеоролик и стенограмму легко можно найти в интернете, в частности, на сайте РОД) не обнаружит в ней ничего противозаконного и «экстремистского». Крылов говорит о том, что волнует миллионы русских людей (об этом свидетельствуют данные множества самых различных опросов общественного мнения), говорит жёстко и резко, но нигде не переходя грани дозволенного законом. Совершенно очевидна политическая ангажированность возбуждённого против Крылова дела. Власть стремится во что бы то ни стало замолчать острейшие национальные проблемы современной России, грубо затыкая рты тем, кто пытается о них серьёзно говорить. Более ошибочную стратегию трудно придумать. Проблемы от этого никуда не исчезнут, но их обсуждение может принять совсем иной характер. Понимает ли власть, что запугивая и запрещая легальную оппозицию, с которой возможно вести цивилизованный диалог, она провоцирует новые «кондопоги» и «манежки»?

Мы призываем всех неравнодушных русских людей откликнуться на это вопиющее беззаконие под маской законности и выступить в защиту Константина Крылова, человека, который осмеливается громко и публично сказать то, о чём большинство предпочитает шептаться на кухнях. Хотим ли мы, русские, свободно обсуждать свои интересы и чаяния? Если да, то мы должны защищать наших интеллектуалов и политиков, не допускать заказных расправ над ними. Иначе мы останемся безголосой улицей, которой «нечем кричать и разговаривать».

Мы призываем поднять голос в защиту Константина Крылов всех тех, вне зависимости от их национальности и политических взглядов, для кого понятие «свобода слова» не пустой звук. Тем более, что сам Крылов зарекомендовал себя как последовательный борец за неё. Сегодня репрессии обрушиваются на националистов, завтра их мишенью станут либералы и левые, послезавтра — всякий свободомыслящий человек. Если мы не хотим, чтобы наше общество стало обществом безгласных рабов, то должны солидарно выступать против любого покушения на одну из ключевых ценностей демократии.

Егор Холмогоров

Предчувствие Орды

Россия — Европа или Азия? Или «Евразия»? Русские — европейский народ или азиатский? Или, быть может, «евразийский»?

Социально-политическая причина постановки со всей остротой вопроса нашего макроцивилизационного самоопределения сегодня вполне понятна и очевидна. По крайней мере, для человека, проживающего в Москве. Столица России превратилась сегодня в нерусский город. Без пяти минут это «новый Сарай». Здесь невозможно пройти по улице хотя бы триста метров, чтобы не встретить группу приезжих из Центральной Азии. Здесь невозможно спуститься в метро, чтобы не обнаружить с удивлением, что уже около четверти его пассажиропотока составляют те, кого мы деликатно называем «гастарбайтерами». То, что творится в Москве на мусульманские праздники, давно уже известно всем — многотысячные толпы людей, которые, как правило, не являются гражданами РФ, которые собираются в одном месте в центре города, чтобы подчеркнуть свою силу и свою численность. Лишь с 2011 года полиция получила указание пресекать приношение на улицах кровавых жертв, мимо которых в ужасе проходят ошарашенные москвичи. Причем все это не признаки ислама как религии — существуют сотни и тысячи мест на земле, в том числе и на Русской земле, где ислам спокойно исповедуют цивилизованные люди — исповедуют без неуправляемых толп, крови и грязи. Это нашествие — свидетельство новой волны азиатизации, накрывающей пространство Евразии, а стало быть, русское историческое и культурное пространство.

Распря о скамейках

Начнем, и пусть это не покажется странным, не с причин, а с очевидных для нас последствий.

Ошибочно думать, что неприятие мигрантов связано только с совершаемыми ими преступлениями. Большинство людей пока что не становилось их жертвами и знает о них лишь из СМИ, но отсюда не следует, что у них отсутствует неприятие миграции или что это неприятие необоснованно. Острейшая проблема, связанная с миграцией выходцев преимущественно из Средней Азии на территорию России, состоит в том, что она вызывает давление на социальную инфраструктуру даже тогда, когда она не сопровождается никакой криминальной активностью. Проблема миграции — это не только проблема нападений в подворотне, — это проблема скамеек в парке, очередей в магазинах и контингента в школах.

При завозе мигрантов предприниматели и сотрудничающие с ними коррумпированные элементы в госструктурах исходят из принципа любого нецивилизованного капитализма: «все прибыли предпринимателям, все издержки — обществу». Это значит, что предприниматели стараются максимально возложить на общество любые издержки, связанные с пребыванием иностранной рабочей силы, и минимизировать свои собственные расходы. Результатом является то, что бесплатная или дешевая общедоступная инфраструктура в местностях, где присутствует большое количество мигрантов, испытывает избыточное давление и попросту с ним не справляется.

Представим себе теплый летний вечер в детском парке в центре Москвы.

Парк является единственным ближним рекреационным участком для окрестных домов. Однако большая часть скамеек в нем занята компаниями мигрантов. Мало того, ими же заняты многие газоны. Они не имеют возможностей отдохнуть иначе и пользуются бесплатной общественной инфраструктурой. Как следствие — для жителей окрестных домов просто не находится места на скамейке, молодые одинокие мамы боятся выгуливать детей рядом с компаниями молодых мужчин-иностранцев, родители с грудными детьми боятся инфекции. Результат — парк из зоны отдыха становится точкой социальной нервозности и глухого напряжения, не имеющего до времени внешних выходов. Ту же нагрузку испытывают транспортные сети, особенно метро, магазины местного значения. Всюду местные жители сталкиваются с большим количеством людей, которые сразу же опознаются по внешности как чужие и выступают как источник неудобств и более-менее обоснованных страхов.

Подобное переполнение неизбежно. Возрастающая интенсивность контактов между сторонами подспудно зреющего конфликта будет приводить к тому, что и сам конфликт будет приобретать все более и более острые формы. Столкновения граждан России с мигрантами пока сравнительно редки и малоинтенсивны. Но с каждым уже даже не годом, а месяцем, количество таких конфликтов будет возрастать, а вместе с нею и степень жестокости и общественной опасности таких конфликтов. На практике это будет значить, что русских горожан начнут убивать за резко сказанное слово, взгляд исподлобья, за нежелание уступать мигрантам в чем-то, что русские будут считать своим. И тут уже речь пойдет не о скамейках, а о жизнях.

«По подозрению в убийстве был задержан 18-летний гражданин Узбекистана. Как сообщил официальный представитель СК РФ, по данным следствия, в минувшую среду в лесном

массиве между молодым человеком и женщиной, которая прогуливалась с ребенком, произошла ссора. В результате он задушил женщину поясом от ее куртки, а ребенку нанес удар головой о дерево», — вот, увы, становящиеся все более типичными строки из криминальной хроники Москвы и Подмосковья.

В виду рабского, по своей сути, характера мигрантской рабочей силы к нашей современности становятся, увы, все более и более применимы аналогии из древней истории. Диодор Сицилийский рассказывает историю о рабовладельце Дамофиле, который ответил своим полуголодным пастухам-рабам, пришедшим попросить у него одежду: «Что же, разве путешественники ездят голыми по стране и не дают готового снабжения тем, кто нуждается в одежде?». Тех, кто не понял тонкого намека, что хочешь одежды — грабь, еще и выпороли. «Скоро всю Сицилию наводнили отряды разбойников, и дороги стали небезопасны. Римские наместники предпочитали смотреть сквозь пальцы на бесчинства разбойничающих пастухов во вверенной им провинции, лишь бы не ссориться с влиятельными лицами, на землях которых совершались нападения» (*Горончаровский В.А.* Спартаковская война. Восставшие рабы против римских легионов. СПб., 2011. С. 58). Вполне закономерно, что сицилийское восстание рабов 136–132 гг. до н.э. во главе с Евном начали именно рабы Дамофила, затопившие Сицилию кровью отнюдь не только рабовладельцев, но и простых греков и римлян, ни щадя ни женщин, ни детей.

Но дело не только в психологическом напряжении, вызываемом приездами, и не в угрозе криминализации миграции. Дело и в объективной экономической нагрузке, которая вызывает у людей дополнительные расходы, препятствуя накоплению — люди вынуждены ехать в парк подальше, закупаться в магазинах подороже, искать платную или полуплатную школу с меньшим количеством детей мигрантов, вынужде-

ны пересаживаться из ставшего неудобным или небезопасным метро на такси. Как следствие — бедный и средний класс, которые, в отличие от богатых, не могут позволить себе купить «персональную инфраструктуру», беднеют, темпы их накоплений и всего, что к ним привязано (в частности — демографический рост), снижаются. Люди начинают ощущать свой город неудобным и не приспособленным для жизни. Большая часть москвичей уже готова обсуждать эмиграцию как более-менее реальный жизненный план, причем это связано не с политическими мотивами, а с «невозможностью дальше жить в этом Москвабаде», особенно с учетом проекции на будущее детей, которое грозит стать совершенно нетерпимым.

Еще один аспект, создающий эффект «Москвабада», — это резкое снижение жизненного уровня, связанное с низкими бытовыми запросами мигрантского населения. По мере того как мигранты играют все более весомую роль в сфере обслуживания и как персонал, и как потребители — падает качество обслуживания. Потребности и притязательность мигрантов гораздо ниже — и магазины готовы снабжать их некачественными товарами, кафе — плохо сделанной едой, квартирные хозяева сдают помещения в запущенном состоянии. Это снижение жизненного комфорта также является очень серьезным источником дискомфорта, вплоть до чемоданных настроений. Люди, которые привыкли за двадцать лет жить за кодовым замком с домофоном, не могут адаптироваться к тому, что с тех пор как в подъезде есть колония выходцев из Таджикистана, которым кто-то сдал квартиру, подъезд все время открыт, а магнитную дверь постоянно кто-то нарочно ломает.

Любой город, в котором достигнуто миграционное переполнение (а в Москве этот предел переполнения давно уже пройден), начинает рассматриваться местными жителями как непригодный для жизни. Представителей

среднего класса начинают охватывать чемоданные настроения. Представители малообеспеченных слоев, особенно молодежь, испытывают все более высокий уровень агрессии как по отношению к самим мигрантам, так и по отношению к властям.

Итак, по факту, как легальная, так и нелегальная трудовая миграция из стран с более низким по сравнению с Россией культурным уровнем, иным менталитетом и иной моделью социальных отношений, ведет, наряду с повышенной криминальной опасностью, к: а) демодернизации экономических отношений и производства; б) сверхнагрузке на общественную инфраструктуру; в) примитивизации общественных отношений, снижению качества товаров и услуг; г) выталкиванию коренного российского населения в страны, где возможно обеспечить более приемлемое качество жизни; д) чем дальше, тем больше миграция, особенно из Средней Азии, напрямую опасна для жизни граждан России, причем для самой слабой и незащищенной части граждан — женщин и детей. Тем более опасна, что зачастую мигранты по своему идиотизму (в греческом значении этого слова — глубоко провинциальной, кишлачной культурной и нравственной отсталости) и «простоте ума» не останавливаются перед такими чудовищными и безнравственными преступлениями, которые для европейского горожанина характерны только в случае тягчайшего нравственного извращения. Причем подобные преступления могут совершать в том числе и лица, которые в своей традиционной среде обитания никаких криминальных наклонностей не проявляли.

Рабовладельцы против Мальтуса

Происхождение мигрантских волн представляет собой отдельную загадку и проблему. Экономического объяснения этот поток неквалифицированной, по сути рабской, рабочей силы не имеет. Точнее, то, что выдается за таковое объяснение, им не является. Нам гово-

рят, что демографический потенциал нашей страны снижается, что у нас все меньше и меньше людей, причем русские якобы «не хотят работать». А значит, чтобы экономика страны не встала, необходимо завозить новых и новых мигрантов, чтобы делать работу, которую русские делать не хотят. Не так давно нам было обещано уже дополнительно 10 млн. новых мигрантов, — лошадиная доза, которая в плюс к уже имеющимся, очевидно, сотрет цивилизационное лицо России и неовозвратно изменит ее этноконфессиональный баланс. Мы реально станем в своей стране чужими, а новоприбывшие потребуют своего места и своих прав, причем уже без всякой привязки к труду. Просто по факту того, то они уже здесь.

Апологетика этого рабовладельческого импорта абсурдна. Прежде всего, в ее рамках русский народ предстает неким «наемным работником» у государства и у олигархического бизнеса, которого можно уволить, если он разленился и требует за свою работу слишком высокую плату. Между тем русский народ — это национальная основа, хозяин Российского государства, и это скорее он должен решать вопрос об увольнении нерадивых управителей, а не наоборот. Пока же создается впечатление, что правительство, превратившись из «первого европейца» в России, как некогда именовал его Пушкин, в «последнего азиата», хочет упразднить народ и ищет новый себе под стать.

Но есть и более глубокая и более серьезная проблема. Именно завоз гастарбайтеров, именно демографическая азиатизация России являются формой срыва демографического самовосстановления русского народа. Ради краткосрочных сверхприбылей бизнеса и надстроенной над ним коррупционной вертикали приносятся в жертву долгосрочные экономические и демографические циклы. Прерывается их нормальное течение.

О чем я веду речь? Одной из самых заметных страниц русской гуманитарной

и исторической мысли являются работы уральского историка С.А. Нефедова — прежде всего «Война и общество» (М., 2008). В них предложена интересная циклическая модель исторического развития человеческих обществ, опирающаяся на экологические и демографические факторы. Ее можно было бы назвать неомальтузианской, если бы не привычка наших социальных исследователей, усвоенная с советских времен, при упоминании имени Мальтуса битьсь в истерику.

В чем суть этой модели? Я ее, конечно, передам предельно упрощенно — чтобы вникнуть во все тонкости, лучше почитать первоисточник.

Общество, прежде всего аграрное общество, развивается в зависимости от емкости своей экологической ниши при текущем уровне развития хозяйства. Оно проходит несколько фаз. Демографический рост — когда земли много, еды много, цены на продовольствие низкие, зарплаты высокие, поскольку везде в фазе расширения требуются рабочие руки — сменяется кризисом, когда возможности ресурсной ниши исчерпываются и общество начинает «съедать» само себя. Начинается кризис. На этом этапе земли не хватает, и она дорожает, еды не хватает, люди голодают, цены на продовольствие растут, зарплаты падают. Затем наступает демографический коллапс, когда происходит крупная потеря населения, а затем первоначальные условия возвращаются, иногда еще и с инновационным расширением экологической ниши, за счет внедрения новых технологий — земли достаточно, зарплаты высокие (поскольку рабочих рук не хватает). В общем, казалось бы, жить бы и жить. «Золотой век» для народа — это фазы восстановления после демографических коллапсов.

И малочисленность народа на фазе восстановления является его главным аргументом в споре с элитой о «сдельных условиях» социального контракта. Так, например, было в Западной Европе после Черной смерти, которая унесла

больше трети западноевропейского населения. Рабочие руки стали чрезвычайно дороги, и высшим классам пришлось за них платить, в то же время изыскивая новые технологические и социальные формы хозяйствования. «Простонародье ныне требует для себя самых дорогих и изысканных блюд, их женщины и дети щеголяют пышными платьями, принадлежавшими ранее тем, кто навсегда покинул этот мир... В нынешнее время женская прислуга, неопытная и необученная, и вместе с ней мальчишконюшие требуют для себя по меньшей мере 12 флоринов в год, а самые наглые и 18, и даже 24, то же касается нянек и мелких ремесленников, зарабатывающих на хлеб своими руками, которым подавай ныне втрое больше обычного, и так же работники на полях, коих следует теперь снабжать упряжкой быков и зерном для посева, и работать они желают исключительно на лучшей земле, забросив прочую», — писал флорентиец Маттео Виллани. Результат хорошо известен — в Западной Европе после чумы сформировалась новая экономическая реальность капитализма, новая политическая реальность — современное «абсолютистское» (хотя на деле оно, конечно, не было деспотично абсолютистским) государство, новая культурная реальность — Ренессанс, и новая религиозно-идеологическая реальность — Реформация.

А теперь посмотрим, что происходит в России. Страна пережила типичный демографический коллапс. Столкнувшись с исчерпанием ресурсной базы, которой можно было воспользоваться на советских социалистических принципах хозяйствования, Россия пришла к быстрому коллапсу, закончившемуся уполовиниванием населения. Поскольку социальные технологии конца XX века по-своему гуманны, физического уполовинивания — смерти — не произошло, хотя умерло людей тоже немало. Произошло символическое уполовинивание, в виде распада СССР. Не все люди умерли — но все изменились,

оказались гражданами новых независимых государств. За этим коллапсом должна была последовать фаза восстановления, для которой, в частности, характерна дороговизна рабочих рук, которых не хватало среди граждан Российской Федерации для обслуживания ее немаленькой, даже после гайдаровчубайсовского погрома, промышленности.

Дефолт 1998 года был, так сказать, первым звончком начала нового отсчета. И, в принципе, русские должны были погрузиться в короткий, но вполне комфортный «золотой век», когда людей сравнительно мало, живут они не тесно, а стоят довольно дорого. И когда элиты вынуждены искать выход из этой дороговизны в инновационном поиске и технологическом скачке. Первое должно было пробудить новый демографический подъем, поскольку, когда живется хорошо, нормальная человеческая реакция, не отформатированная феминизмом и обществом потребления, — дать жизнь новым и новым детям. Второе должно было расширить хозяйственную, экологическую нишу и сделать следующее демографическое расширение более мощным.

Этого, как мы знаем, не произошло. А что произошло вместо этого? Вместо этого олигархическая элита начала дополнительную эмиссию населения в виде завоза мигрантов. Это было средством для олигархии сохранить свои богатства, посылать куда подальше всех, у кого нет миллиарда долларов, как это делал небезызвестный Полонский. Элита могла не доплачивать русскому «демосу», не пересматривать условий контракта, чем исправно занимался, в частности, экс-министр финансов Кудрин — который все благосостояние миллионов людей принес в жертву «борьбе с инфляцией», препятствовал росту зарплат, вложениям в социальную и экономическую инфраструктуру и тем самым создавал условия для того, чтобы дешевый труд рабов был для бизнеса единственно выгодным.

Другими словами, массовая «трудовая миграция» — это не просто «завоз занимающих наши трудовые места» — как говорят представители профсоюзов, борцы с нелегальной миграцией и т.д. Это именно успешная технология, применяемая олигархической элитой для того, чтобы не дать русскому простонародью воспользоваться выгодами «восстановительной» фазы демографического цикла, и прежде всего дороговизной рабочей силы. Сам С.А. Нефедов в недавнем интервью журналу «Эксперт» говорит о том, что «инновации победили Мальтуса», и к современности его теория якобы неприменима, поскольку Россию ожидает в будущем продолжение модернизации по стопам Запада (<http://expert.ru/expert/2011/43/nnovatsii-pobedilmaltusa/>).

Увы, здесь с мнением авторитетного ученого невозможно согласиться. В российском случае Мальтус был побежден не инновациями, а рабовладельческой архаизацией, жутковатой реализацией черного юмора Пелевина о прыжке миллиона зеков вместо атомной бомбы. Циклические кризисы, на мой взгляд, — это не кризисы непременно аграрного общества, но кризисы социально-экологические, и именно при срыве нормальной восстановительной фазы нашего российского кризиса, при внешнем нашествии варваров (которым Нефедов уделяет в своих работах значительное место) мы сегодня и присутствуем.

Так или иначе, с точки зрения простого русского гражданина России нас лишают своего, наше пространство отдают чужим. Культурный и поведенческий облик этих чужих таков, что наполняет наши сердца не только рациональным неприятием, но и подсознательным, можно сказать историческим ужасом.

Явный Узбек

И вот здесь мы сталкиваемся с более глубинным пластом той же пробле-

мы. Если сам факт замещения русской рабочей силы иностранной объясняется корыстью олигархических элит, продлевающих и усугубляющих фазу нашего демографического коллапса, то наполнение этого смывающего нормальный русский труд антропотока отнюдь не случайно. Вспомним 90-е годы. Тогда были все в страхе перед китайцами, которые приедут сюда к нам рабочими, а затем захватят все. Где-то рядом фигурировали вьетнамцы, Борис Гребенщиков шутил про то, что «турки строят муляжи Святой Руси за полчаса». Однако теперь даже Гребенщико-ву, похоже, не до шуток. Вот одна из центральных и наиболее страшных песен его нового альбома «Архангельск»:

Так раструбите на всю бесконечную
 степь
 Сквозь горящий туман и мутно-
 зеленую взвесь
 Добывающим уголь и нежно
 сажающим хлеб,
 Шепните им, что Тайный Узбек
 уже здесь...
 Даже если нам всем запереться
 в глухую тюрьму,
 Сжечь самолеты, расформировать
 поезда,
 Это вовсе не помешает ему
 Перебраться из там, где он есть,
 к нам сюда.

«Матка народов» в Центральной Азии, порождавшая тысячелетиями все новые и новые оседлые и кочевые племена, разверзлась вновь, и ее сыны вмиг заставили забыть практически обо всех остальных претендентах на трудовое замещение русских. Они берут не трудолюбием, не искусством, не послушностью, а именно многочисленностью и сбитостью в кучки, перерастающие в толпы. Это люди, выброшенные из своего традиционного быта, из своей культуры — и оседлой, и когда-то бывшей кочевой, из сдерживающих норм старого общества, не привитые ни к ка-

кой иной морали, кроме кишлачной, не воспитанные в традиционном исламе, глядящие на города и села России (а не надо себя обманывать, речь уже не только о Москве и крупных городах, сегодня эти протоорды уже повсюду даже в небольших селеньях) как на сборище красивых картинок и ярких дорогих предметов. Это толпы без лица, имени и цели, кажется, только ждущие человека длинной воли, который скует их этой волей и направит на штурм наших городов.

Похоже, история жестоко над нами посмеялась. Столетия истекая кровью, Русь потратила на то, чтобы устранить угрозу из глубин Азии, угрозу, приходившую вместе со степными ордами. Сперва она, предводительствуемая Мономахом, сокрушала половцев на Дону, затем превратила стон под игом монголов в победный клич Куликова поля; после в великой и незаслуженно забытой битве при Молодях, где совместное опрично-земское войско Ивана Грозного отомстило крымским татарам за сожжение Москвы в 1571 году. И вот уже Ермак отправляется по Чусовой за Урал, на покорение Сибири, а привычные степнякам шляхи запирают засечные черты. В 1638–1639 гг. русский народ завершает строительный подвиг, который по своим историческим последствиям превзошел значимость Великой Китайской стены, — строительство Белгородской Засечной черты и реконструкцию Большой засечной черты. Отныне русское государство надежно ограждено от степняков, и начинается грандиозный реванш: вся Сибирь лежит у ног русского царя, в Крым входят войска русской императрицы, часть калмыцкой орды бежит в Китай — это последнее великое движение степняков. И вот уже Самарканд, Хива, Бухара, Коканд, Фергана видят подвиги молодого «белого генерала».

«Казалось, с этим феноменом прошлого покончено навсегда, и ему уже не возродиться, — пишет в своей книге «Степной пояс Евразии: феномен коче-

вых культур» известный отечественный археолог Е.Н. Черных. — Завершилась долгая пора неукротимой мощи его степных набегов. Да ведь и степные народы уже совсем не те, что были когда-то. Но нет! — вновь стремительный рывок из имперских объятий, и теперь уже в новом социальном и технологическом обличье перед нами на рубеже II и III тысячелетий новой эры вырастает цепочка государств, вновь припавших к своему извечному домену — Степному поясу... Что это? Зарождение ли перед нами уже совершенно нового феномена? Или же повторение старого, но в совершенно иных одеждах и содержании? И чем этот феномен может удивить нас в ближайшие десятилетия?» (Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М., 2009. С. 507).

И вот уже кажутся вновь актуальными жуткие визионерские пророчества Владимира Соловьева, несмотря на всю очевидно темную с духовной точки зрения их природу:

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! забудь былую славу:
Орел двухглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И Третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

Пробуждение Центральной Азии, пробуждение «Степи» — в широком геокультурном, а не узкогеографическом смысле этого слова — ставит перед нами вопрос самоопределения. Самоопределения, равного выживанию. Будем ли мы сметены этим потоком? Растворимся ли в нем? Или извлечем из ножен древний меч Мономаха, поднимем копьё Пересвета и сможем

так или иначе ему противостоять? Сможем ли мы не дать развернуться очередному циклу наступления варварства на цивилизацию (а сколько бы ни было сделано представителями евразийской исторической и идеологической школы для реабилитации кочевых нашествий, для представителей русской традиции и русской культуры речь как шла о тысячелетнем противостоянии цивилизации и варварства, так и идет о них по-прежнему). Сможем ли мы доказать, что в истории нет вечных «маятников»?

То, что это самоосознание себя — роковой вопрос для нашей исторической судьбы, несомненно. Россия и русские занимают значительную часть степного пояса Евразии, вырванного у степняков в честной многовековой борьбе. В борьбе за победу, в которой русскому народу пришлось платить своими жизнями, своей кровью, своим хлебом, своей свободой, темпом и направлением своего социального и культурного развития. И понятно, что если геоисторический маятник Степи и в самом деле даст обратный ход, то больнее и разрушительней всего он ударит именно по России. Нам просто не должно существовать в «монгольском» мире. Русь возможна лишь как окраинный улус, запертый далеко в северных лесах, на сей раз, возможно, намного дальше, чем в прошлом цикле.

Демонголизация

Ни один даже самый пристрастный наблюдатель не сможет отрицать, что до XIII века Русь была частью, причем весьма привилегированной частью единого европейско-варварско-римского (ромейского) мира. Что невозможно провести вообще никаких значимых отличий между этими мирами, за исключением того, что Русь была, с одной стороны, богаче, с другой — вовлечена в борьбу со степью.

Постепенно в этом континууме обозначается отчуждение между восточным и западным христианством. Но до XIII века это соревнование на равных

и не на уничтожение. Сотрудничество-соперничество с постоянным чувством общности. Русь своевременно «типологически» переживала те же темы, что и Западная Европа. Например, у нас намечалась своя правовая революция — но не на основе возведенного в абсолют папством римского права, а на основе национального княжеского законодательства — «Русской Правды», которое совершенствовалось и эволюционировало. В XIII веке Запад уничтожает Константинополь, а нас накрыла Азия страшным потоком, который, то ли по случайности, то ли по чьей-то злой хитрой воле, от остальной Европы отхлынул. И этот поток — прежде всего страшное разрушение материальных и человеческих ресурсов. Разрушение вещей, гибель и угон людей, постановка огромного и великого народа с динамично развивающейся культурой на грань и за грань выживания.

И вот здесь есть несколько возможностей отношения к дальнейшему.

1. Западническая. Чаадаевская. Мы исторически ничтожны и отстали от Запада навсегда. Ее мягкий вариант — пушкинская концепция, мы прикрыли собой Европу, отстали на время благодаря недостатку просвещения, но сейчас все устаканится.

2. Евразийская. Благословлять монгольский сапог, который избавил нас от страшной крестносной и польской угрозы (сто процентов выдуманной Гумилевым — до 1237 г. борьба на западных границах Руси с Орденом, Польшей и Литвой была абсолютно равной, и не будь татар, не было бы и «Литовской Руси», да и Орден в Прибалтике не удержался бы). Именно монгольское влияние, жизнь под ханом, и сделало якобы Русь Россией. Русский царь — это монгольский хан, русская самобытность — в азиатчине. Мы навсегда оторвались от европейского континуума, и этим надо гордиться.

3. Третий взгляд; назовем его националистическим. Русь после нашествия много сотен лет развивалась в ненор-

мальных, экстремальных условиях. На минимуме ресурсов, с экстремальной военной угрозой, с постоянными внешними ударами. Лишь в 1638 г., вместе с завершением строительства Великой Засечной черты, можно сказать, что борьба с монгольскими ордами была выиграна. Однако сущность этого развития была не в обаячивании, а совсем напротив. Русь выработывала свой самобытный тип культуры, предназначенный к тому, чтобы сохранить свою европейскую, римско-ромейскую, славянскую (то есть северно-варварскую) идентичность в азиатском, враждебном, экстремально агрессивном окружении. Это была защита своей макрокультурной идентичности от врага, который стремился ее уничтожить — уничтожить не ради какой-то великой культурной программы, которой у монголов не было, а просто чтобы не мешало.

То, что может быть названо обаячиванием русской культуры в процессе этой борьбы, — это скорее боевая мимикрия, освоение оружия противника (абсолютно нормальная тактика всех европейцев, оказавшихся на фронтире), это умение наших государей быть и европейскими государями и монгольскими ханами в зависимости от того, что потребно. Но то, что для поддавшихся евразийскому соблазну составило суть московского периода, было не более чем внешней оболочкой, защитным панцирем. Сущность, самосознание русского человека, были самосознанием европейца, который вынужден использовать весь свой европейский интеллект, волю, чувство достоинства, чтобы переазиатить азиата. Великолепная книга А.А. Новосельского «Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII века» (М.—Л., 1948) дает бесчисленные примеры работы этих «московских Лоуренсов», умеющих не уронить ни своего, ни Государева достоинства перед дичайшими, жесточайшими варварами. И от евразийских иллюзий, от идеи, что «Русь и Степь — одно» описание зверских

пыток, которым подвергали русских послов в Крыму, избавляет напрочь.

Невозможно отрицать, что в этой борьбе русские одержали победу. Мы простерли свою власть до Охотского моря. Мы сохранили свою идентичность. Мы, несмотря на временные потери и разрыв в ресурсах, выправили культурные уровни с Западной Европой 1:1.

Правда, последнее, культурное выравнивание сделано было криво — взявшись преобразовывать «византийско-монгольскую» Русь на западный лад, Петр Великий, вместо того чтобы вынуть чужеродное монгольское начало и привить на его место то, что наработали в Западной Европе за время нашей борьбы за выживание, убил практически как раз родное, коренное для нас византийское начало, попытался ампутировать его, а вот монгольских внешних форм как раз не тронул. Получилась жесточайшая евромонголия, вместо снятия отчуждения — двойное отчуждение. И в этом смысле именно Петр был «первым евразийцем» — именно он обозначил монгольское начало как якобы «самобытное» для Руси.

Характерно, кстати, то, что в период этой шизофрении русские добились выдающихся успехов как раз в «европейском», а не в «монгольском» своем аватаре. Русские необычайно преуспели именно в том — технике, военном деле, искусствах и науках, что было хоть и заимствовано, но не чужеродно. Где монгольщина не перекрывала нашего развития, поскольку не имела своих заглушек. И напротив, там, где монгольские заглушки были — в социальном и политическом строе, там два столетия в Петербурге оказались страшным провалом.

В XX веке нас, однако, подбили именно образовавшиеся в процессе этой культурной шизофрении колоссальные социально-структурные диспропорции, которые дважды за одно столетие поставили нас на грань уничтожения, но мы все-таки живы.

Что же такое европейское и азиатское, или «монгольское» (если разуметь под ним наследие Чингисхана и всей эпохи кочевых орд, а не культуру жителей нынешней Монголии) культурные начала? Возможно ли дать их определение? Думается, да.

Европейское культурное и историческое начало — это начало личностное, начало, признающее онтологическую ценность отдельного человеческого существа, отдельного человеческого организма над любой человеческой, надчеловеческой и внечеловеческой общностью. Это самодовление человека может проявляться через творчество, через политическую свободу, через подвиг героя, через трагический вызов судьбе (как у героев древнегреческой трагедии), через экономическое обогащение, даже через комфорт. Хотя понятно, что индивидуалистическая ориентированность на комфорт современной западной цивилизации — лишь одна из форм воплощения европейского культурного начала, не самых сильных, не самых привлекательных, но заслуживающих внимания хотя бы потому, что целый ряд таких вечных проблем человечества, как, к примеру, проблема голода, Запад для себя решил достаточно устойчиво.

Высшее бытие в той или иной форме проявляется через человеческую личность, человеческая общность и доминирующая в ней идея проявляются через бытие личности — таков незыблемый принцип европейского начала в истории.

Монгольское начало — это начало безличной общности, начало Орды, рассматривающее отдельный человеческий организм лишь как орган, как клетку, не имеющую никакого самостоятельного значения вне многоклеточного целого. Если для европейского начала абсолютно неприемлем взгляд на общество как на систему, которая не изменяется при замене отдельных членов, то для азиатского другой взгляд и невозможен. Субъектом, носителем мысли, идеи, действия может являться лишь некое человеческое целое — род,

клан, орда, деспотическая империя восточного типа и т.д. Любые жертвы допустимы ради сохранения устойчивости и жизнеспособности этого целого. Причем человеческие жертвы — лишь наименее значительные из этих жертв. Любые интересы индивида — и духовные, и материальные — могут быть принесены в жертву без всяких раздумий. Даже самая выдающаяся и оригинальная историческая личность рассматривается монгольским началом лишь как аватар общности, причем как заменимый и дублируемый аватар, как воплощение надчеловеческого Закона (Ясы).

Высшее бытие в той или иной форме проявляется через надчеловеческую общность, человеческая личность может оставить след в истории лишь в качестве аватара-маски этой общности, легко приносимой в жертву, — таков незыблемый принцип монгольского или азиатского начала.

Можно представить себе отношения русского, европейского, ромейского и монгольского начал для наглядности так.

Догосударственная Русь: индоевропейское, славянское, североевропейское начало = варварски-европейское начало.

Киевская Русь: европейское начало + римско-ромейское (византийское) начало.

Московская Русь — Российское Царство: римско-ромейское (византийское) начало + монгольское начало, существующее как в форме влияния монголов, так и в форме ненависти-отторжения их, протеста европейского сознания против монгольщины.

Петербургская Россия: [западно-] европейское начало + монгольское начало, которое в условиях вытеснения русско-европейского и византийского оказывается в роли абсурдной для него цитадели самобытности, когда «истинно русскими» оказываются якобы «прелести кнута» — то, против чего протестовали Пушкин, А.К. Толстой и многие другие.

СССР: мощнейший реванш монгольщины в качестве мнимо-самобытного начала, Чингисхан-Ленин, Тамерлан-Сталин, сочетаемое с европейским периферийным модерном — социализмом, утопизмом, культурной экспансией «местечек» и т.д., представленным в России, как правило, не русскими, а представителями европеизировавшихся меньшинств. Абсолютное отрицание ромео-византизма.

Современная Россия — это яйца всмятку, где находится место и неосоветизму, и панмонголизму евразийцев, и радикальной петербургшине «питерских», и неким попыткам технологизировать Московскую Русь, и спекуляциям на индоевропейском, варваро-европейском наследии — неоязычеству.

Проблема российской *власти* не только как созидательной и государствообразующей силы нации, но как силы деспотической, коррумпированной, антинациональной, одновременно слабой и жестокой, а силы достигающей лишь за счет еще большей жестокости, — именно такой, увы, предстает власть государства Российского во многие периоды нашей истории, включая нынешний, — это проблема непреодоленности монгольского начала в нашей исторической и культурной жизни. Это знак недовершенной *демонголизации*. Именно следствие этой недовершенности — тенденция государства в России рассматривать себя как высшую общность в монгольской культурной парадигме. И отсюда же враждебность этого типа государства к нации, национальному началу в русской истории и русском народе.

Нация как «изобретение» европейской культурной традиции — это такая общность, такое сообщество, в котором общее появляется и раскрывается через индивида. В **нации общее, родовое, государственное становится основанием для права и достоинства личности**. В национальном сообществе родовое «клеточное» единство заменяется нравственной солидарностью лич-

ностей. Причем эта солидарность, это следование принципу *братства* ничуть не менее существенны, чем в обезличенном кровнородственном коллективе.

Задача российской государственности состоит в последовательном изживании этого монгольского самоожествления, которое, осознанно или нет, подталкивает его по пути архаизации, примитивизации, гражданских и культурных отношений в России, вплоть до стремления «заменить народ». И в самом деле — государство все меньше опирается на основной народ России — русских — именно в силу высокой степени европеизации и модернизации русского культурного сознания (отнюдь не связанными, кстати, с политическим западничеством, которое показало себя в России XX века как раз как форма местечковой азиатчины). Все более и более явственно опорой государственной бюрократии становятся либо недоевропеизированные горские народы в самой РФ, либо выходцы из Средней Азии. Здесь, наряду с экономической, основная социокультурная причина ускоренного «завоза» в Россию чужеземцев. Это стремление забетонировать «монгольским» по культурной парадигме элементом осыпающийся фундамент власти, не желающей русифицироваться, национализироваться, модернизироваться и в этом смысле европеизироваться.

Христианский национализм против ордынского оккультизма

Однако этой «защитной» азиатизацией не желающей национализироваться бюрократии дело не ограничивается. Наряду с нею в современном российском идеологическом космосе присутствует и целостный проект, для которого монголизирующая, неоордынская политика представляется значимой культурной и политической ценностью. Мало того, является воплощением определенной метафизики. Представители этого «проекта», такие как А. Дугин, Г. Джемаль и другие, играют

«за Орду» вполне осознанно и последовательно. Для них Новая Орда — это серьезная оккультно-метафизическая задача, а русский национализм, особенно русский демократический национализм, — непримиримый враг и оппонент, против которого допустимы любые приемы.

Когда представители этого направления говорят, к примеру, о том, что «надо кормить Кавказ для того, чтобы сохранить территориальную целостность страны», или о том, что «необходимо принимать мигрантов из Таджикистана, чтобы укрепить интеграцию “Евразийского союза”», то надо понять, зачем им нужна эта территориальная целостность. Им нужна Россия, на территории которой миллионные миграционные потоки из Центральной Азии схлестнутся, перемешаются и вступят во взаимодействие с «пассионарными горцами» Кавказа, и произойдет взрыв, который уничтожит существующую российскую государственность, образовав на ее территории Новую Орду. «Единая Россия» нужна представителям новоордынского проекта только как колба, в которой сформируется зачаточный организм Орды, которая дальше уничтожит организм-носитель.

Именно поэтому для новоордынцев как нож к горлу позиция русских националистов, которые с обоих концов не дают замкнуть дугу, ведущую к образованию Орды, ибо они выступают и против «кавказской пассионарности», и против «мигрантского нашествия». Фактически только русский национализм и стоит сейчас на пути к «сбыванию» этого проекта. Не дать замкнуться «дуге» между Центральной Азией и Кавказом через свою территорию — это наша принципиальная геополитическая задача. Задача, равнозначная выживанию русского народа.

Новоордынский проект носит прежде всего оккультный характер — особенно у Г. Джемала, где ислам только обертка оккультизма автора «Ориентации Север». Предлагаемое нам сегодня

«имперство» — это совокупность полуоккультных и оккультных проектов. Все эти космические империи, метафизические Евразии и т.д. — это продукты доведенного до метафизического абсолюта «монгольского» взгляда на историю как место саморазвертывания безличного, выступающего под бесчисленными масками абсолюта. Отсюда и фантастичность, фантомность имперских проектов, и манихейское пренебрежение к «крови», над которой должен восторжествовать «дух» («кровь» в конечном счете всегда приводит к индивидуальному бытию, индивидуальному организму, а духом можно манипулировать как угодно). Это очередная манифестация гностически-манихейской химеры. И то, что иногда этот гностицизм и фантастизм принимают как бы православные формы — от этого нам не легче.

Напротив, русский национализм сегодня — это христианский реализм, и он остается таковым даже тогда, когда его репрезентуют секуляристы, так же как оккультизм остается оккультизмом даже тогда, когда его репрезентуют клерикалы.

В чем состоит христианский реализм русского национализма? Да в том, что единственная видимая цель земного существования человеческих сообществ с точки зрения Христианской Церкви — это умножение числа спасаемых человеческих существ. Христос — это личный Бог, Бог Живой, который спасает не коллективы, не абстрактные общности, а личности людей — цельного человека, составленного из души и тела. Церковь — это союз личностей, соединенный в единое мистическое тело личностью же Спасителя. Если с точки зрения оккультной история есть история развития «Мирового Духа» и некоего метафизического прогресса в бытии, с точки зрения христианской — это История Спасения, в которой есть лишь Христос и конкретный человек, искупаемый и обоженный Спасителем. И нации, и государства необходимы именно в качестве порождающих ма-

триц и организационных гарантий для человеческих личностей.

Русский народ — это христианский народ, нравится это кому или нет. И он был распространен Богом максимально широко и наделен государственным могуществом именно для умножения числа спасаемых. И с этой задачей мы справляемся весьма успешно, русская история — это история подвига Стояния в Вере.

Противоречит ли цели умножения спасаемых существование России как русского национального государства? Не противоречит, поскольку русские — православный народ.

Противоречит ли цели умножения спасаемых существование России как русского национального *демократического и светского* государства, чего хотят многие национал-демократы? Не противоречит, поскольку русское национальное демократическое государство будет охранять исповедание русским народом православной веры как одну из основных свобод — свободу вероисповедания.

Противоречит ли цели умножения спасаемых реализация на территории России новоордынского проекта, к которому ведет кавказско-азиатская смычка? Несомненно противоречит, поскольку это означает: а) демографическое уничтожение русских как православного народа, б) заселение территории России последователями ислама, обращение из которого ко Христу дается с большим трудом и является штучным явлением. С реализацией новоордынского проекта, который уничтожит русскую государственность, государственная традиция, ориентированная на идеал России как христианского государства, как защитницы православной веры, исчезнет навсегда.

Таким образом, именно русский национализм, даже в таком специфичном и экстремальном варианте, как национал-демократия, обеспечивает христиански-реалистический смысл существования русского народа —

умножение числа спасаемых. Именно русский национализм ставит во главу угла благоприятные условия для демографического роста русских и для обеспечения свободы в делах веры. Неордынство — это демографическая и вероисповедная смерть русского народа, который будет принесен в жертву бесовским оккультным целям.

* * *

Закончить же эти размышления мне хотелось бы словами великого русского государственного деятеля, полководца и мыслителя великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Его образ, образ человека, который органично соединял в себе славяно-русское, византийское и западноевропейское начала, причем в наиболее совершенных формах их развития, образ того, кто сумел поставить надежный вооруженный барьер степным набегом, смирил мечом агрессию половцев, образ того, кто умел управлять в исключительно сложной и плюралистичной обстановке Руси X–XI веков без насилия и деспотизма, но мудростью, уступчивостью, справедливостью и разумной твердостью, явив собой истинный образ русской национальной власти, этот образ гораздо более, чем образы иных деспотов и тиранов или предателей и бунтовщиков, должен служить нам примером сегодня на пути национализации России.

В замечательном «Поучении» Мономаха содержится квинтэссенция того персоналистического взгляда на мир, человека и историю, который мы назвали европейским, но лишь для того, чтобы подчеркнуть здесь культурную неразрывность европейского и русского:

«Что такое человек, как подумаешь о нем? Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои... И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости».

Крах мультикультурализма: что дальше?

Круглый стол «Вопросов национализма»

Сергей Сергеев, научный редактор журнала «Вопросы национализма»:

— Первый вопрос, который я хотел бы вынести на обсуждение, — вопрос о сути и генеалогии мультикультурализма. То есть мне хотелось бы получить некую краткую справку о возникновении самого этого концепта, о его основных положениях, о социально-историческом контексте его появления, о том, когда этот концепт становится государственной идеологией большинства стран Запада.

Тимофей Дмитриев, философ:

— Уходящий год был ознаменован крайне примечательными декларациями ведущих европейских политиков — премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, президента Франции Никола Саркози и канцлера Федеративной Республики Германия Ангелы Меркель — о крахе политики мультикультурализма. Тем самым была подведена символическая черта под одним из самых амбициозных социально-культурных экспериментов, с которым Европе и европейцам довелось столкнуться в последние десятилетия. Речь в заявлениях этих ведущих европейских политиков шла о «мультикультурализме», т.е. о политике поддержания и культивирования культурных, этнических и религиозных различий отдельных групп в рамках той или иной страны, а также идеологии, направленной на обоснование подобной практики. Отличительной чертой политики и идеологии мультикультурализма является то,

что она основана на признании прав за коллективными или групповыми субъектами, что на практике ведет к ущемлению индивидуальных прав за счет групповых.

Несмотря на то что страны Западной Европы стали наиболее масштабным полигоном для проведения этого амбициозного эксперимента, сама идея мультикультурализма как практики и как идеологии имеет явно выраженное неевропейское происхождение. Она берет свое начало в практике сосуществования в 1970–1980-х годах двух крупнейших общин Канады — англо- и франкоязычной — при правительстве Пьера Трюдо и была призвана предотвратить распад этой страны по этнолингвистическому признаку. Речь шла о поиске оптимального режима сосуществования этих двух сообществ, поскольку это сосуществование не было беспроблемным, но, наоборот, там имели место очень серьезные трения — и на почве языковой, и на почве цивилизационно-культурной, что было связано со стремлением определенной части, причем довольно значительной, франкоязычной общины Канады в провинции Квебек если не к отделению и созданию своего собственного государства, то к существенному расширению своих гражданских прав в рамках канадского государства. В 1970-е же годы политика мультикультурализма была взята на вооружение властями Австралии, которые с ее помощью намеревались способствовать адаптации и интеграции этнических меньшинств в австралийскую нацию, которая до это-

го состояла по преимуществу из потомков белых переселенцев. Наконец, нечто подобное политике мультикультурализма, хотя и без использования самого этого названия, проводилось властями Соединенных Штатов Америки в 1960–1990-е годы первоначально применительно к негритянскому расовому меньшинству, а затем — и к другим расовым, этническим и сексуальным меньшинствам. В США политика получила название «позитивного действия» (positive affirmation); она включала в себя определенные привилегии и формы поддержки для расовых, этнических и сексуальных меньшинств, включая квоты для поступления в университеты и для занятия должностей профессорско-преподавательским составом. В свою очередь, будучи перенесенными в 1980-е годы на европейскую почву, идеи мультикультурализма должны были способствовать прежде всего интеграции в европейские общества растущего потока трудовых иммигрантов — выходцев из стран Азии и Африки, многие из которых в прошлом являлись европейскими колониями.

Распространению идеологии и практик мультикультурализма в Европе последних десятилетий способствовало то, что нация как политическая форма перестала там пользоваться прежним уважением. Поводом для этого послужил целый ряд причин — самоубийственная для европейских наций Первая мировая война, которая привела к коренной перекройке политической карты Центральной и Юго-Восточной Европы по «национальному принципу», немецкий национал-социализм и Вторая мировая война, которые немало поспособствовали тому, что сами понятия «нация» и особенно «национализм» стали ассоциироваться с тоталитарным кошмаром, войной на истребление и геноцидом, а также относительно благополучные и «тучные» 1950–1970-е годы, которые заставили многих европейцев забыть о тех рамочных политических условиях, которые

сделали возможным это процветание в условиях существования социального государства и общества потребления. В этой ситуации у многих сложилось представление, что прежние принципы национального единства и культурно-цивилизационной однородности как условия существования и процветания европейских наций можно сдать в архив, ограничившись лишь нормами конституционного патриотизма, ориентированного на идеалы правового и социального государства и непрерывного экономического роста.

Сегодня от политики мультикультурализма пришлось отказаться потому, что она стала угрожать самому существованию европейского национального государства и его субстанциональной основы — нации. Национальное государство представляет собой неотъемлемую политическую форму современной Европы. Нация — это такое политическое и социальное сообщество, которое становится возможным только в условиях современности. Государство репрезентирует как нацию, так и гражданское общество. Проблема заключается в том, что современная демократия в Европе стремительно превращается в «чистую демократию», стремящуюся разорвать всякую связь с какой-либо территорией и народом. Чистая демократия — это правление без народа, *kratos* без *demos*'а, которая крайне щепетильно относится к правам человека, но в то же время готова под предлогом уважения «различий» и во имя политики мультикультурализма и политкорректности демонстрировать абсолютное уважение к таким «идентичностям», где вероотступничество или критика религиозных идеалов карается смертью. Этому несвященному альянсу в огромной степени способствовала смена режима толерантности как формы *modus vivendi* индивидов и групп с различной религиозной, культурной и этнической идентичностью в европейском мире. Старая добрая евро-

пейская идея терпимости, которой мы обязаны Локку и Вольтеру, исходила из того, что признание религиозных, социальных, культурных и национальных различий не обязательно предполагает уважения этих различий. Более того, идея терпимости всегда предполагала исключения: так, Локк считал, что принцип религиозной терпимости нельзя распространять на католиков и атеистов. Иными словами, по самой своей природе с необходимостью включает в себя элемент оценки. Объектом толерантности является то, что мы признаем пороками, но с чем мы, по определенным причинам, готовы мириться как с меньшим злом. Напротив, логика действия чистой демократии заключается в том, что единственное зло в современном мире, с которым необходимо бороться не на жизнь, а на смерть, — это с убеждением миллионов людей в том, что одна форма жизни лучше, чем другая.

С. С.:

— Почему политические элиты Западной Европы поддержали эту модель?

Т.Д.:

— Речь идет о том, что принцип толерантности в условиях «чистой демократии», демократии без демоса предполагает не только согласие на сосуществование разных групп с разными формами идентичности, но и предполагает признание всех этих форм идентичности равноправными, в равной степени достойными существования и в равной степени достойными уважения. И именно переход к этому режиму толерантности весьма способствовал развитию идеологий и практик мультикультурализма уже в западноевропейском контексте, но западноевропейский контекст довольно существенно отличается от североамериканского, в частности канадского варианта мультикультурализма, потому что в Западной Европе второй половины 1990–2000-х годов поощрение

практик мультикультурной политики было вызвано, прежде всего, как считали, необходимостью включения интеграции в социальное и культурное поле западноевропейских стран иммигрантов из стран «третьего мира», причем в том числе и из бывших европейских колоний. Это и было одним из оснований для европейских элит пойти не только на признание, но и на поощрение данной политики.

Иными словами, речь шла о необходимости интеграции, но не через ассимиляцию, а через сохранение культурно-цивилизационных различий. Когда иммигрантов только начали завозить для нужд промышленного развития, например, в ту же самую Федеративную Республику Германия, то молчаливо предполагалось, что иммиграция из стран третьего мира в Европу будет иметь временный и преимущественно трудовой характер. Имелось в виду, что люди будут приезжать, зарабатывать деньги и потом уезжать на родину. Однако, когда в 1970–1980-е годы выяснилось, что этого не происходит, что не только иммигранты первого поколения остаются в стране, но они привозят и свои семьи и оседают там, весьма остро встала проблема интеграции. И особенностью именно западноевропейской истории вопроса является то, что интеграцию иммигрантов там в последние десятилетия пытались осуществлять именно через практики мультикультурной политики. А именно, речь шла о том, что, оставаясь гражданами этих стран, те выходцы из стран третьего мира, которые туда приезжали, имеют право на сохранение своей самобытности во всем многообразии ее проявлений — самобытности этнической, религиозной и культурной. Вот в чем была исходная завязка этой проблемы.

Олег Кильдюшов, философ, обозреватель журнала «Сократ»:

— Я могу добавить пару слов по той же Канаде. Давайте посмотрим

динамику. Все началось действительно с двух общин — англо- и франкофонной, сегодня же дело дошло до одиннадцати официально признанных этнических общин, которые имеют федеральный статус, т.е. они защищаются, существуют программы их поддержки и т.д. Таким образом, здесь произошел очень значительный количественный рост — с двух до одиннадцати. Дальше в рамках политики мультикультурализма происходит качественный переход — защита особых прав отдельных групп переносится с этнических культур на субкультуры другого порядка, другого типа. У всех на слуху, естественно, сексуальные меньшинства, но дальше — больше, вплоть до признания эстетических и кулинарных предпочтений. Самый знаменитый пример — это вегетарианцы, права которых также признаются, охраняются, защищаются и так далее. То есть здесь мы видим качественную динамику — речь идет о все более тонкой настройке этой оптики, которая позволяет практически по любому основанию фиксировать какие-то отличия и создавать все новые группы охраняемых интересов. Условно говоря, — и это даже удивительно! — лишь левши на Западе до сих пор не получили статуса особо охраняемых групп, «вносящих вклад в культурное разнообразие человечества»... А ведь левши — это крупнейшее меньшинство на планете. Но оно почему-то не достигло таких же успехов, как другие группы...

А возвращаясь к Германии, я могу подтвердить, что в немецком дискурсе о миграции есть устойчивое выражение, восходящее к писателю Макс Фришу, которое довольно точно характеризует ситуацию этого трансфера временных трудовых ресурсов для послевоенного восстановления страны: «Приглашали *трудо́вые ресурсы*, а приехали *люди*» («Wir riefen *Arbeitskräfte* und es kamen *Menschen*»). На это, естественно, никто не расчи-

тывал, еще меньше на то, что они останутся навсегда...

Елена Галкина, доктор исторических наук, профессор МПГУ:

— У меня несколько другой взгляд на генезис мультикультурализма в Европе. Взгляд скорее экономический, потому что, действительно, сама идея принятия данной политики явилась из феномена легальной трудовой миграции второй половины XX века послевоенного времени, когда Европа была еще индустриальной, когда производства еще не были выведены в Юго-Восточную Азию и другие страны третьего мира и, соответственно, рабочие руки требовались здесь для восстановления экономики, для поднятия производства, их реально не хватало.

Надеялись, что эти рабочие руки потом уедут? Насчет Германии ничего не могу сказать, а вот в Великобритании такой надежды совершенно определенно не было, потому что если мы посмотрим на тамошний состав трудовой миграции, то увидим, что это иммигранты из стран — членов Содружества наций, граждане бывших колоний. Если граждане Содружества приезжают в Великобританию, они становятся гражданами Великобритании. Соответственно, это люди из Индии, Бангладеш, Пакистана... Я понимаю, что когда мы приезжаем в Лондон, видим очень много цветных лиц самых разных наций, то у нас, как жителей России, возникает некоторый шок. Но если мы посмотрим на цифры... Как по индусам и так далее — я не знаю, но насчет мусульман, специально смотрела — в Англии сейчас 3% мусульманского населения. Кстати, примерно столько же и в Германии, как ни странно. Кажется, что много, но между тем в реальности лишь 3%. В больших городах их гораздо больше — это понятно. Во Франции их чуть-чуть больше, но мы берем Марсель — там уже 20%, разумеется, в Лондоне небелого населения 31%. В одном из самых мусульманских

городов Великобритании, Брэдфорде, мусульман 16%, то есть цифры не настолько страшные по-настоящему.

Но какова была реальная проблема? Экономика из индустриальной становилась постиндустриальной, то есть производство уводилось в другие страны, рабочие руки стали менее нужны. Соответственно уже свои рабочие руки приходилось обеспечивать неким паллиативом работы, вы все прекрасно знаете, какова ситуация. И сейчас это очень сильно отзывается в Европе. И что остается делать? Либо интегрировать иммигрантов и обеспечивать им рабочие места, бесплатное образование, вертикальную мобильность, либо предложить им другой вариант. Этот вариант и был предложен им в виде мультикультурализма.

Меня, как арабиста, интересовала именно мусульманская иммиграция. Да, относительно небольшое количество мусульманского населения — но это количество имеет тенденцию перерастать в качество, которое провоцирует межэтническую и межконфессиональную напряженность. Почему так происходит? Вот 16% мусульманского населения в городе Брэдфорд, 84 — традиционного английского. Далекое не патовое соотношение, но между тем оно создает огромное количество проблем. Например, в 1983 г. 10 тысяч школьников исламского происхождения вышли на улицы, чтобы потребовать для себя халяльной еды. Это мясо животных, убитых определенным образом в соответствии с исламскими обычаями. Вы понимаете, что их нужно было организовать. Можно сейчас организовать по такому поводу 10 тысяч христианских школьников в городе Москве? Не по разнарядке из РОНО, а путем воскресных проповедей в храмах? Между тем в городе Брэдфорде их организовали — в небольшом городе, где живет менее 300 тысяч человек. И поскольку эта способность к самоорганизации начинает сейчас очень активно проявлять-

ся, по нарастающей, с 1980-х гг., то совершенно очевидно, что это станет концом политики мультикультурализма, которого ждать не так долго. Это уже другой вопрос, но возвращаясь к нашей первой теме, я хотела бы акцентировать внимание на том, что в основе проблемы — прежде всего трудовая миграция и те экономические процессы, которые с ней связаны.

Если говорить о мусульманской иммиграции во Францию, основные «страны-поставщики» — это Магриб, бывшие французские колонии: Алжир, Марокко, Тунис, — европеизированные страны, европеизированное население. Ехали, бежали не самые бедные, люди с капиталом, определенными накоплениями, городское население, которое говорило по-французски. Девушки тогда не носили хиджабов. Они стремились стать европейцами. Очень хороший пример — «За стеклом», роман Робера Мерля, в котором есть интересный персонаж, рабочий-алжирец Абделаиз, выписанный с большим сочувствием. После поражения революции 1968 г. автор критически относится к перспективам европейского левого движения, и вот он создает образ алжирского рабочего, предчувствуя в нем ту самую свежую силу, которая способна повести Францию к справедливому, социальному государству, в отличие от золотой молодежи, играющей в революцию. То есть французская интеллигенция не испытывала страха перед пришельцами, скорее наоборот...

И у иммигрантов не было желания отдалиться от европейского общества, наоборот, они хотели в него интегрироваться. Но когда оказалось, что они ему не нужны, что им не хотят давать нормальное образование, что у большинства из них абсолютно нет шансов выбиться в люди, а белая элита Франции, Англии и Германии и не собирается их давать, появляется мультикультурализм как форма сепаратизма, удобная прежде всего капиталистиче-

ской верхушке, но создающая иллюзию пути к равноправию и потому привлекательная и для иммигрантов. Это фактически сегрегация, и альтернативой ей на данном этапе общественного развития может быть только последовательная и мягкая политика ассимиляции.

С.С.:

— Следующий вопрос состоит из двух частей. Всем известны громкие заявления европейских лидеров о крахе политики мультикультурализма. Первая часть вопроса — риторическая, но я хотел бы услышать на нее ответ: да, действительно крах произошел? И более важная, вторая часть вопроса, уже не риторическая: эти заявления серьезны, за ними стоит какое-то желание всерьез эту политику изменить, и есть ли ресурсы для такого изменения, есть ли проекты, альтернативные мультикультурализму? И каков ваш прогноз: как эти проекты — если они есть — будут осуществляться?

Елена Чудинова, писатель, публицист:

— В данном случае мне хотелось бы вернуться к событиям, произошедшим в минувшем году, единственным русским участником которых была я. Я писала и рассказывала об этом, но боюсь, что этого оказалось мало. Информационный обмен между Западной и Восточной Европой, в частности Россией, явно недостаточен, чтобы не сказать, мизерен. В конце прошлого декабря было международное заседание «Против исламизации наших стран». Международное, но преимущественно западноевропейское и американское. Это было в зале Шарантон в Париже. Этот зал на тысячу человек, он был набит битком делегатами из всех европейских стран, там была в том числе «Лига британской обороны», движение датских националистов, немцы, швейцарцы, в том числе Оскар Фрейзингер. То есть

это было крупное волеизъявление Западной Европы и США. И вот картинка — на тысячу мест зал, в котором люди стоят в проходах и подпирают стены, а снаружи человек на двадцать пикетец с плакатиками: «Фашисты, убирайтесь вон!», «Презираем — не простим!», «Гитлер не пройдет!» и так далее. Кстати, что особенно курьезно в нынешней расстановке сил, антигитлеровское знамя висело и в самом зале Шарантон. Это было знамя Маки — да, республиканское, но с шуанским крестом, знамя макисаров. И на 300 тысяч трансляция онлайн — больше не смог обслужить сервер. Вот свидетельство того, что действительно происходит в обществе в отношении краха мультикультурализма.

Для меня лично этот контраст — больше тысячи человек в зале и чахлая пикетик из двадцати человек — был чрезвычайно показателен. Безусловно, очень разнородны были представители общественных движений. В тех куцах заметках, которые прошмыгнули в нашу прессу, писали, что это было собрание ультраправых — нет, это не было собранием ультраправых. Там были и левые, и либералы, была лига каких-то феминисток, там, по-моему, и гомосексуалисты выступили, сказали, что они тоже не хотят, чтобы их на кол посадили и камнями закидали. На самом деле это было и сильное, и слабое одновременно волеизъявление Европы, которая сказала: со своими проблемами мы разберемся сами, но эту проблему мы должны разбирать сообща. Это ни в коей мере не сняло напряжения между феминистками и лепеновцами, но тем не менее все были в Шарантоне. И, кстати говоря, заявление Кэмерона было сделано вскоре после, и вообще что-то весьма сдвинулось в общественном пространстве опять-таки после этого конгресса. То есть Европа начинает осознавать, что наелась мультикультурализмом по самые уши и больше не хочет.

Олег Неменский, историк, политолог:

— На мой взгляд, политику мультикультурализма нужно рассматривать как эксцесс европейской истории и искать альтернативу нужно в предыдущих идеологиях Европы, от которых она до сих пор полностью не отказалась. Об этом можно говорить подробнее, но тем не менее искать альтернативу, которая была бы постмультикультуралистской, я думаю, неразумно, *мультикультурализм можно просто отвергнуть как негативный опыт*. И то же самое касается особой духовной практики толерантности. Толерантность — это часть мультикультурализма, идеологическая часть. Что такое толерантность? Это терпимость к гадости. Когда человек смотрит на что-то и понимает, что это гадость в его системе мер и весов, но он считает, что ее нужно терпеть, потому что так надо. Более того, он осознает, что смотреть на эту гадость и терпеть ее ему надо по два часа каждый день, потому что это приведет его к особому просветлению. Очень своеобразная духовная практика, которая к нашим культурным основаниям никакого отношения не имеет, и мы ее можем просто отвергать: *нет, то, что мы считаем гадостью, мы терпеть не хотим*. Ради бога, у вас этой гадости может быть сколько угодно, но нам это не нравится. А искать альтернативы этой идеологии на основании превозмогания ее постулатов, я думаю, просто лишнее.

Михаил Ремизов, президент Института национальной стратегии:

— *Заявления европейских лидеров — пока скорее симптом бессилия и испуга, нежели решимости проводить какую-то иную политику*. Причем испуга не столько перед лицом интегрированных меньшинств, сколько перед лицом большинства, которое постепенно выходит из-под гипноза идеологии политкорректности.

То есть пока они обеспокоены не кризисом мультикультурализма, а кризисом «репрессивной толерантности» — той модели общественной цензуры и самоцензуры, которая делала невозможным политическое обсуждение этнических проблем. Самое громкое заявление — заявление Меркель, которая раньше выступала с других позиций, — прозвучало на волне обсуждения книги Саррацина, которую купил примерно каждый десятый немец. У нее был какой-то запредельный тираж. То есть получился мощный общественный демарш, который мог вызвать перемены и на партийном поле. Разумеется, центристы опасаются роста популярности правых партий. Поэтому с их стороны, это скорее реакция на политическую конъюнктуру, а не осознанный выбор.

Как европейские элиты представляют себе альтернативы мультикультурализму? Об этом можно судить по заявлению другого лидера — Кэмерона, который сказал: «нам нужен либерализм с мускулами». То есть *альтернативы будут искаться в рамках либерализма, и именно поэтому они вряд ли могут быть найдены*.

Соотношение либерализма и мультикультурализма — интересный вопрос. С одной стороны, между ними существует очевидное напряжение. Оно связано с тем, что мультикультурализм связан с коммунитаристскими идеями и может отдавать приоритет правам сообществ, а не индивидуальным гражданским правам. И вот в этом пункте европейский истеблишмент как раз хотел бы дать задний ход — к классическому либеральному индивидуализму, к принципу «никаких коллективных прав, только индивидуальные».

Но с другой стороны, у либерализма и мультикультурализма в общем знаменателе есть одна очень важная идея. Это идея «нейтрального государства». То есть государства нейтрального по отношению к разным концепциям блага, к разным идеологическим кон-

цепциям. Эта идея в разных вариациях звучит и у либерал-консерваторов типа Оукшота, и у либертарианцев типа Нозика, и у социал-либералов типа Хабермаса, потому что его убеждение, что для демократии не нужно никаких содержательных субстанциональных предпосылок, а достаточно согласия по процедуре, достаточно процедурной честности, — это тоже разновидность концепции нейтрального государства. Но на самом деле это процедурная утопия. Применительно к сфере культуры, культурного разнообразия она означает, что возможна политическая и правовая интеграция общества без интеграции культурной. *Это заведомо ложная идея, и мультикультурализм был экспериментом по ее реализации. Но отвергнуть эту ложную идею можно только вместе с идеей «нейтрального государства», которая довольно прочно укоренена в либеральном мировоззрении.*

В этом смысле я соглашусь с Олегом Неменским в том, что мультикультурализм — эксперимент, но эксперимент, возникший не на пустом месте. Если хотите, это деконструкция либерального государства методом сведения к абсурду. Либеральное государство верит в универсальность своих устоев, которые будто бы независимы от культуры, религии, географии. То есть номинально оно открыто представителям любых цивилизаций и континентов. Но когда эта открытость реализуется на практике, выясняется, что все те институты, которыми оно так дорожит, укоренены в специфической культуре и цивилизации, которую называют европейской. Что они требуют достаточно высокого уровня ценностной, поведенческой, языковой однородности.

В результате принятие за чистую монету либерального универсализма оборачивается его полной противоположностью. Вместо строгого индивидуализма и приоритета гражданских прав вступают в силу коммунитаризм и права общин. Вместо демократиче-

ской арены «общей воли» все сводится к выбиванию групповых предпочтений. Вместо ожидаемого универсализма — небывалый партикуляризм. Это особенно показательно. Французы и немцы решили сделать свои общества соответственно менее «французским» и «немецким», т.е. менее особенными и более «универсальными» с тем, чтобы облегчить интеграцию арабов и турок. Но это нисколько не облегчило интеграцию, совсем напротив. Увидев эту пустоту в центре, меньшинства стали заполнять ее собственными этническими и религиозными мифами. Отсюда этот всплеск этнического и религиозного фундаментализма на Западе. Это заполнение той пустоты, которая искусственно создана западными элитами в собственной культуре.

Таким образом, на выходе эксперимента вместо общества «универсальных граждан», которым грезил либералы, получается конгломерат «милетов» наподобие тех, что существовали в Османской империи. Либерализм испуган. Но проблема в том, что все разрушительные выводы извлечены из его собственных посылок. Из безумного предположения, что политические и правовые институты универсальны, нейтральны по отношению к культурно-цивилизационным различиям. Просто мультикультурализм как бы предложил либерализму быть самоубийственно последовательным.

Поэтому просто вернуться на шаг назад невозможно. И кэмероновские «мускулы» не помогут, если не поменять мозги. *Необходимо продумать основания национального государства вне и помимо либеральной догматики. Как именно — это большой вопрос. Я сейчас не буду на нем останавливаться. Скажу лишь одно. В том, что касается государственно-правового мышления, живой альтернативой либерализму всегда была консервативно-республиканская традиция, в центре которой — не абстрактный человек, а гражданин; не общественный договор,*

а совместное наследие, материальное и нематериальное; не естественное право, а история.

Павел Святенков, политолог:

— Мультикультурализм вызван отказом от стандартов национального государства, которое производит однородность общества с помощью описанных еще Вебером социальных механизмов — армии, школы, тюрьмы. Национальное государство, как оно возникло в XIX веке, было большим заводом по производству единой идентичности.

Но в середине XX века произошли изменения в западном обществе. В средневековом иудаизме есть любопытная концепция сотворения мира, которая называется «цим-цум». Согласно ей, Бог существовал всегда и везде, и для того, чтобы сотворить мир, ему пришлось создать пустое пространство «внутри себя», и в этом пространстве возник мир. Это очень остроумная концепция.

Точно так же национальные государства отступили «внутри себя» и освободили место для этнообщин «внутри» своей структуры. Но при этом предполагалось, что этнообщины являются просто совокупностью обособленных индивидуумов, которые отличаются от коренного населения цветом кожи и культурой, но могут быть со временем интегрированы в европейское общества в «личном качестве».

Условно говоря, приходит мусульманин в масонскую ложу, и его принимают, потому что для того, чтобы быть масоном, нужно просто верить в Великого Архитектора Вселенной, а Священная Книга может быть любая — все равно, Библия или Коран. Иначе говоря, в рамках секулярного европейского проекта предполагалось, что люди верят в общие ценности, при этом формат этой веры может отличаться, но всегда оставаться личным делом, исповедоваться «на дому», частным образом.

В этой связи можно вспомнить фильмы и мультипликацию 60–90-х годов, где стандартный сюжет следующий: ваш сосед или даже лучший друг — вампир, но он добрый вампир, он пьет коровью кровь и ест гематоген, а людей не убивает. В юности я задавался вопросом — не грешно ли смотреть такие фильмы? Ведь там изображена «нечисть».

Но потом понял, что подобным способом западная пропаганда пытается примирить обывателя с появлением на его улице «чужих» — людей, не похожих на него цветом кожи, религиозными взглядами и бытовыми привычками. Ведь вампир — это предельный случай «чужого», не существующий в природе хищник, который охотится на человека.

Вспомним классический сериал «Семейка Адамс». На горе стоит страшный замок колдунов, у них все не как у людей — жильцы ходят в черном, а дворецкий — Франкенштейн. Но при этом они обычные обыватели, просто очень странные. В порядочном семействе отец — инженер на заводе, мать — домохозяйка. А в фильмах про вампирские семейства дети днем спят в гробах, пьют кровь на полдник вместо кефира, а папа умеет превращаться в летучую мышь. Но вампиры, так же как люди, ходят в школу, смотрят телевизор, читают газеты. Да, телевизор может быть «вампирским», равно как и новости, но главная мысль одна — какими бы чудовищными ни казались герои, они все равно средний класс, а следовательно — часть единой нации.

Пропаганда вдалбливает в голову с малолетства: кем бы вы ни были в частной жизни, существует стандарт среднего класса, которому обязан следовать хоть сам граф Дракула.

Анализ пропаганды позволяет понять, чего хотели западные элиты от «мультикультурного» проекта. Им было нужно однородное общество, в котором культурное и религиозное своеобразие является практикуемым

на дому частным делом. Это вполне соответствует американской модели религиозного многообразия, где главное, чтобы человек веровал, а в какую конкретно протестантскую церковь он ходит — не важно. То есть вы можете исповедовать любую религию, даже иудаизм или католицизм, главное, чтобы она была стандартизирована в американском духе, а как работник вы не отличались от «средних американцев».

Что же произошло в реальности? *Произошел не импорт индивидов, которые обладают некоторыми особенностями — восьмью лапками, клыками, зеленым цветом лица. Произошел импорт социальных структур «третьего мира» в «первый мир» целиком.*

Рассмотрим ситуацию на примере муравейника. В нем есть королева, есть обслуживающий ее персонал, есть солдаты, есть рабочие. Запад хотел импортировать «рабочих» в свой муравейник, дать им возможность «на дому» исповедовать свою религию и культуру, но всех подровнять под одну гребенку в условиях глобального завода. Предполагалось, что «королева» и «солдаты» останутся дома и прежняя культура либо не воспроизведется в новых условиях, либо превратится в приемлемый вариант западной и станет неопасной. Но на деле к ним вползла чужая социальная структура целиком, вся мусульманская иерархия с суфийскими орденами, проповедниками, со специфическими социальными связями и социальными практиками (не только она одна, впрочем).

Западные элиты неожиданно столкнулись с тем, что когда количество атомарных индивидов, которых они импортируют, превышает определенный уровень, то воссоздаются те социальные структуры, которые существовали на родине этих атомарных индивидов. То есть внезапно выясняется: если мы импортировали одного индуса, то он стал американцем, он просто где-то у себя дома богу-слону Ганешу поклоняется на заднем дворе и

от этого никому ни жарко, ни холодно. Но если мы импортировали тысячу индусов, то они построили храм и живут теперь в отдельном квартале, который застроен индийскими лавочками и парикмахерскими. При этом его жителям нет нужды интегрироваться в общество-хозяина — все, что необходимо для жизни, есть внутри общины.

Патрик Бьюкенен очень хорошо писал, что в начале XX века люди, которые приезжали в Америку, были атомарными индивидами и отрекались от родины, от прежних связей. Если человек бежал в США из Европы, то он понимал, что поездка в Старый Свет для него уже невозможна — слишком дорого, уйдут все деньги и целые месяцы пути. Поэтому он был склонен интегрироваться в американское общество — пути назад не было.

Современный мигрант не рвет связей с родиной, ибо, чтобы добраться до нее, нужно несколько часов на самолете. В американской ситуации все усугубляется мексиканской миграцией. Мексиканцы переселяются в Техас и Калифорнию. Это видно по всем картам расселения испаноязычного населения. Они поселяются у границы Мексики. Мексиканец легко может ездить домой, к «теще на блины» и не рвать связи не только со своей общиной, но и со своей страной и всем испаноязычным миром. При этом невозможно сказать мексиканцу: «Убирайся с американской земли!». 2/3 территории США отнято у Мексики, в том числе Калифорния и Техас. Мексиканцы имеют право воспринимать эту землю как свою собственную.

Итак, два фактора: 1) большая численность общины; 2) возможность быстрой и дешевой коммуникации с «исторической родиной» делают для современных мигрантов ненужной интеграцию в принимающее их общество.

Поэтому происходит крах мультикультурализма, потому что, если образуются замкнутые общины, состоящие из людей, которые не видят необходи-

мости интегрироваться, они начинают требовать себе прав и, почти сразу, привилегий.

Часто это проявляется в очень смешных жестах, но эти смешные жесты преследуют цель «попробовать на зуб» крепость западных обществ. Например, несколько лет назад в Англии был скандал, мусульмане потребовали убрать Пиглета (по-русски этот персонаж называется Пятачок) из классической детской книжки про Винни-Пуха и не продавать игрушки, потому что игрушечный поросенок оскорбляет взор мусульманского ребенка. Организаторы одного из утренников в Великобритании также переписали сюжет сказки про трех поросят, сделав героев щенятами.

Аналогичная технология была экспортирована в Россию, где отдельные представители исламского сообщества заявили, что представителям мусульманского мира невозможно смотреть на героя передачи «Спокойной ночи, малыши!» поросенка Хрюшу, потому что свинья, как вы знаете, нечистое животное в исламе.

Понятно, что никто и никогда не предлагал этих игрушечных персонажей в пищу для мусульманских или каких угодно других детей. Это всего лишь герои книг или телевидения, олицетворяющие детские характеры: Пятачок — робкий и застенчивый, Хрюша — боевой и хулиганистый. Смысл акции — попытаться «продать» западные общества. Уступят в малом — уступят в большом.

Как в этой ситуации действовать? С точки зрения концепции мультикультурализма, которую Запад пытается внедрить, государство должно быть нейтральным по отношению ко всем народам, которые пребывают на его территории. Государство понимается как автомат, который оказывает услуги. Оно собирает налоги и осуществляет управленческую функцию, совершенно безразличную к национальности, культуре и так далее.

Но в данной ситуации это не получится, потому что если западное общество хочет, чтобы мигрантская община ассимилировалась, она должна оказывать на нее серьезное давление с точки зрения принципов, которые можно считать традиционными для коренного народа и данного общества. А если и дальше поддерживать отстраненность государства от национальных проблем, то неизбежно мы окажемся в очень неуютном мире «Ливана» накануне гражданских войн, то есть в ситуации распада общества по этническим границам. Дальше следует неизбежное этническое квотирование в органах власти.

Выясняется, что для поддержания межнационального мира председатель парламента должен быть такой-то национальности, заместитель председателя — обязательно другой, премьер-министр — такой, его пять заместителей — других национальностей. Возникает система, похожая на современный Дагестан, где национальные квоты действуют фактически официально. В Ливане система квотирования сначала стабилизировала ситуацию, но после резкого роста числа мусульман система сломалась. Дело закончилось гражданской войной. Да что говорить о Ливане и Дагестане, недавно объявлено, что в Московской области в участковые собираются набирать представителей определенных национальностей — для работы с дисспорами. Это первый звонок — общество начинает разделяться по принципу этноквотирования.

Можно ли ассимилировать мигрантов? Это почти невозможно. Если турок живет в Германии, но не потерял связей с Турцией, если турецкий ребенок имеет возможность съездить на выходные к бабушке в Анкару, если он живет на турецкой улице, где все говорят по-турецки, если он исповедует ислам как религию и если премьер-министр Турции в случае агрессии против турок-мигрантов будет за них

заступаться, то никакого смысла турку интегрироваться в германское общество нет.

Поэтому я считаю, что *западные общества, если они хотят остаться современными демократиями, должны резко снизить количество мигрантов*. Если ситуация продолжит развиваться так, как она развивается сейчас, то скорее всего мы увидим, как западный демократический строй падет. Республика сменится принципатом, то есть насильственным навязыванием культурных стандартов от имени авторитарной власти, опирающейся на крупных собственников.

Или западные общества поймут, какое количество мигрантов за историческую единицу времени они способны переварить и остальных отправят на Родину, либо они должны будут готовы идти по пути Римской республики, которая именно в момент массированного появления этнического и религиозного многообразия превратилась в принципат. Третий путь — «Ливан», распад на этнические общины и гражданская война.

Елена Галкина:

— Полагаю, что крах мультикультурализма неизбежен, и первое, к чему может прийти Европа идеологически — это ассимиляция. На основе чего эта ассимиляция может быть, на каком фундаменте может строиться эта идеология?

Напомню: европейское общество (точнее, его верхушка) *пригласило «гастарбайтеров»* — и германское правительство пригласило, и британское. Во Франции несколько иначе было, но все равно в целом не возражали против иммигрантов, чтобы они занимали низовую часть общества. То есть европейцы хотели видеть иммигрантов в качестве дворников и чернорабочих, но совершенно не ожидали, что дети последних захотят быть врачами, учителями и тем более адвокатами, экономистами и тому подобное. От такой

интеграции, от такой ассимиляции европейское общество отказалось еще в 70-х — начале 80-х, поэтому второе поколение иммигрантов попало в своеобразную ловушку. Несмотря на то, что они уже легализовались, уже были рождены в тех европейских странах, куда приехали их родители, эти дети не имели возможностей вертикальной мобильности. Им предлагались те же самые низовые ниши. Мы говорим не только о политике, но и о том, что происходило в иммигрантских общинах. Изначально этих общин не было, они уже реструктурировались на месте пребывания, они возникали вновь. То есть действительно, если человек родился и живет, например, в Алжире, сохраняется масса родовых связей, и ребенок, когда воспитывается, опирается на авторитет не только отца, но и дедушек, дядей — все принимают участие в воспитании. И эти связи переходят на следующее поколение, воспроизводя огромные родовые структуры.

Естественно, люди, приехавшие во Францию, принадлежали к разным родам, их иерархия ломалась в новой стране, и если бы произошла нормальная интеграция этих иммигрантов в общество, подобные связи не воссоздавались бы. Нормальная — значит дать этим детям возможность проехать вверх на социальном лифте. Чтобы они имели возможность так же проявлять свои способности, как и местное население. Однако они этого не получили.

Потеряв надежду на интеграцию, люди замыкаются в себе, и вот тогда-то начинается реструктурирование традиционной общины на новом месте. Каким образом взаимодействуют власть и эти общины? В Британии этнорелигиозное самоопределение мусульман началось совсем недавно, с 1989 г. Это дело Салмана Рушди. Мы помним все, что это за казус, думаю, подробно напоминать не стоит. Почему британские мусульмане так бурно возмутились этими «Сатанинскими стихами»? Не только потому, что у

них религиозное чувство сильнее, чем у христиан. Но потому, оказывается, что в британском законодательстве есть масса актов, которые запрещают богохульство по отношению к христианам, к иудеям, однако же на этом список завершен. Мусульмане никоим образом не защищены, то есть дискриминированы. Соответственно начались сожжения Библии и другие действия как радикальный способ привлечь внимание к этому неравноправию. Большая проблема Европы в том, что в ней сохранилась христианская система образования. Единственно, во Франции по закону 1905 г. школа отделена от Церкви. И в Великобритании, и в Германии имеется христианское образование, и наличие такового провоцировало мусульманские общины на требования для себя подобных же прав. И, разумеется, эти права они начали получать. Но когда? Только в конце 90-х годов. Если мы посмотрим на Британию, то они требовали уравнивания в правах с англиканами, иудеями, католиками, сиречь государственного обеспечения исламского образования. У всех есть — у нас нет, почему? Только в 1998 г. — первый прорыв, появляются первые исламские школы, которые финансирует государство, финансируют все британские налогоплательщики. Ну и дальше, 1999 г.: первая гражданская исламская должность — консультант по тюрьмам; иудейские и христианские консультанты уже давно существуют, и вот появляется этот первый мусульманский консультант.

В Германии уже в середине 80-х годов все земли вырабатывают программы обучения детей мигрантов на их родных языках, и исламское образование тоже за государственный счет. Поскольку Германия — федеративное государство, именно земли этим занимаются, но Конституция ФРГ разрешает религиозное обучение только под эгидой религиозной общины. И тут оказывается, что ни одна мусульманская организация Германии не по-

лучила официальный статус для того, чтобы иметь доступ в школы для обучения за государственный счет. В результате исламское образование в школах Германии финансирует правительство Турции. Если бы образование не включало курса религии, не возникло бы таких проблем.

Итак, курсы финансируются из казны турецкого правительства. Но кто разрабатывает программы для школы? А разрабатывают их авторитетные богословы, которые дислоцируются в основном в Катаре, в частности, духовный лидер «Братьев-мусульман» Юсуф аль-Кардави, тот человек, которого сейчас называют египетским Хомейни.

Во Франции несколько иная ситуация, потому что исламские страны, из которых прибыла основная часть иммигрантов, были более адаптированы к европейской культуре. Во Франции наличествует мусульманская по происхождению элита, то есть достаточное количество очень богатых людей магрибского происхождения. Однако же эта элита не была религиозной, когда она там оседала. Религиозность основывается не на примере родителей, а появляется в мусульманских анклавах в 80–90-е годы и основывается на новой самоидентификации. До этого она была в качестве обычая и не выносилась за пределы общины. В той же самой Франции в школах проблема хиджаба возникла только в 2000-е годы, раньше мусульманские девочки отлично отправлялись в школу без оного. И никаких противоречий не было; единственно, мусульманская девочка шла после школы домой, а ее французская подружка шла в кафе. И, кстати, мусульманской девочке не нравилось, что она не имеет права пойти в кафе. Она была готова европеизироваться, но почему-то этого не случилось, почему-то эта девочка одевает хиджаб, у нее почему-то появляется потребность в такой самоидентификации, самоограничении себя во имя непонятно чего.

Девочка понимает, что получить такую же профессию, как ее французская подружка, она никогда не сможет. Если она не может найти себя в обществе, она будет стремиться найти себя в той маленькой общине, в которой можно даже не выходить за ворота и не огорчаться. Международные исламские организации действительно в 80-е годы и во Франции, и в Германии, и в Соединенных Штатах Америки, и в Великобритании привносят идеологию уммы, представление о мировой единой исламской общине, о халифате и так далее — и это проникает сверху вниз, от интеллектуалов — к мелкой буржуазии и пролетариям. Эти идеологии идут через университеты, через очень богатых людей арабского происхождения, которые связаны с Катаром и с Саудовской Аравией, а потом уже спускаются в исламскую массу.

Мультикультурализм объективно придет к краху, или Европа падет, прежде всего потому, что в Европе появилась в виде мусульманских общин структура, которую европейская элита не контролирует. У нее есть своя элита, у нее есть свои политические цели и задачи. Они могут коррелировать с целями и задачами европейской элиты, но они могут им и противоречить. Упомянутый выше шейх аль-Кардави любит говорить, что нет необходимости завоевывать Европу мечом, ведь мусульмане скоро и так покорят своей духовной силой эту погрязшую в материализме и промискуитете часть света.

Что можно противопоставить политике, которая и привела к этой ситуации? Какова может быть идеологическая основа без отказа от идеи равноправия, равенства, потому что отказ от идеи равенства — это будет и отказ от идеи буржуазной демократии, в общем, это совершенно другой политический абрис? Это может быть исключительно светская система ценностей на основе европейской культурной традиции, на основе

светской культуры, на основе античного гуманизма. Нужно предложить другую идеологию, если мультикультурализм совершенно очевидно не сработал. Возрождение христианства, возрождение роли Церкви? В обществе потребления это нереально.

Александр Михайловский, философ, доцент ВШЭ:

— Я хотел бы еще более проблематизировать наше рассуждение, и сделать это в нескольких отношениях. Прежде всего, мне представляется методически важным различать разные социально-политические ситуации, когда мы говорим о мультикультурализме. Очевидно, что не одно и то же — говорим ли мы о ситуации с мультикультурализмом в Британии или Франции, Германии или России. Здесь можно сослаться на хорошо известное различие в понимании самого национального — либо мы понимаем его в соответствии с демократическим принципом (нация = гражданство), либо — с культурным принципом (нация = гомогенная культурная общность). Что касается Европы, то очевидно, что реакция на мультикультурализм гораздо более сильна и гораздо более выражена в странах, где ключевую роль играют германские народы (Швейцария в том числе, где более 60% — это немцы), нежели в странах, где доминируют романские элементы. Я убежден, что проблема с мультикультурализмом, с интеграцией в германских странах в целом стоит гораздо более остро, чем, например, во Франции, хотя, как я покажу далее, этнический фактор не является решающим.

Что касается России, то опять-таки здесь в 90-е и в начале 2000-х годов ситуация была несколько иной. Речь не шла о глубоких культурных различиях, поскольку подавляющее большинство тех, кто приезжал в РФ, были выходцами из бывших советских республик, у которых было единое образование, которые владели русским языком.

Теперь я перехожу к основной части своего выступления. Здесь я хотел бы сослаться на российского философа Владимира Сергеевича Малахова, который одним из первых начал в нашей стране обсуждение мультикультурализма, а по убеждению многих, даже пропагандировал его. Я считаю, что такие ссылки необходимы, потому что речь идет о научном сообществе, о научной дискуссии. У Малахова есть замечательная по-своему статья, опубликованная в журнале «Логос» в 5–6 номере за 2000 год. Она называется «Культурный плюрализм vs. Мультикультурализм». В ней Малахов пытается откреститься от самого феномена мультикультурализма, занимая позицию, обозначаемую им как «культурный плюрализм». В чем проблема, которую рисует автор? Она заключается в том, что мультикультурализм (описана ситуация на 2000 г.) усваивается российским интеллектуальным сообществом, и первопроходцами здесь выступают работники системы образования и активисты некоторых правозащитных организаций. Но Малахов сомневается, что адекватным выражением культурного плюрализма в нашей стране может быть именно дискурс мультикультурализма. Здесь он упоминает социолога Ф.-О. Радтке, который различал три формы мультикультурализма: это плюралистическая форма (имеется в виду мирное сосуществование различных этнических и религиозных сообществ), затем постмодернистская форма, которая в шутку обозначена «кулинарной» (да здравствуют различия, пусть будет больше китайских, японских и кавказских ресторанов!) и третья форма мультикультурализма, которая представляет собой реакцию на первые две и может быть обозначена как фундаменталистская форма. Хронологически это последняя из трех.

По мнению Малахова, проблема мультикультуралистского дискурса в том, что он редуцирует социальное

к культурному или культурализирует социальное. На это, по мысли автора, нужно ответить социализацией культурного. Понятно, что в основе этого ответа лежит совершенно определенное представление о нации как о структуре, как о том, что может быть целиком редуцировано к социальному воображаемому. И в данной перспективе получается, что идеология мультикультурализма — это на самом деле препятствие на пути формирования настоящего мультикультурного общества, на пути торжества демократического плюрализма, поскольку мультикультурализм подменяет совокупность гражданского общества автономными и конкурирующими друг с другом сообществами.

Что можно возразить на такого рода «умеренный мультикультурализм»? Во-первых, ответ, который призывает социализировать культурное, плох, как любая форма редукционизма. В частности, он основан на неверной посылке, связанной с тем, что можно считать недооценкой этнокультурного фактора. Противоречие между коренным населением и иммигрантами не являются только противоречиями социального свойства, которые связаны с борьбой за рабочие места, за доступное жилье, за доступность вертикальной мобильности, о чем у нас уже шла речь. Иными словами, культурная составляющая, то, что обусловлено прохождением мигрантов (воспроизведение социальных структур), играет в действительности гораздо более важную роль, чем представляется сторонникам мультикультурализма, в том числе мягкой его формы. А именно, эта культурная составляющая проявляется в итоге в демонстративном отказе от интеграции и участия в демократической политике, в проталкивании своих интересов при помощи теневых инструментов, что можно наблюдать в России на примере действий мусульманских диаспор.

Теперь вторая проблема или иной

взгляд, который отталкивается от проблемы политического. Я хотел бы сделать акцент на проблеме политического, немного отстранившись от социального и этнокультурного дискурса. Что мне дает возможность для такого рассмотрения? Во-первых, то, что политика антимльтикультуралистского типа, которая сейчас набирает обороты в виде разного рода национализмов, например, в Швейцарии и Дании (самые яркие примеры) — это политика, возможная не только в моноэтнических странах. Эта националистическая по сути реакция возможна и в полиэтничных обществах типа швейцарского, где Швейцарская народная партия (SVP) недавно предложила одну любопытную наглядную агитацию. Три овцы, которые пасутся на полотнище швейцарского флага, выпихивают черную овцу со своей территории. И подпись гласит: «Sicherheit schaffen», т.е. «Создадим безопасность!». Здесь игра слов: schaffen — «создавать» и Schaf — «овца».

О чем говорит, в частности, этот лозунг? Он звучит в полиэтничной стране, где против мигрантов в равной мере выступают как французы, так и немцы (итальянцы всегда идут вслед за руководящей германской линией). А это значит, что вопрос об иммигрантах не ставится прежде всего в этнокультурной или социальной плоскости, но в плоскости политической, то есть формулируется как *угроза разрушения базовой идеи гражданской солидарности* — я хочу этот момент специально подчеркнуть. В самом лозунге это отчетливо видно. Он не говорит о том, что нам не нужно чуждое, хотя, конечно, картинка двусмысленна (идеологи партии, оправдываясь перед швейцарским обществом, говорили, что имеют в виду не Schwarze («черные»), а Schwarzarbeiter — те, кто нелегально работает или не вписывается именно в саму систему демократических ценностей). Здесь формулируется *приоритет безопасности перед интеграцией*.

То есть угроза заключается в том, что мигранты, действующие не по принятым правилам, могут разрушить общественный договор, сами устои европейского демократического государства.

Во-вторых, мультикультурализм в рамках этого националистического дискурса отождествляется с исламизацией. Это можно проследить во всех интервью, всех статьях: два понятия идут через запятую — мультикультурализм и исламизация. А что такое исламизация? Она воспринимается прежде всего как политическая угроза.

Я могу процитировать в подтверждение своих догадок слова депутата от SVP Оскара Фрайзингера, который недавно отвечал на вопросы корреспондента одной из швейцарских газет по поводу компьютерной игры «Mosche Baba», очень популярной в Интернете среди австрийских, немецких и швейцарских националистов. Игра примитивная: виден skyline анонимного европейского города, из которого вырастают башни минаретов, и там появляется веселый и несколько безумный муэдзин. Задача, которая стоит перед игроком, заключается в том, чтобы очистить этот самый skyline от минаретов и муэдзинов. Реакция в обществе была такой: все это ужасно, не по-европейски. Ответ Фрайзингера (я привожу его слова как типичные): свободное общество должно выносить, терпеть критику; рисунки, статьи и прочие высказывания сатирического характера *могут* применяться для того, чтобы поддерживать дух критики в обществе. Он выступает за критику — критику догм — и именно это, с его точки зрения, является демократией. Получается, что мультикультурализм, оборачивающийся исламизацией, ставит под угрозу саму свободу слова, одну из главнейших политических ценностей Европы.

Завершая свое выступление, я еще раз хочу подчеркнуть, что в действительности *реакция на мультикультурализм показывает приоритет*

политического перед этническим и социальным. Причем это обстоятельство заставляет задуматься о самом содержании и смысле слова «демократия». Если мы остаемся внутри популярной в середине 90-х модели «третьего пути» Э. Гидденса или модели делиберативной (дискуссионной) демократии в духе Д. Ролза или Ю. Хабермаса, то мы получаем ряд апорий или антиномий, вызванных мультикультуралистской политикой, которые попросту невозможно разрешить, не прибегая к насилию и сегрегации. Но если мы углубляемся в истинное содержание демократии и понимаем ее прежде всего как власть конкретного народа, механизм различения между «нами» и «ними», что в конечном счете невозможно без исключения, то мы получаем, как мне кажется, возможность позитивного движения в направлении разрешения этой проблемы — не через дискриминацию мигрантов по этническому характеру, не через высылку их туда, откуда они прибыли, но через усиление традиционных европейских демократических институтов, через прояснение законодательной базы, через формулировку строгих и прозрачных социальных требований к мигрантам (что уже делается в Англии) и т.д. Я убежден, что это прояснение и усиление национального демократического принципа, ничего общего не имеющего с либеральной по своему происхождению политикой мультикультурализма, способно остановить начавшийся процесс разрушения европейского общества, появления так называемых «параллельных обществ», и в том числе предотвратить несправедливое отношение ко многим мигрантам, которые соблюдают основные демократические правила, а не используют их в коррупционных целях или в интересах своих религиозных общин.

Последнее, что я хотел бы сказать, опять-таки касается уточнения нашей проблематики. Ведь совершенно очевидно, что не все группы мигрантов в

равной мере обладают способностью к солидаризации на чужой территории. У исламских групп, например, она представлена в очень высокой степени и растет год от года — в том числе благодаря поддержке из-за рубежа. Другие мигранты, скажем, выходцы из бывшего Советского Союза, в частности русские, не способны к солидаризации и интеграции внутри европейских стран в принципе. Более того, они отказывают друг другу в поддержке и занимают конкурирующую позицию. Во многом поэтому они оказываются чаще других пораженными в своих правах. Имея в виду этот культурный фактор, мы должны различать разные этнические сообщества внутри европейских стран по способности к консолидации и солидаризации внутри себя.

Олег Кильдюшов:

— В продолжение того, о чем говорил Александр Михайловский, я хотел бы дать краткую справку по Германии. Один пример — югославы, которых приехало около миллиона, и уже второе поколение было полностью интегрировано и ассимилировано, о третьем я и не говорю. Вот у меня во Франкфурте был молодой знакомый, Бускович, и я пытался выяснить его этническое происхождение. Он ничтоже сумняшея: «Югослав». Я настаиваю: «Нет такого этноса. Ты с точки зрения этнического происхождения скорее всего или хорват, или серб, или босниец». Но он, будучи представителем третьего, то есть давно интегрированного поколения, не мог мне ответить более точно, не проявив особого интереса к артикуляции собственного этнического происхождения, поскольку не имел никакого личного отношения к балканской родине предков и вполне обоснованно считал себя немцем, жителем космополитической метрополии...

Второй пример — турки, которых приехало несколько миллионов, и уже

в силу численности они тут же воспроизвели все те социальные, экономические и криминальные структуры, которые не позволили им интегрироваться в немецкое общество, так это было избыточно. В результате то, от чего они уехали из Турции, они сами «привезли» с собой.

А теперь я хотел бы вернуться к вопросу Сергея Сергеева: что произошло за эти два года и что будет дальше? *За последний год-полтора на наших глазах произошли тектонические сдвиги в семантике дискуссии вокруг национализма, мультикультурализма в Европе.* Мы можем это зафиксировать на разных уровнях и, что самое интересное, почти одновременно повсюду. И здесь симптоматично то, что никакие попытки остановить эту семантическую революцию на предметном поле национализма не удалось. Я имею в виду попытки спасти положение со стороны хозяев обанкротившихся дискурсов — (нео)либерализма, мультикультурализма и т.д. На примере Германии мы это видим по реакции культурно-медийного истеблишмента и так называемой политической элиты, например, на книгу Саррацина. Было очевидно их стремление снова задействовать все старые табу, традиционные обвинения в криптонацизме и т.д., но неожиданно на сей раз у них ничего не получилось: слишком велико оказалось структурное давление и, самое интересное, в том числе снизу. Это было впервые! И если вы посмотрите ту подборку, которую я делал в «Вопросах национализма» (№ 6) о реакции немецких и австрийских СМИ на книгу Саррацина, то там это довольно очевидно: оказалось, что vox populi, глас народа, который впервые прозвучал в нецензурированном виде, прямо заявил, что просто не готов дальше обслуживать эти навязанные ему истеблишментом конструкции «мультикультуры».

Но каким же был ответ политического класса? Да, политический класс

под этим давлением, в том числе и снизу, был вынужден признать провал политики мультикультурализма и даже обещал подумать — всего-навсего подумать! — над пересмотром наиболее одиозных практик этого расизма наоборот. Это максимум, что пока от него удалось получить репрессированному большинству тех же немцев. В том числе в речи Меркель: когда она говорит о том, что наиболее одиозные практики они готовы пересмотреть, имеется в виду лишь ни к чему юридически и политически не обязывающее обещание из серии «посмотреть, подумать, улучшить». Так что пока это максимум того, что удалось достигнуть немецкому народу и что мы можем зафиксировать сейчас аналитически.

Павел Святенков:

— Насколько можно говорить о том, что политический класс Германии признал провал? Консервативные политики признали, но и то...

Олег Кильдюшов:

— Консервативному лагерю не надо было ничего особо признавать. Консервативный лагерь был одним из постоянных критиков «мультикультуры» — например, в рядах баварского ХСС, или, например, более правая часть общегерманского ХДС, или еще более правые силы. Главная проблема здесь — так называемый центр (Mitte), который и определяет политику на федеральном уровне. Потому что в Германии все-таки правит центр: или социал-демократы, или христианские демократы — а это партии буржуазного центра (лево- или правоцентристы), так называемые «народные партии» (Volksparteien).

Но я все-таки хочу вернуться к вопросу, что мы в результате имеем? То, о чем я только что сказал, касается политического дискурса, но меня сейчас интересует другое: а что происходит на интеллектуальном уровне, где кипит эта интеллектуальная, дискурсив-

ная работа? И вот здесь мы пока ничего определенного сказать не можем. *Если говорить о концептуальном, теоретическом преодолении этой «институциональной мутации» западного модерна (если считать все-таки «мульти-культу» мутацией), то эта работа еще не началась. И более того, я предлагаю считать и это наше собрание началом концептуальной систематической работы в этом направлении, потому что наша ситуация в России еще больше запутана, поскольку у нас еще не было своего Саррацина.* Естественно, что наш вариант «мульти-культу» — это «дружба народов», и в этом смысле мы также находимся в самом начале пути. И я надеюсь, что эта систематическая работа пройдет на языке высокой теории, а не только на языке слоганов. Слоганы — это прекрасно и важно, но речь идет о попытке разработать, попытаться на концептуальном уровне показать несостоятельность пафосных благоглупостей, в которые во многом выродился «мульти-культу». Благоглупостей в том смысле, что это была попытка своей волей отменить базовые детерминанты человеческого общежития. Поэтому я и хочу поблагодарить редакцию журнала за предпринятую попытку начать эту работу именно на системном, теоретическом уровне.

Теперь я возвращаюсь ко второй части вопроса ведущего: что же дальше? Я во многом согласен с выступлением Михаила Ремизова. Однако я предлагаю пойти еще дальше и искать ответ не в либеральном поле, а в демократическом поле. К сожалению, в современной русской семантике эти понятия практически не разведены, но я надеюсь, что не зря специально сижу над Карлом Шмиттом, — и скоро выйдет продолжение русской Шмиттианы! — который позволяет концептуально понять, что либерализм и демократия — две большие разницы, во многом противоречащие друг другу в смысле политических интенций и применяе-

мой политической техники. Речь идет о том, что в рамках теории демократии — а я, собственно, сюда и предлагаю вернуться, — как теории оптимального общежития, которую разрабатывали Аристотель, Руссо и, естественно, Шмитт, «мульти-культу» *покушается на базовые основы демократии. Речь идет не о свободе, а о равенстве. И вот здесь я и предлагаю искать теоретический выход — это прямой путь к реабилитации большинства равных.* Ведь это пафос не исключенных, а пафос включенных, который и создает саму социальную базу, саму социальную онтологию национального политического сообщества. И уже в рамках последней возможны такие опасные игры разума, как «мульти-культу», практически пытающиеся отменить условия собственной возможности...

Ну и от этого тезиса, я бы его назвал политико-философским, теоретико-демократическим, я, чтобы закончить, сразу перейду к последнему своему тезису — к политическому. Он звучит так: сегодняшняя борьба вокруг дискурса «мульти-культу» является актуальнейшей формой борьбы за реабилитацию демократии, за права большинства. И, судя по последним выступлениям наших властителей, — что Медведева, что Путина, которые здесь практически неразличимы, — псевдоинтернационалистские благоглупости, которые в наших условиях, естественно, принимают форму «дружбы народов», являются очень мощным суггестивным инструментом: ну кто станет в здравом уме выступать против дружбы, за вражду?! В этом и заключается его опасность как инструмента в руках тех, кто пытается не допустить демократизации русской жизни в интересах абсолютного большинства, ныне исключенного из процессов политического волеобразования. То есть в этом смысле вопрос стоит сегодня так, что *теоретическое «мульти-культу» и его русский пандан в виде «многонационального народа России» — это*

дискурсивная «крыша» для дальнейшей кадывовизации России как практики исключения русского большинства. Более того — здесь мы можем зафиксировать довольно странный на первый взгляд альянс, который кажется даже противоестественным, — это альянс космополитических «всечеловеков», кремлевских охранителей и этнократических профитеров от всего этого. Нетрудно догадаться, что скрепляет всю эту разношерстную публику *страх перед русской демократией*, в рамках которой не будет функционального места никому из них. Будем надеяться, что системная работа русского демократического движения сделает это неизбежным!

Тимофей Дмитриев:

— Сегодня мы видим, что политика мультикультурализма, основанная на признании коллективных прав, оказалась пораженной целым рядом серьезных недугов, которые в конечном счете послужили поводами для отказа от нее. Прежде всего речь идет о том, что в рамках политики мультикультурализма индивиды наделяются льготами и привилегиями не в соответствии со своими личными достижениями и заслугами, а в силу принадлежности к определенной расовой, этнической или какой-либо иной группе, что вводит в игру масштабный фактор произвола, поскольку определение того, какие группы лиц являются привилегированными и каковы критерии принадлежности индивидов к этим группам, носит довольно произвольный характер. Однако главным недостатком политики и идеологии мультикультурализма в европейском контексте является то, что он основан на отрицании необходимости общей культуры или, как говорят немцы, *Leitkultur*, как культурно-цивилизационной основы политического и социального единства нации.

Опыт показывает, что одного только конституционного патрио-

*тизма, понятого как лояльность граждан Конституции страны и ее принципам, а также их формальной законопослушности, недостаточно для того, чтобы европейское национальное государство могло стабильно функционировать. Общая культура является необходимой предпосылкой демократического национального государства и либерального гражданского общества. Стабильное гражданское общество не может быть в своей основе мультикультурным — для своего нормального существования на протяжении поколений оно должно иметь скрепляющую ткань общей культуры (Джон Грей). В отличие от политики старой толерантности как способа обеспечения *modus vivendi* индивидов и групп с различными представлениями о благе и образах жизни как способов его достижения, мультикультурализм работает на раздробление и фрагментирование общества.*

Современная демократия невозможна без нации. Опыт современных европейских демократий подсказывает, что одной процедурной рациональности, в соответствии с которой результаты обеспечиваются исключительно логикой общественных процедур, недостаточно для существования и поддержания политического и социального единства политического сообщества. Поэтому как национальному государству, так и демократическим процедурам, по которым оно функционирует, нужна некоторая основа, на которой строилось бы доверие людей и их готовность к сотрудничеству. Проблема в том, что эта основа вряд ли может быть выведена из логики одних только демократических процедур. Практическую политическую проблему современности можно сформулировать следующим образом: демократический принцип сам по себе не задает систему координат, в рамках которой он действует. Таким образом, такая политическая форма, как демократическое национальное государство, нуждается

в определенной степени культурной, языковой и цивилизационной гомогенности, которую ему может обеспечить только нация как политическая и социальная общность, возникающая в условиях современности. Именно в отказе от культурной однородности как основы существования демократического национального государства и либерального гражданского общества лежали как предпосылки появления политики мультикультурализма, так и причины ее краха.

В европейском контексте все последние двести лет речь шла о том, что такая политическая форма, как национальное государство, требует определенной степени национальной гомогенности, и как раз политика мультикультурализма в том виде, в каком она проводилась, стала эту гомогенность размывать. Но никаких других новых политических форм в западноевропейском контексте нет и не просматривается, потому что *попытка создать некое наднациональное сверхгосударственное образование в виде единой Европы в настоящее время переживает очень серьезный кризис, и пока еще неизвестно, чем все это закончится. И единственно на что в этой ситуации могут опереться европейские народы, впрочем, и их элиты, это именно нация как базисная политическая форма модерна.* Именно с этим я и связываю то резкое осуждение политики мультикультурализма, которое мы слышали не так давно из уст ведущих европейских лидеров.

Олег Кильдюшов:

— Я хотел, если можно, добавить к тому, что сказал Тимофей, поскольку здесь мы занимаем единую позицию: налицо два феномена, вроде бы не связанных друг с другом — признание провала политики мультикультурализма и совершенно параллельно — провал референдумов по европейской конституции. То есть это вещи, которые формально никак не связаны, но

по сути это две стороны одной медали...

Сергей Сергеев:

— У меня осталось два вопроса. Получается, что ассимиляция — тут практически все высказались единогласно — единственный альтернативный вариант мультикультурализму. Но каков культурный потенциал этой ассимиляции в современной Европе? Вот возрождается, условно говоря, nation-state в Европе — каков культурный потенциал этого возрождающегося государства? Европа отказалась от своей христианской идентичности. Классическая светская Европа благодаря десятилетиям господства в культуре постмодерна тоже поставлена под сомнение. Возможно ли вообще и на какой базе воссоздание этого культурного потенциала ассимиляции? Все говорят о кризисе европейской культуры — что здесь можно сделать?

И второй вопрос — о нашей ситуации. У нас руководители вдруг заговорили о мультикультурализме, о том, что у России в прошлом богатый опыт мультикультурализма, хотя мне кажется, что то, что было и в Российской империи, и в СССР, не являлось мультикультурализмом. Каковы перспективы этой новой волны государственного мультикультурализма в России?

Елена Чудинова:

— Прежде всего, будем терминологически корректны. Прозвучал тезис: «общество пригласило мигрантов». Общество их не приглашало, их приглашала власть. Общество приняло их чрезвычайно доброжелательно, и я, на примере Франции, которую я знаю, категорически отрицаю, что не существует социальных лифтов для мигрантской молодежи. Дело не в отсутствии лифтов, дело в тормозе. Я покажу это на примере так называемых ракалий — рожденных в незнамо каком поколении во Франции. Это молодые люди, не имеющие национальности вообще. Им

говорят, что они французы, они понимают, что они не французы. Ту страну, из которой прибыли их предки, они вообще не знают. Они рэп какой-нибудь знают, а где историческая родина на карте — не покажут. Они не имеют национальности. Что им мешает ее обрести и что им мешает подняться вверх по социальным лифтам? Лифтам, которые, утверждаю, прекрасно работают. Им мешает один фактор — ислам.

Когда мы говорили о генезисе мультикультурализма, мы говорили о многом, но мы не сказали, когда все это началось — не в смысле в каком году, а в том смысле, когда это началось по состоянию европейского общества — *когда средневропейская семья перестала ходить по воскресеньям в церковь*. Вот тогда начался и вступил в свои права мультикультурализм, потому что десятилетия торжествующего мультикультурализма показали нам, что общество внерелигиозное, как бы оно ни было отлажено, не выживает. Оно уступает чужакам, оно загнивает, теряет жизнеспособность. Никакие чудики не пойдут умирать за античность, а вот за крест охотно умирали многие, умрут и сегодня. Я лично знала людей, которые это уже сделали. Ислам — это единственный фактор, который мешает молодому человеку вступить в социальный лифт, потому что он интегрирован в некий агрессивный социум. У него нет нации, но у него есть религиозно-политическая общность, и она диктует ему правила жизни. Он не растворяется в принявшем народе. *Только в одном случае европейское общество может противостоять этой ползучей оккупации: если оно вспомнит не об абстрактно-культурных, а о религиозных корнях*. Тогда пришелец будет отказываться от исповедования ислама. Шансов на то, что это произойдет, необычайно мало, но все остальное является утопией, все остальные способы не сработают.

Отмечу, проблему представляет только ислам. Я видела, например, та-

кую сцену в супермаркете: какая-то семья, по-моему, корейцев делает покупки, с двумя маленькими детьми. И моя подруга-француженка говорит: «Какие молодцы, как у них уже дети по-французски хорошо говорят!» То есть там, где нет фактора ислама, ассимиляция происходит. *Нация — это кровь плюс цивилизационный код. То есть образ жизни, сумма знаний и религия. Вне этого все остальное — это пустые слова*.

По ситуации в России, тут могу сказать очень простую вещь. Россия, конечно, никогда не была мультикультурной страной, и чрезвычайно гармоничное сосуществование всех религий, всех народов было возможно при признании титульной нации, при существовании государственной религии, а также при том, что народы, исповедовавшие другую религию, жили преимущественно на своих исторических территориях, а в городах, имеющих европейский облик, присутствовали в виде небольших диаспор. То есть это вопрос баланса, который на данный момент нарушен, и нарушение его категорически отказываются признавать наши власти. При том, что на глазах наши города теряют присущий им всегда европейский облик.

Олег Неменский:

— По первому вопросу. Думаю, не стоит рассматривать в этом отношении всю Европу как однородное целое. За последние тридцать–сорок лет между разными ее странами намечилось большое различие именно в плане «многокультурности», то есть силы региональных сепаратизмов и заселения этих стран иммигрантами. Некоторые нации уже, наверное, погибли. Тут как наиболее выразительный пример я бы привел Францию и Великобританию. Но другие, вполне возможно, еще выживут. А есть и такие монолиты, которых все эти процессы пока что почти не затронули, и у них есть немалые шансы успеть про-

скочить их, полностью себя сохранив. Как пример — Польша.

По другому вопросу. Во-первых, совершенно согласен, в Российской Федерации и вообще в России политика мультикультурализма как система никогда не проводилась. И сейчас де-факто этой политики не проводится, есть лишь введение некоторых ее элементов. Более того, ее и не может быть, потому как мультикультурализм — это политика, разработанная для nation-states, а Россия — не nation-state, и чтобы тут применять политику мультикультурализма в чистом западном виде, нужно перестраивать всю систему по национальным лекалам.

Это очень важно подчеркнуть: *мультикультурализм сам себя мыслит как идеология коррекции национальных государств, их улучшения, а не замены системы национального государства на какую-то новую*. Другое дело, что приводит это, да, к подрыву самой основы существования национальных государств. Крах мультикультурализма заключается в том, что из-под наций уводятся их культурная основа, культурная унификация, без которой национальное государство существовать не может.

На деле сейчас в Российской Федерации действуют даже не столько старая система советской национальной политики, сколько ее рудименты. И, конечно, действуют не нормы мультикультурализма, а система откупа режима от различных нерусских общин, которая просто прикрывается заявлениями о дружбе народов и мультикультурализме. И в этом плане главная проблема современной России, на мой взгляд, вот в чем состоит: *у нас нет проблемы сохранения малых народов, мы их неплохо сохранили*. На Запад можно вести пропаганду, что Россия — родина мультикультурализма, это, может быть, даже полезно. *У нас проблема противоположная — это проблема сохранения целостности русской культуры, возрождения ее*

единства. Соответственно, любые идеологии национальной политики России должны исходить из вопроса, как решать именно эту важнейшую нашу проблему.

То есть *идеология мультикультурализма в современной России — это идеология полного и окончательного отделения государственности от чего-либо русского, кроме, разве что, официального языка*. Впрочем, наверняка со временем дойдут и до него.

Михаил Ремизов:

— Олег Кильдюшов говорил о том, что самым логичным ответом на мультикультурализм будет демократия. Действительно, коренному населению и в России, и в европейских странах по-прежнему принадлежит большинство. И ставка на демократию не вызывает сомнений. Но для того чтобы она сработала, мало механического большинства. Нужно то, что Грамши называл культурной гегемонией. Во второй половине XX века большинство утратило эту культурную гегемонию, и она перешла к разного рода меньшинствам. Об этом очень много сказано и написано. И естественно, контрольные высоты в культуре не захватываются методом кавалерийской атаки.

Но я думаю, что ответ на этот вызов лежит, главным образом, в области консервативной модели образования, прежде всего среднего образования, как сферы базовой социализации, где национальная культура имела бы безусловный приоритет над любыми субкультурами, над культурами меньшинств и над массовой культурой. У каждого развитого европейского народа для этого есть свои предпосылки — есть своя историческая мифология, которая выражена в форме национальной историографии, есть своя традиция в искусстве, свой пантеон героев, свои золотые века и свои отцы-основатели. И все это вполне адаптировано к формату современных

массовых обществ, необходимо лишь освежить поблекшие краски.

В принципе, начиная с фихтевских речей о национальном воспитании, гумбольдтовской модели университета, европейские модели образования основывались именно на этом.

Вспомним, к вопросу о гегемонии большинства, ту роль, которую в свое время сыграла национальная культура при становлении европейских национальных государств и в борьбе образованных горожан со знатью. Для них ощущение причастности к национальной культуре было важным аргументом в пользу того, что их достоинство равнозначно достоинству знати. То есть это было фактором достаточно высокого личного статуса, фактором борьбы «третьего сословия» за гегемонию в обществе.

Какую роль должна играть в этой борьбе за гегемонию большинства религиозная традиция? *Я, откровенно говоря, не верю в христианский ренессанс в Европе, да и в России тоже, по большому счету. Но я верю в культуурообразующую силу христианства.* В то, что все правовые и политические ценности Европы имеют религиозную обусловленность. Вне христианского понимания личности, например, совершенно непонятно, почему все должны обладать равными неотъемлемыми правами. То есть все базовые европейские ценности упираются в эти ничем не доказанную религиозную аксиоматику, и отрывать их от этой аксиоматики — значит рисковать их утратой.

Теперь что касается России. Не буду вдаваться в полемику с заезженным штампом о том, что в России «мультикультурализм» — изначальная данность, в отличие от Европы, где он стал веянием последних десятилетий. Российское государство складывалось так же, как и главные европейские государства: на основе вполне определенной доминирующей культуры, которая называется русской. Распространение европейской русской культуры было

главным цивилизующим фактором на евразийском пространстве. Как только русская культура лишается доминирующего статуса, процесс цивилизации поворачивает вспять, что мы и наблюдаем сегодня. В России больше не действует прежний плавильный котел, зато давление извне нарастает.

И здесь мы только подходим к очень важному рубежу, черте необратимости, которую Европа уже проскочила. То есть той черте, когда трудовые мигранты перестают быть трудовыми мигрантами, приобретают гражданство, перевозят детей, оседают со своими семьями. Депортировать новообращенных граждан, тем более граждан во втором поколении — совсем не то же самое, что депортировать иммигрантов, тем более нелегальных. Поэтому окно возможностей для относительно безболезненного, «технического» решения миграционного вопроса захлопывается. Это, конечно, не значит, что через десять лет он будет не решаемым. Просто чем позже мы начнем принимать меры, тем выше будет цена.

Что же касается коренных российских народов, то все мы, думаю, прекрасно понимаем, что они представляют собой какую-то общность лишь в той степени, в какой они подверглись воздействию русской культуры, то есть в большей или меньшей степени прошли через аккультурацию. Далеко не всегда это сопровождалось ассимиляцией, т.е. сменой идентичности. Но я сторонник того, чтобы аккультурация в конечном счете означала ассимиляцию. Для этого целесообразно применять культурно-лингвистическое определение национальности — по родному языку. В этом случае, русских в нашей стране будет существенно больше 80%. И если пропагандировать именно такое понимание национальности средствами культуртрегерскими, средствами гражданского воспитания, то преобладание будет возрастать.

И последнее — касаясь гражданского воспитания. Александр Михай-

ловский говорил об оппозиции французской и немецкой модели нации, я не склонен преувеличивать значение этой оппозиции, потому что это два пути в одну сторону. Франция идет от государственного единства к культурному, Германия — от культурного к государственному. Но итог один — это *соединение культурного и политического единства, которое является формулой национального государства. И это является формулой национального воспитания, национальной системы образования.* Очень важно понять, что в этой системе этническая и гражданская социализация совпадают. Школа — это то место, где мы должны становиться русскими (т.е. полноценными носителями национальной культуры), и то место, где мы должны становиться гражданами (т.е. членами политического сообщества). Если для большинства эти два признака будут совпадать и естественно дополнять друг друга, то и интеграция меньшинств будет вполне решаемой задачей.

Павел Святенков:

— Культурный потенциал ассимиляции мигрантов в современной Европе низок. Это связано с тем, что европейская культура утратила безусловное лидерство и абсолютную привлекательность. Если опять обращаться к массовой культуре, то стандартным сюжетом XIX — начала XX века был западный скаут-разведчик, который прибывает в среду варваров и мгновенно их цивилизует — учреждает новое общество и проходит сквозь варварские социальные структуры, как нож сквозь масло.

Часто подобный герой — это ребенок или подросток, условный «пятнадцатилетний капитан», который легко справляется со сложным варварским обществом за счет своего цивилизационного превосходства. Он принадлежит к сверхцивилизации, он все знает и все делает превосходно. У нас последним героем этого типа был Мак-

сим Каммерер у Стругацких. Но этот персонаж — герой фантастики, в то время как жюльверновские герои действовали на Земле.

Поэтому вряд ли западным обществам удастся ассимилировать мигрантов, если они не смогут создать прорыв в области науки и культуры. Западное общество утратило привлекательность, потому что это общество индивидуумов, общество одиночек, которое проигрывает конкурентную борьбу с людьми, которые являются членами тех или иных кланов, групп, меньшинств. В России эта проблема еще более обострена, потому что в России в отличие от западного общества индивидуум, гражданин никак не защищен государством, а член могущественной этнической общины имеет, как правило, массу возможностей повлиять на государство и уйти от возмездия со стороны закона за совершенное преступление, даже не имея значительных финансовых средств. Подобные люди умеют за счет родственных связей привлечь влиятельных людей, которые заступаются за них, не потому что они получили деньги, а потому что они являются выходцами из одного региона или одной и той же этнической группы.

Для Европы легкого выхода из данной ситуации нет. То есть можно постановить, что мусульманские женщины не имеют права носить хиджабы, мусульмане — строить высокие минареты, но эти методы — «мертвому припарка», потому что социальные машины, которые превращали разрозненные этногруппы в нацию в XIX — начале XX века, они уже сейчас не работают. Допустим, человек поступал в кадетский корпус — деревенский условный паренек, даже барчук, даже из дворянской семьи. Корпус не просто давал образование, он производил совершенно новое качество человека. «Барчук» становился человеком городской культуры, цивилизации и превосходил жителя деревни на сто голов.

В России ситуация с мультикультурализмом гораздо более острая и интересная, чем в Европе. Мы только начали строительство мультикультурного общества. Советская система интернационализма была связана с географической стратификацией народов. То есть говорилось, что народы, конечно, дружат, водят хороводы, но украинцы живут на Украине, таджики живут в Таджикистане, узбеки — в Узбекистане, и они не смешиваются. Конечно, была интеллигенция, были строители, которые приезжали из региона в регион, были этнические общины, но феномена массовой миграции в русские города жителей Средней Азии не было. В советской массовой культуре символом пришельца-мигранта был обычно смешной «грузин» в огромной кепке, но к нему было принято относиться положительно. Он был очень добрый и всех угощал. Можно вспомнить героя Фарады из «Чародеев», который всюду и всем предлагает трехрублевые взятки. Видно, что на деле он смешной и неопасный.

Сейчас у нас разворачивается процесс, который в Европе шел несколько десятилетий. В крупных русских городах появляются иноэтнические общины, которые имеют за пределами России свои собственные национальные государства. Поэтому в отличие от Европы, для которой проблема состоит в том, что она должна создать сверхкачество, которое она создать не может, России нужно всего лишь учредить национальное государство. Потому что мигранты первого поклонения могут совершенно искренне надеяться интегрироваться в общество, которое их понимает, тем более, что пока их немного. С мигрантами второго и третьего поколений будут, конечно, серьезные проблемы.

Для России проект качественного роста возможен — это проект создания национального государства европейского уровня. Понятно, что условный таджик, который приезжает

в Россию, стремящуюся стать европейским обществом, может захотеть в такое общество интегрироваться, потому что это для него пока внове. У России время для маневра еще есть. Но оно истекает. Если мы продолжаем массивный завоз мигрантов, то пойдет обратный процесс: произойдет обрушение структур современного государства под давлением миграционного потока, причем миграционного потока некачественного, происходящего из тех стран, которые варваризировались еще 10–15 лет назад. Россия, вместо того чтобы произвести новое качество, будет поглощена этим потоком, и когда уровень качества государственных институтов резко снизится, вопрос о мультикультурализме отпадет сам собой. Мы прекрасно видим, что никакой проблемы мультикультурализма нет, например, в современной Киргизии (а есть проблема межнациональной резни и краха государства).

Елена Галкина:

— Совершенно очевидно, что элиты Европы и Соединенных Штатов сейчас подвергают себя добровольной эвтаназии. Но почему? В силу господства современной капиталистической системы с ее методикой сдерживания масс, начиная с западных демократий, заканчивая современным мультикультурализмом, который уже показал свою несостоятельность, и культурой постмодерна. Экономически, политически, военно, интеллектуально ресурс до сих пор держит в своих руках вполне белая элита, а не низшие слои общества, с которыми конкурируют так называемые цветные, и этот же социальный слой пока еще является хранителем высокой культуры и идеологом культуры массовой, что крайне сложно делать одновременно, поэтому и происходит медленное умирание высокой европейской культуры.

И, кстати, в этом прямое отличие России от Запада. Все-таки дело создания новой идеологии — это дело

культурной элиты, интеллектуальной элиты, а она у нас пока еще размыта по разным социальным слоям, с правящим классом она пока еще соприкасается в очень и очень небольшой степени. В силу этого я считаю, что у России гораздо больше перспектив не впасть в этот самый мультикультурализм, который действительно начинает навязываться российской властью.

Кстати, первые шаги мультикультурной политики властей — это введение основ духовной культуры в современных школах: основ православия отдельно от основ ислама, отдельно от основ иудаизма, основ буддизма. Вот это и есть база для грядущего российского мультикультурализма. Однако в силу совершенно другого экономического положения России и другой политической ситуации, другой структуры нашего режима, в отличие от западных демократий, которые более стабильны на данном этапе — у нас как раз в силу этого есть гораздо больше шансов, чем у западной цивилизации, мне так кажется.

Олег Кильдюшов:

— Я хотел бы сказать пару слов о потенциале ассимиляции. Сможет ли Запад стать ассимилятором или, наоборот, он станет объектом этой самой ассимиляции. Елена Чудинова говорила об исламском вызове, и это

действительно так. Но здесь очевидна определенная асимметрия. Речь идет о том, что мы не можем ответить на исламский фундаментализм посредством рехристианизации Европы до такой степени, что мы сами станем христианами фундаменталистами — это просто нереалистично. Мои недавние контакты с немецкими, австрийскими коллегами, в том числе и с авторами шестого номера журнала «Вопросы национализма», показали однозначно, что и они, непосредственные участники общеевропейской борьбы с «мульти-культи», сами говорят об утопичности такого рода надежд. Более того, в целом мы можем сказать, что еще не существует позитивной программы для пост-«мульти-культи». Пока. Но определенные контуры новой культурной и национальной политики мы уже можем представить и даже назвать их. Более того, здесь, на этом круглом столе некоторые эти пункты были прямо названы. Например, то, что Михаил Ремизов назвал консервативной школьной политикой, или мягкие версии христианства (постхристианство, в нашем случае — постправославие), и, наконец, даже умеренный национализм. Да, именно классический национализм, пусть и в каком-то модернизированном изводе. Я думаю, что движение неизбежно будет происходить именно в эту сторону.

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

СОБЛАЗН МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Любой культуре свойственны очень противоречивые тенденции развития, в том числе и в сфере господствующих идеологий. Иногда эти противоречия оказываются на переднем плане всей общественной жизни: имея общие основания, они неразрешимы без изменений в политической корректности, без отказа от некоторых, прежде разделяемых большинством, взглядов. Когда-то создание национальных государств в Европе означало начало формирования современных демократических систем и сделало важнейшей темой общественно-политической жизни права гражданина, но потом именно развитие мысли об этих правах поставило под вопрос дальнейшее существование наций. И действительно, вопрос: может ли нация, будучи специфически современной формой организации, продолжить своё существование в Постмодерне — ставится всё чаще.

Нация, в моей формулировке¹, это общество, унифицированное в социальном, экономическом, политическом и культурном отношениях, обладающее суверенитетом на определённой территории. Социальная унификация предполагает всеобщее равенство перед законом, т.е. отсутствие словесных барьеров между различными группами общества, единый гражданский статус для всех его членов — без привилегий или ущемлений в правах, которые должны были бы передаваться по наследству. Экономическая унификация означает отсутствие внутренних таможенных барьеров, общий

рынок и общие правила хозяйственной деятельности. Политическая унификация предполагает право участия в самоуправлении — избирать и быть избранным, на уровне местном и на общем. И культурная унификация, которая необходима для деятельности всей системы, означает наличие нормированного литературного языка, обладающего обязательным статусом для официальной документации, а также наличие основанной на этой языковой норме системы всеобщего образования. Культурная унификация означает также и господство общей идентичности, то есть самоназвания с передаваемым (через учебники, государственную символику и т.д.) представлением об общей судьбе — истории. Описана идеальная модель, к которой стремится нация на этапе своего формирования, однако этот этап может быть очень долгим и никогда не приводит к её полноценной реализации. Особенно это заметно в области культуры.

Эта последняя составляющая определения — культурная унификация — всегда вызывала много споров и больше всего ставится под сомнение. Появившаяся в конце 1960-х гг. идеология мультикультурализма направлена против культуры как общенационального явления, отрицает единый культурный стандарт внутри национального государства. Однако мультикультурализм не является идеологией сознательно антинациональной, то есть признаёт национальную форму в общих чертах и лишь предлагает некоторую её корректировку — отмену единой официальной культуры. Формула мультикультурализма: *интеграция без ассимиляции*. Если политика унификации культуры

¹ Подробнее см.: *Неменский О.Б. Исход с Равнины // Апология национализма: Сб. ст. М., 2007. С. 82–85.*

предполагает целенаправленную ассимиляцию инокультурных элементов, а потому ставит вопрос о том, кого можно, а кого нельзя ассимилировать, то политика мультикультурализма этот вопрос риторически снимает. В мультикультуральном обществе, если рассматривать его как идеальную модель, просто нет господствующей культуры.

Основной принцип мультикультурализма — «равноправное сосуществование различных форм культурной жизни» (Ю. Хабермас), то есть равноправие меньшинств и большинства. Это требует наличия программ специальной поддержки и защиты меньшинств. В наши дни мультикультуральная политика направлена не только на этнические и конфессиональные меньшинства, но и на меньшинства других типов (гомосексуальные, феминистское движение и т.д.). Важно, что поддержка меньшинств оказывается не просто стороной государственной политики, но и частью всей социально-политической системы. Мультикультурализм подразумевает построение общества на взаимодействии социальных структур, созданных на этнокультурных, конфессиональных и др. основаниях. Принцип территориального суверенитета остаётся за нацией, но мультикультурность становится важнейшим принципом закона о гражданстве, системы социальной защиты и вообще всей социальной политики, образования, избирательной системы, трудового права и всего регулирования рынка труда, миграционного законодательства.

Можно различать пассивный и активный мультикультурализм², то есть политику толерантного отношения к культурному разнообразию и полити-

ку его активной поддержки и развития, когда государство поощряет разделение граждан на меньшинства и активно их поддерживает. В таком случае, чтобы иметь всю полноту гражданских прав и возможностей, человеку надо быть членом каких-либо (чаще всего этноконфессиональных) меньшинств. И если на ранних стадиях внедрения мультикультуральной политики речь шла скорее об отмене ассимиляционных практик, то уже довольно скоро развитие новой идеологии потребовало от государства внедрения определённых практик.

Фактически за мультикультурализмом стоит отрицание единого общества — вместо него утверждается конгломерат общин с общим гражданством. В этом можно увидеть постмодернистское «расщепление субъекта», его децентрализацию. Однако на деле такая институализация этничности приводит к возрождению на новых основаниях донациональных форм общественной жизни, в чём можно усмотреть даже возрождение сословности. В системе мультикультурализма этническая группа становится субъектом права. Например, социальная помощь оказывается не иммигрантам как отдельным людям, а определённым группам, выделяемым по этническому признаку — и теперь это касается далеко не только мигрантских диаспор.

По сути, мультикультурализм стал идеологией и правовой основой политики привлечения трудовых мигрантов. Её принятие как официальной всегда означало политику «открытых дверей». Примечательно, что благодаря её многолетнему проведению ушло в прошлое различие между иммигрантскими и неиммигрантскими странами Запада: первые стали «обществами классической иммиграции», а вторые «новыми иммигрантскими государствами». Арабская и турецкая диаспоры в Европе стали такими же инициаторами мультикультуральных

² Схожее определение даёт Чандран Кукатас для моделей «мягкого» и «жёсткого» мультикультурализма. См.: Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма // <http://www.polit.ru/article/2007/05/27/multi-culturalism/>

реформ, как польская и итальянская диаспоры в США.

При этом мультикультурализм как идеология появился в связи с иными задачами. Его родина — Канада — по сей день стоит перед проблемой сохранения своей территориальной целостности, но, возможно, именно благодаря этой идеологии до сих пор существует как единое государство. Идея преодолеть опасную дуальность за счёт объявления мультикультурального статуса государства поначалу была связана с признанием прав «четырёх автохтонных народов» (индейцев), которые должны быть защищены перед ассимиляторским воздействием англо- и франкоязычной культуры. Однако иммигрантские диаспоры быстро определили выгодность нового курса этнической политики, и именно в таком виде идеология была чуть позже воспринята (и стала официальной в 1973 году) в Австралии.

Импорт новых идей в Европу связан был уже с иными основаниями, здесь сыграло роль развитие леволиберальной мысли: утверждение принципа равенства возможностей всех граждан столкнулось с фактическим различием реальных возможностей у представителей этнокультурного большинства и различных меньшинств. Возникла идея позитивной дискриминации, то есть предоставления различных льгот и привилегий меньшинствам с целью уравнивания их возможностей с возможностями большинства.

Так произошла мутация либеральной мысли: если для её традиционных форм основным принципом были права человека, то есть каждого отдельного гражданина, то теперь на первом плане оказались требования равных прав коллективов людей как гарантирующих равенство возможностей отдельных их представителей.

Мультикультурализм оказался очень своевременной идеологией для Европы, и не только из-за экономических причин (потребность в при-

влечении дешёвой рабочей силы из-за рубежа), но и из-за определённого состояния общественного мнения.

Обратной стороной предпринятого в связи с этим процесса оказалось то, что теперь человек, ради достижения больших возможностей, вынужден делегировать часть своей личной правовой ответственности этноконфессиональной группе и его отношения с государством становятся ею опосредованы. Что, в свою очередь, поначалу представляло определённое удобство для центральной власти — в плане утверждения лучшей управляемости новых, слабо ассимилированных иммигрантских общин. Но интересно, что в 1975 г., когда мультикультурализм был объявлен официальной политикой в Швеции, и в конце 1970-х — начале 1980-х гг., когда эта идеология была принята в большинстве стран Западной Европы, они ещё не представляли собой «новые иммигрантские страны». В этом плане политика мультикультурализма сама создала ту реальность, для регулирования которой задумывалась.

Одно из важнейших условий принятия мультикультуральных принципов — это комплекс вины, культивируемый в общественном мнении большинства. В Канаде было объявлено о большой вине перед почти истреблённым к тому времени автохтонным индейским населением, и эта вина вскоре оказалась общей идеей для всех «классических иммигрантских стран» (Америки, Южной Африки, Австралии), создав особое состояние общественного мнения как основу для утверждения новой политики. То же чувство коллективной вины оказалось основой для перенятия этой идеологии в Европе. Европа 1970-х гг. состояла из наций, культивирующих чувство вины за нацистско-фашистское прошлое, и наций, озаботившихся тем же чувством в связи со своим колониальным прошлым, как раз к этому времени потерявшим практическую актуальность.

Политика «открытых дверей», идеи «открытого общества» как нельзя лучше помогали «искупить вину» перед теми, кто ещё недавно составлял подавляемые колониальные народы, кого ещё недавно считали недоллюдьми. Эта благородная (и, надо сказать, вполне оправданная) мысль на деле стала основой для быстрого превращения старых европейских наций в иммигрантские сообщества. А в скором времени встал вопрос и о сохранении единых национальных государств.

Культурная унификация является необходимым условием существования нации, а мультикультурализм это основание подрывает. В 2000-х гг. данный вывод стал казаться всё более очевидным, и скептическое отношение к проведению мультикультуральной политики стало всё чаще прорываться сквозь принятые с 70-80-х гг. нормы политкорректности. Ещё в 2002 г. испанский премьер-министр Хосе-Мария Аснар заявил, что «мультикультурализм раскалывает общество». Примечательно, что Испания — страна, которой, согласно логике сторонников этой идеологии, «мультикультурализм просто прописан». Ведь опасность раскола на две и более части перед ней стоит не меньшая, чем перед Канадой. То же можно сказать, например, про Бельгию, или Великобританию. Однако во всех этих случаях планы интеграции на основе новой политики уже сейчас можно считать несостоятельными. Выступление испанского премьера осталось небольшим скандалом в политической жизни Европы, и только в 2010 г. сомнение в принципах мультикультурализма вошло в актуальную политическую жизнь.

Канцлер Германии Ангела Меркель в своём выступлении 18 ноября 2010 г. открыто заявила об «абсолютном крахе» этой политики, ведь различные этноконфессиональные общины Германии «живут бок о бок, но не взаимодействуют». Поддержавший её премьер-министр Великобритании

Дэвид Кэмерон, выступая в Мюнхене 5 февраля 2011 г., открыто заговорил об «отсутствии у молодых людей, выходцев из мусульманских стран, других идентичностей, кроме соотношения себя с общиной». Выступление президента Франции Николя Саркози 12 февраля того же года уже было похоже не на критику, а на манифест отказа от неудавшейся политической идеологии: «Общество, в котором общины просто сосуществуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным»; «Наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга — этот подход провалился, совершенно провалился».

Позже выступили с похожими заявлениями: вице-премьер Нидерландов Максим Верхаген, генеральный секретарь Совета Европы и бывший премьер Норвегии Турбьёрн Ягланд, бывший премьер-министр Бельгии Ив Летерм и Австралии Джон Говард и др.

Однако стоит заметить, что делать вывод об отказе Запада (или, по крайней мере, Европы) от проведения мультикультуральной политики всё же преждевременно. Во-первых, заявления прозвучали преимущественно от лидеров одного политического лагеря Европы — консервативного, но не были поддержаны либералами и социалистами (Т. Ягланд здесь скорее исключение). Автор скандальной книги «Германия самоликвидируется» Тило Саррацин, член Социал-Демократической партии Германии, вошёл в конфликт со всей партией, почти не найдя в ней сторонников. Более того, даже в консервативной среде до сих пор не сложилось общего мнения на этот счёт. Во-вторых, введённые в законодательство принципы мультикультурализма не отменены и продолжают оставаться идеологической основой для официальной политики. В-третьих (и это, наверное, самое главное), у нынешних европей-

ских элит нет плана и идеологии по исправлению ситуации. Есть разочарование в мультикультурализме некоторой их части и полная неопределённость в дальнейших действиях.

И всё же после всей этой серии заявлений старые нормы политкорректности в данном вопросе серьёзно пошатнулись, а поднятие вопроса о рациональности проведения соответствующей политической линии стало банальным. По-новому остро вопрос о её результатах поставил двойной теракт в Норвегии 22 июля 2011 года, который показал и ещё одну сторону её негативных последствий — реакцию автохтонного европейского населения.

* * *

Главный вопрос, который стоит перед западным общественным мнением: мультикультурализм действительно способствует интеграции, или лишь укреплению межгрупповых барьеров? Опыт свидетельствует, что скорее второе. Общий итог применения политики мультикультурализма: позитивных результатов очень мало, зато негативные весьма значительны.

Общества, в которых уже долго проводится мультикультуральная политика, не только не стали более интегрированными, но и получили обратный результат. Политика канадского мультикультурализма так и не отменила противоречия между франкоязычной и англоязычной частями страны. Квебек продолжает свой путь к отделению и формированию нового национального государства. То же можно сказать и про другие государства, склонные к распаду по этнолингвистическому критерию. При этом появилась масса новых проблем в сфере межэтнических отношений.

Вообще, мультикультурализм всё чаще расценивается как политика дискриминации большинства, так как у его представителей оказывается гораздо меньше возможностей и привилегий, да и просто выбора. Доступ к обще-

ственным благам при мультикультурализме достигается через участие в этноконфессиональных группах — и оно становится привлекательным, если не необходимым. Так идея равноправия большинства и меньшинств на деле оборачивается приоритетностью меньшинств, что способствует их обособлению, отдалению от большинства. Возникает и ещё одна конфликтогенная ситуация: различные этнические группы становятся конкурентами друг другу за государственные дотации.

Мультикультурализм искусственно консервирует традиционно-общинные отношения, а тем самым препятствует индивидуальной интеграции их членов в гражданское сообщество. Это ведёт к росту групповых форм идентичности, их реконструкции. В результате межэтнические конфликты делаются неразрешимыми, так как только укрепляются. На деле европейский мультикультурализм был чаще всего вызван проблемой социальной «утилизации» побочного продукта применения дешёвой завозной рабочей силы — детей мигрантов. Однако именно в этом отношении он показал себя совершенно беспомощным: крупные уличные беспорядки в парижских предместьях устраивали в основном представители третьего поколения приезжих. Формируется система, которую можно назвать своего рода культурным апартеидом, только совмещённым с практиками позитивной дискриминации (affirmative action) меньшинств.

Мультикультурализм предполагает этнически структурированное общество, чем только стимулирует этнокультурную дифференциацию, а также, как точно сформулировал В. Малахов, «способствует расиализации и этнизации общественного дискурса»³.

³ Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002. С. 48–60.

Это с неизбежностью приводит к формированию новых волн расизма, этнической ненависти и даже сепаратизма. В США основную роль сейчас играют уже не этнические, а надэтнические (в основном просто расовые) социальные структуры: «азиаты», «афроамериканцы». Ликвидация культурных основ нации в мультикультурализме приводит к новой этнизации, но разрыв между культурой и политикой, введённый в банальное сознание, влечёт и возрождение расового дискурса идентичности. Мы как бы возвращаемся ко времени начала формирования наций, только движемся по нему в обратную сторону.

Во всех странах мультикультуральной политики заметен значительный рост межэтнической напряжённости, ксенофобии и враждебности к иммигрантам. Как справедливо выразился один исследователь, «ирония мультикультурализма» состоит в том, что «толерантность на уровне государственной политики ведёт к нетерпимости большинства населения»⁴. Вместо интеграции (заявляемой как главная цель мультикультурализма) распространяется добровольная самосегрегация меньшинств и отчуждённость иммигрантов. «Мультикультурализм на уровне страны оборачивается жёсткой сегрегацией на локальном уровне»⁵.

Важнейшим следствием мультикультуралистской политики становится геттоизация меньшинств. В городах формируются особые этнические районы, иногда появляются и экстерриториальные этноконфессиональные анклавные территории страны. Провоцирование центральной властью сегрегации и появление новых гетто

влечёт за собой и формирование альтернативных институтов контроля и управления, применяемых только внутри гетто.

Летом 2011 г. большой шум надела решимость мусульманской общины объявить ряд кварталов Восточного Лондона особыми эмиратами, на территорию которых запрещено заходить немусульманам и где господствуют нормы не английских законов, а шариата. Эта история важна тем, что английские власти так и не смогли сформулировать адекватный ответ такой инициативе, ограничившись разве что уничтожением уличных таблиц, обозначающих эти территории. Идею интеграции в британское законодательство отдельных шариатских норм также вряд ли можно признать способом решения проблемы. Так или иначе, де-факто «зоны шариата» в Лондоне уже действуют. В результате никуда не уйти от того, что жители новых гетто имеют гораздо меньшие возможности адаптации к основной культуре. А это значит, что политика мультикультурализма привела к прямо обратным, чем предполагалось, результатам. Всё это только раскалывает гражданское общество, а не интегрирует его.

Причины провала мультикультурального эксперимента следует искать в недостатках самой идеологии, в её, попросту говоря, ошибках. И здесь можно заметить целый ряд весьма неадекватных подходов к реальности, возведённых в догму.

Логической основой мультикультурализма является модель политической (гражданской) нации. Ставшая классической схема разделения двух типов национализма на политический и этнокультурный, введённая в науку благодаря Гансу Кону в середине XX в., была использована для утверждения возможности существования обществ «конституционного патриотизма» (Ю. Хабермас), то есть наций, не имеющих каких-либо этнокультурных оснований. Как не раз отмечалось

⁴ Котельников В. Мультикультурализм для Европы: вызов иммиграции // <http://antropotok.archipelag.ru/text/a263.htm>

⁵ Паин Э. Закат вульгарного мультикультурализма как возрождение культуры модерна // Россия в глобальной политике. 2001. №2. С. 8–23.

в националистической литературе, эта типологизация неплохо характеризует самосознание националистических движений, но не самих наций — они-то получают довольно схожими, и этнокультурные основания свойственны им всем. Примечательно, что идеологи утверждения «политических наций» сами сомневаются в национальном статусе таких обществ⁶. Однако идеология мультикультурализма сохраняет националистическую форму, утверждая политический принцип гражданства как абсолютно достаточный для существования наций.

Идея чисто политической трактовки национальной идентичности интересна именно своим фактологическим противоречием. На практике т.н. гражданские нации (французская, британская, американская) отличались несопоставимо более жёсткими практиками этнокультурной ассимиляции, чем нации «этнические». Политика Лондона в Ирландии и Шотландии, политика Парижа по отношению к Окситании, Бургундии, Бретани, Эльзасу и Лотарингии, а также Вашингтона в отношении индейцев и иммигрантских диаспор (имеющая наименование «плавильного котла») — это масштабные и довольно успешные ассимиляторские кампании. Можно даже сказать, что идея политической нации является наиболее успешной технологией уничтожения (через принудительную ассимиляцию) этнических меньшинств и немислима без этноцидных практик. Этнический же национализм (немецкий, славянский) предполагает стратегии отделения от чуждых этнокультурных групп, установления с ними либо внешних границ, либо выведения их из общей политической жизни внутри страны. В контексте такого

подхода ассимиляторские практики оказываются гораздо мягче и менее масштабными.

Это различие, кстати, в наши дни ярко проявляется в миграционной политике. Именно в ней можно увидеть, на каком национализме основана была нация — на политическом или этнокультурном. В пример можно привести стратегии вовлечения мигрантов в гражданское общество, свойственные Франции, и многочисленные препоны для получения гражданства мигрантами, характерные для современной Германии. Отношение к турецким гастарбайтерам и их потомкам как к «гостям, временно проживающим иностранцам» (иногда называемое «метекизмом»), представляет гораздо большую свободу действий для исправления просчётов миграционной политики, чем это возможно в модели гражданского национализма. У Франции положение сложнее вследствие полноправного гражданского статуса, полученного большинством мигрантов, причём масштаб социального напряжения в этой стране сейчас один из самых высоких в Европе. Получается, что именно для государства, представляющего своей национальной политикой классический пример политического национализма, мультикультурализм стал более разрушительной силой.

И в этом можно усмотреть закономерность. Сила идеологии политического национализма заключалась именно в обмане: признание членами нации всех жителей государства независимо от этнокультурных характеристик (и тем самым заявление принципа равенства граждан независимо от их языка и этничности), а на деле применение самых серьёзных мер по культурной унификации. Как известно, если сто лет назад меньше половины французов владели французским языком, то к 1970-м гг. франкоязычие было уже почти всеобщим, а французская идентичность почти полностью

⁶ См. об этом в работах Ю. Хабермаса, напр.: Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 105–152.

победила в ещё недавно иноэтничных провинциях.

Политика же мультикультурализма подрывает этот обманчивый механизм утверждения политических наций, ликвидирует основания их относительного успеха: гражданами признаются по-прежнему все, независимо от их языка и культуры, но государство лишается права на активную ассимиляторскую политику. То есть мультикультурализм оказывается опаснее именно для нации, построенной на основе политического национализма, так как использует тот же принцип нациостроительства, но предполагает совершенно иные результаты.

На деле чисто политическая интеграция без культурной унификации возможна только в недемократичных обществах, то есть в тех, в которых власть идёт сверху (монархия, авторитаризм) и объединяет всех как подданных самим фактом принудительной лояльности. Но если власть исходит снизу, в стране запущены механизмы политической демократии, то культурная унификация оказывается необходимым средством стабилизации общества. Иначе невозможным становится понятие «воли народа», и демократические механизмы просто перестают работать. В результате противоречия «выходят на улицы», а политика быстрыми темпами этнизируется, то есть уходит от старого «общегражданского» принципа.

Главное понятие, с которым работает идеология мультикультурализма, — это культура. Однако мультикультурализм рассматривает культуру крайне упрощённо: как некий набор декоративно-фольклорных форм, в полном отрыве от системы ценностей и быта. Культура воспринимается как памятник истории, требующий максимального сохранения, а люди этой культуры, если уж развивать аналогию, — как кирпичики этого памятника, постоянные в своих формах.

С одной стороны, признаётся пол-

ное право на существование и развитие чужих культур (более того, им предоставляется система защиты и помощи), но с другой стороны — государство настаивает на признании всеми именно «западных ценностей». Ценностные установки современного Запада признаются универсальными — в отличие от ценностей иных культур, в чём можно усмотреть прямое продолжение колониальных понятий⁷. Однако культуры основаны на ценностях, и признание права незападных культур на существование с необходимостью должно сочетаться с признанием за ними права на альтернативные ценностные установки. Последовательный мультикультурализм должен совмещаться с полным плюрализмом ценностей, что в свою очередь влечёт и признание иных правовых, в первую очередь судебных систем за различными этнокультурными общинами. Этого ни одно формально мультикультуральное государство так не сделало.

Утверждение общих ценностей разрушает саму возможность для реализации чистого мультикультурального эксперимента, ведь через это утверждение идёт диктат одной общей культуры — пусть не в национальных её формах, а в более широких — цивилизационных. Если есть общие ценности, значит, есть и общая культура.

⁷ Примечательна формулировка Славоя Жижека, которую стоит привести полностью: «Мультикультурализм — это расизм, который освобождается от всякого положительного содержания (мультикультуралист — это не открытый расист, он не противопоставляет Другому особенные ценности своей культуры), но тем не менее сохраняет эту позицию как привилегированное пустое место всеобщности, с которого он может давать оценку совершенно иным особым культурам — уважение мультикультуралиста к личности Другого и есть форма утверждения собственного превосходства» (Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб., 2005. С. 110).

Нет общей культуры — нет и общих ценностей. Они могут совпадать, но не быть общими. Однако весь опыт человеческой истории свидетельствует, что общество без общих ценностей жить не может. Их отсутствие его просто ликвидирует, превращая либо в стадо, либо в случайное соседство.

Идея разделения сфер культуры, выдвинутая как попытка спасти мультикультуральные принципы, также исходит из крайне примитивного понимания культуры, а потому может быть только умозрительной. Согласно этой точке зрения, в публичной сфере должно поощряться следование общим культурным нормам, зато в приватной — своим групповым. Одна культура дома, другая на улице. Но культура не может существовать только в приватной сфере — она по определению общественна, она обязательно публична. Человек не может менять культуру «как перчатки», переходя порог дома. Да и даже теоретически невозможно провести строгое разграничение между этими сферами, тем более что законы любой европейской страны регламентируют и частно-семейную сферу отношений.

Это же касается и общего быта. В западных языках, к сожалению, отсутствует это понятие (используемое для его передачи в переводах выражение «манера потребления», мягко говоря, неполно передаёт смысл русского слова) — может быть, поэтому не хватает и понимания важности этой сферы. Однако для существования общества просто необходимы единые традиции бытового поведения, бытовой культуры, иначе конфликтогенными становятся любые случаи взаимодействия людей. Мультикультуральный быт просто невозможен, так как если формируется общая бытовая среда — формируется и общая культура.

Кроме того, мультикультурализму свойственен целый ряд логических ошибок. Как уже было сказано, эта идеология основана на ценности

уважения к иным культурным традициям, но такая ценность сама по себе тоже не должна навязываться другим. А это значит, что такой подход должен совмещаться с признанием права носителей иных культур на отрицание мультикультурализма. Это делает мультикультуральное общество логически невозможным, а в плане попыток его утверждения — принципиально конфликтогенным. Если быть последовательными, то жить согласно нормам мультикультурализма должны только те общины, которые эти нормы сами принимают, но они не должны навязываться тем, кому они культурно чужды. Требование ко всем общинам признавать нормы мультикультурализма принципиальным образом нарушает их культурную автономию, да и просто разрушает своеобразие их культурных традиций.

Сама идея сохранения различных неавтохтонных (чаще всего иммигрантских) культур предполагает создание им условий для существования и развития. Невозможно даже представить себе полноценное исполнение этого требования: культура формируется и существует во вполне конкретных условиях, которые не могут быть воспроизведены в общине. Достаточно сказать только, что современные западные нации не могут обеспечить другим культурам естественные для них географические (климатические) условия развития. Это же касается и традиционного для них опыта культурного соседства, своеобразного политического развития, полноценной структуры общества.

Ошибочными представляются и заявляемые причины введения мультикультуральной политики. Тезис, что ассимиляция как стратегия по отношению к иммигрантам себя не оправдала, сомнителен. Да, достичь полной ассимиляции всех мигрантов к третьему поколению нереально, и это можно было сказать и до 1980-х гг. Однако этот вывод никак не отменяет очень

большие успехи ассимиляторской политики прежних лет и по отношению к автохтонным жителям различных регионов, и по отношению к приезжим. Скорее стоит сделать вывод о том, что целенаправленная ассимиляция не может быть спасительной палочкой, когда политика привлечения иностранных рабочих сменяется политикой замещения собственного населения приезжими. Но менять в связи с этим надо именно миграционную политику, а не культурную.

Кроме того, сама экономическая выгода от столь масштабной трудовой иммиграции многими экономистами тоже ставится под сомнение. А негативные эффекты для общества столь велики, что вряд ли его можно сравнить с этими выгодами. Здесь сказывается противоречие между краткосрочными экономическими интересами деловых элит и отдалёнными социально-культурными последствиями мультикультурализма. Кроме того, сама акцентуация на экономических задачах вряд ли разумна: с разных позиций экономически нецелесообразным можно признать существование многих народов, но это не значит, что они должны быть уничтожены. Между тем именно это делают с собой современные европейские нации.

Но переход к мультикультурализму был вызван не только заинтересованностью в привлечении мигрантов, но и идеологическими веяниями, господствовавшими в западной культуре с конца 1960-х гг. Надо признать, в наши дни старые идейные поветрия сменились новыми, и место идей открытого общества занял миграционный вопрос и проблема самосохранения европейских культур. Уже само это лучше всего демонстрирует поражение принципов мультикультурализма в результате столь масштабно предпринятого эксперимента.

Вызывают тревогу и те перспективы, которые открываются перед западными обществами в свете проведения в

жизнь мультикультуральных принципов. Прогресс этнического плюрализма ведёт к межэтнической напряжённости, это уже очевидно. Ситуация накаляется, что способствует и росту экстремизма, в том числе и терроризма. Террористическая опасность, а также массовое хулиганство (вроде поджога машин) недовольных представителей меньшинств или крайне правых представителей пока ещё большинства постепенно становятся банальным фоном европейской жизни. Необходимость как-то бороться с этими явлениями создаёт на новом техническом уровне государство всепроникающего контроля и слежки. Дальше всех в этом деле преуспели США, уже сильно нарушившие принцип невмешательства в частную жизнь, однако по тому же пути идут (и вынуждены идти) все западные государства. Всё это постепенно создаёт на Западе неототалитарные общества, в которых каждый человек рассматривается государством с точки зрения той потенциальной опасности, которая от него исходит.

Для такого тоталитаризма, в отличие от старых тоталитарных обществ, характерно разделение и разобщение населения на мелкие группы через политику мультикультурализма. При этом государство перестаёт быть единственным актором такой политики, так как осуществляется глобализация тоталитарных систем и практик. Демократия отмирает, и это естественно — демократический принцип основан на «воле народа», а в мультикультуральном обществе нет и не может быть такой воли — есть только потребности отдельных экстерриториальных этноконфессиональных групп, государственными органами не обладающих.

А в целом всё это ведёт к диаспорализации. Но тем самым мультикультурализм оказывается частью глобализационных процессов. Де-факто он просто вуализирует эволюцию национальных государств в диаспоральные пространства, являясь, по сути, идео-

логией самоотрицания национальных обществ. Однако возможность утверждения такого «нового мирового порядка» сомнительна уже потому, что эксперимент с введением этой политики на глазах проваливается, а обратное движение — реакция на этот провал — предполагает иную направленность развития.

Многокультурность — неестественное состояние для нации. Идеальное многокультурное общество больше всего напоминает варварские королевства Европы эпохи раннего Средневековья. Но в результате их развития формировались цельные культуры, а самые сильные из них впоследствии создали нации. Состояние «варварского королевства» может быть долгим, но не может быть стабильным — оно ведёт к новой реальности. Да, возможно, уже стоит признать гибель целого ряда старых европейских наций. Но нынешнее их состояние не является заменой старого. Это хаос, из которого, при благоприятных условиях и отсутствии сильной реакции, может сформироваться что-то качественно новое. И вполне возможно, что общие контуры этого «нового» можно увидеть в идеях евроислама.

Все современные общества Европы являются результатом многовековой политики культурного диктата. Отрицая право государства на такую политику, мы сами отрицаем свои основы — и самих себя как общества. Теперь важнейшей проблемой стало сохранение культурного наследия, традиций, исторической памяти и идентичности европейских народов. Это новая повестка дня, так как представители старых европейских культур не привыкли чувствовать себя и свои общества слабыми. Они и не имеют средств и способов такой самозащиты. Наверняка та же французская идентичность теперь будет этнизироваться, терять общенациональное содержание, что пока даже трудно выразить на французском языке. Но эта новая реальность уже

началась — и диктует свою повестку дня.

* * *

Судьба мультикультурализма в России совсем молода. После серии заявлений европейских лидеров о провале политики мультикультурализма президент России Дмитрий Медведев на февральском 2011 г. заседании Госсовета попытался защитить эту идеологию. Он настаивал на её традиционности для России и связал её с задачами становления новой «российской нации». Трудно сказать, как для нашей страны может быть традиционна идеология, изобретённая сорок лет назад в Канаде, равно как и то, как ориентация на традиции соотносится с целями построения новой нации. Возможно, президент просто не стал вдаваться в теоретические и исторические тонкости, восприняв слово «мультикультурализм» как «многокультурность». Однако публичная декларация приверженности очередной и весьма своеобразной западной идеологии со стороны главы государства остро поставила перед обществом вопрос о применимости соответствующей политики для нашей страны.

Надо сразу сказать, что в РФ и СССР никогда официально не принимались принципы мультикультурализма, не вводились в законодательство и не становились основой государственной политики. Однако по многим своим свойствам они действительно очень близки той национальной политике, которая была сформирована ещё В.И. Лениным и И.В. Сталиным и довольно последовательно проводилась в жизнь всю историю Советского Союза, а потом так и не была отменена и чем-либо заменена в РФ.

Согласно логике мультикультурализма, для утверждения равного достоинства всех граждан государство должно идти на неравное обращение с различными социальными группами. Принцип равенства возможностей

требует компенсационных и охранительных мер по отношению к разным социальным группам, предоставления различным меньшинствам льгот и преференций, даже более высокого статуса по сравнению с большинством. Всё это действительно очень напоминает ленинскую концепцию «сдерживания старшего брата», только выраженную иным языком и в несколько иной логике. Для Ленина была важна идея создания стабильной многонациональной государственности, и основой этой стабильности виделся неполноправный статус русского большинства. Для идеологов же мультикультурализма важны вопросы обеспечения равенства возможностей всех граждан и право существования неассимилированных общин мигрантов в едином гражданском обществе. Но положение большинства при обоих подходах оказывается схожим.

Более того, эту схожесть можно заметить и по другим свойствам обеих идеологий. Например, советское отношение к «национальным культурам» очень напоминает понимание культуры в мультикультурализме — то же отношение к ней как к декоративно-фольклорному комплексу. Мультикультурализм так же, как и советская (российская) национальная политика, способствует формированию этнократических элит. Это сходство двух политик уже не раз было подмечено исследователями⁸.

И всё же советская национальная

политика, во многом напоминающая мультикультурализм, им не была. Она представляла собой совсем иной комплекс законов и политических практик. Кроме того, она формировала совсем иную национальную реальность. Если мультикультурализм — это политика постнациональная, то есть приспособленная к проведению в условиях уже сложившегося национального государства, и не предполагающая его дробления или ликвидации, то советская национальная политика была сознательно направлена на создание новых наций. СССР виделся союзом национальных республик, а в РСФСР были созданы национальные автономии. Советский Союз представлял собой «фабрику наций», а не этнических общин. И это его свойство полностью унаследовала Российская Федерация.

РФ — также «многонациональное государство», а не многокультурная нация. При этом русские нацией не являются и никаких органов самоуправления не имеют. Положение же меньшинств, за которыми признан статус автохтонности, устроено по классическому национальному принципу и через договор с федеральным центром. Собственно говоря, если в России где-то и может проводиться политика мультикультурализма (в принципе постнациональная) — то только в национальных республиках. И, в общем-то, это могло бы быть неплохой инициативой со стороны федерального центра, так как положение русского населения в этих республиках (или, например, татарского в Башкортостане) требует дополнительной защиты.

Многонациональная система современной РФ имеет много изъянов с точки зрения обеспечения прав человека и в этом плане весьма уязвима для критики. Права нацменьшинств обеспечены в национальных республиках, но имеют слабую защиту вне них. Между тем тех же российских татар вне Татарстана живёт больше, чем в самой республике. При этом отсутствие на-

⁸ Например, Виктор Воронков: «СССР — страна победившего мультикультурализма» (*Воронков В.* Мультикультурализм versus деконструкция этнических границ? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. С. 38–47); Владимир Малахов: «Между “национальной политикой” советских коммунистов и “политиками мультикультурализма”, практикуемыми на Западе, немало сходного» (*Малахов В.* Культурный плюрализм versus мультикультурализм // *Логос.* 2000. № 5–6).

ционального статуса у ненациональных (а на самом деле русских) регионов России не даёт возможности проводить там классическую национальную политику, предполагающую наличие меньшинств. В то же время, как было сказано, статус общин нетитульных народов в национальных республиках остаётся на усмотрение местных властей и в немалой степени вызывает сомнение. Кстати, стоит вспомнить и о запрете на создание русской культурной автономии в РФ.

Единственный способ привести национальные отношения в России к западным стандартам соблюдения прав человека — это ликвидация национальных автономий и предоставление всем этническим меньшинствам защищённого статуса на всей территории страны. Но для этого РФ должна быть реформирована в национальное государство, что представляет собой слишком сильные перемены в организации, на которые современные политические элиты страны вряд ли смогут (а тем более захотят) пойти. В результате даже теоретически проводить в России политику мультикультурализма (по крайней мере, в её классических западных формах) представляется невозможным.

Если же обратиться к более давней истории России (до «мультинационалистического» эксперимента большевиков), то мы увидим довольно традиционное многоэтническое общество. Наверно, именно об этих традициях говорил Д. Медведев — если, конечно, верно предположение, что понятие «мультикультурализм» он воспринял просто как «многокультурность». Однако как раз такое традиционное многокультурное общество является негативным образцом в контексте мультикультуральной теории. Это т.н. «мозаичное общество», то есть состоящее из многих этнокультурных общин, которые, однако, не объединены в единый гражданский организм. Мозаичность — это идейная противоположность мульти-

культурализму, так как это не интеграционная модель, а модель соседского сосуществования этносов под одной государственной властью. Надо, тем не менее, отметить, что на деле в результате проведения мультикультуральной политики что-то подобное и получается. Однако это непреднамеренные последствия, а по своему замыслу она на разрушение национальной формы направлена — наоборот, предлагает путь её улучшенной интеграции.

Тем не менее надо признать, что само понятие «мультикультурализма» стало в последнее время широко применимо в России, и обоснование проводимой национальной политики со стороны высшего чиновничества ведётся во многом с его помощью. Это повод задаться вопросом: чем же для него так привлекательно это понятие, эта идеология? И тут, думается, есть целый ряд причин.

Во-первых, мультикультурализм на практике ставит под сомнение идеалы национальной государственности, что близко властям нынешней РФ. Во-вторых, во многом через него идёт обоснование современной *как бы* национальной идеологии РФ — россиянства. Создаваемая по решению Кремля «российская нация» видится именно как общество победившего мультикультурализма. Провал соответствующей политики на Западе никак не мешает этим планам, так как они существуют не в области практической политики. В-третьих, мультикультурализм для современного российского режима — способ обозначить другие исторические корни российской национальной политики, чем советско-большевистские. Последние, по понятным причинам, теперь видятся как недостаточно политкорректные, а наименование тех же самых принципов «мультикультурализмом» решает неудобный вопрос.

Вообще, мультикультурализм предполагает иммигрантское общество. А Россия до сих пор таковым не стала.

Однако активно идут процессы, которые приближают её к этому состоянию.

За последние пару десятков лет национальный вопрос в России претерпел заметные изменения. Если в советское время система национальных автономий во многом стабилизировала этнокультурные общества, то теперь появилась и стала по-настоящему актуальной проблема мигрантов. Отличие от схожей проблемы на Западе состоит в том, что в значительной своей части это миграция внутренняя. Наличие в России своего «внутреннего зарубежья», то есть принципиально отличных от основной части страны по этноконфессиональным характеристикам регионов, составляет яркое своеобразие государства. Активные миграции северокавказского населения в исторически русские районы страны являются перемещением граждан одного и того же государства, однако кардинально меняет ситуацию в межэтнических отношениях.

Приезжие из «ближнего зарубежья» также составляют большой поток переселенцев и мало отличаются от предыдущей группы, разве что не имеют российского гражданства. Однако в недалёком уже будущем ситуация может заметно измениться. Сейчас в Россию из ближнего зарубежья ещё едут люди, которые были членами «большого советского народа», неплохо знают русский язык, обучались в советских школах по тем же программам, что и россияне. Но скоро поедут уже новые поколения, выросшие в постсоветское время, — с несравнимо большим культурным отрывом. И напряжённость межэтнических отношений в России наверняка возрастет многократно.

Всё это действительно создаёт ситуацию, подобную той, которую можно видеть в странах, проводящих мультикультуральную политику. Это ещё больше приближает сохранившуюся советскую систему националь-

ной политики к современным западным практикам, давая дополнительные аргументы сторонникам мультикультурализма в России. Например, в США мультикультурализм поначалу был только практикой «позитивной дискриминации» по отношению к афроамериканцам, но потом эти практики были распространены и на иммигрантские сообщества. В РФ тоже действует система позитивной дискриминации, особенно по отношению к представителям северокавказских этносов. Но новая миграционная реальность создаёт условия для распространения этого подхода и на иммигрантские сообщества.

Так, Россия может действительно эволюционировать в сторону мультикультуральной системы, и провал этой политики на Западе здесь, очевидно, заимствованию не помешает. При этом нам уже известны результаты: позитивная дискриминация удобна и потому только укрепляет этническую и диаспоральную замкнутость, способствуя сегрегации по этноконфессиональному принципу. Первые ласточки этих последствий уже проявились: в мае 2008 г. прозвучало предложение сопредседателя Совета муфтиев России Нафигуллы Аширова о создании в крупных городах гетто для этнических меньшинств. Пока что это не нашло официальной поддержки, однако направление развития национальной политики должно вскоре поставить этот вопрос снова, уже в более практической плоскости. Мультикультуральные принципы постепенно занимают положение господствующей идеологии. Уже сейчас они стали заметно вводиться и в систему общего образования.

Стоит особенно отметить, что мы имеем дело не с какими-то существенными изменениями в государственной политике, а с мягкой эволюцией от старых советских её форм к относительно новым, но весьма похожим на прежние. В целом после двадцати лет про-

ведения национальной политики в Российской Федерации можно смело делать выводы о её результатах. Кроме того, у нас политические практики, подобные мультикультурализму, проводятся очень давно, и мы уже видим их негативные последствия, причём гораздо отчётливее, чем на Западе. Последствия эти однозначно отрицательные. Уровень напряжённости межэтнических и межнациональных отношений растёт с каждым годом и достиг уже очень высоких отметок, о чём свидетельствуют все соцопросы.

Постепенно Россия идёт к формированию иммигрантского общества, а на уровне идеологии уже таковой является. Можно привести очень яркий пример с замечанием либеральной политика Л. Гозмана, высказанного против зачатков русского национального движения: он привёл в пример американских индейцев, которые, на его взгляд, в попытках спасти свою культуру заточили себя в резервации. Такое отношение к русским как к индейцам тождественно отношению потомка мигрантов, полноправного жителя иммигрантской страны, к культурно чуждым автохтонам. На фоне этого России активно внушается комплекс вины за своё прошлое, в чём можно усмотреть попытку распространить на нашу страну общее для современного Запада явление, сформировавшее в недавнем прошлом психологические условия для введения норм мультикультурализма.

Стоит, однако, сказать, что и противодействие этой политике уже весьма ощутимо. Большая часть общества идею коллективной вины отвергает. Вообще, сама эта мысль имеет специфически западную структуру. Это своеобразное западное культурное свойство, уходящее корнями ещё в католические и раннепротестантские идеи о коллективной ответственности за грехи. Возможно, поэтому она трудно воспринимается в контексте православной культуры. А неожиданно

высокая популярность лозунга «Россия для русских!» в последние годы означает, что общество отвергает старую национальную политику, а значит и мягко дополняемый в неё мультикультурализм.

На постсоветском пространстве мультикультурализм создаёт условия для расцвета этнонационализма малых народов, и Россия в этом плане не исключение, а лишь подтверждение западной практики. В действительности на Северном Кавказе последние двадцать лет идёт только этнокультурная дезинтеграция. Примечательно, что и среди высоких чиновников, отвечающих за проведение этой политики, стали появляться весьма критичные отзывы. Например, директор Федеральной миграционной службы (ФМС РФ) Константин Ромодановский в интервью «Интерфаксу» 25 июля 2011 г. заявил: «Мультикультурализм — это стимулирование различий. Если стимулировать различия, то это путь в никуда».

Главная проблема у России — с общей идентичностью. В таком масштабе и в таком виде эта проблема представляется нашей особенностью, так как на Западе она почти везде была решена в период создания национальных государств. Свообразным свойством России, отличающим её от западных стран, является табу на любые политические актуализации русской идентичности. Российская государственная идентичность формально оторвана от этнического самосознания большинства, и каких-либо форм его репрезентаций в политике просто не существует. Неудивительно, что ярче всего мультикультуральная политика в современной РФ проявляется в её работе с «соотечественниками за рубежом». Многие европейские страны проводят в этом вопросе этнонациональную политику (например, Венгрия, Польша, Греция, Германия, да и почти все страны постсоветского пространства), а Россия до сих пор не смогла толком

определиться, кого же из иностранцев считать своей диаспорой. И табу на русскую этническую идентичность здесь играет ключевую роль.

Политическая линия всегда должна исходить из оценки проблем, стоящих перед обществом. Каковы основные проблемы современной России в области национальных отношений? Есть ли у неё проблемы с сохранением культуры малых народов, с их автономией? Скорее, у неё проблемы с сохранением и возрождением русской культуры, то есть культуры и идентичности абсолютного большинства граждан. Из этого и надо исходить. Н. Саркози сказал в уже цитировавшейся выше речи: «Мы были слишком озабочены идентичностью того, кто приезжает в нашу страну, и обращали недостаточно внимания на идентичность страны, которая принимает приезжего». У России это — важнейшая проблема, и стоит она гораздо острее и масштабнее, чем во Франции.

Сейчас наша главная задача — единство русской культуры. Страна, у которой нет интеграционной легенды, которая стесняется идентичности большинства населения, — обречена на распад, причём распад региональный. Опыт СССР, да и постсоветской России уже очевидно показал, что ста-

рые принципы национальной политики, тем более дополненные мультикультурализмом, действуют лишь как механизм дезинтеграции. Результатом её проведения стало то, что Россия сейчас отличается невероятно низким уровнем гражданской солидарности и взаимного доверия.

Однако она идёт всё дальше по тому же пути, стадийно опускаясь всё ниже. Если в Советском Союзе вследствие ленинских принципов национальной политики русские были лишены роли государственного народа и им было запрещено иметь свои национальные органы, то всё же надо признать, что государственную роль сохраняла русская культура. А идеологическим штампом было утверждение о русском народе как о «старшем брате», благодаря чему хотя бы признавалось его существование — как носителя официальной культуры. Теперь же с помощью идеологии мультикультурализма решено подорвать и это. Не только русского народа формально не существует, но и русская культура официально теряет статус государственной. Так мультикультуральная модель «общества без доминирующей культуры» разрывает последние связи между русским народом и российской государственностью.

Максим Брусиловский

Мультикультурализм

КАК СОВРЕМЕННЫЙ АПАРТЕИД

Мультикультурализм — система, применительно к которой достаточно сложно говорить об успехе или крахе. Это не машина, которая работает или не работает, а точнее, говоря языком лукавых технологов, «сначала работала хорошо, а потом в ней начались поломки, в результате которых она сломалась окончательно». Любая конструкция, состоящая из миллионов людей, представляет собой живой организм, который рождается, проходит ряд фаз развития (иной раз напоминающих существо из фильма «Чужой»), а потом (иногда) умирает, не исчезая бесследно, а служа питательной средой для новых организмов. Или же не умирает, существуя столетиями, что по человеческим меркам равнозначно вечности.

На сегодняшний день мультикультурализм а) работает и б) эффективно. Вам не нравится? Значит, он или работает не на вас, или вы толком не понимаете принципов работы.

Волею различных обстоятельств в Европе и связанной с ней единой судьбой России появились огромные массы «чужих» людей. На первых порах их пытались интегрировать. В экспансивно расширяющейся России (с ответственным притоком новых подданных) ещё в XVIII веке была задействована система имперской ассимиляции, прекрасно работавшая до самого падения Империи. Нужно понимать её предпосылки: удачная демографическая ситуация (на начало XX века на каждую русскую женщину приходилось в среднем по семь детей, а, напри-

мер, на среднеазиатку — трое), сильный имперский центр, ясно постулирующий, чего он хочет, а чего нет, и, наконец, пассионарный настрой русского народа в целом. Как понятно и то, что сейчас предпосылок для массовой ассимиляции нет, и в ближайшее время не предвидится.

В Европе всё началось значительно позднее: только после Второй мировой и как раз с наиболее пострадавшей Германии. (Отсюда и сам термин «гастарбайтеры» — немецкий.) Видя, как «гости-рабочие» быстро и за малые деньги восстанавливают немецкие земли, успешный опыт стали перенимать и прочие европейцы, тем более что довольно долго сохранялась иллюзия, что, отстроив новую Европу, пришельцы уедут. В начале шестидесятых пошел резкий распад колониальных владений, откуда в бывшие метрополии хлынул поток не только членов «колониальных администраций» и их семей, но и толпы представителей «подшефных» народов. В итоге Европа стала разбухать от миллионов дополнительных граждан, к тому же вовсе не изъявлявших желания когда-либо уехать обратно.

Ситуация постепенно заходила в тупик. Избавиться от мигрантов не получалось. И будем честны — не столько из-за толерантности и человеколюбия коренных европейцев, сколько по причинам чисто экономическим: мигранты, помимо прочего, выплачивали (в отличие от России, где они обычно находятся в «серой зоне») немалые налоги и отчисления в социальные

фонды. Не секрет, что пенсионная система той же Германии без денег «некоренных» жителей просто рухнет — пенсионеров-немцев слишком много по сравнению с ныне работающими.

С другой стороны, ассимилировать такие массы столь существенно отличающихся людей (традиции, религия, бытовые привычки и пр.) европейцам тоже не по силам.

Выход был найден в абсолютно традиционном для европейцев стиле «выдачи нужды за добродетель» — замене «бремени белого человека» на его более подходящую ко времени противоположность. **На сегодняшний день мультикультурализм — это идеальный способ «положительной» сегрегации.** Зачем строить высокие стены гетто и тратиться на охрану, если «чужих» можно просто уговорить сделать практически всё то же самое, но собственными силами и на свои же деньги?

Среднестатистический, например, француз среднего класса в большой степени ксенофоб. И иностранцу, вроде русского туриста, это понять даже проще, чем местным исследователям. Сами французы говорят с тобой достаточно откровенно, ведь ты, с одной стороны, не араб или негр (т.е. белый и христианин), с другой — ты вряд ли захочешь «настучать» в какую-нибудь местную контору на «нетолерантные высказывания» милого соседа или попутчика по пригородной электричке. О ксенофобии французских верхов можно только догадываться, однако она, по всей вероятности, ещё выше. Арабов и негров может быть сколько угодно в «национальных» спортивных командах Франции, но вот истеблишмент национален вполне реально. В него, например, давно и прочно инкорпорированы христианизированные евреи, но нет исламских «представителей колоний».

Европейцы на самом деле вовсе не хотят, чтобы их национальная культура и многие традиционные институты были инфильтрованы миллионна-

ми «чужих». Ясно ведь, что при ассимиляции не отдельных индивидов, чьё «обращение» проходит почти безболезненно, а больших масс процесс идёт в обе стороны. То есть «коренной народ» подвергается серьёзному влиянию (а точнее, даже давлению) и вследствие этого немалым изменениям, вовсе не всегда желательным. И учитывая то, что мигранты чаще всего представляют далеко не лучшую часть своих народов (как по образованию, так и по моральным качествам), подобные изменения могут быть фатальными.

Таким образом, мультикультурализм позволяет европейскому обществу беспрепятственно проводить сегрегацию в интересах коренного населения. Причём безболезненную и добровольную. Не нужны гетто — соответствующие «цветные» кварталы появляются самостоятельно, причём замещают они чаще всего бывшие пролетарские (т.е. и так проблемные) пригороды, так что потеря невелика. Роль нарукавных повязок или прочих отличительных знаков с успехом играет дресс-код, цветастые псевдонациональные костюмы и причёски. (А если всё это иногда начинают копировать представители собственного «коренного» underclass-a, то и это можно списать на допустимые потери.) На магазинах и ресторанах нет вывесок «только для тех-то» — и так понятно, что — для кого. (Здесь, кстати, проходит «нейтральная полоса»: насчёт «чужого», начавшего одеваться в дорогих бутиках европейского стиля, соседи могут задуматься о его инкорпорировании в жизнь как минимум neighborhood-a, а вот у его соплеменников в прикидах из лавочек «восточного шика» шансов нет никаких.)

В России система имперской ассимиляции (т.е. де-факто русификации) была полностью разрушена советской властью. При этом попытка заменить её (а заодно и весь русский народ) «единой общностью — советским народом» также провалилась. Мульт-

тикультурализмом при этом и не пахло. Единство «советского народа» понималось во многом как единообразие. И если на окраинах ещё возможны были какие-то поблажки в виде киностудии «Грузия-фильм» или выставок латгальской керамики, то центральные (русские) области проходили единообразную советизацию максимально ускоренными темпами.

В результате русские школьники вынуждены были вместо европейских светил проходить «творения» периферийных советских авторов (и хорошо если какого-нибудь вполне неглупого Расула Гамзатова, а то попадались ведь и совсем полудикие туземцы), а среднеазиатские ребятишки, иной раз никогда не видевшие снега, наизусть читали «Аднажды вэ студёнаю зимняю пору...» (тоже, кстати, не шедевр).

В современной ситуации бессмысленно пытаться вновь применять советский опыт, как это рекомендуют многие «красные патриоты». Мол, давайте учить мигрантов литературному русскому языку и просвещать их культурно, тогда они постепенно цивилизуются, перестанут резать баранов прямо на улицах и начнут декламировать Пушкина. А мультикультурализм отбросим как «происки гнилого Запада».

На практике — нужны ли нам толпы «русско-культурных» приезжих, так в душе и оставшихся мигрантами? Как уже упоминалось, будучи не лучшими представителями собственных культур, они и здесь станут второсортными. Можно переучивать единичных представителей иных культур, вроде таджикского литературоведа или азербайджанского художника, но бессмысленно преподавать Толстого разнорабочему, имеющему опыт в лучшем случае по выкапыванию арыка.

Да и финансовый вопрос тут отнюдь не второстепенен. Хочется ли нам тратить колоссальные средства из бюджета на окультуривание мигрантов? По всему спектру — от языковых

курсов до новых культурных центров и консерваторий — нужно же где-то «новейшим русским» (вот, кстати, хороший термин для мигрантов, сменивших культурную идентичность) слушать Чайковского?

Так что для нас мультикультурализм — это неплохой выход из ситуации. Даже если впоследствии к власти придёт волевое правительство и выметет нелегалов, останется достаточно большое количество уже вполне укоренившихся приезжих с гражданством, недвижимостью, бизнесом и пр. Их в любом случае придётся как-то пристраивать, как-то соотносить с коренным населением.

Не забудем и ещё один важный аспект нашей темы. **Мультикультурализм — это отложенное решение национальных проблем путём замораживания ситуации на длительный период.** То, что многими принимается за лекарство, на самом деле является торможением болезненных симптомов в ожидании появления «новых форм лечения».

Политический ландшафт Европы меняется у нас на глазах, подталкиваемый внезапными экономическими неурядицами. И вот уже отдельные политики начинают выражаться практически в терминологии недавно запрещенного в России ДПНИ, мало того — их избирают в парламенты и их влияние растёт год от года. Совершенно недальновидно исключать возможность достаточно радикальных перемен и в национальной политике.

Мог ли кто-нибудь ещё несколько лет назад ожидать массового (целыми таборами) выселения цыган из Франции? А теперь для Саркози это один из главных предвыборных козырей, хотя в сравнении с политикой, предлагаемой Марин Ле Пен, смотрящийся уже полумерой. Британцев, похоже, массовые погромы, учинённые в основном мигрантами и их потомками, тоже основательно взбудрили и заставили задуматься.

«Старый Свет» ускоренно правее и при некотором напряжении сил всё ещё не полностью размытого национального ядра вполне может постепенно эволюционировать до если не окончательного, то довольно углублённого решения проблемы «конфликта цивилизаций». Да и сам «золотой миллиард» странно исчислять исключительно по территориальному признаку, мол, Африка в него не включена, а Центральная Европа входит целиком до последнего мусорщика. Человеческий фактор в этой концепции явно превалирует, так что «территории» теоретически могут ужаться до отдельных городских районов. Вот эти — «золотые», а те — увы!

И тут, конечно, мультикультурализм даёт любому властному «опера-

тору» весь набор ключей. Не нужно по старинке рисовать мелом кресты на дверях — можно ставить оцепление на целые кварталы.

При этом следует понимать, что «глубокая заморозка» не вечна и решение всё равно придётся искать, в противном случае пациент рискует не пережить тяжёлые времена. Мультикультурализм ведь может сработать и в противоположную сторону: апартеид, как показывает история, нигде не приводит к длительному равновесию — одна сторона всегда в итоге перевешивает другую. Сейчас у коренных народов европейского континента ещё есть возможность принять нужные решения. Время, однако, уходит, а мультикультурный поток всё прибывает...

Открылся сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
- Анонсы новых материалов
- Интервью с авторами, статьи и рецензии
- Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала

Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

Дмитрий Алтуфьев

КРИТИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ

Понятие

16 ноября 1995 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО в Париже была принята «Декларация принципов толерантности». В этом документе приводится подробное определение данного понятия (статья 1). Представляется целесообразным полностью привести это определение.

«1.1. Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого разнообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это единство в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность — это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира.

1.2. Толерантность — это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность — это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности. Толерантность должны проявлять отдельные лица, группы и государства.

1.3. Толерантность — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и торжеству права. Толерантность — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, уста-

новленные в международно-правовых актах в области прав человека».

Известно, что чем пространнее определение, тем больше ускользает понимание, растворяясь в обилии слов.

Вопрос о толерантности беспрестанно дискутируется в мировой науке, и споры эти не уменьшаются, напротив, в последние годы количество конференций, симпозиумов, научных монографий, рассматривающих данную тему, резко возросло, и даже самые благополучные, казалось бы, страны стали создавать различные программы по выработке рекомендаций в этой области.

Дефиниция толерантности является неоднозначным и чрезвычайно сложным, многоаспектным понятием в общественном сознании, по поводу которого среди исследователей нет определенной ясности. Анализ формирования этого понятия в истории политической мысли позволил выявить первичные его интерпретации, имеющие рациональные основания, в качестве веротерпимости — признания убеждений и веры «другого» (Дж. Локк) и разнообразия образов жизни в обществе (Дж. С. Милль). Эту позицию развивают современные англо-американские исследователи, следующие традиционнolibеральной парадигме (Дж. Ролс, С. Мендус, Д. Хортон, М. Матраверс, П. Николсон, М. Уолцер и др.). Политическая толерантность определяется как добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнения или в действия другого, если даже они отклоняются от мнений или действий субъекта толерантности (П. Николсон).

«Согласно “классической” неолиберальной модели, толерантность не есть безразличие (индифферентность), вынужденное бездействие или абсолютное принятие другого. Это — странная ценность воздержания от употребления своей силы во вред принципиально неприемлемому отклонению», — утверждают авторы сборника «Социология межэтнической толерантности» под ред. Л.М. Дробижевой. Британский философ морали Бернард Уильямс объявил толерантность одновременно необходимой и невозможной, а израильский теоретик Давид Хейд назвал ее «ускользающей добродетелью»¹.

Понятие «толерантность» внутренне противоречиво, парадоксально. С одной стороны, индивид признаёт существующее в обществе отклонение чем-то принципиально недопустимым, неверным или даже морально вредным, с другой же стороны — толерантность требует от него отказа от своего влияния на существование этого самого отклонения. Например, искренне религиозный человек не может не признавать гомосексуализм тягчайшим грехом, противоестественным извращением, оказывающим к тому же морально разлагающее влияние на общество. С другой стороны, в рамках либеральной демократии, как толерантный субъект, он обязан воздерживаться не только от физического воздействия, но и от словесного оскорбления в отношении «лиц нетрадиционной сексуальной ориентации». Человек в современном обществе как бы «раскалывается» на две противоречивые части — личность, имеющую убеждения, верования и принципы, и субъекта политических отношений².

Толерантность, таким образом, вовсе не является самоочевидной ценностью, напротив, она всегда требует аргументации.

Философия толерантности

Толерантность есть терпимость по отношению к иному, к другому, к чужому, — в этом значении понятие толерантности широко используется не только в гуманитарных, но и в естественных науках: биологии, химии и др. В качестве предмета социальной терпимости могут выступать различные формы бытия человека: тело, душа, разум, деятельность, социальные институты и т.д.

В зависимости от объекта можно выделять различные типы толерантности: телесная, психологическая, гносеологическая, мировоззренческая, этническая, социокультурная и др., но можно выделить целостную, антропологическую толерантность, в которой объектом терпимости является другой человек в целом. В этом смысле образцом высшей толерантности является требование «возлюби врага своего», так как в нем фиксируется предел терпения в отношении к другому человеку, который может перейти только святой. Следовательно, в утверждении идеи толерантности главная проблема не политическая и не религиозная, а педагогическая и гуманистическая, и в этой связи возникает ряд затруднений. Д. Хейд, к примеру, так формулирует одно из них: «... как можем мы надеяться воспитать в ребенке личность, приверженную тем или иным моральным ценностям и в то же самое время толерантно относящуюся к их нарушению?»³.

межэтнической толерантности / Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2003. С. 13–16.

³ Heyd D. Education to Toleration: Some Philosophical Obstacles and Resolution // The Culture of Toleration in Diverse Societies: *Reasonable Tolerance*, Ed by C. McKinnon, D. Castiglione. Manchester University Press, 2003. P. 197.

¹ Williams B. Toleration: An Impossible Virtue? // Toleration: An Elusive Virtue / Ed. By D. Heyd. Princeton University Press, 1996. P. 18–27.

² Хомяков М.Б. Теоретическое осмысление проблем толерантности // Социология

Какова область толерантности, ее пространство: Истина? Добро? Богатство? Бог? Любовь? Образ жизни? Самосознание? Семья? Каково направление толерантности: в отношении бедного к богатому или богатого к бедному? Толерантность больного к здоровому или здорового к больному? Белого к черному или черного к белому? Автохтона к мигранту или мигранта к автохтону? Преступника к жертве или жертвы к преступнику?

Принципиальные позиции толерантности — эгалитарность и антиэлитарность. Это означает, что все расы, народы, культуры, религии, группы, люди, хотя и разные, но никакая из них никоим образом и ни при каких обстоятельствах не может быть хуже другой. Все стили жизни равноправны, а кто с этим не согласен — подлежит анафеме. Действует правило: различия можно констатировать, но никогда нельзя давать какую-либо оценку. Не бывает, например, человек хороший или плохой, бывает «другой».

Из этого с неизбежностью следует, что ненавистники, злодеи, убийцы, воры, прелюбодей, растлители малолетних, лгуны и лжесвидетели никак не хуже соблюдающих духовную мораль, они просто другие (что, конечно, чистая правда, но не вся). Тем самым исключается всякая возможность различения добра и зла и отменяется их противоположение как норма духовной морали⁴.

Этим, собственно, следует ограничить рассуждения о взаимоотношениях толерантности и духовной морали ввиду того очевидного факта, что добро и зло, являясь основополагающими ценностными категориями духовной морали, с необходимостью подразумевают оценку.

Если нет оценки, то нет никаких ценностных категорий («другой» — это не

ценностная категория, не говоря уже о том, что здесь толерантность противоречит сама себе: с одной стороны, она отвергает представления о норме, а с другой стороны, само понятие «другой» указывает на некую норму).

Если же нет ценностных суждений, то не может быть и никакой этической системы. Более того, отвергая противопоставление добра и зла, лежащее в основе духовной морали, толерантность отвергает тем самым духовную мораль в целом.

Структура толерантного сознания

Главная проблема здесь заключается в вопросе, что предпринимает толерантный человек для того, чтобы, сохранив свои убеждения, при этом отказаться от интолерантного воздействия на то или иное отклонение? Например, как может быть толерантным искренне верующий христианин, полагающий гомосексуализм тяжчайшим грехом и обладающий административной властью для запрещения, скажем, гей-клубов? Понятно, что толерантность вовсе не требует от него менять свое отношение к гомосексуализму, ведь тогда бы исчез центральный элемент этого понятия, а именно — несогласие с отклонением. Скорее, толерантный человек при рассмотрении вопроса о запрещении гей-клубов будет руководствоваться не своим негативным отношением к данному явлению, а признанием права других людей жить так, как они считают нужным, хотя догматы всех крупнейших монотеистических религий требуют бороться с распространением греха. Другими словами, толерантный человек как бы «забывает», выносит за скобки свое несогласие (которое, однако, всегда остается), фокусируя свое внимание на личности того, с чьим поведением или мнением он не согласен.

Получается, что субъект толерантности всегда стоит перед выбором: с одной стороны, имеются достаточные веские причины для интолерант-

⁴ Лобанова А.П. Новый стиль речи и культура поколения: политическая корректность. М., 2004. С. 123.

ного поведения: запрещений, гонений и пр., с другой стороны — существуют не менее серьезные основания для того, чтобы от этих гонений воздержаться (каждый человек имеет право жить так, как он считает приемлемым для себя, даже если этот выбор противоречит моральным нормам). Но где та грань противоречия моральным нормам, на которой толерантность должна заканчиваться? Кто установит минимальные моральные стандарты, недоступные толерантности, и на какой срок? Закон, в отличие от морали, подвержен резким изменениям — вспомним уголовную ответственность за спекуляцию и мужеложство в СССР. Сегодня фигуранты этих статей являются одними из самых преуспевающих категорий в обществе.

Мы выяснили, что всякое толерантное отношение предполагает некоторую процедуру взвешивания двух мотивов — мотива пресечь неприемлемое отклонение и мотива признать право личности выбирать то, что она считает нужным. В таком случае, когда человек будет толерантен? Очевидно, когда у него будут какие-то основания для следования второму, а не первому ряду мотивации.

Человек выбирает в пользу толерантности, если как-то ослаблено его несогласие с отклонением, или его уважение к личности носителя этого отклонения является особенно сильным или же его убеждения недостаточно устойчивы. Иными словами, нам всегда необходимы какие-то основания для того, чтобы быть толерантными⁵. Рассмотрим их более подробно.

Первый случай. Ослабленное несогласие с отклонением чаще всего является следствием скрытой или подавленной склонности субъекта к тому же отклонению, и проявление толерантности здесь является лишь первым шагом к пороку.

⁵ Социология межэтнической толерантности... С. 17–18.

Второй случай. Уважение к личности носителя девиации способно сыграть достаточно плохую шутку с нашим гипотетическим субъектом. Суть в определении той грани, за которой следует нарушение закона. Большинство объектов толерантности склонны воспринимать ее как вседозволенность в каких-то смутных рамках, а выяснить очертания рамок (или пределов своей экспансии) возможно лишь опытным путем. Выявление пределов дозволенного и постоянные попытки прощупать общество на прочность являются одной из характерных черт как личностей, так и общностей объектов толерантности — от сексуальных меньшинств до национальных землячеств. Более того, постоянное расширение пределов дозволенного является характерной чертой толерантности. Вспомним: то, что было на грани дозволенного в 80-е годы, например, однополые браки или гей-парады, сегодня уже обычная практика.

Третий случай. Неустойчивые убеждения, которые толерантность смогла отодвинуть в сторону, становятся еще более шаткими и поверхностными. Перешагнуть через них второй раз становится уже довольно легким делом, а сделать это еще раз и вовсе не составит труда. Возникает безразличное отношение к любым ценностям и убеждениям.

Меж тем само сосуществование в структуре мышления противоречащих друг другу установок, сам факт выбора между принципами и использование наиболее подходящей установки приводят к дисбалансу сознания, из которого есть два выхода. Первый — это постепенное размытие убеждений и формирование полностью беспринципной, но толерантной личности («Толерантность — это сомнительная добродетель людей, которые ни во что не верят», — писал Г.К. Честертон). Второй путь, когда субъект достаточно тверд, ведет либо к отказу от толерантности, либо к дальней-

шему разрушению единства личности. По сути, это один из механизмов развития шизофрении как тяжелого психического заболевания у отдельного субъекта и идеологической шизофрении как тяжкого поражения общества.

Смысл термина в русском языке

Этимологически толерантность восходит к латинскому слову *tolerantia* — терпение, терпимость, связанному с многозначным глаголом *tolerare* с тем же значением, что и в английском языке, — *выносить, переносить, сносить*. В конце XX в. слово вошло в русский язык и получило широкое распространение в современной речи. Но следует признать, что значение слова «толерантность», зафиксированное в словарях («терпимость и ненасилие»), значительно уже, чем концептуальный смысл, закладываемый в термин либеральной парадигмой. Мы присоединяемся к тем, кто считает, что в русском языке отсутствует концептуальное поле толерантности, оно только формируется с появлением нового слова. Проанализируем модальности ближайших к искомому русских понятий.

Ненасилие — есть отказ от насилия как способа разрешения общественных конфликтов, борьбы за социальную справедливость. В таком понимании ненасилие обладает отрицательной коннотацией и вызывает эмоциональное сопротивление большинства людей и общественного мнения в целом. Почему существует такая позиция? В мировом историческом опыте чаще всего сознательно культивировались две нравственно-политические стратегии, возможные как ответ на ситуацию социальной несправедливости, — стратегия смирения (покорности) и стратегия боевого (и обычно вооруженного) сопротивления. И хотя покорность и смирение были свойственны русскому человеку, они не всегда вызывали симпатию. Поэтому в рамках такой альтернативы насильственное сопротивление является, не-

сомненно, более предпочтительной позицией: действующие таким образом личности сохраняют ответственность за цели, хотя при этом снимают с себя ответственность за средства достижения этих целей. Ненасилие в такой ситуации означает, с позиции русского менталитета, отказ не только от средства борьбы, но и от справедливости, как единственно достойной человека общественной цели. Оно воспринимается либо как форма социального лицемерия, либо как форма социальной трусости и капитуляции. Ненасилию отказывают в доверии, поскольку в нем видят отступление от присущей всем индоевропейским народам героической морали, согласно которой нравственное качество жизни выше самой жизни, а идеалы общественной справедливости стоят того, чтобы идти за них в бой⁶.

Терпимость и терпение входят в систему русских культурных ценностей, которая является социально детерминированным типом программирования поведения. Но в советскую эпоху терпимость презиралась и отвергалась. В лучшем случае ее трактовали как слабость, мягкотелость, чаще же — как измену. Оппонент рассматривался как враг, которого надлежит разоблачить и уничтожить. Языковая политика государства делала терпимость и, соответственно, толерантность к иному мировоззрению, иной вере, иному мнению качеством практически недопустимым. В русской этике терпимость также негативна, поскольку предполагает именно терпимость к плохому и связана с понятием «прощать»: это нетребовательность, невзыскательность, снисхождение.

Если мы обратимся к естественным наукам и рассмотрим значение термина с медицинской точки зрения, то выясним, что «толерантность — это неспособность организма отличать собственные, порожденные в нем веще-

⁶ Там же. С. 26–28.

ства, к которым он должен быть толерантен (терпим), от чужеродных веществ, против которых в нем должны вырабатываться антитела для борьбы с ними»⁷. Чем выше толерантность — тем ниже иммунитет, тем ниже сопротивляемость угрозам, тем слабее здоровье. Очень высокая степень толерантности наблюдается у больного СПИДом на последних стадиях. Самым же толерантным организмом является труп. Он абсолютно толерантен.

История толерантности

Возникновение понятия толерантности как принципа сосуществования относится к XVIII в. и связано с именем Джона Локка, искавшего идейное обоснование для примирения истерзанной религиозными войнами Европы. По мнению С.Г. Ильинской, терпимое отношение к группам практикуется лишь тогда, когда исчерпаны ресурсы их подавления. Возможно, что концепция толерантности не была бы сформулирована Локком, если бы протестанты смогли уничтожить католиков (или наоборот). Введенное им в работе «Опыт о веротерпимости» понятие «толерантность» относилось исключительно к области межконфессионального взаимодействия христиан.

Настоящий переворот в теории толерантности произошел в XIX в. с выходом в свет эссе «О свободе» британского либерального философа Джона Стюарта Милля. В нем он доказывает, что атеисты вполне заслуживают доверия, а также протестует против притеснения нехристиан (в частности, индусов). Терпимость Милля — это терпимость для употребления очень узким кругом хорошо воспитанных людей⁸.

С тех пор понятие толерантности на

Западе серьезно трансформировалось, став одной из ключевых идей либерализма. Со времен Милля идет непростанное расширение поля толерантности и умножение ее объектов и сущностей. Толерантность не признает рамок, и никакие пределы роста для нее, видимо, не существуют. Сегодня она делает обыденными такие вещи, от которых у Локка и Милля, возможно, волосы зашевелились бы на голове. Постепенно леворадикальная критика толерантности (в работах философов Франкфуртской школы в целом и Герберта Маркузе в частности) привела к переоценке явления. Основные упреки, выдвинутые неомарксистами либеральной демократии, сводятся к тому, что в современном обществе пропадают субъекты политики. Ранее толерантность служила защитой силам освобождения. Теперь политическая борьба исчезает — остаются только политтехнологии. Общество претендует на то, что оно толерантно, но поскольку в нем отсутствуют реальные оппоненты, толерантность превращается в апологетику статус-кво и идеологию подавления — реальные политические фигуры находятся вне границ дозволенного, вне терпимости⁹.

Интерес для исследователя толерантности представляют поздние труды современного философа Юргена Хабермаса, где модели *liberal democracy* противопоставляется модель *deliberative democracy*. Центральной в этой модели является идея не толерантности, а солидарности, которая предполагает не выставление условий терпимости тем, кто слабее, а взаимную кооперацию, кооперацию разных, кооперацию в инаковости. В этом смысле последователям Хабермаса идея солидарности кажется более де-

⁷ Медицинская энциклопедия // <http://medinf.ru/terms/19/7452/>

⁸ Ильинская С.Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2007.

⁹ Marcuse H. Repressive Tolerance // A Critique of Pure Tolerance. By Robert Paul Wolff, Barrington Moore, Jr., and Herbert Marcuse. Boston: Beacon Press, 1969. Электронный текст.

мократичной, более соответствующей идее равенства, чем классическая идея толерантности¹⁰.

В Советском Союзе термин «толерантность» не употреблялся. Был ли СССР более или менее толерантен, чем сегодняшняя Россия? При поиске ответа становится ясно, что представление о толерантности совершенно не работает, когда речь заходит о Советском Союзе. Безусловно, возникали проблемы национальные и религиозные, вопросы сексуальных меньшинств и другие, но они разрешались. Возможно, не полностью и не оптимально, что-то отрицалось, что-то замалчивалось, в общем — вопросы решались так, как только и могли решаться в Советском Союзе.

Мы не хотим идеализировать СССР, но краткий сравнительный анализ показывает, что проблемы «культурной дистанции» в нем решались, причем не по единому раз и навсегда заданному извне шаблону, а дифференцированно, исходя из интересов общества и государства. Терпимость не была возведена в основополагающий и распространяющийся на все принцип, и в этой связи мы имеем право утверждать, что толерантности в СССР просто не было. Как не было ее и в Российской империи, мнение большевиков о которой как о «тюрьме народов» сегодня себя совершенно дискредитировало. В России существует свой многовековой опыт устроения межнационального взаимодействия в границах единого государства, и с этой точки зрения привитие западной идеи толерантности в качестве шаблона для России выглядит не вполне историчным.

Толерантность против ксенофобии

Современное российское общество переживает с начала нового столетия

беспрецедентную динамику ксенофобии, хотя по ее уровню Россия все еще заметно отстает от европейских стран. Анализируя эффективность применения толерантности как метода борьбы с ксенофобией, следует отметить, что на Западе действия толерантности в блоке с политкорректностью и мультикультурализмом более успешны. В России явный спад толерантности в сравнении с 1990-ми гг., когда ее уровень в обществе (а конкретнее, в русском социуме) был весьма высок, что объясняется многими причинами. Это и общая устремленность общества на Запад, и некритичное впитывание его идей, это привитые в советской школе идеологемы интернационализма и дружбы народов, это и негативный пример этнических конфликтов на постсоветском пространстве.

Рассмотрим ситуацию, сложившуюся тогда в России.

1. Демографический кризис в разгаре, но он не обнаружен обществом и государством. Это произойдет позже, на рубеже веков. Отсутствует важнейший фактор — массовая чужеродная иммиграция.

2. Уровень национального самосознания русских крайне низок. Они воспринимают себя не как нацию, а как население. Массовое негативное восприятие национализма, воспитанное в СССР. Немногочисленные скинхеды и РНЕ воспринимаются обществом как безусловные маргиналы.

3. Толерантность в этих условиях достигла экстремума в виде моды на принадлежность к различного рода меньшинствам, межрасовые и межнациональные браки, экзотические религии, этнические аксессуары и тому подобные вещи.

4. Заложены основы национальной политики Российской Федерации, и во многом они стали следствием текущего момента.

Таким образом, уровень ксенофобии в обществе в те годы был весьма низок. Затем ситуация начала менять-

¹⁰ Капустин Б.Г. Толерантность — насилие: <http://igpi.ru/center/seminars/russ-georgia/kapustin.html>

ся. Стали наглядными этнодемографические сдвиги, начался рост национального самосознания русских. Проявились некоторые, в том числе и отрицательные, следствия национальной и миграционной политики государства. Появилась нужда в усилении пропаганды толерантности, и с конца 90-х годов эта необходимость будет только возрастать вместе с уровнем ксенофобии.

Идея толерантности и концепт особых групповых прав, на основании которых группы отстаивают престиж и легитимность своего положения, нередко позволяют традиционной системе ценностей использовать современную систему ценностей для получения дополнительных ресурсов и укрепления групповой идентичности. Внутри Российской Федерации налицо диктат национальных меньшинств, являющихся доминирующим большинством на отдельно взятых территориях, имеющих определенную степень суверенитета. Политическая практика терпимости позволила представителям меньшинств «приватизировать» публичное пространство. Сфера защиты прав последних стала политической и культурной «индустрией». Власти ряда республик РФ в течение двадцати лет проводят политику «национального возрождения». Фактически же имеет место выталкивание русского населения, отторжение общероссийского исторического наследия и культурных ценностей, в том числе русского языка, раздача постов и привилегий соплеменникам, политическая спекуляция, в ходе которой лояльность обменивается на федеральные финансовые субсидии¹¹.

¹¹ Ильинская С.Г. Указ. соч.

Толерантность с успехом начинает эксплуатироваться меньшинствами в суде. Большое распространение получил аргумент защиты вроде: «Меня заставила это сделать моя культура», благодаря которому происходит оправдание или смягчение приговоров для обвиняемых в самых жестоких преступлениях против личности. В процессе «культурной защиты» убийство может трактоваться как «смывание позора», изнасилование — как традиционный способ выбора невесты и т.д. Суды, пытаясь проявить справедливость (ставя действия преступников в контекст соответствующей культуры), потворствуют преступникам, спекулирующим своей культурной идентичностью, умаляя при этом права жертвы.

Таким образом, толерантность в России выступает косвенной причиной роста национальной неприязни.

Отсюда напрашиваются закономерные вопросы и выводы.

Толерантность — «необходимая и невозможная, ускользающая добродетель», парадоксальная и противоречивая, психологически опасная, не имеющая корней в России и изначально воспринимаемая негативно даже этимологически, эта насквозь синтетическая и виртуальная концепция, — может ли она служить основой мировоззрения в обществе?

Насколько она вообще действенна, другими словами — растет ли в России ресурс дружбы народов вместе с пропагандой толерантности?

Ответы на эти вопросы представляются нам слишком очевидными. Шаткий конструкт толерантности не способен противостоять таким мощным и органичным для человека явлениям, как ксенофобия или национализм.

ДОМЕТИЙ ЗАВОЛЬСКИЙ

РУССКИЙ КУЛЬТУРОЦЕНТРИЗМ ПРОТИВ ЛЖЕУНИВЕРСАЛИЗМА

Зададимся вопросом: что собою представляет нынешнее так называемое евразийство? Вне всякого сомнения, это плохо проработанная культурная химера, подобная многим другим перетекающим друг в друга версиям «имперского проекта». Псевдоевразийство — лишь наиболее химерическая имперская идея, ложно предстающая наиболее терпимой и до поры свободно (чтобы не сказать «бесхребетно») включающая в себя любую другую («красную», «опрично-православную», «русско-исламскую» и т.д.).

Культурной химерой является и реставрационный «красный проект», на деле сводящийся ко всё более ритуализованному оплакиванию тех или иных знаков «великого прошлого» (не нашедшего себе опоры среди множества сторонников не только из-за их организационного слабосилия, но также в силу химеричности). Однако и нынешний легитимизм, основанный на вяло-оптимистической эксплуатации тех же старых символов и многочисленных новых фигурах умолчания, остаётся культурной химерой. Как ни странно, в культурном плане химеричны и разные версии либеральной идеи. Российский либерализм, вроде бы должен оказаться за счёт горячего отрицания «и того, и пятого, и десятого», хоть ограниченным, но монолитным, на деле тоже культурная химера (примеры «пыльношлемной комиссарщины» более чем известны).

Разумеется, речь в данном случае ведётся не о политических доктринах,

но о более «простецких» попытках составить мировоззрение, взаимоприемлемое с некими политическими взглядами, изложить которые лучше получается у «подкованных товарищей». Однако и взгляды «подкованных товарищей» также не отличаются чёткостью, и пальма первенства в сюрреалистичности политических пристрастий опять же принадлежит евразийцам (и тем сталинофилам или националистам, кто на поверку является евразийцами, ибо даже евразийские лозунги совершенно расходятся и со сталинским курсом, и с национальными интересами русских). Однако евразийство (со всем разнообразием доктрин, именующихся иначе, но недалеко ушедших) — это лишь крайнее выражение поистине общероссийской ситуации. Иными словами, что политически, что культурно (по мироощущению носителей) большинство идей, претендующих на Россию, является собой примеры необоснованного универсализма — беспочвенного, а чаще сложенного на зыбкой и разрушающейся почве остатков советской идентичности (будь то сколь угодно яростное определение себя как «больше не советского»). При этом идеи, окрашенные национально и вроде бы противостоящие универсалистским химерам, на поверку сплошь и рядом оказываются химерами, причём зачастую столь же универсалистскими. Примеры оных можно перечислять страницами, однако большая часть нелиберальных планов национально-го спасения успешно иллюстрируется

двумя грубоватыми пародиями — восстановлением «России, которую мы потеряли» сообразно вкусам писателя Сим Симыча Карнавалова из романа Владимира Войновича «Москва–2042» (1986), и стихотворением Всеволода Емелина «Письмо читателя газеты “День” редактору журнала “Огонёк”» (1992). К сожалению, как ни давно были написаны эти вещи, последовавшие события в немалой мере помогли законсервировать в России ситуацию, когда её общественная жизнь, ищущая выхода из неблагоприятного псевдолиберального эксперимента, сводится к круговороту и конвергенции такого рода «антикоммунизма» и «антиантикоммунизма» в бесчисленных изводах.

Каковы же причины химеричности едва ли не любого гражданского мировоззрения в нынешней России? Одной из них, безусловно, является психологическое неблагоприятие — хроническая радикализация и непроходящий пессимизм, постоянное недовольство кризисным состоянием страны и общества, страх перед неотвратимым продолжением упадка, разочарование от невоплотимости любых доктрин и программ. Другую причину можно усмотреть в дефектности российской политической культуры — как деятельной, так и умственной, — развивавшихся по принципу «из тисков да в котёл».

Однако не менее важной причиной идейного хаоса и бессилия русских является кризисное состояние русской культуры вообще. В данном случае мы даже не можем сказать «культуры в целом», ибо её наличие фрагментарно. Многие культурные явления, причисляющиеся столь крупной нации, как русская, или необходимые быть оригинальными в силу известной автономности русского мира от остального европейского, у нас не были вовремя созданы (например, установления бытовой культуры или произведения массовой), существуют в неудовлетворительном и непочтенном виде (к примеру, государственные символы

и обычаи, современные архитектура и дизайн), идейно устарели или перестали воспроизводиться (как то: «хитовый», «цитатный» кинематограф, детская и в целом общеизвестная литература).

Русские остались на рассыпающихся руинах советской культуры, привязанной к идеологически и онтологически закрывшемуся периоду истории, тогда как русская дореволюционная культура, особенно бытовая и массовая, не успела вырваться в нужных для сегодняшнего общества формах. Продолжающаяся эксплуатация тех или иных фактов советской культуры напоминает благоговейное, почти фетишистское (или, напротив, варварское) использование (до полной поломки) вещей, оставшихся с «раньшего», до катастрофического времени.

Естественно, что при напряжённом обмене сведениями, мнениями и чувствами, обусловленном институтами и коммуникациями наших дней — а тем более в хроническом стрессе, — отсутствие национального культурного кода действует на общество разрушительно. Информационная среда пичкает умы культурным спамом, заставляя увериться в бренности национального бытия, объединённого лишь телевизионной картинкой и, видимо, уступающего «нормальным странам» с твёрдыми установлениями. Людям элементарно нечему хранить верность. Следовательно, их запросы ограничены узко-прагматическим или абстрактно-эмоциональным. Их самовыражение не корректируется почитанием к чужим ценностям, тогда как ценности эти скудны и подвергаются сомнению самими их обладателями, ранимыми и озлобленными. Нынешним жителям России есть к чему стремиться, но нечем договариваться — у них ещё имеется общий язык, но нет образов, вызывающих общие и достаточно глубокие чувства. При такой ущербности народного самосознания бессмысленно говорить что о развитом

гражданском обществе, что о полноценной нации.

Таким образом, русская культура оказывается не одной из целей (наряду с различными показателями уровня жизни), но орудием борьбы за будущее России. Как и представителям различных национальных возрождений прошлого, нам впору говорить не о патриотической деятельности на благо будущей национальной культуры, но о патриотической деятельности посредством её создания.

Причём задача форсированного развития национальной культуры не должна пониматься устоявшимся уже бюрократическим образом, ограничиваясь вложением средств и пропагандой элитарных, узконаправленных, часто космополитичных форм (как то классическая музыка — при всей славе и пользе оной). Что хуже, при таком «лишь бы элитарном» подходе пресловутые «современное искусство», артхаусный кинематограф, «кланово-премиальная» литература часто обращаются профанацией, дорогостоящей «крысой на подносе».

Гораздо важнее сейчас развитие прикладных и массовых жанров, изобретение обиходных традиций. Восстановление русской культуры как всесторонне развитой и привлекательной системы устойчивых обычаев и непрерывно обновляющихся произведений наполнит Россию новой ценностью как для русского народа, так и для тех, содружество с кем он сочтёт своим интересом. Такую политику, способную в некоторой мере проводиться в жизнь и без прихода её сторонников к политической власти, можно назвать *русским культуроцентризмом*.

Альтернативой русскому культуроцентризму являются длительные попытки спрятаться за «общечеловеческий» (либо, напротив, «антиобщечеловеческий») мультикультурализм, именуемый и трактуемый различно — сообразно убеждениям поборников. Уже достаточно было сказано о химе-

ре «бесконечно многонациональной России», этакой «Федеративной республики советской нации», где безликие русские мыслятся как «бывшие советские», а чуть ли не равновеликими расплывчатому русскому народу являются любые меньшинства (до последнего времени даже не называвшиеся меньшинствами). В идейном плане это доведённая до абсурда советская «пятнадцатихвостка», а практически — вялая бюрократическая показуха и сдача перед лицом распада всякой культуры и бесконечного дробления идентификаций. И сущность этой беспомощной химеры почти не меняется вне зависимости от того, представители каких именно политических сил считают её «в целом правильной», требуя лишь отдельных изменений.

Не вполне свободно от примиренчества с культурной аморфностью русских и национальное русское движение, вроде бы давно существующее и вступившее ныне в активный процесс кристаллизации — сказывается советское начало и «народно-патриотического», и либерального её истоков, прошлое большинства участников, острота более броских и якобы более практических проблем. Сверх того, участие в деле русского культурного возрождения требует не только общественной активности, но и смелого творчества, а творчеству свойственны и провалы, и невостребованность. Наконец, вопрос о русском возрождении затрагивался либо слишком общо (сводясь к добрым пожеланиям и самопародийным призывам «беречь духовность»), либо в профессиональных частностях (например, в ратовании за «языковое расширение»), но, даже при надеждах на принципиальные прорывы, не рассматривался как система, нуждающаяся в стратегическом планировании.

В последнее время представителями русского движения предлагаются здравые идеи о возвращении новых обычаев, оригинальность которых

вполне бы соответствовала «мировым нормам»: об установлении национального траурного костюма (Константин Крылов), о введении моды на граждански осмысленную отделку одежды и аксессуаров русским орнаментом (Егор Холмогоров). Подобные мысли должны воплощаться в деятельные начинания, при осознании всей важности этого труда и неразумности лишней раз вкладываться в чужие обычаи, не нуждающиеся в русском энтузиазме.

Можно отметить ещё несколько зримых лакун сегодняшней русской культуры.

Необходим классический стиль, воплощающий идею русской государственности, вписанной в контекст истории европейской цивилизации. На роль нового русского классицизма подходит неоромеизм. В архитектуре он может проявиться в сочетании византийских и индустриальных мотивов. Русская белокаменная псевдоготика-псевдоарабеска остроумно вписывается в краснокирпичный индустриализм, способный на куда больший романтический пафос, чем самый претенциозный стеклянный модернизм. В прикладном искусстве византийская стилистика может соединить греко-римские, романо-мавританские и русские мотивы.

В деле государственной охраны и умножения национального наследия действенным инструментом (при честной и профессиональной отладке) могла бы стать общероссийская служба архитектурного надзора и экспертизы, отвечающая не только за сохранение памятников, но и за состояние архитектурного ландшафта и художественную редактуру возводящихся и существующих зданий. Экспертиза должна быть централизована, покуда местное самоуправление не станет готово к неподкупному и компетентному исполнению этих контрольных функций.

Немедленного, хотя бы частичного закрытия требует брешь, образовавшаяся в детской литературе, — уста-

релость изрядной части советских фондов при крайней бедности дореволюционных запасов и новых поступлений.

Необязательным, но небесполезным экспериментом было бы художественное построение внесоветского русского бытия XX века, изобретение России, параллельной Советскому Союзу. Эту идею легко упрекнуть в том, что её условность — чистая фантастика. Однако сегодняшняя художественная переэксплуатация онтологически ограниченной советской действительности тоже свелась к чистой фантастике, эмоционально бесплодной, ибо любой пафос оной оборачивается горьким осознанием гибели неповторимого советского мира, никак не привязанного к продолжающейся жизни. Напротив, «лабораторно смоделированные» эстетика и эпика непрожитого XX века способны всерьёз наполнить нашу жизнь «всяким искусством» и помочь нам, по выражению Вадима Кожинова, «срастить времена», пускай путём, противоположным тому, что предлагался самим Кожиновым: ведь стоическое приятие трагизма советской истории будет мало кому доступно без удовлетворения нашим сегодня. Конечно, для этого требуется преодолеть многие безобразия и несправедливости, но одним из них как раз является нехватка «чего нихватишься» и переизбыток страшного, некрасивого и анекдотического в разорванном минувшем столетии.

Наконец, развитая национальная культура (уже в предельно широком понимании) давно неполна без качественного научно-популярного жанра. К сожалению, мы становимся свидетелями физического распада оригинального советского «научпопа» (с переводным положение сложнее, но тоже не слишком отрадно). Программа национального развития должна предусматривать поддержку научно-популярного вещания, журнальной и книжной печати, состоящую не только

в финансировании и продвижении, но также в гарантиях по сохранению профиля и уровня заслуженных марок. Покуда подобная программа не принята на государственном уровне, остаётся призвать интеллектуалов вносить свою лепту в сбережение этого обаятельного жанра, отвечающего скромной взаимностью.

Обращение активной части общества к русскому культуроцентризму не требует изменения политической палитры, но может само заложить одну из основ здоровой партии национального интереса. Русский культуроцентризм послужит ответом на любую универсалистскую, а в действительности — изоляционистскую и малодержавно-пораженческую идею, запирающую Россию за «смоленской стеной», будь то лжеглобализм или лжеевразийство. Он же станет разумной альтернативой радикальному (а следовательно, ничем не подкреплённому) повороту к историческим, но пока что далёким от нас ценностям. Развитием России на основе русского культуроцентризма и бу-

дут рождены подлинное национальное чувство, подлинный синтез народов, вовлечённых в орбиту русского, и подлинная духовность.

Уязвимость любой культуры в том, что её роль не может быть эпизодической. Культура, эпизодически проявляющая себя в виде отдельных уроков, зданий или телепрограмм, вокруг которых всё по-прежнему, — это чужая культура. Русская культура в России должна из памятников погибшей цивилизации, из расплывчатой экзотики, мелькающей в обиходе не пересекающихся друг с другом оригиналов, превратиться в образ жизни.

Признание борьбы за русскую культуру (включая конструирование традиций) не завтрашней целью, а сегодняшним средством сохранения России, взятие на вооружение русского культуроцентризма есть и первый шаг на пути к национальному возрождению, и первичный залог притягательности и силы русского начала в любом межэтническом или межгосударственном взаимодействии.

НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА «СКИМЕНЬ»

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Владимир Близнеков

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Государство Швейцария или, употребляя официальное название данной страны, — Швейцарская Конфедерация представляет собой в историческом, политическом и даже государственно-правовом отношении чрезвычайно интересный прецедент. Эта европейская страна, с одной стороны, имплицитно содержит в себе многообразие разных культур, а с другой — является в настоящее время одним из самых мощных консервативных бастионов на пути глобализации и мультикультурализма.

Национально-государственная идентичность Швейцарии состоит в идее единства нации, состоящей из четырех различных культур. Швейцарская национальная идея осуществляется посредством двух основных инструментов. Это, во-первых, формально конфедеративное, а фактически федеративное государственное устройство страны, состоящее из трех уровней реальной политической власти — федерального союза, кантона и общины. Во-вторых, это концепт прямой демократии, когда любые более или менее значимые политические решения выносятся на всенародный референдум, а не принимаются законодательной или исполнительной властью.

Оба этих инструмента предоставляют любому гражданину Швейцарии максимальные возможности для гражданской активности и политического творчества. При этом политическая свобода швейцарцев практически ничем не ограничена, а прямая демократия предоставляет всем гражданам

реальную, а не фиктивную возможность непосредственно управлять государством путем прямого народного волеизъявления на референдумах, проводящихся с периодичностью не реже одного раза в месяц. Поэтому швейцарская демократия является реальным средством осуществления народовластия, политической свободы и гражданского общества. Швейцарская прямая демократия — это народная демократия во всех отношениях.

Исторические условия рождения швейцарского народа и его демократии

Швейцарская прямая демократия возникла в уникальных исторических условиях. Вплоть до даты подписания федеративной хартии 1 августа 1291 г. представителями трех альпийских «лесных» кантонов на карте Европы никогда не существовало никакого единого предшественника швейцарской государственности, не было и речи ни о каком политическом концепте объединения различных этносов в рамках единого государственного проекта. Но в то же время имелись имплицитные предпосылки для фактически первой в истории средневековой Европы успешной попытки создания государства «снизу», на основе объединения мелких крестьянских общин в военно-политический союз с целью отстаивания собственных политических свобод и гражданско-правовых интересов.

Предшественником швейцарской народной демократии являлась племенная крестьянская демократия,

родственница военной демократии германских варваров, которые на протяжении всей поздней античности и раннего Средневековья постоянно вели жестокие войны с Римской империей.

В античный период территорию современной Швейцарии населяли кельтские и ретороманские племена, сильнейшим из которых было кельтское племя гельветов, населявшее северо-западную часть современной Швейцарии. Римляне называли эту территорию Гельвенией (*лат.* Helvetia). Гельветы — одно из самых многочисленных кельтских племен на территории Галлии — были завоеваны римлянами во время галльских войн Юлия Цезаря в 58 г. до н.э. Побежденные в течение более трехсот лет римского владычества практически полностью были ассимилированы римлянами. Их языком стала народная латынь, а по культуре и обычаям галло-римское население перестало существенно отличаться от самих римлян.

Римское владычество на территории современной Швейцарии впервые утратило абсолютный характер в середине III в. н.э., когда Римская империя не смогла более сдерживать нападения германских племен на свои северные границы. В 259 году в результате мощного вторжения германского племени алеманнов на Рейне, в районе современного швейцарского Базеля был впервые прорван знаменитый римский лимес, что имело трагические последствия для галло-римского населения Гельвении. Германцам открылся путь в Римскую империю, и они начали постепенно все более массово расселяться на территории римской Гельвении. Германцы поселялись обычно в сельской местности, так что галло-римскому населению оставалось бежать в города и на запад Гельвении под защиту родственного населения римской Галлии. Но уже к середине VII в. германские племена полностью доминируют на территории современной Швейцарии.

Практически всю территорию современной немецкоязычной Швейцарии заселило уже упомянутое северогерманское племя алеманнов, отличавшееся особой воинственностью и нежеланием интеграции в социальные структуры галло-римского населения. Алеманны сохранили свой древнегерманский язык и свою народную культуру, ассимилировав многочисленное галло-римское население, оставшееся на завоеванной ими территории. Современные французско- и итальяноязычные части Швейцарии к началу VII в. были заселены также германскими племенами бургундов и лангобардов, которые в отличие от алеманнов приняли «культурную» ассимиляцию от местного населения и, оставив свой родной язык, заговорили на народной латыни. Интересное исключение составили ретороманские племена, проживавшие на территории современного швейцарского кантона Граубюнден. По одной из современных этнологических теорий, они были родственны римским этрускам и подверглись абсолютной ассимиляции со стороны латинской культуры. В их честь римляне назвали Рецией провинцию, которая в период ранней Империи включала в себя всю территорию современной Швейцарии. Ретороманские племена вплоть до начала Нового времени в наименьшей степени подверглись ассимиляции и культурному влиянию германских племен на территории Швейцарии, хотя и попали при этом в политическую зависимость от алеманнской аристократии¹.

Таким образом сформировались все четыре культуры современной Швейцарии на основе четырех пратносов, населявших ее территорию в период раннего Средневековья. Но абсолютный приоритет и значение в формировании будущей националь-

¹ Geschichte der Schweiz und der Schweizer. Helbling&Lichtenhahn, Basel-Frankfurt am Main. 2. Auflage 1983. S. 107–118.

ной идентичности швейцарского народа имел только алеманнский праэтнос.

Германцы-алеманны осуществили захват римской земли и оказались в феодальном, хотя также этнически германском, сначала франкском, позднее швабском государстве, где свободные воины постепенно теряли права и свободы времен племенной военной демократии и становились полувисимыми от феодалов крестьянами. В этой феодальной зависимости состоял средневековый сословный порядок, где каждому сословию было определено свое место под солнцем в придачу с внушительным списком сословных прав и обязанностей. Потомки свободных воинов-германцев, хотя и не превратившись в средневековый период в крепостных крестьян, тем не менее должны были сносить унижения королевских и имперских чиновников и наместников-фогтов. Такого рода оскорбления и уничтожения были, вероятно, вполне естественны для менее свободолюбивых народов, но абсолютно непереносимы для потомков победителей римлян.

Швейцарские хроники описывают эти «страшные» унижения алеманнских крестьян со стороны королевских наместников. Так, один из фогтов по собственному произволу приказал снести каменный дом, принадлежащий чем-то не угодившему ему богатому алеманнскому крестьянину (нем. — бауэру) из «лесного» кантона Швиц. Другой фогт, воспользовавшись отлучкой в лес мужа одной смазливой крестьянки, потребовал от нее помыть его в бане, что согласно средневековой морали означало сексуальное домогательство. Возвратившийся из леса бауэр, не снеся оскорбления, на месте забил до смерти нагого королевского чиновника, при этом все целомудренные швейцарские хроники единодушно подчеркивают тот факт, что сама жена крестьянина оставалась при этом одетой, а значит, не нарушила супру-

жескую верность². В этот же период из подобного рода сказаний родилась легенда о первом швейцарском герое Вильгельме Телле, наказанном местным фогтом за отказ раболепно поклониться ему и в качестве мести за унижение меткой стрелой поразившем тирана насмерть. Возмущение алеманнских крестьян произволом фогтов приводит к знаменитой клятве в «вечном союзе» жителей трех лесных швейцарских кантонов на лугу Рютли в 1291 г. Крестьяне разрушают замки правящей династии Габсбургов и изгоняют фогтов из своей земли.

Клятва на лугу Рютли — момент рождения нового швейцарского этноса. Новорожденный швейцарский народ стремится сохранить ценности родового строя древних германцев. Клятва на лугу Рютли — символ возвращения германцами-алеманнами своей личной и племенной свободы.

Новый этнос создает национальное государство

Таким образом, из конфликта алеманнских крестьян с правящей династией Габсбургов возникает принципиально новая для Средневековья политическая форма, немецкое название которой «Eidgenossenschaft» буквально означает «клятвенный союз», но на русский язык это слово традиционно переводится как «конфедерация». «Schweizerische Eidgenossenschaft», т.е. «Швейцарская конфедерация» до сих пор остается официальным названием швейцарского государства.

Конфедерация — это ярко выраженная демократическая форма политического устройства, в основу которой положен договор между членами данного политического союза об общих целях, правах и обязанностях сторон, заключивших этот договор. После заключения договора о союзе между собой, конфедераты (нем. «Eidgenossen»)

² См.: Chronik der Schweiz. Ex Libris Verlag, Zürich, 1987. S. 117 ff.

выступают уже в качестве общего коллективного партнера по отношению к любому внешнему субъекту, в том числе и к монарху, претендующему на абсолютную юрисдикцию своей власти на территории проживания конфедератов. Но швейцарцы не были при этом революционерами, стремящимися низложить существующий режим и добиться независимости. Они были, наоборот, типичными консерваторами, боровшимися за сохранение своих традиций, прав и свобод от покушений на них властей претерждающих.

Конфедераты вступили в политический конфликт только с Габсбургами, но были при этом не против какой-либо другой «хорошей» королевской династии, желающей уважать их «естественные» права и традиционный уклад жизни. Они требовали, в конечном счете, равноправного политического договора между сувереном и народом, на основе которого была бы легитимизирована власть суверена. Но династия Габсбургов не желала диалога с конфедератами, за что была сурово наказана историей.

Габсбурги попытались с помощью военной силы подавить мятежных конфедератов. Австрийское рыцарское войско в ноябре 1315 г. вторглось в Швейцарию. Состоялось знаменитое сражение при Моргартене, в ходе которого швейцарские крестьяне, применив партизанскую тактику, практически не понеся собственных потерь, истребили 1500 рыцарей — внушительное войско для того времени. В следующей крупной битве при Земпахе в 1386 г. бауэры-алеманны наголову разбили войско эрцгерцога Леопольда III, также павшего в этом сражении. Швейцарские конфедераты выиграли все без исключения сражения против Габсбургов. Перманентные победы крестьян над рыцарями — неслыханное дело для Европы того времени. Пешее войско, вооруженное примитивными алебардами, без всяких доспехов, оказалось сильнее тяжелово-

оруженной рыцарской конницы. Алебарды «дикарей»-швейцарцев против габсбургских рыцарей — параллель победоносных сражений их предков — древних германцев — с римскими войсками напрашивается сама собой.

Швейцарская конфедерация стала первой территорией, добившейся независимости от Священной Римской империи германской нации. А швейцарцы увидели в своем неизменном военном успехе Божие благословение своему демократическому политическому проекту и объявили себя ни много ни мало как «Богоизбранным народом»³.

Рождение швейцарского этнического национализма

Габсбурги были не единственными политическими врагами конфедератов. Вскоре швейцарцы-алеманны столкнулись с внешними угрозами. В XV в. политическая враждебность исходила для них в первую очередь от герцогства Бургундского. Изначально германское племя бургундов в V в. переселилось на территорию Римской империи, приняв латинские язык и культуру, и было ассимилировано местным населением. Для алеманнов-конфедератов это был уже не «родной германский» враг — Габсбурги, но чужой народ, говорящий на чужом языке, для которого у швейцарских алеманнов было в ходу только одно презрительное слово «welsch» (нем. — чужой, иностранный), или на алеманнском диалекте немецкого языка «walch». Этим пренебрежительным выражением швейцарцы называли всё негерманское, говорящее на французском, итальянском или ретороманском языках. По иронии судьбы именно эти три соседних для алеманнов языка наряду с немецким являются сегодня официальными государственными языками Швейцарской конфедерации.

Отчуждение конфедератов от

³ *Marschal G.P.* Schweizer Gebrauchsgeschichte. Schwabe AG Verlag; Basel, 2007. S. 32 ff.

бургундцев было гораздо большим, в сравнении с Габсбургами, бывшими для алеманнов только германскими суверенами-тиранами. В противостоянии с чужим внешним этносом у конфедератов впервые возникло национальное самосознание, строившееся на примитивной антитезе «deutsch — welsch» (германское — негерманское или, в данном контексте, — добро и зло). Швейцарцы в пассионарном порыве ринулись воевать с бургундским герцогом Карлом Смелым, войско которого считалось тогда одним из самых сильных в Европе. Военный успех неизменно сопутствовал конфедератам. В жестоких битвах при Грандсоне (1476), Муртене (1476) и Нанси (1477) конфедераты полностью разгромили и уничтожили бургундское войско. Из бургундских воинов не выжил практически никто. Бургундский герцог Карл Смелый потерял в результате не только все свое богатство и армию, но и собственную жизнь.

Рождение национального самосознания конфедератов сопровождалось чудовищной жестокостью по отношению к военному противнику. Конфедераты не брали пленных. В захваченных бургундских городах (ныне принадлежащих к франкоговорящей части Швейцарии) они устраивали чудовищную резню гражданского населения, убивая практически всех жителей мужского пола и развлекаясь отрубанием голов у раненых бургундских солдат. По свидетельству швейцарских хроник: «Все рвы и канавы бургундских городов и деревень были заполнены трупами врагов, именуемых “welsch”». Швейцарцы собирали в качестве трофеев черепа и кости убитых врагов, чтобы передать их своим потомкам по наследству. Даже в XIX в. их потомки продавали любопытным туристам кости бургундцев в качестве сувениров!⁴

Генезис мультикультурного государства

Таковым было рождение современной швейцарской нации, образующей единство немецкой, французской, итальянской и ретороманской культур. После победы над бургундцами и присоединения побежденных франкоязычных земель швейцарцы сначала даже не заметили, что их политический союз не включает более исключительно немецкоязычные территории. С течением времени вплоть до конца XVIII в. Швейцария все более романизируется за счет включения в конфедерацию договорным или силовым путем не только франкоговорящих, но и итальяно- и ретороманоязычных соседей.

В конце XVIII в. Наполеон захватывает Швейцарию, и по его воле ранее беспорядочно и традиционно организованное государство становится централизованным государством по французскому образцу. Французские либеральные лозунги свободы, равенства и братства предполагают отмену любых форм неравноправия и дискриминации по языковому, этническому или социальному признакам, традиционно имевших место в швейцарском государстве до наполеоновского вторжения.

После поражения Наполеона и подтверждения Венским конгрессом 1815 г. суверенитета Швейцарии в этой стране приходит время либералов. Представители этой партии, происходящие в основном из самых различных слоев городских жителей, так или иначе выражают свое пренебрежение национальными чаяниями сельского населения. Швейцарские либералы-интернационалисты часто открыто презируют «отсталых» национально мыслящих крестьян и бесправных швейцарских рабочих, а политика их партии попадает во всю большую зависимость от интересов иностранных государств.

Политический курс либералов доводит страну до гражданской войны

⁴ Büchi C. Röstigraben. NZZ Verlag; Zürich, 2. Auflage, 2001. S. 49–55.

1847–1848 гг. между либеральной буржуазией крупных городов и крестьянством из консервативных католических «лесных» кантонов внутренней Швейцарии, прямых потомков швейцарских конфедератов. Либералы выигрывают гражданскую войну и добиваются принятия радикально либеральной конституции 1848 г., закрепившей основы швейцарского мультикультурного государства и рождение политической идентичности по принципу гражданства, а не этнического, сословного или регионального происхождения.

Господство либералов в Швейцарии продолжается до начала XX в., а точнее до 1918 г., когда общая европейская напряженность в результате Первой мировой войны и революционное движение вследствие воздействия на массы левацкой пропаганды обрушивают власть либералов в Швейцарии. Но левым в Швейцарии не удается достичь никаких серьезных успехов. Власть у либералов начиная с 1919 г. фактически перехватывает Швейцарская народная партия (ШНП) (нем. *Schweizerische Volkspartei* — *SVP*) — партия радикальных швейцарских националистов, правящая партия Швейцарии с 1959 г.

Швейцарская народная партия и глобальный мультикультурализм

Швейцарская народная партия — это партия крестьянской демократии, борющаяся против либерального глобализма и левого интернационализма. Потомки воинственных алеманнов-конфедератов остаются такими же убежденными демократами, как и их средневековые предки. В период гражданской войны 1847–1848 гг. эту консервативную роль приняли на себя католические народники из «лесных» кантонов центральной Швейцарии. ШНП перенимает теперь эстафету у средневековых конфедератов и католических народников в своей демократической борьбе против либералов и левых.

Но Швейцарская народная партия — это партия абсолютно секулярных националистов. Религиозный фактор трансформируется в политический, что типично именно для народов германской культуры и германской языковой семьи, где религиозность, начиная с Реформации, вытесняется на периферию культуры и поддерживается властью только из политических соображений. Религия ни в коей мере не подавляется и социально часто поддерживается властями предрержащими, но в реальности просто используется германскими политиками в качестве политического фактора или идейного базиса для поддержки национальной идентичности.

Швейцарские националисты из ШНП, несмотря на свое доминирующее германоязычное происхождение, исходят из политического консенсуса мультикультурного государства, закрепленного Конституцией 1848 г., и поддерживают не этнический, а гражданский национализм. Поэтому иностранец, получивший швейцарское гражданство, по идее, попадает под защиту партии швейцарских националистов. Таким образом, внутренний мультикультурализм швейцарских граждан различного этнического происхождения выступает против глобального внешнего мультикультурализма.

Этнический национализм потерпел политическое поражение, но остался социальным фактором. Социально-культурная граница между германоязычными и франкоязычными кантонами имеет в Швейцарии даже специальное выражение «Röstigraben» и до сих пор ментально присутствует в сознании людей. Так, заказчик из немецкоязычного кантона никогда не даст крупный заказ франкоговорящему подрядчику, и наоборот. Экономическая солидарность со своим «этносом» до сих пор не изгнана из глубин подсознания, но в политическом отношении все граждане страны равны

и имеют равные шансы стать членами Швейцарской народной партии.

Политика правого популизма ШНП сосредоточена на борьбе с внешним мультикультурализмом, и ее основными приоритетами являются: ограничение миграции, затруднение процедуры получения иностранцами швейцарского гражданства и защита политических и экономических интересов Швейцарии на международной арене. По мнению швейцарских националистов, целью швейцарской демократии является национальное государство, основанное на гражданском обществе. ШНП говорит: нет миграции, нет политической интеграции Швейцарии с Европой и потере суверенитета государства, нет — внедрению чуждых ду-

ховных идей и культурных ценностей глобального мультикультурализма.

Максимальная свобода народа от всех форм фальшивой политкорректности, от любого рода «измов» и единственно верных идеологических учений — основа политического процветания Швейцарии. Швейцарская прямая демократия — это форма настоящего, а не фальшивого народовластия. Швейцария, а не США в политическом отношении — одна из самых свободных стран мира. Но это политическая свобода и самая демократическая политическая система общества относится только к гражданам, остальным гражданство страны надо еще заслужить.

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
великого русского мыслителя
Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»**

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

СЕРГЕЙ КАРАМАЕВ

БЕЛЫЙ И ЧЕРНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В РОДЕЗИИ

В конце XIX века британский промышленник и политик, премьер-министр Капской колонии (ныне — часть ЮАР) Сесил Джон Родс основал Британскую Южно-Африканскую компанию (БЮАК) — для освоения и развития территорий Южной и Центральной Африки. Экспедиционный корпус БЮАК («Колонна пионеров») в 1890 г. занял территорию, на которой проживали племена матабелов и шона, учредив там гражданскую администрацию. Данная территория получила название «Замбезия», позже стала именоваться «Родезия», в честь Сесиала Родса. Южная часть этой территории, между реками Замбези и Лимпопо, получила название «Южная Родезия» и управлялась БЮАК. В 1923 г., по итогам референдума населения Южной Родезии, британское правительство предоставило этой территории статус самоуправления. В 1953 г. была сформирована Федерация Северной Родезии, Южной Родезии и Ньясаленда, просуществовавшая десять лет.

После распада Федерации двум ее членам была предоставлена независимость — Северная Родезия стала Замбией, Ньясаленд — Малави. Вопрос о предоставлении независимости Южной Родезии откладывался, поскольку у власти в этом африканском доминионе находилось белое правительство, что шло вразрез с официальной политикой Великобритании, готовой признать независимость территории только на условии введения там правления негритянского большинства. В ноябре

1965 г. премьер-министр Южной Родезии Ян Дуглас Смит в одностороннем порядке объявил независимость от Великобритании. Международное сообщество отказалось признать факт независимости страны, и Родезия оказалась в изоляции. Практически сразу же после провозглашения независимости в стране началась необъявленная террористическая война — африканские националистические группировки, поддерживаемые СССР и КНР, провозгласили своей целью свержение правительства и захват власти. Война в стране продолжалась пятнадцать лет.

В 1979 г. по итогам многосторонних переговоров было заключено соглашение о прекращении огня, после чего проведены первые всеобщие выборы, на которых победила партия ЗАПУ и ее лидер Роберт Мугабе. В 1980 году Родезия стала Республикой Зимбабве и была официально признана независимым государством.

* * *

История Родезии (1890–1980) уникальна тем, что эта страна была сотворена исключительно волей и силами одного человека — Сесиала Джона Родса, южноафриканца британского происхождения, промышленника и политика. Создав финансово-промышленную компанию, Родс на собственные средства организовал и снарядил экспедиционный корпус вместе с полицейскими силами, направил их на исследование и последующее заселение территории, лежавшей к северу от реки Лимпопо. Отряд

переселенцев, получивший впоследствии название «Колонна пионеров», основал на территории несколько фортов, заложил основы гражданской администрации и приступил к строительству страны и государства — что успешно удалось сделать. Менее чем за полвека на месте дикой, непроходимой и враждебной человеку природы возникла страна с современными городами, дорогами, больницами, школами, армией, шахтами, фермами, фабриками и т.д. При этом почти треть своего существования (1890–1923) Родезия управлялась не государственными структурами британской короны, а руководством компании, основанной Родсом.

Прежде чем разобрать вопросы национализма в Родезии, желательно прояснить кое-какие исторические моменты, на которых современная черная историография Зимбабве старается не заострять внимание. Во-первых, речь должна идти — в самом первом приближении — о двух национализмах: белом и черном. Если второй считается явлением допустимым и порой даже одобряемым, то первый — в лучшем случае замалчиваемым, в худшем — чем-то средним между фашизмом, нацизмом, расизмом и прочими отрицаемыми и заклейменными «-измами». Во-вторых, желательно уяснить, что т.н. черного национализма в Родезии как такового фактически не существовало вплоть до 1950-х годов. Как собственно и не существовало наций, а тем более государств до прихода на землю Африки белого человека.

С формальной точки зрения всё население Родезии (ныне Зимбабве), как белое, так и черное, являлось и является некоренным. Изначально на территории между реками Лимпопо и Замбези проживали племена бушменов (санов), которые были изгнаны оттуда в ходе Великой Миграции Банту. На этой территории различные племена основывали свои племенные общества (в современной африканской

черной историографии данные общества принято называть государствами, но, строго говоря, государствами в европейском понимании этого слова они не были) с иерархической системой (подчас довольно сложной и изощренной), управляемые верховными вождями. К XIX в. на этой территории появилось и кануло в небытие несколько таких обществ, наиболее известные из которых — королевство Зимбабве, королевство Мономотапа и королевство Розви.

Начало XIX в. — один из важнейших моментов в истории Родезии. Именно тогда на авансцене появились силы, которые определили впоследствии развитие событий, а именно: белые и матабелы. На территории будущей Родезии проживало множество племен. Даже самые радикально настроенные черные историки Зимбабве не спорят с тем фактом, что в то время ни о каком едином «государстве» речи идти не могло — существовали многочисленные племена, этносы и субэтносы, контролировавшие какие-то участки территории, большие или меньшие. Количество этих этнических групп учету поддается слабо — хотя бы потому, что никакой письменной истории тогда не существовало.

По состоянию на 1970-е гг., например, родезийские социологи выделяли 6 крупных групп: розви, корекоре, зезуру, каранга, маньика, ндау. Единственным фактором, позволявшим объединить эти крупные группы в — условно говоря — нацию являлся язык шона (также чишона), принадлежащий к группе банту. Каждая такая группа в свою очередь делилась на подгруппы и субгруппы: скажем, зезуру подразделялась на шаваша, харауа, гоуа, нохви, хера, нянья, мбире, нобву, ваквачиквакwa, ваквазвимба и цунга (а те в свою очередь подразделялись и далее). Всего в шонаязычном сообществе языковеды насчитывали от 60 до 80 крупных подгрупп. Для удобства терминологии данные этнические группы считались

«шона» — хотя сам термин возник только в XX в. К середине столетия термин «шона» был принят в качестве общего понятия носителями языка — хотя употребляется он только в самом общем смысле: так, шона, принадлежащий к маньика, говорит на этом диалекте и в первую очередь считает себя маньика, и только во вторую — шона.

Основным занятием этих племен было земледелие и скотоводство. Но наивно изображать шона в идиллическо-пасторальном духе: они не чурались набегов на соседние территории, хотя по сравнению с воинственными зулусами шонаязычные племена вели довольно мирный образ жизни.

В 1823 г. один из военачальников зулусского короля Чаки, глава клана Кумало, вождь Мзиликази, восстал против суверена. Поскольку за подобное полагалась казнь, Мзиликази с несколькими сотнями своих подчиненных решил бежать. Этот исход, протяженностью более восьмисот километров, занял почти два десятилетия. Мзиликази занял территорию нынешнего Трансвааля (сейчас — провинция ЮАР), покорил множество племен и правил своим царством около десяти лет. За это время он фактически сумел создать новый этнос — на основе клана Кумало и захваченных иноплеменных пленников. Эта этническая группа впоследствии получила название «матабелы» (также ндебеле или амандебеле).

Период правления Мзиликази получил название «Мфекане» (сокрушение) — выстраивая свое царство и вводя новый порядок королевства Ндебеле, Мзиликази безжалостно истреблял всю оппозицию, применяя тактику «выжженной земли». Именно это в конечном итоге сыграло с ним злую шутку — территория настолько обезлюдела, что буры-кочевники (*trekboers*), шедшие с юга, появившись на этой территории, без труда заняли под свои фермы лучшие земли. А попыт-

ки Мзиликази выгнать оттуда буров обернулись плачевно — они нанесли его войскам несколько сокрушительных поражений и Мзиликази был вынужден уйти с территории Трансвааля. После безуспешных попыток осесть на территории современных Ботсваны и Замбии (по причине плохого климата и «пояса мухи цеце») к 1840 г. матабелы под водительством Мзиликази заняли юго-западную часть Родезии, получившую позже название Матабеленд. Освоившись на новом месте и успешно отбив несколько атак буров, пытавшихся обосноваться за рекой Лимпомо (это закончилось подписанием мирного договора), матабелы занялись расширением своей территории — вступив, таким образом, в конфликт с шона.

Изображать матабелов невероятно кровавым племенем, занятым исключительно войной и набегам, было бы ошибкой. Тем не менее королевство Мзиликази (а после его смерти — королевство Лобенгулы) было построено по принципу армии: верховный главнокомандующий, он же король, а в его подчинении командиры частей, в свою очередь стоящие над командирами подразделений. У каждого подразделения был свой крааль (поселение, деревня), который в случае набега, рейда или войны мог выставить полноценную боевую единицу — от нескольких сотен до нескольких тысяч воинов. Тем более что набег и покорения соседних племен составляли значительную часть образа жизни матабелов (помимо скотоводства и охоты).

К 1870-м гг. королевство Ндебеле занимало, по разным оценкам, около 100 тысяч кв. км. С шонаязычными племенами у матабелов установились своеобразные отношения — от неограниченного протектората до прямого рабовладения. В зависимости от пристрастий и племенной принадлежности современный африканский взгляд на историю отношения матабелов и шона варьируется от геноцида

до патернализма. Однако не подлежит сомнению, что никакой идиллии в отношениях не было — матабелы считали себя высшим племенем, а шона, соответственно, рожденными для того, чтобы служить матабелам.

Таким образом, к моменту появления первой крупной организованной партии белых — «Колонны пионеров» — на территориях Матабелеленд и Машоналенд, позже ставших Родезией, существовало два крупных этноса, находившихся в состоянии перманентного конфликта. Король матабелов Лобенгула к белым людям относился с симпатией и не возражал против того, что белые будут заниматься разработкой недр (так было условлено в договоре между белыми и ндебеле). Однако у белых на эти территории были свои виды — поселенцы приступили не только к старательским работам, но и к постройке ферм, поселков и впоследствии городов. В качестве рабочих рук, по вполне понятным причинам, поселенцы предпочитали использовать труд аборигенов — в первую очередь шона.

Впоследствии историки либерального толка пытались это представить как порабощение и закабаление, что не совсем соответствует истине. Огромное количество шона (в частности южных шона) с охотой сотрудничало с белыми, видя в этом источник заработка и защиту от матабелов. Отчасти из-за такой политики, проводимой белыми, и возник первый конфликт: матабелы считали шона своей собственностью, которой они вольны распоряжаться как угодно — причем в понятие «как угодно» входило и лишение жизни непокорных шона. Белые же полагали, что собственность, конечно, священна, но убийств лучше избегать — а посему старались препятствовать матабелам, если те заявлялись на белую ферму с целью убить или угнать шона. (Стоит отметить, что шона очень быстро прочувствовали ситуацию и предпочитали прятаться за

спины белых.) К 1893 г. этот тлеющий конфликт наконец вспыхнул, и между белыми и матабелами разразилась война, получившая название Первой войны с матабелами. Война закончилась в 1894 г. гибелью короля Лобенгулы — после чего матабелы признали над собой власть Британской Южно-Африканской Компании. Правда, как оказалось, ненадолго — через два года, недовольные политикой Компании, матабелы, вкупе с некоторым количеством шона, восстали. В родезийской историографии восстание получило название Второй войны с матабелами, но что более существенно: в памяти черного населения оно осталось под именем «Первой Чимуренги».

Здесь есть довольно важный момент, на который мало обращали внимание: восстание было инициировано матабелами, точнее, духовным лидером племени, Умлимо, убедившим ндебеле, что в небывалом нашествии саранчи, засухе и падеже скота от чумы виноваты белые. Основную силу восставших составили опять же матабелы, к которым присоединились шона (не вдаваясь в подробности, стоит упомянуть, что отношения между этими двумя этническими группами сложны для сегодняшнего понимания: матабелы не всегда истребляли шона вчистую; мальчик шона по рождению, захваченный матабелами, мог вырасти воином и ощущать себе амандебеле, браки между шона и ндебеле были довольно частым явлением и т.д.). Но в изустной (а позже письменной) истории африканского населения Родезии это восстание осталось под именем из языка шона: «чимуренга» означает «освободительная война» (в отличие от слова «хондо» — «война», «военный набег»). При том, что роль шона в нем была куда менее значительной, чем амандебеле. Позже, в середине XX в., с ростом националистических настроений среди радикально настроенных африканцев и началом повстанческого движения против правительства, тер-

мин «Чимуренга» обрел второе рождение.

Восстание было полностью подавлено. Считается, что восставшие ничего не добились, поскольку ни на какие реформы Компания не пошла — что на самом деле не так: были отменены некоторые налоги, изменены условия владения скотом и ряд других положений. У «Первой Чимуренги» был серьезнейший итог, который повлиял на сознание как белой, так и черной общин страны. Первые навсегда запомнили, что в один прекрасный день черные могут «снова начать резню». Вторые опять же накрепко усвоили, что белый человек всесилен: попытки восстать будут жестоко подавлены, а раз так, то не стоит особо пытаться спорить с белыми, а жить, елико возможно, своей жизнью.

Последующее развитие Родезии и строительство там государственных институтов вряд ли можно назвать идеальным или образцовым — но оно было куда лучшим, чем в доброй половине других африканских колоний. Понятно, что в первую очередь белые поселенцы заботились о себе и своем благополучии — но при этом у них хватало ума понимать, что полностью лишать черное население прав и возможностей есть прямой путь к неприятностям. В итоге в течение нескольких десятилетий в стране была выстроена система, которая устраивала подавляющую часть населения — как белого, так и черного.

* * *

К 1960-м гг. Родезия представляла собой настоящую «жемчужину Африки». Это была страна с энергичным белым населением, которое прибывало в страну с целью построения новой жизни¹, с современными города-

ми, работающими шахтами, великолепным сельскохозяйственным сектором экономики и развитой энергетической инфраструктурой. Родезия являлась страной с самым высоким доходом на душу населения, наилучшими стандартами здравоохранения и образования среди всех стран, лежащих к югу от Сахары (за исключением ЮАР). Более того, в отличие от других африканских стран, «сбрасывавших узы колониализма» (что на деле оборачивалось гражданскими войнами, резней мирного населения, обвалом экономики, диктатурами и т.п.), Родезия являла собой пример мира и благополучия — особенно в национальном вопросе.

Свидетельство более чем авторитетного человека — писателя, ветерана войны, философа, ученого, путешественника и эколога (к тому же близкого друга принца Чарльза и крестного отца принца Уильяма). Его имя — Лоренс ван дер Пост. Ван дер Поста трудно заподозрить в симпатии к белому правлению в Африке. Он всегда поддерживал цветных, хотя и происходил из семьи буров. Еще в 1920-х гг. он

стоявшую в интеллектуальном развитии выше, чем те, кто, заселял, допустим, Австралию. Эмиграция в Родезию была выборочной по классовому признаку, причем желающие отбирались из среднего и выше среднего классов. Причиной подобного решения являлось убеждение, что заселение африканских территорий малоимущими белыми может обострить расовые проблемы. Неквалифицированные, необразованные, неспособные и безработные элементы исключались из числа тех, кто мог бы составить основу белого населения на территориях. В ноябре 1966 года министр образования Родезии Артур Филипп Смит представил публике результаты тестов умственных способностей (South African Group Intelligence Test & Terman-Merill Test). По сравнению со своими ровесниками из Австралии, Великобритании, Новой Зеландии и США, втрое большее количество белых школьников из Родезии показало результат более чем в 130 баллов.

¹ Любопытный факт — если сравнивать Родезию с остальными частями Британской империи, то белые поселенцы, которые прибывали туда, представляли собой группу,

был яростным оппонентом премьер-министра Южной Африки, генерала Джеймса Херцога и его политики «белой Африки». Он был другом известного либерального писателя Алана Патона, автора книги «Плачь, любимая страна», запрещенной в ЮАР за критику социальной системы апартеида, и горячим сторонником Либеральной партии ЮАР. Южноафриканскому Бюро госбезопасности ван дер Пост откровенно не нравился — из-за своих антиправительственных и либеральных взглядов, но репрессий против него политическая полиция не предпринимала. Тем более ценно его мнение о Родезии.

Когда премьер-министр Родезии Ян Смит в 1965 г. провозгласил независимость от Великобритании, ван дер Пост находился в Канаде. Узнав о решении Смита, ван дер Пост побывал на слушаниях в ООН по родезийскому вопросу, а потом отправился в Эфиопию, Танзанию и Замбию. И везде он видел открытую враждебность по отношению к Родезии. В мае 1966 г. он прибыл в Родезию, заранее ожидая, какие жуткие картины он там увидит. Но вместо того, чтобы узреть страну, полную распри и гнева, он обнаружил оптимистичных людей всех цветов кожи, надеющихся, что их эксперимент по построению нормального общества будет успешным. Ван дер Пост изъездил страну целиком, общаясь со всеми: от яростных оппонентов Смита до премьера лично. В Солсбери он вернулся с твердым убеждением, что отношения между расами в Родезии покоятся на прочном фундаменте взаимопонимания. О Родезии он сказал так: «История, экономика и необходимость совместного существования соединила вместе народ. И было бы величайшим преступлением (*crime of crimes*) позволить другим разрушить это».

Провозглашение Родезией независимости в одностороннем порядке 11 ноября 1965 г., как и события, непосредственно предшествовавшие это-

му шагу, бесспорно, являются ключевым моментом истории данной страны. В одной статье очень сложно охватить все аспекты этого исторического момента, поэтому остановимся только на тех, которые имеют непосредственное отношение к вопросам национализма.

К началу 1960-х гг. в Родезии, как было сказано выше, имелись две неравные по численности и по положению общины, черная и белая — и что очень важно, это были общины с *уже сформировавшимся* национальным сознанием (белые) и находящимся в *активной фазе формирования* (черные). На тот момент численность белого населения Родезии составляла немногим менее 300 тыс. человек. Значительная часть белого населения страны являлась иммигрантами — после Второй мировой войны уровень иммиграции в Родезию резко возрос. Эта иммиграция отличалась одним интересным качеством — в отличие от других африканских территорий, как например соседняя Северная Родезия (после 1964 г. — Замбия), новые переселенцы в подавляющем большинстве прибывали в Родезию с целью осесть там и жить (а не заработать «по-быстрому» в колонии, после чего уехать в метрополию) — тем более что экономическая и иммиграционная политика тому способствовала, а правительство страны такие настроения поощряло. То есть они фактически прибывали на новую родину — и вот этот момент исключительно важен для понимания характера белого родезийца.

Не только британцы, но и немцы, итальянцы, португальцы, греки и голландцы, прибывавшие в Родезию, уже через чрезвычайно короткое время начинали ощущать Южную Родезию своим домом, а себя, соответственно, родезийцами. Большинство из тех, кто писал о Родезии, данный факт либо замалчивали, либо не давали ему внятных объяснений. Хотя объяснение, в принципе, лежит на поверхности: люди не отказывались от своих исторических

корней (скажем, итальянец, эмигрировавший в Родезию в 1950-х гг., ходил в католическую церковь, пек на праздники пышную пиццу, местному джину предпочитал красное вино и распевал с таким же итальянцами дедовские неаполитанские песни), но одновременно с этим интегрировались в общество и отождествляли себя и свои интересы с интересами страны. То есть люди становились здоровыми националистами.

Формированию белого родезийского национализма способствовала и политика Великобритании, которая всячески противилась росту национального сознания в первую очередь у белых — напротив, поощряя черный национализм. Говоря словами премьер-министра Великобритании Гарольда Макмиллана (1957–1963), в 1960-е гг. «над Африкой задули ветры перемен». Правительство Ее Величества ясно дало понять, что собирается продолжить процесс деколонизации, запущенный в 1950-х гг. партией лейбористов. Но с точки зрения родезийцев так называемая «деколонизация Африки» являлась не чем иным, как обрушением порядка и воцарением хаоса. Наибольшее раздражение у родезийцев вызывал термин «правление большинства» (*majority rule*) — и соответственно британская политика NIBMAR (*No independence before majority rule* — «Никакой независимости до правления большинства»), направленная не столько на Африку в целом, сколько на Родезию. Использование оборотов типа «правление большинства»/«правление меньшинства» на самом деле было всего лишь пропагандистским приемом, рассчитанным как на полуграмотных африканцев, так и на общественное мнение Запада (в этом случае вводились дополнительные штампы типа «демократии» и «тирании»).

Вся политика следующего британского премьера Гарольда Вильсона (1964–1970) в отношении Родезии по существу была построена (если поль-

зоваться клерикальной терминологией) на «Непогрешимости догмата о правлении большинства». Этот термин в буквальном смысле навяз в зубах — любой британский политик (за редчайшим исключением), говоря о Родезии, едва ли не в обязательном порядке повторял мантру о *majority rule*. Родезийцы смотрели на британские требования немедленного введения правления большинства с плохо скрываемым удивлением и неприязнью. Тем более что правительство Великобритании старательно пропускало мимо ушей логичные вопросы родезийцев. Как, в частности, то, что собственно в самой Великобритании правление большинства появилось по историческим меркам совсем недавно. Британия — а вслед за ней и половина мира — во весь голос обвиняла Родезию «расистским государством» на том основании, что в Родезии право голоса было не всеобщим и большую часть из тех, кто этим правом обладал, составляли белые. Тот факт, что любой черный родезиец, отвечавший определенным требованиям, мог голосовать (и голосовал), в Англии игнорировался. Равно как и то, что требования к тем, кто желал осуществить это право, никоим образом не были основаны на расовом принципе.

В какой-то степени Родезия просто следовала примеру Великобритании — та осуществляла переход от норм выборочного голосования (к тому же по-британски чрезвычайно жестких) к всеобщему избирательному праву в течение довольно долгого времени. К моменту принятия Закона о представительстве 1832 г. (Парламентской реформе 1832 г.) парламент в Великобритании существовал уже несколько столетий. Однако в сельских избирательных округах право голоса было только у мужчин, обладавших полной земельной собственностью с доходом не менее 40 шиллингов в год. Закон 1832 г., по существу, немного расширил категории тех, кто мог го-

лосовать — опять же речь шла только о мужчинах, причем определенных категорий. В целом же всеобщее право голоса — для мужчин — в Великобритании появилось только в 1918 г., а что касается женщин, то до 1918 года они права голоса не имели (да и тогда право голосовать появилось только у тех женщин, которым исполнилось более 30 лет и чей имущественный ценз не мог быть ниже 5 ф. ст. в год).

Родезийцы опирались на здравый смысл: право голоса может быть предоставлено только тому человеку, который взял на себя труд подтвердить, что он достаточно грамотен, чтобы этим правом разумно распоряжаться. Стоит отметить, что если бы данная политика применялась хотя бы в половине африканских стран, то, возможно, той кровавой бани, которая сотрясала континент с начала 1960-х гг., удалось бы во многом избежать.

Когда главы стран, входивших в Британское содружество, заявили по итогам конференции в совместном коммюнике в 1966 г., что «принцип “один человек — один голос” является фундаментальным для демократии», то с точки зрения родезийцев они лукавили. Белое население Родезии посчитало данное заявление «демагогией, основанной на этическом безумии» (слепой убежденности в том, что т.н. «добрые принципы» и «общечеловеческие ценности» всегда и везде универсальны, вне зависимости от обстоятельств и стран, в которых они применяются). Огромная часть населения Африки на тот момент находилась на примитивном уровне развития — их образ жизни был, пожалуй, сравним с тем, как жили британские племена в I веке до н.э. Тем не менее Великобритания и другие страны Британского Содружества, в частности африканские, публично заявляла, что такое родоплеменное общество моментально выиграет от мгновенного введения довольно сложного политического механизма — который в самой Велико-

британии появился только спустя полвека, да и то частично, после введения всеобщего образования.

Надо отменить, что не все британские политики были ревностными проповедниками догмы *NIBMAR*. Барон Реджинальд Паже, депутат парламента, в своей речи в апреле 1966 г. заявлял: «Дать право голоса африканцам, находящимся на нынешнем уровне бедности и неграмотности, — не значит помочь им. Наоборот, это превратит их в жертв — потому что тут же появится какой-нибудь лидер бандитского склада, который начнет эту неграмотность вкуче с правом голоса использовать в своих корыстных целях. Ответственное правительство не может сбросить с себя часть ответственности за страну и переложить ее на плечи тех, кто еще не достиг уровня, на котором он способен принимать настоящие политические решения. Британия находится в долгу перед Родезией и людьми, ее населяющими, — и наша задача состоит в том, чтобы всемерно способствовать образованию и просвещению. Говоря словами Сесила Родса, “все цивилизованные люди, вне зависимости от расы и цвета кожи, равны меж собой”».

Родезийцы воочию видели, что на самом деле стоит за словом «деколонизация»: кровь, хаос, диктатура, войны, резня, разваленная экономика, исчезающая инфраструктура и т.д. И абсолютно обоснованно полагали, что человек неграмотный и не имеющий собственности или дохода может быть еще и способен выбрать капитана корабля (если выражаться образно) — но вот о курсе, которым этот корабль должен двигаться, он в принципе понятия не имеет. И допускать его до управления — тем более прямого — значит совершать самоубийство.

Истинной демократии, какой ее рисовали кабинетные мечтатели в Великобритании или США, в Африке не было никогда и нигде. По крайней мере, правительство Великобритании это прекрасно понимало. Но одновре-

менно оно пыталось навязать белым родезийцам видение демократии, считавшееся единственно верным, — без учета реалий и обстоятельств. Спеша деколонизировать Африку, европейский истеблишмент в упор не видел последствий (большая часть истеблишмента не замечала очевидного по изначальной глупости, а меньшая — просто игнорировала факты, действуя при этом в лучших леволиберальных традициях). Ярлык «расист» приклеивали всякому, кто осмеливался хотя бы просто указать на разницу между неграми и белыми. А вот то, что африканские негры были расистами в самом худшем значении этого слова, — это как-то опускалось².

Примеров «африканизации», основанной на расовом принципе, была тьма. В Конго из армии убрали белых офицеров — заменив их черными сержантами. В апреле 1966 г. администрация президента Кении объявила, что правительство страны успешно провело «африканизацию сельского хозяйства» — иными словами отняло у белых фермеров 1 600 000 акров (650 тысяч гектаров) земли. В Танзании за один год была уволена треть белого персонала гражданской администрации. В Уганде темпы были интенсивнее — там сократили 50% белых за каких-то полгода. К арабам и азиатам негры относились так же, как к бе-

лым — то есть как к нелюдям. В той же Танзании пошла массовая национализация бизнеса, принадлежавшего арабам и индусам. А в ходе переворота на Занзибаре за три дня по этническому принципу было убито 12 тысяч человек, принадлежавших к арабам и азиатам. Поскольку практически любой африканский национализм основным принципом заявлял: человеку иной расы, иной народности, иного племени, иной группы на земле места нет.

Особую тревогу у родезийцев вызвали события в Конго — одна из волн белых беженцев хлынула именно в Родезию. То, что рассказывали чудом спасшиеся, вызывало в Родезии некоторое недоверие — родезийцы просто не могли допустить, что масштабы зверств могут быть *настолько* чудовищными (при том, что в отличие от европейцев родезийцы понимали, *что* есть негры и на что они могут быть способны). Конго взорвалось через 5 дней после получения независимости, 5 июля 1960 г. Уже 8 июля в Конго-Браззавиль прибыли 3000 беженцев — буквально в чем были, поскольку времени на сборы у людей не оказалось, вопрос стоял о том, как спасти собственную шкуру. Еще через два дня беженцы из Конго прибыли в Родезию. Они-то и рассказали, что творилось в независимом государстве. Опьяневшие от свободы и вседозволенности негры убивали белых прямо на улицах — просто так, ради забавы. Итальянского вице-консула толпа вытащила из машины, и после побоев дипломат был застрелен — разбираться в том, бельгиец он или еще кто, у дикарей не было желания. 28 июля бельгийское правительство официально заявило, что за месяц, прошедший с момента объявления независимости, только в части изнасилований белых женщин число случаев составило почти три сотни — насиловали всех: женщин, девушек и молодых девочек. Некоторых насиловали более двадцати раз. Матери умоляли насильников отпустить до-

² Луис Эммануэль Ломакс, американский негр, писал в своей книге «Африканец поневоле» о том впечатлении, которое произвели на него негритянские борцы за свободу: «...их поведение меня пугало. Но более всего изумлял меня тот факт, что африканцы категорически отказывались считать белых равными себе и принимать их как партнеров в новом правительстве — при том, что они не считали зазорным просить деньги (и принимать их) как у Востока, так и у Запада. Меня напрямую спрашивали: “Слушайте, вы, черные американцы — когда вы, наконец, придете к нам и поможете выгнать из Африки всех белых?”».

черей, соглашаясь добровольно принести себя в жертву — просьбы эффекта не возымели.

Хаос в Конго продолжался до середины 1960-х гг., когда новый глава страны Мобуту узурпировал всю власть, объявил Конго однопартийным государством, и только после этого в стране воцарилось некое подобие стабильности. Каковы были потери Конго в экономическом выражении — не считал никто, но речь шла о миллионах, если не миллиардах долларов США (в ценах 1960-х гг.). Что до людских потерь, то точных данных не существует — есть отдельная разрозненная статистика. В частности, только в ходе восстания «Симба» (вторая половина 1964 г.) погибли 250 европейцев (и еще 200 пропали без вести), 35 европейских наемников, 200 военнослужащих конголезской армии, 4 тысячи мятежников и примерно 18 тысяч африканцев.

В Африке почти повсеместно шла бойня. Белые африканцы были тому свидетелями и пытались докричаться до остального мира — но западное общественное сознание и т.н. «мировое общественное мнение» отказывались принимать во внимание эти свидетельства. Редкие голоса здравого смысла в Европе и Америке тонули в общем безумном хоре приветствий «антиколониальной борьбе». Речь британского парламентария Стивена Гастингса, героя Второй мировой войны, в Палате Общин в ноябре 1965 г. была встречена более чем холодно: «Есть печальный факт, который упорно не желают принимать: с момента начала деколонизации Африки в последовавших за этим войнах и конфликтах уже погибло больше африканцев, чем за все время колониальных войн, когда британцы впервые прибыли на мыс Доброй Надежды».

Упомянувшийся выше Реджинальд Паже: «На самом ли деле правительства африканских государств выражают волю своего народа? На данный момент в Африке есть 5 военных дик-

татур и 7 президентских республик со строго однопартийной системой. Я бы не стал называть эти государства фашистскими — поскольку они и близко не пользуются той поддержкой населения, которая была в фашистских режимах. Нигерия? Тамошнее правительство представляет не народ, а небольшую группу офицеров из племени ибо, захвативших власть и убивших предшественников. Однако мы признали их в качестве законной власти буквально через неделю после того, как они убили премьер-министра, незадолго до своей смерти принявшего рыцарский титул из рук Ее Величества. В Гане военная диктатура. В Конго — нечто, очень напоминающее военную диктатуру. В Судане — не только военная диктатура, но еще и выстроенная исключительно по расовому принципу. Арабы в Судане занимаются в отношении негритянских племен тем, что на юридическом языке называется геноцидом. И после этого мы пытаемся добиться от цивилизованной самоуправляемой «мятежной колонии» Родезия, чтобы она ввела у себя «правление большинства» — на основе того, что 300 тысяч белых правят несколькими миллионами африканцев? Я могу ответственно заявить, что к северу от Замбези менее 5% населения Африки вообще что-то знает о Родезии. Их не волнует, какая она — черная, белая, пегаая или еще какая-то. Они видят там стабильную спокойную жизнь».

Так что пресловутый «Ветер перемен», который в 1960 г. предрек континенту Гарольд Макмиллан, с точки зрения среднего родезийца выглядел как «Кровавый шторм», несущийся над африканскими странами и оставивший после себя царство смерти. Элементарный здравый смысл подсказывал, что держаться от такого «ветра» было необходимо как можно дальше — поскольку попасть под его дуновение означало потерять все: от имущества до жизни.

В таких условиях уровень нацио-

нального самосознания белой части страны резко возрос — стоит ли удивляться, что сформированная в 1962 г. политическая партия «Родезийский фронт», выступавшая категорически против немедленных революционных перемен, на выборах 1964 г. получила практически безоговорочную поддержку белого населения.

Но как выяснилось, черное население Родезии также начало проникаться националистическими идеями.

* * *

Вплоть до конца 1940-х гг. черное население Родезии оставалось политически и национально индифферентным. Отдельные забастовки и стачки на шахтах или фабриках не носили политического характера. Все изменилось после Второй мировой войны. Во-первых, с нее вернулись тысячи африканцев, сражавшихся бок о бок с белыми в доброй половине мира. Во-вторых, европейские державы, ослабленные войной, более не могли править своими колониями — и это усталое нежелание моментально было прочувствовано всеми³. И еще одна немаловажная вещь — и шонаязычные племена, которые к этому моменту уже оформились в общность, и матабелы прекрасно помнили о «Первой Чимуренге», том восстании против белых. Истории и легенды передавались из поколения в поколение — тем более что с 1896 г. прошло не так много лет. Старики не понаслышке знали, что восстание было жестоко подавлено — но подрастающее поколение начало заявлять, что «одна неудачная попытка не означает, что это в принципе невозможно»

Первый звонок прозвучал в 1948 году — на всеобщей забастовке черных африканцев в Булавайо, втором по

³ Однажды, объясняя журналистам уход Великобритании из Африки, секретарь по делам Содружества Дункан Сэндс бесхитростно проговорился: «Мы, британцы, утратили волю править».

величине городе страны, впервые были выдвинуты политические требования африканцев. Менее чем через пять лет разрозненные группы недовольных объединились в первую политическую националистическую партию — Африканский Национальный Конгресс Южной Родезии, который возглавил матабел Джошуа Нкомо. Практически сразу же партия взяла курс на насильственное изменение существующего строя. Националисты особо и не скрывали, что ставили своей целью создание вооруженных групп, подготовку боевиков и распространение террора среди мирного населения с целью уничтожения власти племенных вождей, уничтожения племенных законов и обычаев и уничтожения традиционных норм поведения.

Любопытный парадокс — в процентном отношении черных националистов было крайне мало, но они были чрезвычайно активны и создавали у стороннего наблюдателя впечатление, что за ними стоит как минимум половина населения. К тому же власть в Родезии (как и всякая власть) идеальной не была. Совершалось множество ошибок, порой проводимая политика страдала серьезными изъянами, и вполне естественно, что среди черного населения число *просто недовольных* властью было изрядным. Но это недовольство не шло дальше т.н. «кухонных разговоров», когда крестьяне в краале или рабочие в местном пабе вечером ругают власть, жалуются на маленькие зарплаты, костерят местных чиновников вне зависимости от цвета кожи и т.д. Так что «в душе» черных националистов поддерживали многие — но эта поддержка ограничивалась в основном недолгим поругиванием властей (о чем наутро забывалось). Известия об «освобождении» в других странах для черного населения секретом не являлись, а горячей молодежи в стране хватало. В черной среде начали появляться и другие партии, союзы и политические объединения.

Примерно к этому времени относится возникновение понятия «Зимбабве» — как главного символа и основной национальной идеи среди радикально настроенных групп черного населения. Большое Зимбабве — это название каменных руин древнего южноафриканского города, который был обнаружен европейцами в XIX в. на территории будущей Родезии. Одна школа археологов полагала, что строители города принадлежали к языковой группе шона — т.н. культура Гокомере, которая предшествовала культуре Розви. А Розви уже полагались научным сообществом прямыми предками современных шона. Куда более обоснованной считалась «Теория лемба» — то, что Большое Зимбабве было построено племенем лемба (ма-лемба или ва-ремба), этнической группой, принадлежавшей к банту. Сторонники «Теории лемба» приводили многочисленные доказательства того, что шона пришли на эту территорию позже — однако данная теория оспаривалась. А вот что касается радикально настроенных националистических кругов, то там за «Теорию шона» ухватились сразу же.

В кратчайшие сроки Большое Зимбабве стало для черных националистов важнейшим символом, означающим прежде всего выдающиеся достижения африканцев: «Город построили прямые предки нынешних шона; цивилизация Зимбабве была выдающейся по меркам своего времени; в то время как в Европе было мрачное Средневековье, африканцы достигли вершин в ремеслах и искусстве; история, которую преподают белые, является враньем; Большое Зимбабве есть историческая и культурная жемчужина Африки; мы должны вернуть Зимбабве и страну себе». Теперь у политической борьбы появился новый смысл — «Зимбабве», именно так, в честь руин древнего города, должна называться будущая страна, свободная от белых (в противовес названию «Родезия»). Национа-

листов нимало не смущало то, что собственно само слово *Zimbabwe* — это *англизированная* форма слова «дом»: в диалектах шона, в частности каранга и зезуру, *dzimba* — это множественная форма слова *imba* («дом», «хижина», «место для жилья»). Одним из лозунгов националистов стало «Мы возродим тебя, Зимбабве!». Под ним подразумевалось не только обновление страны, но и возврат из забвения ее национальной святыни — что являлось откровенной неправдой, поскольку археологический комплекс стараниями правительства ни в каком забвении не пребывал.

Любопытный аспект — глядя из сегодняшнего времени, видно, что вербальное оформление черного национализма в Родезии и итогов национальной борьбы было фактически узурпировано шона. Во-первых, нынешнее название страны произошло из языка шона. Во-вторых, восстание *матабелов* в 1896–1897 гг., в котором шона были на вторых ролях и к которому присоединились много позже его начала, в итоге осталось в истории как «чимуренга» — опять же слово из языка чишона. Свою «освободительную борьбу против белых» националистические группировки шона также называли «чимуренгой» — позже она стала называться «Вторая Чимуренга». Именно это название стало официальным для всей идеологии нынешнего Зимбабве (в англоязычном мире принят другой термин: «Родезийская война в буше»). Формально это можно объяснить тем, что шона являлись самой крупной этнической группой в Родезии (как и сегодня в Зимбабве), а матабелы являлись меньшинством — но именно это меньшинство, как наиболее активное, первым и поднимало голову. Увы, матабелам не повезло — современная зимбабвийская историография «Родезийской войны» (а равно и «национального сопротивления белым») отводит амандебеле место в самом конце списка.

Власти Родезии меж тем не дремали — под давлением Великобритании (хотя Родезия и была самоуправляемой территорией, формально она оставалась под эгидой британской короны) и с учетом нарастания недовольства администрация пошла на политические реформы. После переговоров с лидерами оппозиции, включая даже радикально настроенных националистов, правительство Родезии в 1961 г. опубликовало проект новой Конституции, и проект был вынесен на референдум. Население Родезии выразило свою поддержку проекту. Целью же черных радикалов, призывавших к бойкоту референдума по Конституции, являлся скорейший захват власти в стране революционным путем и в конечном итоге однопартийная диктатура.

После того как Национальная Демократическая партия Родезии (бывший АНК под предводительством Нкомо) отказалась поддержать референдум по новой Конституции, ее руководством было принято решение перейти к активным революционным действиям. Только за август 1962 г. было сожжено 15 школ, 8 церквей, взорвано 25 самодельных взрывных устройств, погибло 11 человек. Кампания террора была направлена исключительно на тех африканцев, кто являлся сотрудником какой-либо администрации. Всего же за лето 1962 года число зарегистрированных полицией актов насилия, включая убийства, поджоги и взрывы, превысило сотню. НДП была запрещена еще в декабре 1961 года, теперь же правительство Родезии пришло к выводу о запрещении ее преемников — партии ЗАПУ и отколовшейся от нее ЗАНУ.

После распада Федерации двух Родезий и Ньясаленда в 1963 г. кампания террора вышла на новый уровень — против племенных вождей, и последние запросили защиты у правительства. Летом 1964 г. премьер-министр Южной Родезии Ян Смит послал 29 вождей в Европу в качестве пред-

ставителей народа Родезии. Премьер-министр Великобритании отказался принять вождей, вместо этого их принял секретарь по делам Содружества Дункан Сэндс. Сэндс заявил вождям, что главари террористов, которых он называл «представителями африканского народа», пользуются полной поддержкой населения. На что вожди заметили, что если террористам и удалось кого-то завербовать в свои ряды, то только с помощью угроз и террора. Сэндс ответил, что *методы* африканских националистов его не интересуют. В таком случае, заявили вожди, мы соберем свои *impi* (полки) и просто сметем террористов с лица земли. Сэндс пришел в ужас от такого ответа и заявил, что Великобритания выразит в этом случае свое неудовольствие и резко осудит это насилие.

В 1965 г., после того как к власти в Великобритании пришли лейбористы, секретарем по вопросам Содружества был назначен Артур Боттомли, печально известный своей феерической некомпетентностью в африканских вопросах⁴. По свидетельствам современников, проблемы он умудрялся разрешать с грацией слона в посудной лавке, и кроме того, был непревзойденным мастером наветов. Именно его и послали в Родезию для улаживания вопроса о возможной независимости.

Поскольку племенные вожди принимали и выносили решения в соответствии со своими обычаями и установлениями, а не так, как того требовали британские парламентские процедуры, Боттомли решил, что вожди намеренно избегают демократических правил, и заявил, что они его обманывают. На самом же деле племенные вожди со всей Родезии (числом более 600) собрались на *indaba* (совет) в местечке Домбошава, на котором в течение пяти дней обсуждали вопрос независимости от Великобритании. По итогам индабы

⁴ Так, Боттомли однажды умудрился публично перепутать Гамбию и Замбию

они решили, что защита и покровительство правительства Великобритании их племенам не требуется. По давней традиции, вопрос решался не голосованием, а долгим обсуждением — до тех пор пока все вожди не пришли к единому мнению. Когда Боттомли безапелляционно заявил, что вожди не выражают волю населения, то ответом ему была речь одного из вождей, произнесенная в совершеннейшем изумлении от слов английского посланника:

«Я поражен той новостью, что вожди и старейшины более не называемы вождями! Скажите, чем вы занимались все эти 70 лет, если до сих пор не поняли простых вещей? Многие вожди и старейшины, присутствующие здесь, потеряли жен и детей своих от рук убийц. Повсюду люди убивают друг друга, как псы из-за кости, потому что власть попала в руки убийц. Мы живем в страхе, потому что европейцы за морем дают нашим юношам бомбы и ружья. Когда мы пришли в Лондон, то британские министры убежали от нас и спрятались. Один из них сказал: «Я поговорю с вами несколько минут», а потом набрался храбрости и сказал нам: «Вы не вожди народа. Нкомо вождь».

Вот я стою сейчас перед вами, чтобы вы могли видеть меня, вашего слугу, чей дом сожгли, чьих жен и детей убили.

Великий Родс подал нам всем пример, когда сказал, что все должны работать рука об руку, сложить свое оружие и трудиться всем обществом, как один человек — и мы сделали это и жили счастливо вместе, белые и черные, под этим солнцем. Знай мы ранее, что наступят нынешние перемены, мы бы не сложили свои ассегаи. Когда я был ребенком, старейшины нашего крааля, отцы и деды наши говорили нам: слово англичанина и правосудие англичанина — вот образец достойного поведения, к чему надо стремиться. А сейчас мы сомневаемся, что Англия осталась Англией. Нам кажется, что те, кто держит бразды правления в Ан-

глии, более не являются англичанами, а принадлежат к другому племени».

Ни о чем не договорившись на встрече с вождями в Домбошаве, Боттомли вернулся в Лондон и сообщил премьер-министру Вильсону о результатах. Тот в свою очередь разразился гневным заявлением, открыто заявив, что «даже при самом богатом воображении вожди племен не могут считаться представителями африканского народа». Вильсона никоим образом не смутил тот факт, что вожди представляли более 4 миллионов банту, а террористы выражали мнение группы городских радикалов, изгнанных из племен отщепенцев и группировок рабочих-иммигрантов.

* * *

Нельзя сказать, что власти Родезии ничего не делали для улучшения обстановки в стране — особенно в части национального вопроса. Общую политику родезийской администрации можно выразить примерно следующей фразой: «Лучше учить и постепенно развивать, чем гнобить, а потом воевать». Но пропаганда — как советская, так и капиталистическая (едва ли не единственный случай, когда оба лагеря говорили и писали о каком-то вопросе чуть ли не слово в слово) — представляла Родезию как своего рода фашистский концлагерь, где белые колонизаторы-расисты с пещерной злобой измываются над черным населением. Факты, которые правительство и население Родезии готово было предоставить всем заинтересованным, игнорировались — поскольку они никак не вязались с образом «махрового расистского государства». Например, то, что Колледж Университета Родезии являлся не только мультирасовым учебным заведением, но и предоставлял стипендии студентам небелого происхождения, в случае недобора баллов. Белое и цветное население имело *равный* доступ в гостиницы, бары, рестораны и прочие обще-

ственные места — в Родезии *не было сегрегации по закону*, хотя некоторые из этих мест традиционно считались «белыми» или «черными».

Пропагандисты, критиковавшие Родезию, порой брали на вооружение откровенную ложь, как например: «По закону, белые имеют преимущество при приеме на работу» (в Родезии *никогда* не было такого закона); или: «Подавляющему большинству черных разрешается получать образование не выше уровня начальной школы» (еще одна ложь).

Что касается дискриминации при приеме на работу, то после Первой мировой войны в течение как минимум пары десятков лет в области гражданской службы было только две страты — верхняя и нижняя. Верхняя была зарезервирована исключительно для европейцев — в силу простого факта, что вплоть до Второй мировой войны в стране просто не было достаточно количества образованных африканцев, чтобы занимать хоть какие-то посты, кроме самых незначительных. После войны эту норму убрали, и прием на работу производился на основании деловых качеств, а не расовой принадлежности. Равно как и продвижение по службе зависело от деловых качеств, а не от цвета кожи.

Что же касается образования, то это вопрос несколько более сложный. Во-первых, тяга к образованию в более или менее массовом масштабе у африканцев появилась только в середине 1950-х гг. До этого времени африканцы вовсе не стремились отдавать своих детей в школы, считая это бесполезным. Во-вторых, наиболее ожесточенная критика по этому вопросу — сегрегация школ — звучала со стороны США. Однако американцы не учитывали демографический фактор — в Родезии белые составляли меньшинство. И соотношение африканских и европейских детей в классах начальной школы порой составляло 20:1, причем большинство из африканских детей даже

не говорило на нормальном английском языке. В таких условиях европейские родители оказывались перед реальной угрозой, что их ребенок просто не будет говорить по-английски.

Правда заключается в том, что Родезия обладала наиболее совершенной образовательной системой для своего времени — если мы берем страны к северу от реки Лимпопо. **Соотношение учащихся и общей численности населения** было следующим:

Эфиопия	1:108
Мали	1:61
Либерия	1:40
Гвинея	1:24
Дагомея	1:20
Танзания	1:18
Алжир	1:12
Мадагаскар	1:11
Гана	1:8
Родезия	1:6

(Для справки: в Великобритании это соотношение было 1:5)

Необходимо также упомянуть, что до 1953 г. (то есть до создания Федерации Северной Родезии, Южной Родезии и Ньясаленда) ежегодные траты на образование на трех территориях были примерно таковы. Администрация по делам колоний (в Лондоне) тратила на обучение (в год) 6 и 8 фунтов, для Ньясаленда и Северной Родезии, соответственно. В то же время самоуправляемая территория Южная Родезия тратила на образование только африканского населения 27 фунтов — *не запрашивая этих денег из Лондона*. Вот данные на 1956 г. — **количество африканских учащихся в школах на трех территориях:**

Начальная школа:

Ньясаленд — 224 600

Северная Родезия — 156 164

Южная Родезия — 259 573

Средняя школа:

Ньясаленд — 362

Северная Родезия — 1210
Южная Родезия — 9194

Данные факты по поводу образования особо не оспариваются даже черными историками (за исключением совсем уж ревизионистски настроенных). В конце 2010 г. в одной из южноафриканских газет появилась статья, в которой автор попытался приписать нынешний высокий уровень грамотности и образованности зимбабвийцев «энергичному напору, с которым Роберт Мугабе взялся за образование». Статья вызвала такой шквал ответов и упреков в некомпетентности автора, что изданию пришлось публично извиниться за допущенные ошибки. В частности, в одном из писем в редакцию чернокожий зимбабвиец писал следующее: «Идея дать образование африканцам в Зимбабве возникла и оформилась задолго до того, как была сформирована Федерация Родезий и Ньясаленда (примерно в то самое время, когда Мугабе вырос из коротких штанишек). В отличие от своих соседей с юга, белые в Южной Родезии (а позже и в Федерации) полагали образование африканского населения приоритетным — до такой степени, что начальное образование для всех черных было обязательным. Даже при режиме Смита 25% бюджета уходило на нужды образования черного населения. В Университетском колледже в Солсбери (URCN)⁵ первый межрасовый набор студентов, обучавшихся по программе обмена с Университетом Лондона, произошел в 1957 г. Медицинские степени стали присваиваться студентам-африканцам (по программе Университета Бирмингема) в 1963 г. Первый небелый ученик был принят в до той поры белую школу (Питерхаус) в 1957 г. Более того, для обучения в UCRN требовалось сдать экзамен

ны продвинутого уровня по стандартам экзаменационной комиссии Оксфорда / Кембриджа. Замечу, что этот стандарт был куда как выше, чем тот, что существовал тогда в ЮАР, и неизмеримо выше, чем образовательный южноафриканский “стандарт для банту”, установленный для черных южноафриканцев. В результате выпускники UCRN при выпуске обладали исключительно качественным образованием. Последствия этой идеи — внедренной белыми в Родезии — вылились в то, что в Родезии образовался класс хорошо образованных черных африканцев. В начале 1960-х годов куда больше черных в Родезии читали общенациональные газеты, чем белые».

И наконец, один из самых ключевых вопросов, который черные националисты постоянно поднимали на щит, — вопрос о земле. Вообще, данный вопрос (о распределении земли в Родезии) был наиболее обсуждаемым как националистами, так и т.н. мировым общественным мнением. Основной упор делался на то, что белые, дескать, захватили себе всю землю в стране, а черным отдали жалкие пяди бесплодных пустынь. Но кроме громких заявлений никакие аргументы не приводились. На самом же деле картина была иная. В 1930 г. был введен Закон о Пропорциональном распределении земли. С введением этого закона связан любопытный момент — он был принят после доклада т.н. комиссии Картера. Королевская комиссия, которую возглавил сэр Морис Картер, была назначена из Лондона. Кроме него, в комиссию вошли еще два британца и два родезийца: Верховный комиссар по делам коренного населения и Генеральный инспектор земельного надзора. Так вот, комиссия представила доклад, в котором заявила, что *все представители родезийского общества* — включая представителей коренного населения — высказались в пользу земельного разделения, и единогласно рекомендовала принять за-

⁵ Университетский Колледж Родезии и Ньясаленда, сейчас Университет Зимбабве в Хараре.

кон. В докладе также говорилось, что введение закона позволит избежать проблем между расами, поскольку европейцы и африканцы могут разрабатывать землю в соответствии со своими нуждами и устремлениями⁶.

В 1930 г., когда был принят этот закон, африканское население Родезии составляло 936 000 человек. Вопрос: сколько земли выделило правительство Родезии в исключительное пользование африканскому населению? Ответ: 28 933 362 акра, иными словами, по 30 акров на каждого человека, от стариков до младенцев⁷. Любопытный факт — одной из основных статей экспорта в Родезии был табак. Так вот, лучшие земли для выращивания табака находились в зоне племенных соглашений, иными словами были отданы в исключительное африканское пользование. Несмотря на это, белые фермеры на чуть более худших землях все равно умудрялись выращивать табак отменного качества.

К 1964 г. благодаря тому, что в Родезии с помощью европейского населения значительно улучшились жизненные условия, в частности был сделан большой рывок в области здравоохранения, — численность африканского населения возросла до 4 млн. К этому времени у африканцев в исключительном пользовании находилось 46% всех земель на территории Родезии. Как распоряжались землей белые фермеры, известно всем — Родезия *экспортировала* свою продукцию едва ли

не во все страны субэкваториальной Африки. Как распоряжались землей африканцы? В 1964 г. сельскохозяйственной продукции в Родезии было произведено на 62,2 млн фунтов стерлингов. И только 6,5% от этого количества было произведено африканцами.

Кроме земельного вопроса, т.н. прогрессивное общественное мнение волновал и вопрос голосования. Родезию упрекали за то, что в стране нет всеобщего избирательного права. Правда, с точки зрения родезийцев это звучало дико. По одной простой причине: родезийское общество свято верило в принцип «человек достоин права голоса только в том случае, если он способен доказать, что может трезво распоряжаться этим голосом». Проще говоря, в стране существовало два ценза: образовательный и имущественный. Родезийцы настаивали на том, что если человеку дано право голоса, то по крайней мере он должен владеть английским языком, хотя бы на уровне чтения и понимания бюллетеня для голосования. И второй момент — достаточный уровень дохода являлся определенным доказательством того, что потенциальный избиратель являлся человеком ответственным: во-первых, у него хватало ума и навыков, чтобы заработать определенное состояние и владеть имуществом, а также это давало некую гарантию того, что он будет прилагать усилия, чтобы не потерять это в дальнейшем.

Однако стоит подчеркнуть, что данные цензы *никогда* не были расовыми. Любой родезиец, независимо от расовой или национальной принадлежности, мог получить право голоса при условии, что:

- 1) он является гражданином;
- 2) прожил в стране не менее двух лет;
- 3) старше 21 года;
- 4) обладает знанием английского языка, достаточным для того, чтобы самостоятельно заполнить документ, регистрирующий его как избирателя (за исключением вождей и старейшин);

⁶ Жизнь показала, что это суждение было ошибочным: европейские территории по уровню развития вырвались вперед, в то время как африканские земли одна за одной приходили в запустение. Это привело к массивному притоку африканцев на европейские земли и в итоге породило проблемы.

⁷ Практически ни в одной стране мира никогда ничего подобного не происходило — ни одно правительство не выделяло по 12 гектаров земли на каждого человека независимо от возраста, причем не самой плохой земли.

5) попадает в одну или более следующих категорий:

список «А»:

(а) ежегодный доход в течение двух лет к моменту регистрации как избирателя должен составлять не менее 792 фунтов, либо владение недвижимым имуществом на сумму не менее 1650 фунтов.

Или:

(b) (i) ежегодный доход в течение двух лет к моменту регистрации как избирателя должен составлять не менее 528 фунтов, либо владение недвижимым имуществом на сумму не менее 1000 фунтов плюс

(ii) законченное начальное образование.

Или:

(с) (i) ежегодный доход в течение двух лет к моменту регистрации как избирателя должен составлять не менее 330 фунтов, либо владение недвижимым имуществом на сумму не менее 550 фунтов плюс

(ii) среднее образование не менее четырех лет.

Или:

являться служащим в управлении по делам коренного населения, назначенным вождем или старейшиной.

По *списку «В»* (15 мест) требования были еще ниже. К концу 1966 года по списку «А» голосовало 95 700 белых и 2400 негров, по списку «В» — 589 белых и 10 780 негров. Однако, согласно исследованиям, около 60 000 негров удовлетворяли требованиям списка «А», и только традиционно прохладное отношение к политике удерживало их от участия в голосованиях⁸.

⁸ Поскольку правительство Родезии прилагало значительные усилия по расширению образовательной базы среди цветного населения и доходы на душу населения, как белого, так и цветного, росли, то было очевидно, что вопрос перехода к правлению черного большинства занял бы не очень продолжительное время. К сожалению, это понятно только спустя десятилетия.

Тем не менее страна, в которой несколько сот тысяч белых правят несколькими миллионами черных, по умолчанию воспринималась как расистская. То, что уровень жизни в этой стране был высоким, что в страну шла мощная иммиграция, что экономика стабильна, а сами черные были довольны существующим положением — это никого не волновало. Мировая (в первую очередь британская) пресса проливалась крокодиловы слезы по поводу несчастных голодающих черных родезийцев, откровенно игнорируя тот факт, что голода в стране не было, а у черных была работа и еда (иначе как объяснить то, что черные с половины континента иммигрировали в Родезию).

Что интересно — к первой годовщине провозглашения Независимости, к ноябрю 1966 г., подавляющее большинство родезийцев (белых и черных) пришли к выводу, что их стране куда как лучше живется в условиях правой белой диктатуры, чем марксистской черной. Черное население, зачастую и не подозревавшее о политических бурях над страной, волновало в основном, как ими правят местные вожди, достаточно ли скота и почему им запрещают пить местный самогон до помутнения в глазах, а заставляют вместе этого кормить семьи.

* * *

Независимая (пусть и не признанная официально) Родезия продержалась пятнадцать лет — в условиях международной изоляции, экономических санкций и постоянной террористической войны, об одном аспекте которой стоит обязательно упомянуть. До сих пор существует устойчивое мнение, что война в Родезии имела в своей основе расовую/национальную природу. То, что оно было популярно в 1970-е и 1980-е гг., отчасти оправдывается тем, что правдивой информации о Родезии нигде не публиковалось. Но эта мысль, что в Родезии «белые воевали против

черных, стремясь уничтожить черное население страны», распространена и сейчас — хотя сегодня исторических источников по тому периоду более чем достаточно, и далеко не все они страдают перекосом в правую или левую сторону.

На самом же деле никакой расовой или национальной войны не было. Подавляющее большинство военнослужащих в вооруженных силах Родезии были черными африканцами⁹, которые воевали за сохранение своего образа жизни. Подавляющее большинство жертв той войны (с 1965 по 1980 г. в ней погибло около 30 тыс. человек с обеих сторон: солдат, боевиков, мирного населения, черных и белых) были опять же черными африканцами. И в первую очередь действия террористов были направлены не против белых фермеров или военнослужащих — а против мирного черного населения. В данном случае национальность отходила на второй план — боевики из племени каранга могли заявиться в крааль к соплеменникам и хладнокровно уничтожить старейшину или вождя, в наказание за сотрудничество с белыми. То, что этот вождь мог приходиться им отдаленным родственником, нимало не смущало — революция оправдывает все.

Хотя национальный вопрос, естественно, присутствовал — правда, выражался он в странных для европейца (но привычных для африканца) формах. За свержение белого правительства Родезии выступали две политические партии черных националистов — ЗАПУ и ЗАНУ, имевшие свои вооруженные отряды — ЗИПРА и ЗАНЛА, соответственно. Партия ЗАПУ была основана Джошуа Нкомо в декабре 1961 г., после запрета вла-

стями Южной Родезии Национальной Демократической партии. В руководство Союза вошли известные националистические деятели, среди которых Нбаданинге Ситхоло, Герберт Читепо и Роберт Мугабе. В 1962 г. ЗАПУ была запрещена, однако продолжила свою деятельность нелегально. После этого внутри руководства ЗАПУ возникли противоречия: часть руководителей партии, принадлежавшие к шона, выступали за непримиримую политику в отношении властей и радикальные формы борьбы. В 1963 г. произошел раскол: Ситоло, Читепо и секретарь партии по пропаганде Мугабе вышли из ЗАПУ, организовали Африканский национальный союз Зимбабве (ЗАНУ). В этническом отношении ЗАПУ опиралась прежде всего на матабелов, а в социальном — на пролетариат (шахтеров, железнодорожников) и интеллигенцию. ЗАНУ же опиралась на шона и крестьянство. Раскол также проходил и по идеологии — Джошуа Нкомо занимал умеренные позиции и в конечном счете стал ориентироваться на СССР, а более радикальная ЗАНУ разделяла идеи Мао Цзэдуна и пользовалась поддержкой КНР.

Но именно боевики ЗИПРА — то есть, по сути матабелы — прославились исключительной жестокостью в той войне. В частности, именно они чаще всего нападали на христианские миссии, убивая священников и монахинь, как белых, так и черных. Также именно террористам ЗИПРА принадлежит мрачный рекорд той войны: два сбитых из советских ПЗРК гражданских авиалайнера компании «Air Rhodesia» — в первом случае 10 выживших в катастрофе были хладнокровно уничтожены подоспевшими боевиками, во втором все находившиеся на борту погибли. Если учитывать всех белых некомбатантов, убитых боевиками, то большая часть из них погибла как раз от рук террористов из ЗИПРА. А кроме того, отряды ЗИПРА никогда не отказывали себе напасть на

⁹ В армии Родезии было только две традиционно белых части — батальон (позже полк) Родезийской Специальной Авиаслужбы и батальон Родезийской легкой пехоты. Все остальные части были расово интегрированными.

конкурирующую группировку — боевики двух фракций истребляли друг друга не менее ожесточенно, чем они терроризировали мирное население. Так что теоретически войну в Родезии можно назвать «войной по национальному признаку» — когда матабелы истребляли шона и белых, шона убивали шона, матабелов и белых, а белые были вынуждены защищаться, убивая и тех и других, невзирая на национальную принадлежность.

После всеобщих выборов 1980 г. к власти в Родезии (позже Зимбабве) пришел Роберт Мугабе — шона по национальности¹⁰. Вопреки паническим ожиданиям, белое население Зимбабве он не тронул¹¹. При всей своей не любви к белым Мугабе понимал, какую роль они играют в промышленности и сельском хозяйстве. Более того, Мугабе после победы на выборах публично призывал белых не уезжать из страны, а тех, кто уехал, — вернуться. А вот матабелы себя почувствовали обиженными, поскольку от плодов победы их оттеснили, согласно тысячелетнему африканскому закону: «Нет проигравших, есть побежденные, а побежденным — горе». Буквально с первых дней после независимости Зимбабве между матабелами и шона начались вооруженные столкновения, которые постепенно переросли в крупный межнациональный конфликт. В ответ

¹⁰ Отцом Роберта Мугабе был малавиец, а мать — шона. Мугабе довольно долгое время оставался национально индифферентным (он был воспитан иезуитами и в первую очередь считал себя католиком-африканцем), но позже идентифицировал себя как шона, что и обеспечило ему поддержку среди этой этнической группы.

¹¹ Перед выборами Мугабе обещал Яну Смиту, что белых трогать не будут, — и слово сдержал. Причина крылась в прагматичном подходе Мугабе — он прекрасно понимал, что белое население есть основа экономики страны, и не собирался резать курицу, несущую золотые яйца.

на вооруженное сопротивление амандебеле правительственная армия, состоявшая теперь практически целиком из шона, начала военно-полицейскую операцию под названием «Гукурахунди» («Весенний дождь, смывающий мякину с поля»), длившуюся пять лет, в ходе которой погибло по разным оценкам от десятков до сотен тысяч человек — преимущественно матабелов. По сути это была натуральная этническая чистка и по всем признакам подпадала под определение «геноцид» — однако цивилизованный мир, до этого заходившийся в истерику каждый раз, когда армия Родезии уничтожала базу террористов, почему-то предпочел промолчать.

«Гукурахунди» возымела определенный эффект — сопротивление матабелов было подавлено. По иронии судьбы это произошло спустя немногим больше века после восстания матабелов против белых переселенцев — только на этот раз восстание подавили шона, которых полтора столетия назад матабелы считали рабами. На этом национальный вопрос временно был закрыт.

Последней жертвой национального вопроса в Зимбабве стали белые. В 1970 г. численность белого населения Родезии составляла почти 300 тысяч человек. Война, ухудшающиеся условия жизни, несколько волн эмиграции и полуофициальная политика террора по отношению к белому населению, начавшаяся с начала 2000-х гг., сделали свое дело. По состоянию на 2011 г. по приблизительным оценкам в 12-миллионной стране белых насчитывается от 40 до 20 тысяч.

Приложение

Из статьи зимбабвийца Терри Чинхакве «Ничего выдающегося в Зимбабве никогда не появлялось», 2010 г.

Повторю еще раз то, что я говорил всегда: когда сюда пришли колонисты, Африка вовсе НЕ БЫЛА на пороге технологического прорыва. Зимбабве — бывшая Родезия — это на 90% творение британцев. Для африканских националистов и для тех, кто в каких-то своих личных целях пытается мазать колонистов только черной краской, такая мысль (естественно) абсолютно неприемлема. В Зимбабве, как и в остальных странах Третьего мира, никогда ничего своего мало-мальски значимого не появлялось. Мы — как и остальные страны Третьего мира — потребители, а не производители; идеи, социальные институты, товары — мы все это импортируем, а не экспортируем. Это факт, с ним ничего не поделать.

Нам очень повезло, потому что белые переселенцы пришли сюда и сделали за нас всю грязную и неблагодарную работу — которую мы не смогли бы сделать сами ни при каких условиях, да. Именно они построили дороги, железные дороги, города, плотины, фермы, дома и всю инфраструктуру. Если кто-то хочет сравнения — то милости просим в Западную Африку, полюбоваться на примитивные трущобы, в которых они живут. Когда-то мы называли ее не West Africa, а Worst Africa — теперь сами скатываемся на этот уровень. Не будь колониализма — вы бы ни читать, ни писать не умели! Возможно, вы бы и не родились — поскольку ваши предки, скорее всего, умерли (бы) от неизлечимой (тогда) болезни.

Тот факт, что в стране есть археологический комплекс Великое Зимбабве, ни о чем не говорит вообще. Это всего лишь одна постройка — и никто до сих пор не может уверенно утверж-

дать, кто именно ее возвел. Археологи там находили предметы не только африканского происхождения, но также китайского и персидского. Великое Зимбабве окутано тайной, и никаких выводов из существования этого памятника мы делать не можем. Там вопросов больше, чем ответов. Например, что случилось с теми, кто построил Зимбабве? Никто ведь более не копировал эту архитектуру, не пытался ее унаследовать — и цивилизации она ничего особо не дала, тем более современной. Все равно что утверждать, что Зимбабве внесла значительный вклад в развитие космических исследований и технологий на основании того, что зимбабвиец Артур Мутамбара когда-то работал в лаборатории НАСА.

Мне говорят: «Единственное достижение колониализма — если они вообще за ним числятся — это сплошные страдания и поражения нас в правах». Да без колониализма мы бы до сих пор существовали как те индейцы с Амазонки или жители Папуа-Новой Гвинеи, застрявшие в каменном веке! Не надо обвинять колониалистов в том, что они принесли неисчислимые страдания — уж во всяком случае, их преступления были не тяжелее, чем те, что матабелы совершали в отношении машона, а со страданиями простых людей в Матабелеленде в 1980-х гг., погибших от рук 5-й Бригады, их и сравнивать не стоит.

Одна из важнейших и самых необходимых вещей, что принесли в нашу жизнь колонисты, — деньги, заменившие систему натурального обмена. Да, деньги и система их обращения — это тоже все благодаря белым. До прихода колонистов в Зимбабве не было денег в их нынешнем понимании. Теперь вместо того, чтобы тащить на рынок воз чего-либо, а обратно — такой же воз, если не больше, люди могли с собой носить практически невесомую валюту и покупать на нее все необходимое. Я напоминаю, что пахотного земледелия до колониализма не суще-

ствовало. Я бы очень хотел услышать, откуда у наших предков появились тяжелые металлические плуги, которыми пахали с помощью быков? Или хотя бы мотыги? А если есть плуг — то должна быть и упряжь? Она-то откуда появилась? Не говоря уж об удобрениях.

До 1890 года ни шона, ни матабелы никоим образом не могли вот так вот взять и сварганить свое полноценное государство. Не было ни возможностей, ни навыков, ни знаний. Именно британцы построили тут страну — пуская и с помощью насилия. Что, наши предки спокойно жили себе бок о бок с матабелами и у них было нормально функционирующее правительство? Ну-ну, не смешите. Не говоря уж о том, что границы нашего государства прочертили и утвердили британцы — о чем многие сегодня либо не знают, либо забыли.

Американцы и японцы в ходе Второй мировой войны бились друг с другом, не жалея себя, но сегодня они успешно ведут торговлю друг с другом без оглядки на старое — они пошли в своем развитии вперед, а мы все киваем на колониализм и его проклятое наследие. Странное дело: человек носит одежду, сотканную на фабрике, построенной

проклятыми колониалистами, использует для работы оборудование, придуманное, созданное и произведенное проклятыми колониалистами, сидит в уютном кресле, дизайн которого был придуман проклятыми колониалистами, говорит на языке проклятых колониалистов — но при этом не стесняется обвинять собеседника, в том, что он был колонизирован!

В нашем африканском обществе развитость человека оценивается по тому, насколько он хорошо говорит на языке проклятых колониалистов — английском. Сколько раз я слышал: «Нет, я этого не мог написать — мой английский куда лучше!» Между прочим, вот он, признак того, что нас колонизировали по-настоящему — до такой степени, что мы считаем умение грамотно говорить и писать по-английски реальным преимуществом или недостатком.

Ну и последний вопрос: почему все эти люди, которые так отчаянно охают британских колонизаторов, стремятся получить ученую степень именно по английскому языку? И почему они идут на все — но упорно стараются послать своих отпрысков на учебу именно в Англию? Боюсь, никто мне на него не ответит.

РОМАН ФРОЛОВ

ПАТРИК БЬЮКЕНЕН

Возможно, историки будущего, размышляя о причинах заката Американской империи в середине XXI века, кропотливо изучая альтернативные варианты, придут к выводу, что одним из последних шансов для Америки свернуть с губельного курса массовой неевропейской иммиграции, неомарксистского эгалитаризма и произраильской и проглобалистской внешней политики, а для американского христианского большинства — одержать победу в Культурной войне и начать возвращение нации к традиционным культурным основам — было бы избрание Пэта Бьюкенена президентом Соединенных Штатов в 1992 или 1996 гг., когда он вначале бросил вызов в Республиканской номинации действующему президенту Джорджу Бушу-старшему, а четыре года спустя имел серьезные шансы на победу над фаворитом Республиканской гонки сенатором Робертом Додем.

Патрик Джозеф («Пэт») Бьюкенен родился 2 ноября 1938 г. в благополучной многодетной католической семье. В 1962 г. — защитил мастерскую диссертацию по журналистике при Колумбийском университете, еще до этого, в 23 года, став самым молодым младшим редактором газеты *St. Louis Globe-Democrat*. С 1965 г. он был занят в нью-йоркской юридической фирме Ричарда Никсона, а в следующем году стал первым нанятым советником для президентской кампании Никсона, в ходе которой Бьюкенен работал спичрайтером и анализировал Демократическую оппозицию. Бьюкенен много ездил по миру вместе с Никсоном, а после избрания того президентом в 1969 г. был назначен официальным советником

Белого дома и спичрайтером президента и вице-президента, одновременно выполняя функции специального ассистента президента до самой отставки Никсона после Уотергейтского скандала в 1974 г. В течение многих лет Никсон сохранял с Бьюкененом доверительные отношения. После отставки Никсона Бьюкенен некоторое время оставался на должности старшего советника нового президента Джеральда Форда. После ухода из Белого дома Бьюкенен стал синдицированным колумнистом, комментатором и основателем трех популярных ток-шоу — *The McLaughlin Group* при NBC, *Capital Gang* и *Crossfire* при CNN. С 1985 по 1987 г. Бьюкенен снова работал в Белом доме, на этот раз директором по связям в команде президента Рональда Рейгана. За время своей службы в Белом доме при трех президентах Бьюкенен принимал участие в четырех международных саммитах, включая исторический визит Никсона в Китай в 1972 г. и саммит Рейгана и Горбачева в Рейкьявике в 1986 г.

Трижды Бьюкенен боролся за президентское кресло. Фокусами его первой кампании было уменьшение иммиграции и социальный консерватизм, в том числе оппозиция мультикультурализму, абортам и правам гомосексуалов. В ключевом нью-хемпширском праймерии Бьюкенен выиграл 38% голосов, создав очень серьезную угрозу для Буша-старшего. Всего Бьюкенен в тот раз взял три миллиона республиканских голосов.

Во второй раз, в 1996 г., Бьюкенен серьезно боролся за победу в Республиканской номинации, и вначале ему удавалось идти на равных с сенатором

Робертом Додем. Он выиграл Нью-Хемпшир, но позже сильно отстал и финишировал лишь с 21% республиканских голосов. В 2000 г. Бьюкенен снова участвовал в президентской гонке, на этот раз на платформе независимой партии, Партии реформ. В итоге он набрал 0,4% голосов избирателей.

Бьюкенен написал десять книг, включая шесть бестселлеров *New York Time*. Его поздние работы включают такие говорящие за себя названия, как *«Великое предательство: как суверенитет Америки и социальная справедливость были принесены в жертву богам глобальной экономики»* (1998), *«Республика, а не империя: востребуя американскую судьбу»* (1999), *«Гибель Запада: как умирающие народы и вторжение иммигрантов угрожают нашей стране и цивилизации»* (2002), *«Там, где правые перестали быть правы: как неоконсерваторы подорвали рейгановскую революцию и похитили президентство Буша»* (2004), *«Чрезвычайное положение: вторжение из Третьего мира и завоевание Америки»* (2006), *«День расплаты: как гордыня, идеология и жадность разрывают на части Америку»* (2007) и *«Черчилль, Гитлер и ненужная война: как Британия потеряла свою империю, а Запад потерял мир»* (2008). Книги Бьюкенена рассчитаны на широкую читательскую аудиторию и написаны простым языком, с широким и детальным анализом исследуемых вопросов.

Консерватор

Бьюкенен называет себя традиционным консерватором. Когда в 2006 г. он вернулся в Республиканскую партию, то заявил, что республиканцы предали традиционную антиимпериалистическую и антивоенную консервативную идею ради неоконсерватизма, и что нынешние республиканцы практически неотличимы от демократов: *«Сегодня Республиканской партией руководят из Вашингтона такие люди, ради ко-*

торых мы и пошли в политику — чтобы их изгнать».

Бьюкенен полагает военные интервенции США по всему миру одной из главных опасностей для своей страны, и на этой позиции он твердо стоит со времен окончания холодной войны. Он резко критикует американские войны против Ирака, полагая, что за ними стоят интересы Израиля и американских нефтяных корпораций, что все они основаны на обмане и империализме. По поводу подталкивания США к войне с Ираком он так сказал в 1990 г.: *«Есть только две группы, бьющие в барабаны войны на Ближнем Востоке, — министерство обороны Израиля и его верная рука в Соединенных Штатах. Израэлиты отчаянно желают этой войны, потому что они хотят, чтобы Соединенные Штаты разрушили военную машину Ирака. Они хотят, чтобы мы покончили с их врагом. Наши отношения с арабским миром их совершенно не заботят»*.

В 2008 г. он заявил: *«Израиль и его Пятая Колонна в этом городе [Вашингтоне] пытаются принудить нас к войне с Ираном. Буш должен отказать им, а американцы — сказать своим конгрессменам: если вы проголосуете за [резолюцию №] 362, мы не проголосуем за вас»*. А в 2005-м: *«Кому выгодна война цивилизаций между Западом и Исламом? Ответ: одной нации, одному лидеру, одной партии. Израилю, Шарону, Ликуду»*.

Бьюкенен считает, что «интервенционизм является инкубатором терроризма», и что *«сегодня лидеры Америки повторяют каждую глупость из тех, что привели к гибели великие державы [Россию, Германию и Японию] — от высокомерия и гордыни, до претензий на мировое господство, до имперского перенапряжения сил, до объявления новых «крестовых походов», до предоставления военных гарантий регионам и странам, в которых американские солдаты никогда до*

этого не сражались. Мы накапливаем точно такие же обязательства, как и те, что стали причинами величайших катастроф двадцатого века» («Республика, а не империя», 1999).

Бьюкенен призывает к ликвидации большинства американских военных баз, разбросанных по планете, и к выходу США из большинства оборонных договоров, практически все из которых, по его мнению, политически безнадежно устарели. Он утверждает, что суверенитет Америки находится под угрозой из-за господствующих идеологий свободной торговли, глобализма, глобализации и интервенционизма. Однажды он заметил: *«Мы любим старую республику, и когда мы слышим такие фразы как “новый мировой порядок”, мы снимаем наши револьверы с предохранителей».* Бьюкенен полагает ООН вредной организацией и призывает к выходу из Киотского и Римского договоров, а главное — из Международного валютного фонда, а также немедленный выход из НАФТА (Североамериканского торгового договора о создании зоны свободной торговли между США, Канадой и Мексикой). Он считает, что люди, стоящие за НАФТА, стремятся в конечном счете упразднить границы между тремя странами, чему очень способствует нелегальная иммиграция и фактически отсутствующий контроль за границей между США и Мексикой. Бьюкенен призывает прекратить американский экономический интервенционизм в форме экономических санкций и является адвокатом экономического национализма в традициях американской школы: *«страна важнее экономики, экономика должна служить народу».*

Бьюкенен утверждает, что Америка разделена *Культурной войной* — «войной за право определять, что для общества хорошо, а что плохо». Робин Тонер так написала о первом выступлении Бьюкенена на тему Культурной войны в своей статье *«На*

баррикады! — Культурные войны, часть 2» в *Sunday New York Times*: *«Это был незабываемый момент. Патрик Бьюкенен стоял перед Республиканской Национальной Конвенцией в августе 1992 года, прямо заявляя, что в стране идет “религиозная” и “культурная” война за душу Америки. И что Клинтон, со своей повесткой “радикального феминизма”, “абортами по требованию” и “правами гомосексуалов”, находится по другую сторону баррикад».*

Бьюкенен утверждает, что эта война бушует на фронтах религии, иммиграции, феминизма, права на оружие, гомосексуальности, абортов, энвайронментализма и прочих. Тема Культурной войны проходит центральной нитью через все его книги, в каждой из которых он акцентирует внимание на одном или нескольких отдельных аспектах этого явления. Кого он видит врагами Америки? *«Но кто наш противник? Кто начал все это? Кто беспрерывно нападает на нас? Ответ очевиден. Радикальные левацкие силы, которым помогает культурная элита, та, что ненавидит христианство, полагая христианские принципы реакционными и притеснительными, элита, с дьявольским упорством проталкивающая свои аморальные ценности и навязывающая свою идеологию нашей нации. Не-мудрость того, к чему стремится Голливуд и Левые, должна быть очевидной каждому» (2004).*

В 1996 г., во время президентской гонки, Бьюкенен пообещал сражаться в Культурной войне на стороне традиционных консерваторов: *«Я буду до предела использовать свою власть как президента Соединенных Штатов и свои личные способности для защиты американских традиций и ценностей веры, семьи и страны, откуда бы они ни подверглись атаке. И, вместе, мы загоним этих торговцев сексом и насилием обратно под те камни, из-под которых они выбрались на свет».*

Главным полем битвы Культурной войны он называет систему образования, в том числе среднюю и высшую школу — там, где молодежь подвергается безостановочной леворадикальной индоктринации. *«Сегодня в слишком многих из наших школ детей лишают невинности. Их умы отравляются индоктринацией против нашей иудео-христианской культуры, против героев Америки и истории Америки, против ценностей веры, семьи и страны. Вечные истины, заключенные в Ветхом и Новом Заветах, изгоняются из публичных школ, а наших детей наставляют в моральном релятивизме и анти-Западной идеологии»* (1996).

Вот что он произносил или писал по поводу ключевых аспектов войны против традиционного общества. О мультикультурализме: *«Это есть атака извне на наше англо-американское наследие»* (1993). *«Если бы мы должны были принять в следующем году, скажем, миллион зулусов или миллион англичан, и поселить их в Вирджинии, то какая из этих групп ассимилировалась бы легче и создала бы меньше проблем для народа Вирджинии?»* (1991). *«Раса имеет значение. Этничность и национальность имеют значение. История и религия также имеют значение. Хотя они определяют не все, но они отнюдь не маловажны. Мультикультурализм — это проклятье — этому нас учит история»* («Чрезвычайное положение», 2006).

О порнографии: *«Отвратительные, мерзкие вещи, за которые еще недавно их производителей и распространителей надолго отправляли за решетку с клеймом извращения»*.

О гомосексуальности: *«Гомосексуалы участвуют в сексуальных актах, которые большинство людей считает не просто аморальными, но отвратительными. Причиной же того, что публичные фигуры редко говорят на публике то, что большинство из них произносит в частной обстановке,*

является страх быть обвиненными в “мракобесии” со стороны интолерантных либеральных ортодоксов, считающих, несмотря на все доказательства и опыт, что гомосексуальность — это нормальный, здоровый стиль жизни» (1989). *«Гомосексуальность — это не гражданское право. Ее расцвет практически всегда, как это было и в Веймарской республике, сопровождается разложением общества и коллапсом его базового элемента, семьи»* (1992). *«Несчастливые гомосексуалы — они объявили войну природе, но теперь они несут за это ужасную кару... СПИД — это возмездие природы за нарушение ее законов»* (1993).

О феминизме: *«Как бы они ни были возмущены “дискриминацией”, женщины просто-напросто не наделены природой такими же индивидуальными амбициями и волей к успеху [как мужчины] в яростно-соревновательном мире Западного капитализма»* (1983). *«Настоящими освободителями американских женщин были не шумные феминистки, но автомобиль, супермаркет, универсам, посудомоечная, стиральная и сушильная машины, и холодильник»*. *«Если женщина пришла к убеждению, что развод является решением каждого сложного брака, что карьера важнее детей... то ни одно демократическое правительство не сможет убедить ее в обратном»* («Изначально Правые», 1988).

Бьюкенен, сам бездетный, выступает категорически против абортов, полагая, что жизнь начинается при зачатии. Он считает аборты одной из фундаментальных демографических причин наступающего упадка Западной цивилизации. Он подробно останавливается на этой теме в «Гибели Запада».

Бьюкенен выступает против ограничений на владение оружием: *«Частное владение оружием дает гражданам этой свободной республики средство защиты жизни, свободы и собствен-*

ности — и я, как президент, буду безоговорочно поддерживать это право» (президентская кампания 2000 г.).

Бьюкенен требует немедленного и радикального ограничения легальной иммиграции — длительного моратория на иммиграцию — и принятия мер по прекращению нелегальной иммиграции. Эта тема является краеугольным камнем нескольких его книг.

Кевин Макдональд отметил в 2002 г., что только пять комментаторов и колумнистов всегда встают на сторону палестинцев. Пэт Бьюкенен был одним из них. Он утверждает, что американское вмешательство на Ближнем Востоке не служит защите национальных интересов США, но осуществляется исключительно для поддержки Израиля. Бьюкенен как-то раз назвал Капитольский холм «оккупированной Израилем территорией». В 1991-м он написал, что Конгресс превратился в *«Парламент Шлюх, неспособный отстаивать национальные интересы США, если на другой стороне стоит АПРАС»* (Американо-израильский комитет по общественным связям). И в 2007-м: *«Если вы желаете знать об этничности и власти в Сенате Соединенных Штатов, то 13 членов Сената [из 100] — это евреи, представляющие 2 процента населения. Вот где настоящая власть...»* Он также обвиняет Израиль в постоянном шпионаже против Америки. Не удивительно, что в ответ на подобные заявления на Бьюкенена неизменно обрушивается шквал обвинений в антисемитизме. Отметая обвинения, Бьюкенен говорит: *«Они обвиняют нас в антисемитизме... Но правда заключается в том, что те, кто швыряется этими обвинениями, имеют "страстную привязанность" к чужой для нас нации, что вынуждает их жертвовать интересами своей собственной страны и действовать, руководствуясь предположением о том, что то, что хорошо для Израиля, хорошо и для Америки»* (2005).

Окно Овертона

Хотя Бьюкенен определяет себя традиционным консерваторм, в последние годы его и его единомышленников чаще называют «палеоконсерваторами». Считается, что этот термин был полусхвачен предложен сторонником классического консерватизма американцем еврейского происхождения Полом Готтфридом и затем быстро подхвачен медиа. По словам Готтфрида, традиционным консерваторам было необходимо новое обозначение, чтобы основательнее отмежеваться от неоконсерваторов. Однако возникает вопрос, кого и чем не устраивало очевидное различие между «традиционными консерваторами» и «неоконсерваторами», которые по своей идеологической сути были скорее правыми либералами или даже социал-демократами правого уклона с глобалистскими амбициями. Ведь добавление архаизирующей и нелепой приставки «палео», вызывающей отчетливую ассоциацию с чем-то древним, с экспонатом музея или с запыленным фолиантом на забытой библиотечной полке, с делами давно минувших дней, с неактуальным — далеко не так безвредно, как это попытался выставить Готтфрид. На самом деле, подобная маргинализация «правых» идей является отнюдь не случайной. С конца двадцатых годов XX в. рамки допустимого дискурса в американской политике практически безостановочно смещаются влево, радикализируя и вытесняя нежелательные консервативные идеи и их носителей, и легализуя общественное обсуждение все более и более радикальных левацких идей.

Американский политолог Джозеф Овертон описал концепцию «окна» допустимого политического дискурса в пространстве всевозможных социополитических идей. Знание сути этой идеи необходимо для понимания политической истории Соединенных Штатов и Западной цивилизации в XX в. во всей ее полноте и для понимания кон-

текста сорокалетней политической борьбы Пэта Бьюкенена — так сказать, расстановки сил и значения событий на поле его битвы.

Ширина «окна Овертона» определяется диапазоном идей, допустимых в публичном обсуждении, причем степень приемлемости идеи определяется характером публичной реакции на данную идею, которая может варьировать от «*немыслимо*», через «*радикально*», «*приемлемо*», «*разумно*», «*популярно*» и до «*общепринятой политики*». Например, если еще сорок лет назад такие идеи, как «быть матерью-одиночкой — это нормально», или «жить на пособия — это нормально», или призыв легализовать аборт звучали немыслимо радикально и неприемлемо для большинства, а такие люди зачастую подвергались социальному остракизму, то сегодня с подобными утверждениями соглашались очень многие, что, среди прочего, означает меньшую электоральную поддержку для консервативной платформы Бьюкенена.

Значение концепции окна Овертона сложно переоценить. Она предоставляет метод стратегического манипулирования общественным мнением в относительно стабильных обществах, манипулирования чрезвычайно медленного и почти невозможного в рамках сиюминутности и «быстрого времени» повседневной демократической политики, но тем не менее возможного для сплоченных и целеустремленных идеологических организаций, обладающих постоянным доступом к инструментам общественного дискурса — к средствам массовой информации и планирующих не до следующих выборов, а на поколения вперед.

В первый раз окно Овертона в Америке сместилось влево в тридцатых годах прошлого века, когда социализм в сознании публики перешел из «немыслимой» категории в разряд «радикальных, но обсуждаемых» идей. Это сопровождалось вытеснением в область

«радикальных-и-почти неприемлемых идей» правоконсервативного расизма толка Лотрапа Стоддарда и Мэдисона Гранта. Так, сильная публичная защита этнических интересов коренных американцев европейского происхождения, обеспечившая принятие иммиграционного закона 1924 г., квотирующего иммиграцию в США пропорционально этническому составу уже существующего населения и против которого столь активно боролись еврейские активистские движения, стала совершенно немыслимой к началу 1940-х (достаточно вспомнить яростное клеймение Чарльза Линдберга, национального героя Америки, посмеявшегося заявить, что у американских евреев могут быть интересы, отличные от интересов большинства остальных американцев).

Движение окна Овертона, хотя и относительно медленное, имеет инерцию парового катка — его трудно запустить, сложно замедлить и чрезвычайно тяжело обратить вспять. На протяжении короткого периода после начала холодной войны левый край окна ненадолго приостановил свое движение, и даже несколько отодвинулся вправо. Это было связано с антикоммунистической кампанией американского правительства, «маккартизмом», по имени одного из главных лидеров американских антикоммунистов, американского патриота сенатора Джозефа Маккарти. Окно Овертона начало снова смещаться влево с середины шестидесятых, что ознаменовалось движением за гражданские права негров и началом «культурной революции» на кампусах университетов и колледжей. Как раз в это время молодой Пэт Бьюкенен и многие будущие консерваторы его поколения начали интересоваться политикой. В своей автобиографии Бьюкенен писал, что в начале шестидесятых он был участником студенческого консервативного движения «Молодые Американцы за Свободу».

Его война

Практически в каждом из неполной тысячи своих колонок и эссе Бьюкенен, так или иначе, находит возможность атаковать неоконсерваторов и их политику. Своей личной схватке против неоконсерваторов, незатухающему сражению длиной в почти всю его политическую жизнь он полностью посвятил книгу *«Там, где правые перестали быть правы: как неоконсерваторы подорвали рейгановскую революцию и похитили президентство Буша»*, вышедшую в свет в 2004 г., когда все самые губительные начинания президента Буша уже стали реальностью. В книге Бьюкенен обвиняет Буша-младшего в развязывании ненужной войны в Ираке, войны без непосредственной угрозы Америке, войны, выгодной исключительно Израилю, которая полностью растранила добрую репутацию Америки и не только не устранила угрозу «мирового терроризма», но и породила новые поколения террористов. Он резко критикует Буша: *«Доктрина Буша — это демократический империализм. Он обескровит, обанкротит и изолирует нашу республику. Он в корне противоречит идеям Отцов-Основателей о том, чем должна быть Америка»*; *«Прислушиваясь к неоконсерваторам, Буш вторгся в Ирак, объединил против нас весь арабский мир, изолировал нас от Европы и воплотил пророчество Бин Ладена о сути наших действий»*.

Неоконсерватизм — личный враг Бьюкенена. С его точки зрения, неоконсерваторы — это люди, выдающие себя за консерваторов, но таковыми не являющиеся. Но откуда они взялись? Интеллектуально-политическое движение, названное позже «неоконсерватизмом», зародилось в 1970-х из активности так называемых «нью-йоркских интеллектуалов», среди которых доминировали американцы еврейского происхождения. К концу девяностых неоконсерваторам уда-

лось добиться широкой поддержки республиканцев и фактически перехватить лидерство в консервативном движении. Придя к власти вместе с президентом Бушем-младшим, неоконсерваторы приступили к активной экспансии глобализма и продвижению того, что Кевин Макдональд определил как «специфические еврейские этнические интересы». В неперемный «джентльменский набор» типичного неоконсерватора входят такие необычные для традиционного консерватизма и характерные для большинства еврейских активистских организаций ключевые вопросы повестки дня, как безоговорочная поддержка массовой неевропейской иммиграции в США и страны Запада, политкорректный радикальный эгалитаризм с поддержкой государства социального обеспечения и дискриминацией американцев европейского происхождения в форме программ «утвердительного действия», агрессивная империалистическая внешняя политика с безусловной и рефлекторной защитой интересов Израиля. Фактически же неоконсерватизм стал инструментом глобалистских элит для «управления миром через прокси» американского могущества.

По аналогии с нелегальными иммигрантами, которых политкорректные комментаторы в последнее время предпочитают называть «иностранцами без документов», Бьюкенен называет неоконсерваторов *«чужестранцами без документов слева, принесшими с собой вирусы государственного тоталитаризма и глобализма»*. Он говорит, что они начинали как троцкисты, социалисты или социал-демократы, а затем превратились в демократов в стиле Кеннеди и Джонсона; они отошли от левацких идеалов во время войны во Вьетнаме и приняли нынешний облик во время президентства Рейгана: *«Левые обнаружили тропу Хо Ши Мина вокруг демократии... для насаждения обществу своей идеологии и своих цен-*

ностей без неудобства электоральной борьбы или лоббирования уже избранных законодателей» («Там, где правые перестали быть правы», 2004).

Вначале, в 70-х, по словам Бьюкенена, он ничего не имел против неоконсерваторов, но постепенно они превратились в инквизицию, «швыряясь анафемами в любого, кто не соглашался с их новыми догмами». Он сравнивает неоконсерваторов с самовольными поселенцами, захватившими прежде любимый дом — Республиканскую партию — и превративших его в наркопритон: *«Неоконсерваторы — на самом деле совсем не консерваторы. Они — мошенники и оппортунисты».* Бьюкенен жестко критикует ключевой лозунг неоконсерваторов о том, что Соединенные Штаты — это «первая универсальная нация», которая выше всего ценит рациональные, демократические принципы свободы и равенства: *«Одной демократии недостаточно — если умирает культура, то умирает и страна»;* *«Кто согласится отдать жизнь за ООН, ЕС или “Северо-Американский Союз”? Каждая настоящая нация является созданием уникального народа, отличного от всех остальных. На самом деле, если Америка — это идеологическая нация, основанная на песчаном фундаменте из абстрактных идей, то она переживет штормы этого века не более успешно, чем Советский Союз пережил катаклизмы века прошлого...»*

Гибель Запада

«Гибель Запада» — это самое актуальное произведение Бьюкенена. В этой сильной и откровенной книге он анализирует причины беспрецедентного цивилизационного кризиса, постепенно охватывающего страны Первого мира и Восточной Европы. Демографический коллапс европейских народов и массовая иммиграция из стран Третьего мира необратимо ведут к концу Западной цивилизации, к Гибели Запада как мы его знаем.

Свидетелями этого катаклизма станут многие из живущих сегодня.

Бьюкенен говорит о том, что ни одна из европейских стран, за исключением мусульманской Албании, не имеет уровня рождаемости, обеспечивающего поддержание численности населения на нынешнем уровне. При отсутствии массовой иммиграции население Европы уменьшится от 730 миллионов в 2000 году до 600 миллионов к 2050 г., причем медианный возраст будет составлять почти 50 лет. В последний раз демографическая катастрофа сравнимого масштаба происходила с европейцами во время пандемии Черной Чумы в 1347–1352 гг. Если нынешний уровень рождаемости сохранится, то к концу века население Европы сократится до 200 миллионов. Бьюкенен предсказывает, что Россия, уже сейчас находящаяся в терминальном демографическом кризисе, к 2050 г. потеряет Сибирь и Дальний Восток — Китай, с его полутора миллиардным населением и к тому времени ставший ведущей супердержавой, не позволит пустовать обезлюдевшим и исключительно богатым природными ресурсами и полезными ископаемыми территориям.

Бьюкенен пишет: *«Перед нациями Первого мира стоит ужасная дилемма. При нынешней рождаемости, если Европа желает сохранить численность населения в возрасте между 15 и 64 на сегодняшнем уровне, к 2050 году она должна принять 169 миллионов иммигрантов. Но если Европа желает сохранить текущее отношение 4,8 работающих (между 15 и 64) на одного пенсионера, Европе нужно принять 1,4 миллиарда иммигрантов из Африки и Ближнего Востока. Другими словами: или Европа увеличивает налоги и радикально уменьшает пенсии и расходы на здравоохранение для пенсионеров, или же Европа превращается в континент Третьего мира. Третьего пути не дано».*

Бьюкенен полагает, что причиной демографической катастрофы в За-

падном мире является совокупность негативных социокультурных факторов: разрушение семьи, легализация аборт, секуляризация общества, разложение морали, феминизм и социализм. Бьюкенен цитирует Джона Волласа: *«Если каждому обещана государственная пенсия, то дети перестают быть жизненно-необходимой страховкой против нужды в старости... Если женщины зарабатывают больше, чем достаточно для финансовой независимости, то в муже больше нет необходимости. И если вы можете иметь секс без детей — как в католической Италии или секулярной Британии — то зачем вступать в брак?»* Рассуждая о главной, по его мнению, причине демографического кризиса — нежелании европейских женщин иметь детей, Бьюкенен говорит, что *«только массовая реконверсия женщин Запада к идее, что по-настоящему хорошая жизнь заключается в рождении и возвращении детей и отправлении их в мир для продолжения семьи и нации — может предотвратить Гибель Запада»*.

Дальше автор обращается к Америке, которая в послевоенный период превратилась в культурного гегемона Запада, в источник большинства нововведений и социальных мод. Размышляя о том, «куда делись все дети», Бьюкенен обнаруживает корень зла в событиях шестидесятых годов. В 1960 г. был лицензирован первый контрацептивный препарат, «суицидная таблетка Запада», а в 1965-м — легализованы аборты по желанию. Бьюкенен говорит, что бэйби-бумеры, первое послевоенное поколение, были особенными — в первый раз у родителей появился серьезный соперник — телевизор, источник развлечений и непревзойденное средство индоктринации. Бьюкенен считает, что студенческие беспорядки, характеризовавшие антивоенное движение, наркотическую и сексуальную революции, были в первую очередь вызваны отнюдь не вой-

ной во Вьетнаме — поскольку точно такие же события наблюдались повсеместно по всему Западу и даже в Японии, но неомарксистской культурной революцией, которую телевидение, контролируемое враждебными элитами, удобно доставляло в каждый дом и на каждый кампус. Еще один удар по институту семьи был нанесен достигшим своего пика в шестидесятых феминистским движением, причем оно к тому времени также претерпело колоссальную трансформацию — ранние феминистки, в отличие от феминисток второй половины двадцатого века, были категорически против абортов. В числе прочих симптомов Бьюкенен упоминает коллапс морального порядка с огромным числом разводов и незаконнорожденных детей и развращающую популярную культуру.

Но откуда пришла эта революция и в чем заключаются ее доктрины и догмы? Бьюкенен перечисляет догматы нового революционного завета: все люди равны, Бога не существует, мораль относительна, религия — это предрассудок, любые виды сексуальных связей по взаимному согласию — это хорошо и нормально, все образы жизни — равны, не уважать альтернативные образы жизни — это маркобесие, а дискриминировать против них — преступление. Гомофобия, а не гомосексуальность — это зло, которое необходимо уничтожить. Толерантность — это величайшее достоинство (здесь Бьюкенен вспоминает слова Честертона — «толерантность — это достоинство человека, который больше ни во что не верит»). Бьюкенен отмечает, что *«новая вера толерантна лишь в отношении незначительных вещей — секса, порнографии, сквернословия, неотесанности, нечистоплотности и неопрятного платья, и похабного искусства. Она совсем не толерантна к тем, кто отвергает ее секулярные догмы»*.

Искушенному читателю уже наверняка ясно, откуда потянуло серой.

Ведь главный враг миру на земле — это европеец. Здесь Бьюкенен вспоминает бессмертную фразу еврейской феминистки Сьюзан Сонтаг, повивальной бабки культурной революции: «Белая раса — это рак человеческой истории». И конечно же, в силу того, что все люди равны, любые неудачи этнических меньшинств как групп могут быть вызваны только европейским «расизмом».

Бьюкенен подробно перечисляет примеры и методы неомарксистской индоктринации европейской молодежи в образовательных учреждениях Запада, направленной на выработку комплекса вины за достижения своей цивилизации и за свою «преступную» историю, и одновременно выпячивающих действительные или вымышленные обиды и страдания других расово-этнических групп от рук европейцев. Он говорит о внедрении предсказанных Оруэллом «преступлений ненависти» и преследовании свободы речи во многих европейских странах и Канаде. Здесь Бьюкенен приводит пример того, к чему ведет подобное подстрекание одних групп против других. Он повествует о Вичитском побоище и приводит данные официальной криминальной статистики, свидетельствующие, что афроамериканцы совершают в восемь–десять раз больше насильственных преступлений, включая убийства, чем белые, причем в 100–250 раз чаще участвуют в межрасовых групповых изнасилованиях и групповых нападениях. Бьюкенен не упоминает о других вопиющих знаках нового тоталитаризма и наступающих сумерек Запада — например, о массовых сжиганиях книг, не соответствующих стандартам разрешенного дискурса, и о преследованиях инакомыслящих ученых и мыслителей.

Бьюкенен подробно и увлекательно распутывает клубок того, что по праву можно назвать величайшим заговором против Западной цивилизации. Заговором маленькой, но чрезвычай-

но талантливой и целеустремленной группы, решившей во что бы то ни стало изменить мир, деформировать его в соответствии с их собственными представлениями.

«Большевицкая революция, начавшаяся со штурма Зимнего Дворца в 1917-м, умерла вместе с падением Берлинской Стены в 1989-м... Мечтой ее искренних подвижников было создание нового, социалистического человека. Но полицейский террор, лагеря ГУЛага и семьдесят лет индоктринации детей в ненависти к Западу и в моральном превосходстве Маркса и Ленина не сработали... Но там, где революция Ленина потерпела поражение, та, что изверглась на кампусах в шестидесятых, преуспела. Она пустила корни в обществе и создала новую Америку. К 2000 году враждебная культура шестидесятых стала нашей доминантной культурой...»

Два последователя Маркса, Лукач и Грамши, выдвинули теорию — да, Маркс ошибся с акцентами, принадлежность к рабочему классу не обеспечивает автоматической лояльности делу Маркса. Христианство и традиционная Западная культура не позволяют рабочим осознать свои подлинные классовые интересы. *«До тех пор, пока христианская и Западная культура, иммунная система капитализма, не выкорчевана из души Западного Человека, марксизм не приживется, и революция будет предана теми же рабочими, во имя которых она и затевается».* Грамши, будучи острым наблюдателем, понял, что большевизм не работает. *«Русские люди не были обращены в коммунизм; они ненавидели его. Для русских людей, — пишет Бьюкенен, — их земля, вера, семьи, иконы и Мать Россия значили гораздо больше, чем какая-то международная солидарность трудящихся. Советы занимаются самообманом, заключил Грамши... Грамши пришел к выводу, что именно христианские души русских людей отвергли коммунисти-*

ческую революцию». Грамши умер в 1937 г. после продолжительного заключения в итальянской тюрьме, но его «Тюремные заметки» стали планом для успешной марксистской революции на Западе. «Грамши спорил, что марксисты Запада должны вначале изменить культуру; после этого власть сама упадет в их руки, как созревший плод. Но для изменения культуры потребуется “долгий мариш через институты” искусства, кино, театра, школ, колледжей, семинарий, газет, журналов и нового электронного СМИ, радио. Один за одним, каждый из этих институтов общества должен был быть захвачен, преобразован и превращен в инструмент революции». Именно этот знаменитый «долгий мариш» и стал причиной безостановочного смещения влево окна Овертона. Он же объясняет и закономерную попытку леворадикалов, действующих под личиной «неоконсерватизма», перехватить управление консервативным движением в США.

Бьюкенен дальше рассказывает о «Франкфуртской школе» — интеллектуальном неомарксистском движении, с которым были ассоциированы такие известные мыслители как Маркузе, Фромм, Хоркхаймер, Бенжамин и Адорно. Именно укоренению и диссеминации идей этой группы интеллектуалов, Запад, по мнению Бьюкенена, и обязан культурной революцией шестидесятых — тому, что к концу века переродилось в Культурную войну за «сердце и душу Америки и Западной цивилизации». Изначально эти люди были формально связаны с франкфуртским Институтом социальных исследований, основанном в 1923 г., но в тридцатых годах, из-за преследований в Германии, они переместились в Америку. Главным продуктом Франкфуртской школы стала Критическая теория. Сутью этого безобидно-звучащего набора идей был метод «разрушительной критики всех основополагающих институтов Западной культу-

ры, включая христианство, капитализм, авторитет и власть, семью, патриархат, иерархию, мораль, традицию, сексуальные ограничения, лояльность, патриотизм, национализм, наследственность, этноцентризм и консерватизм... В рамках Критической теории критик неустанно повторяет, что Западные общества являются величайшими в истории рассадниками фашизма, сексизма, натовизма, ксенофобии, гомофобии, антисемитизма, фашизма и нацизма... Критическая теория в итоге вызывает “культурный пессимизм”, чувство отчуждения, безнадежности и отчаяния, когда даже свободные и процветающие народы начинают рассматривать свое общество и страну как нечто деспотическое, порочное и не стоящее лояльности и любви. Новые марксисты рассматривали культурный пессимизм как необходимый префреквизит для революционных изменений».

А главным виновником Культурной революции шестидесятых Бьюкенен полагает Маркузе, харизматичного лидера Франкфуртской школы, которому удалось распространить среди студенческих масс столь смертоносные для цивилизации и столь привлекательные для незрелых студенческих умов идеи свободного и беспорядочного секса и враждебности к традиционной культуре.

В последующих главах Бьюкенен анализирует, что именно ожидает страны Запада в ближайшем будущем в результате развивающегося демографического кризиса и разрушения традиционной основы Западной культуры. Он подробно рассматривает ситуацию в странах Европы, Северной Америки и Израиле. Бьюкенен считает главной цивилизационной опасностью массовую иммиграцию народов Третьего мира в коренные земли Западных народов. Массовая легальная и нелегальная иммиграция латиноамериканцев в США необратимо балканизирует

Америку и грозит ей гибелью. В «Гибели Запада» Бьюкенен посвящает этому вопросу почти половину книги: «Когда Ричард Никсон занял офис в 1969 году, в Соединенных Штатах проживало 9 миллионов рожденных за рубежом. Когда президент Буш давал торжественную клятву, число чужестранцев достигло 30 миллионов. Почти миллион иммигрантов прибывает в страну ежегодно; с ними прибывает и полмиллиона нелегальных иммигрантов...»; «Америка — плавильный котел Господа Бога, в котором все расы Европы плавятся и трансформируются», написал... Израэль Зангвилл, еврей русского происхождения, в своей знаменитой пьесе 1908 года «Плавильный Котел». Но цунами иммиграции, сотрясающее Америку, вызвано не «всеми расами Европы». Величайшее в истории движение популяций вызвано всеми расами Азии, Африки и Латинской Америки, и они отнюдь не «переплавляются и трансформируются». В 1960-м лишь шестнадцать миллионов американцев не имели европейских предков. Сегодня таких насчитывается 80 миллионов. Ни одна нация никогда не подвергалась столь быстрой и радикальной трансформации... и оставалась прежней нацией... Неконтролируемая иммиграция угрожает демонтировать нацию, в которой мы выросли, и превратить Америку в конгломерат народов, не имеющих между собой почти ничего общего — ни истории, ни языка, ни культуры, ни веры, ни предков. Нас ожидает балканизация».

Вопросу трансформации Америки в страну Третьего мира Бьюкенен посвящает книгу «Чрезвычайное положение: вторжение из Третьего мира и завоевание Америки» (2006). В ней он детально анализирует демографические изменения в Америке, обусловленные иммиграцией из стран Латинской Америки, и исследует причины сложившейся ситуации. Он говорит о том, что ни одна империя в истории не пережи-

вала замещения или вытеснения государствообразующего народа.

Бьюкенен бьет в набат — с начала нового века более четырех миллионов нелегальных иммигрантов пересекли границу Мексики и США и их число растет с каждым днем. У политического руководства страны не хватает воли обеспечить исполнение существующих законов по защите своей страны: «Что можно сказать о человеке, который позволяет чужакам захватить свой дом — чужакам, которые требуют, чтобы их кормили, одевали, обустроивали, да еще и передали им право первородства? Что можно сказать о правящей элите, которая позволяет, чтобы подобное учинили с их нацией, и которая вдобавок празднует это событие как веху на пути морального прогресса?» «Но почему президент Буш не действует? Что парализует Белый дом? Ответ: политкорректность, политическая трусость, политический оппортунизм, чувство вины за грехи Америки и прочие идеологии, которые держат наши элиты в цепкой хватке подобно религиозному культу. Гордая старая похвальба: «Здесь, сэр, правит народ!» более неактуален».

«Плавильный котел» разбит. Бьюкенен говорит, что юго-запад Соединенных Штатов медленно, но безостановочно завоевывается Мексикой, которая верит, что эти земли по праву принадлежат ей: «Чикано-шовинисты и мексиканские агенты дали ясно понять, что они намереваются при помощи демографии и культуры взять обратно то, что их предки потеряли в результате войны». По его мнению, поощрение нелегальной иммиграции в США является предумышленной гранд-стратегией мексиканского руководства — новой «Реконкистой».

Рождение народа

Традиционный консерватизм Бьюкенена с легкостью трансформируется в современный белый национализм —

если акцентировать внимание на любопытном факте, что образ жизни, соответствующий «палеоконсерватизму», практикуется практически исключительно американцами европейского происхождения. Именно потому, что Бьюкенен не придает (во всяком случае, не придавал в прошлом) этому особому значению, к нему столь двоякое отношение в кругах белых националистов Америки. С одной стороны, Бьюкенен до сих пор очень популярен среди консервативной публики, и открытое признание им белого национализма как единственной идеологии, способной спасти европейскую Америку, могло бы поистине революционизировать это нарождающееся движение — «бездетный Бьюкенен мог бы подарить белому национализму миллионы своих детей». С другой стороны, то, что он делает — просвещает людей и поддерживает дух истинного консерватизма, — это необходимое дело, ибо для обычного человека перейти от аполитичности к национализму без промежуточного консервативного «этапа» практически очень сложно — нужна некая идеологическая лестница от Сары Палин к Джареду Тэйлору и Кевину Макдональду. И Бьюкенен превосходно справляется со своей «ролью».

Возможно, в будущем, он еще более «радикализируется» — ведь терять-то ему, в сущности, нечего. До недавнего времени Бьюкенен был колумнистом MSNBC. Однако в сентябре 2009 г. MSNBC удалила его колонку со своего сайта. Причиной послужили жалобы со стороны еврейских организаций на то, что Бьюкенен использовал 70-ю годовщину германского вторжения в Польшу для обсуждения целесообразности объявления войны Британией Германии. Более того, его колонки подвергаются цензуре и в вебзонах меньшего калибра. Недавно, в марте этого года, статья Бьюкенена в «ведущем консервативном журнале» *Human Events* была безобразно урезана без

ведома автора, что превратило острый и стройный нарратив в бормотание сумасшедшего. Любопытно, что эссе Бьюкенена об американско-израильских отношениях под названием «*Пудель получает пинок*» было «отредактировано» сотрудником журнала, команда обеспечения которого базируется в Хайфе.

Однако, как это и предсказывалось многими националистами, приход к власти Обамы вызвал решительный рост расового самосознания среди белых американцев. Можно сказать, что Америка входит в неизведанные воды. Обама был избран на волне ожиданий как первый «пострасовый» президент, за него проголосовали больше половины белых (и 75% латиноамериканцев, 93% афроамериканцев и 82% евреев), но сегодня его рейтинг среди американцев европейского происхождения немногим выше 30% и продолжает падать. Радикальные реформы Обамы, направленные на очевидное перераспределение богатств от производительной части населения — американцев европейского происхождения, к дотационным группам «неазиатских этнических меньшинств», вызывают ошеломительно-широкое неприятие среди белых американцев, сознательно или бессознательно, но не желающих спонсировать враждебные им этнические меньшинства, чья коалиция и составляет костяк Демократической партии США. Эти протесты вылились в форме многотысячных и даже миллионных (как во время «марша на Вашингтон» в прошлом сентябре) «чайных партий», которые к настоящему моменту проявили себя могучим политическим инструментом — на их волне уже покатались головы нескольких республиканских конгрессменов, поддерживавших начинания Обамы. Поскольку участники «чайных партий» — практически на 100% белые, то это мгновенно вызвало шквал обвинений в «расизме», которые, конечно, отчаянно отвергаются полит-

корректными протестующими. Столь поразительная массовая реакция белого населения — в отсутствие лидеров и в условиях непрерывных атак со стороны СМИ — демонстрирует могучий и многообещающий потенциал.

Пэт Бьюкенен, в числе многих пристально наблюдающий за развитием этого спонтанного и глубоко консервативного движения, лелеет надежду на скорое пробуждение этноцентризма среди белых американцев. В последнее время темы этноцентризма и национальной консолидации все чаще прорезываются в его колонках. Недавно он опубликовал эссе под названием «Рождается новое племя?», вызвавшее значительный резонанс и широкое обсуждение среди традиционных консерваторов, «альтернативных правых» и белых националистов Америки.

«Создается впечатление, что Америка “Чайных Партий”, которая вот уже целый год, с одной стороны, обвиняется в “не-американском” поведении, “злонамеренности” и расизме, а с другой — восхваляется за ее патриотизм ведущими консервативных ток-шоу и Сарой Палин, примеривает на себя новую и непривычную одежду... Этнонационализм — осознание нарождающимся народом своего отличия от соседей и одновременно возникающее желание жить отдельно — это, как написал 20 лет назад Артур Шлезингер, гораздо более мо-

гущественная сила, чем любая идеология, будь то коммунизм, фашизм или демократия».

Бьюкенен говорит, что народы рождались в прошлом и продолжают рождаться сегодня: *«“Нет такого народа как палестинский”, — сказала Гольда Мейр. Когда она произносила эти слова, это могло быть действительно так. Но сегодня, когда под оккупацией, двумя интифадами и войной в секторе Газа выросли новые поколения, палестинцы стали народом».*

Бьюкенен отмечает, что *«враждебность и обиды лишь усиливают осознание своей идентичности и ускоряют отделение народов друг от друга».* И, *«как это делали другие в нашей мультикультурной и мультиэтнической нации, и этот народ начинает без оглядки утверждать свою идентичность».* Он говорит, что этих американцев уже не останавливают обвинения в расизме. И завершает: *«Черная Америка едина. Белая же Америка увязла в междоусобице, и именно в чреве белой Америки вынашивается и сражается за право родиться на свет новый народ».*

Возможно, Патрик Бьюкенен слишком спешит (его нельзя винить за это) — и выдает желаемое за действительное. Но может быть и так, что он способен видеть недоступное другим. Мы скоро узнаем.

ИВАН РУСАКОВ

«...НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ...»

Недавно на сайте АПН.ру был опубликован довольно любопытный материал Максима Брусиловского под названием «Ледокол», читая который, сложно не согласиться с главной мыслью автора: «Сегодня русский национализм — это ледокол, единственная сила, способная сломать напластования льда, сковавшие современную Россию...». А далее самое интересное: автор утверждает, что именно это и есть — *единственное* предназначение современного русского национализма, и не надо, мол, подвергать расспросам его адептов об «экономических программах» или о том, что «делать с регионами». С этим тезисом хотелось бы поспорить.

Но сначала стоит отметить: наконец-то русский национализм как общественно-политическое движение, впервые со времен столыпинских, начинает выходить из откровенно маргинальных форм (коими интересуется ограниченное количество интеллектуалов). Если становятся насущными подобного рода вопросы, значит, эта тема уже волнует не только преданных энтузиастов, но и широкий круг людей, которые начинают присматриваться к движению, и самое главное, эти новые люди пытаются приноровить националистический дискурс к своему социальному бытию и своим «идеальным» представлениям о практической жизни. Это очень важный «звоночек», и реакцию на такие сигналы нельзя пропускать или откладывать на времена более поздние.

Если русский национализм становится фактором внутренней политики и его свежие лозунги, например, «Хватит кормить Кавказ», начинают

публично комментироваться на самом «верху», значит, пришло время обсуждать не только теорию национализма, но и детали его социальной практики, по крайней мере, на уровне интеллектуальных дискуссий и экспертных оценок. Необходимо самим националистам понять — сначала на уровне неформального обсуждения среди интеллектуального ядра, что они будут «делать с регионами» и «экономической программой», и только потом эти внутренние выверенные установки можно и нужно конвертировать в политические лозунги и программы. Так делается ответственная политика, и тот, кто себя называет русским политиком-националистом, кем бы сейчас он ни был, должен *ответственно представлять себе, что надо делать на следующий день...* после прихода к власти.

Еще одно очень важное замечание. Наши исторические предшественники — европейские националисты середины и конца XIX века, представители молодой американской республиканской партии, были в те времена самыми модернистскими общественными движениями, они были главными модераторами социальных трансформаций, именно они определяли глобальную повестку дня тех времен. Пресловутый «призрак коммунизма», конечно, бродил по «американам» и «европам», но он был не менее маргинален, чем идеи монархии и сословного представительства. В тех обществах, где победил буржуазный национализм, навсегда были забыты лозунги «единства партии и народа» и примкнувшей к ним «электрфикации», а также идеи «укрепления вертикали власти» и развития

«суверенной демократии», не говоря уже о находках древних амфор и поисков «особых путей». Вот такая «незадачливая» элита получается из буржуазных националистов, но именно этим «неудачникам» удалось впервые в истории мировой цивилизации предоставить, а затем и обеспечить *равные гражданские права* для своих соотечественников вне зависимости от их социального статуса, именно благодаря европейским националистам на этом континенте нет *подданных*, по крайней мере в западной и центральной его частях. Именно американские националисты, в лице республиканской партии, впервые в истории мировой цивилизации предоставили своим рядовым гражданам, а по сути недавней европейской бедноте, бесплатно землю в частную собственность для ее дальнейшего сельскохозяйственного или иного использования («Гомстед акт»). Можно как угодно относиться к Западу, но именно местные буржуазные националисты провели глобальные социальные и общественные модернизации, которые до сих пор позволяют народам этих стран — *я обращаю внимание, не только элитам* — чувствовать себя обеспеченными гражданами государств, стоящих на страже их общественных интересов.

Именно русские националисты начала XX века, представленные в Государственной думе, небольшой фракцией (не путать с «правыми» Пуришкевича), по словам Солженицына, были единственными последовательными сторонниками великого русского реформатора П.А. Столыпина. Модернизационный социальный пафос столыпинских реформ не оценен до сих пор не только профессиональными историками (в большинстве своем до сих пор советскими), но даже и современными пишущими националистами, что само по себе очень странно и печально. Впервые в истории русской цивилизации земельная реформа «сверху» проводилась в интересах большинства на-

селения своей страны — русских крестьян, впервые в истории России вво-дилось бесплатное всеобщее начальное образование и бесплатное медицинское обслуживание, были намечены планы и началось освоение и русское заселение Южной Сибири (Алтая и Северного Казахстана), начато строительство Турксиба и Магнитки. Все это затем было «приватизировано» большевиками. Столыпин готовил постепенную социальную «революцию» через передовые, даже по тогдашним мировым меркам, идеи — местного самоуправления. (Господа, вчитайтесь в Солженицына, единственного, кто «услышал» эту столыпинскую новизну; кстати, для западного интеллектуального истеблишмента Солженицын определен без всяких моральных оценок, как русский националист.) Именно при Столыпине было принято самое передовое рабочее законодательство, вызвавшее даже международный скандал. Все эти идеи в дальнейшем были опознаны коммунистами. Как видите, русский националист Столыпин был подлинным модернизатором и, главное, совершенно не чурался социальных проблем на фоне словесной патетики на тему «кому нужна Великая Россия».

Вывод: русский национализм и его идеи станут актуальными и доминирующими в нашей стране только в том случае, если они будут по-настоящему *современными* (и, не побоюсь этого слова, — *инновационными*) для всего русского общества, комфортными для предпринимательского сообщества, привлекательными для интеллектуалов и технократов, если в этих идеях увидят для себя *нормативность и нормальность* преподаватели вузов, учителя, врачи и даже (прости, Господи) рядовые чиновники. Если националисты не обратятся к проблемам текущей социальности в интересах самых широких слоев нашего народа, ничего у нас не получится. Мы опять проиграем. И именно поэто-

му *мы должны и обязаны* обсуждать и «экономические программы», и «проблемы регионов». Так давайте начнем немедленно, прямо сейчас.

Без сомнения, у нас нет выбора — *мы должны быть современными*, у нас даже *уже есть шанс*, особенно на фоне заявлений членов «дуумвирата» о необходимости введения института... «добрых чиновников»(?!). А недавно в правительственной газете сообщили, что Медведев берет курс на промышленную и управленческую... революцию(!) и для этого он создает новый... госорган(!!!) — «Проектный офис». Каждый непредвзятый человек понимает: это жест полного интеллектуального и управленческого отчаяния. Сажать и убивать, наверное, «они» еще могут, но эффективно управлять и даже справедливо править — уже нет.

«Они» деградируют быстрее, чем мы успеваем осознать эту реальность, «они» уже двадцать лет находятся в периоде полураспада. Это именно «они» ввергли Россию в социальную катастрофу 90-х, именно «они» допустили деиндустриализацию страны и разрушили наши научные школы, именно «они» продолжили политику интернационализма, благодаря чему миллионы русских не могут собраться у себя на Родине, которую заполнили миллионы внешних и внутренних чужаков-мигрантов. Еще немного, еще пара лет — и «они» спровоцируют очередную национальную катастрофу, из которой *наша Россия* может и не выбраться.

Кто же «они» такие, эти ужасные монстры, генерирующие бесконечный хаос и архаику современного общественного российского существования? Вы думаете это сионисты или особого рода «морганисты и вейсманисты»? А может быть, это вездесущие масоны или тайные и от того еще более «тлетворные» агенты Запада, подлые «поджигатели» оранжевых революций? Нет, господа, это слишком комично, чтобы было похоже на прав-

ду. По моему мнению, главная русская беда — это не дороги, а *советский привязанный класс*, доставшийся нам в наследство от Советской власти, — вот они и есть главные — «они», и с ними в первую голову надо что-то делать... на следующий день.

* * *

Несколько лет тому назад, сразу после Олимпиады, я впервые оказался в Китае, и что меня поразило сразу в пекинском аэропорту — даже не циклопических размеров здание аэровокзала и его футуристическая архитектура, а тысячи и тысячи китайцев с умными и интеллигентными лицами, идущие мне навстречу. На городских столичных улицах удивляли не дорожные развязки, количеством превосходящие несколько «третьих колец», и не группы небоскребов, на порядок больших, чем недостроенный «Москва-Сити». Удивляли новые тысячи и тысячи китайцев, современных и по-европейски одетых, входящие и выходящие из этих «высоток» и передвигающиеся на скоростных автомобилях. Вот это был настоящий культурный шок, смертельный удар по инерции застывших представлений о Китае времен «баракхолка» конца 80-х. Я же помнил «шапочно» знакомого китайца, который на ломаном русском языке мне тогда говорил, как он любит у нас бывать, и какие мы, русские, умные, и как им, китайцам, далеко до нас. И вот прошло двадцать лет... и как все это понимать?

Ответов на этот риторический вопрос тысячи, но главные звучат так: Дэн Сяопин «железной рукой» подавил китайскую гласность на площади Тяньаньмэнь и стал проводить постепенные реформы под руководством одной партии; в СССР же Горбачев сначала «проболтал», а потом «развалил» великую страну, которую затем добились «дерьмократы-либерасты» своими поспешными реформами. Мораль: в нашей стране нужна авторитарная власть, одна партия (и пусть ее

назовут «Единая Россия»), один лидер, стабильность, вертикаль, консолидация — далее, любимая программа «Время»...

Сегодня вроде бы и «форма» уже та, и общая риторика совпадает, и политический правящий класс состоит из бывших номенклатурных комсомольских и коммунистических работников и сотрудников КГБ последних призывов, почему только «содержание» такое разное? Давайте разбираться.

С чего начинал свои реформы Дэн? Как мне помнится, начинал он их в 1978 году с «исторического» Пленума ЦК КПК, прошедшего под официальным лозунгом «Освободить мышление, искать истину в фактах, сплотиться и смотреть вперед!». У меня вопрос с ходу: разве в те годы в Советском Союзе возможно было представить такую повестку дня, даже не на Политбюро, а на горкоме, райкоме или даже на парткоме какого-нибудь комбайнового завода? Да нет, конечно! Приписали бы сразу какой-нибудь «еврокоммунизм» и выгнали бы с волчьим билетом из любимой партии. Почему тогда китайцы смогли? И сразу начали, кстати — с крестьянской и земельной реформы, ибо любые *настоящие реформы* всегда начинаются именно с решения этих фундаментальных вопросов — о земле.

Китайские крестьяне получили право на своей арендованной земле, после выполнения обязательных поставок сельхозпродукции государству, выращивать и продавать излишки этой самой продукции по рыночной цене в любом месте и в любом количестве, нанимать работников — до десяти человек, организовывать в сельской местности производственные кооперативы с наемными сотрудниками. Самое поразительное: правящая Коммунистическая партия Китая во главе со своим Политбюро никоим образом не препятствовала этому, прямо сказать, мелкобуржуазному процессу, а наоборот, снимала с работы тех членов партии, кто усмотрел в этих дей-

ствиях «покушение на святые идеалы марксизма-ленинизма».

Теперь внимание, господа. Мог ли Брежнев, совместно с Сусловым, со всем Политбюро и всей коммунистической партией и мировым рабочим движением, и даже со всем «прогрессивным человечеством», не только воплотить, а всего лишь только внести такое предложение «для обсуждения на общественную повестку дня» по реализации столь откровенных буржуазных идей? Нет, конечно, это невозможно представить, в принципе, в те годы в психушку или лагерь запирали и за меньшие грехи. Почему тогда это смог принять «красный» китайский правящий класс? Далее, если кто помнит, в Китае стали создаваться «свободные экономические зоны», это были абсолютно закрытые от всей остальной страны территории, где действовали другие экономические законы и правила — и это был в чистом виде капитализм с участием западных компаний. Именно там зарождалось китайское «экономическое чудо», сфокусированное на экспорт. В это же время любимый генсек нашего «будущего президента» тов. Андропов устраивал облавы по баням и кинотеатрам, укрепляя «социалистическую дисциплину труда», и, как мне помнится, в Советском Союзе было всего два миража «свободных зон»: гостиница «Виру» в Таллине и «Хаммеровский центр» в Москве.

Скажите, советские академические интеллектуалы от экономики — все эти шаталины, абалкины и аганбеяны — могли даже между собой тогда обсуждать эти темы? Да это просто невозможно представить в принципе, не говоря уже о том, чтобы они могли писать в подобном духе столь популярные в те годы «закрытые записки» в Политбюро. Да и кто их там мог читать — Тихонов, Черненко и Соломенцев, что ли? Помните этих старичков-боровичков, портреты которых мы таскали на первомайских

и ноябрьских демонстрациях, и вот представьте... сидят они и читают вечером у камина с пледом на коленях нобелевских лауреатов Самуэльсона и Кузнецца. Представили. Конечно, это невозможно вообразить. Как и невозможно то, что и в более молодом и образованном ЦК КПСС сидят и читают, и пытаются приспособить к текущей советской действительности тех же лауреатов — Солоу и Фридмана. Почему же тогда этих авторов смогли читать их китайские товарищи, и самое главное, претворять в жизнь их идеи?

Во времена раннего Горбачева в Китае границы «свободных зон» стали постепенно раздвигаться, и начали появляться первые китайские капиталисты, а в это время у нас Нина Андреева с Егором Кузьмичом Лигачевым «не могли поступиться принципами», если кто-то забыл эту «щемящую» драму перестройки. В Китае же за эти годы было приватизировано сельское хозяйство, постепенно заработали малые и средние частные предприятия, куда только за вторую половину 80-х годов перешло несколько десятков миллионов (!) человек из закрытых неэффективных государственных предприятий. В это же время в нашей стране только появились первые кооперативы, строительные и в сфере услуг, о которых сейчас говорит бывший коммунистический премьер Рыжков, нынешний сенатор, что они, мол, стали детонаторами развала советской экономики. Странно, почему тогда в Китае такие же кооперативы стали детонаторами роста?

В начале 90-х, когда одновременно рухнула вся бывшая советская экономика и страна погрузилась в социальный хаос, именно в Китае были сняты последние ограничения на иностранный капитал, и инвестиции просто хлынули в страну, где уже минимум десять лет постепенно конструировался капитализм. В это же время наша страна задыхалась от инфляции (прямое следствие отсутствия инвестиций). Какой дурак будет вкладывать день-

ги в хаос? Капитал идет туда, где есть рыночная инфраструктура и законы, которые являются обязательными для всех, и прежде всего — для правящего класса.

Теперь немного фантазий. Если бы в нашей стране в конце 70-х сельские жители получили хотя бы часть прав, данных их китайским коллегам, верите ли вы в то, что колхозные трактористы перекрывали бы на своих «стальных конях» общефедеральные трассы, а доярки выгоняли бы коров на центральные площади городов, требуя: «Не дадим на поругание святыне идеалы марксизма-коммунизма!»? Что инженеры и рабочие из Зеленограда и Свердловска, Новосибирска и Иркутска приковывали бы себя цепями к столбам и рельсам с требованиями: «Долой свободные промышленные зоны!», «INTEL — не пройдет!», «НР — позор!», «Нет — JE, нет — FORD!», «Да — ГАЗПРОМ!», «Да — СЕВЕРНОМУ И ЮЖНОМУ ПОТОКУ!», «Мы ЗА ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ СВЕРХДЕРЖАВУ!»? А по стране бы прокатилась всеобщая забастовка врачей и учителей, добровольно объединившихся в профсоюз «Солидарность» под лозунгом: «Не пустим иностранные инвестиции в наши пенаты!»?..

Так почему же китайцы смогли, а «мы» не смогли?

Господа, вы серьезно думаете, что, если наша страна не пошла с конца 70-х по пути *постепенного построения капитализма*, то в этом лично вы виновны, или ваши ближайшие родственники, или соседи по даче?.. Все проблемы оказались *неразрешаемыми в головах* наших партийных начальников — старых и молодых, нашего советского правящего класса. Это *они* не смогли увидеть того, что увидели их китайские товарищи, *они* не смогли претворить в жизнь реальные, постепенные и поступательные механизмы общественных, экономических и политических трансформаций. Китайские смогли, а наши — нет.

Советский правящий класс, советская методика формирования правящего класса, советская практика социальных «лифтов» и методик принятия решений общественного конструирования приводит только к одним социальным бедствиям и катастрофам для населения нашей страны.

Тогда почему «они» до сих пор у власти? Почему старые коммунисты ушли, а те, кому в конце 80-х было по 35–40 лет, остались? «Они»-то сейчас нами и правят, по тем же «лекалам», которые привели тогда к полной катастрофе, — «они» же по-другому не могут: «они» не могут, как китайцы, «они» не могут, как американцы, «они» не могут, как европейцы, «они» всегда свою некомпетентность, интеллектуальную и управленческую, выдают за «особый путь». Тогда зачем они нам нужны?

Поэтому первый вопрос в реальной теоретической дискуссии между националистами должен стоять так: *что делать с современным советским правящим классом?* Теории различного рода революций дают однозначный ответ. Мне кажется, это путь в никуда, необходимы другие механизмы.

* * *

Каждый из нас проживает свою уникальную жизнь со всей сопровождающей ее атрибутикой: эмоциями и рациональными действиями, горем и радостями, взлетами и падениями... До нас и вокруг нас проходят миллионы таких же судеб, меняются столетия, но каждый раз каждый персональный человек повторяет все заново, как бы с нуля. В поколениях остаются культурные и национальные ментальные модели на уровне коллективного бессознательного, и эти базовые установки настолько консервативны, что их практически невозможно изменить. Единственно, что может подвергаться изменению в течение нескольких поколений, — это социальный опыт. Вот его и можно заимствовать и из других стран и из других культур, он все рав-

но в конце концов примет образ базовой культурной модели со своими тонкими настройками.

Давайте присмотримся к Китаю, ведь это «родина» профессиональной бюрократии, и именно эта социальная каста привела к упадку китайскую цивилизацию на несколько сотен лет, и именно эта бюрократия (правящий класс) ныне и возродили страну.

Поэтому предложение первое в нашей теоретической дискуссии. Мне кажется, на «следующий день» совершенно необходимо проведение *люстрации*.

Вот прямая цитата из «Википедии»:

«Люстрация (от лат. *lustratio* — *очищения посредством жертвоприношений*) — вид политической цензуры, практика, состоящая в законодательном ограничении прав некоторых категорий лиц (выделяемых по профессиональным, партийным, религиозным или иным признакам) на:

— занятие государственных должностей;

— профессиональную практику («запреты на профессию»);

— неприкосновенность личной жизни (допускается публичное распространение любой информации о происхождении, деталях биографии и т.п).»

Мне кажется нужно применить люстрацию к людям, которые в конце 80-х были *последним резервом коммунистической идеологии*. Помните всякого рода «демплатформы в КПСС», объединяющие молодых выпускников сов. партшкол, профессиональных комсомольских активистов и молодых секретарей райкомов и горкомов? Различного рода «бойцов невидимого фронта», служивших в КГБ, начиная от подполковников и выше (это не персональная «пика», с этого звания начинаются старшие офицеры), политработников СА и МВД, остепененных преподавателей марксизма-ленинизма? Помните их всех — этих бесчисленных «прорабов перестройки»? Ведь они с самых первых молодых

и сознательных лет были отравлены и морально деформированы «советчиной» и ядом ленинизма-сталинизма. Они были частью, и перспективной частью, той общественной системы.

Тогда почему все эти люди допустили развал страны, которую они клялись защищать до конца жизни, почему они допустили падение своей партии, авангардом и «вооруженным отрядом» которой они считались? Почему никто из них не ушел в «красные партизаны», почему не образовались «подпольные обкомы», почему не оказалось листовок и «маевок», почему их не было в октябре 1993 года в Верховном Совете? Почему они допустили без сопротивления падение всего того, чему они «служили» и что обязаны были защищать? А ведь были они совсем не старыми людьми, напротив, находились в самом расцвете физических сил.

Господа, так «они» же по любым человеческим канонам — просто *неудачники*. Вы верите в то, что в час испытаний, если, не дай Бог, он наступит, они не поступят так же? Теперь понятно, почему «они» с таким маниакальным упорством восстанавливают «советскую власть», — в них говорят *комплексы неудачников, временно получивших власть*. Тогда почему мы не можем ограничить их в праве занимать государственные посты, служить в правоохранительных и судебных органах, избираться депутатом любого представительного органа власти — всего лишь и не более? Никаких политически мотивированных репрессий и общественных кампаний в прессе, просто запрет на профессию — быть государственным чиновником, «силовиком» и депутатом. Все остальное, а это немало, — *возможно*, и я вас уверяю: у этих людей сразу появится потребность в открытом обществе и гражданских институтах, они будут в них «кровно» заинтересованы. Особенно в независимом и справедливом суде — так, на всякий случай.

В Китае Дэн отправил в отставку

«банду четырех» и десятки тысяч партийных функционеров, пришедших во власть во время «культурной революции». И это пошло, как оказалось, на пользу стране. Кстати, отправил он их не в местный «ГУЛаг», а всего лишь в отставку. Почему тогда люстрация невозможна в нашей стране? Я пока спрашиваю не постатейно и в деталях, а в принципе; если есть другие мнения — давайте разговаривать.

* * *

Второй вопрос, который должны между собой обсудить русские националисты: власть в России, с точки зрения национализма, — понятие сакральное или утилитарное, она самодостаточна или в чистом виде функция управления? Этот вопрос абсолютно не праздный, как известно, русская государственность с самого своего «послеордынского» начала формировалась на принципах теократического абсолютизма государственного Православия и таких же абсолютистских практик государственной идеологии Московского царства в целом. Это доминирующее начало сформировало Ивана Грозного и Петра I, Александра III и Сталина, наконец, пошлейшего Андропова с дальнейшими его карикатурными последователями, включая и нынешних.

Все они *не управляли, а правили*, и каждый из них считал, что на него свыше наложена некая сакральная миссия, и он следует некому «голосу Божьему в себе», но никак не жизненным *интересам* нации, какого-то общества с его какими-то «пошлейшими» *частными* интересами. Удивительно, но эта восточная традиция была усвоена и дикими племенами туркмен, ставшими в конце концов турками и основавшими Османскую империю, талантливо сплавившими ее с персидскими практиками и китайской методикой регулярного государства, которую принесли монголы, и утвердили среди московских князей. Вели-

кая Азия — ее невозможно осмыслить, в нее можно только верить. Русский правящий класс смог эти идеи принять и развить, а витальная сила русского народа «перемолола» и османов, и степи, и горы кавказские, и пустыни туркестанские. Русская имперская власть, а по сути — власть «ордынская», не может править только лишь русскими, она всегда пыталась и пытается уравнивать нас азиатами — ибо русские непрерывно *пытаются* стать гражданами, а азиатам *хватает* и подданства «белого царя». Именно поэтому наш «будущий президент» и пытается основать какую-то неведомую «благодать» в виде Евразийского союза, где русские опять будут создавать и охранять, а «азия» и «кавказ» — поставлять верных подданных.

Мир знает и другую цивилизационную модель управления обществом, и называется она — западная политическая модель, не будем занудливо ссылаться на «европы» и «северные америки». Можно как угодно относиться к американской оккупации Японии, Тайваня и Южной Кореи, господства англичан в Гонконге, но факт остается фактом. Как только американцы отстранили от власти правящую милитаристскую военную верхушку в Японии, отбили у советских и китайских коммунистов Южную Корею и Тайвань, они сразу провели земельную реформу «руками и головой» своего администратора из Министерства сельского хозяйства, бывшего русского эмигранта А. Ладыженского. Русские националисты должны гордиться — идеи П.А. Столыпина по земельной реформе, являются универсальным технократическим явлением и спокойно прививаются в азиатской среде, но только, правда, не на родной земле.

Одновременно в оккупированной стране были проведены политические реформы, которые предварялись люстрацией — запрещением заниматься политикой гражданским и военным лицам, олицетворявшим на общегосу-

дарственном и региональных уровнях бывшую власть: *отныне реформами в Японии занимались местные бюрократы второго и третьего эшелона власти*. С 1 января 1946 г. японский император отрекался не только от власти, но и от мифа о божественном происхождении правящей династии.

Если вы думаете, что американцы руководствовались собственными представлениями о политической целесообразности, то вы глубоко ошибаетесь. Согласно решениям Потсдамской конференции, декларацией союзных держав от 26.07.45 США были объявлены:

— устранить препятствия к возрождению демократических институтов и традиций,

— установить свободу слова, мышления и не препятствовать политической конкуренции,

— соблюдать права человека.

Уже в мае 1947 г. была принята Конституция, которая и гарантировала все эти положения, в том числе в гл. 29 — непоколебимость прав частной собственности. Дальнейшее законодательство формировалось на основе англо-американского права, которое предусматривало и *сменяемость власти, и конкуренцию при достижении власти*. Самое поразительное и поучительное: японское общество спокойно приняло все эти, прямо скажем, революционные реформы по низвержению «самурайской» элиты и идеологии, а на культуру американцы и не претендовали. За проведение всех мероприятий и контроль над исполнением решений впрямую отвечали американские оккупационные власти в течение целого десятилетия, а затем опека «мягкой силы», вплоть до конца 60-х гг., пока не утвердился новый социальный опыт японского правящего класса, ставший естественной политической традицией, выросшей из европейской политической модели.

Каким-то образом китайский правящий класс решил внутри себя проблему

сменяемости верховной власти. Обращаю ваше внимание, после *добровольного* (как и в случае Ельцина) ухода из власти Дэна верховная власть в Китае как часы меняется каждые десять лет, причем без всяких сносок «более двух сроков подряд», без всяких сентенций китайских Михалковых — «наконец-то пришел лучший, и не мешайте ему» и бурчаний китайских Третьяковых — «если американцы против, тогда я за». Мне еще раз хочется обратить ваше внимание: почти все наши политологи восторгаются китайским авторитаризмом, но в нем отсутствует ключевое звено — *несменяемость верховной власти*. У меня очередной вопрос: не только почему китайский правящий класс смог, а наши в очередной раз не смогли, но и кто у нас теперь азиат, а в Китае — европеец? Разве после этого можно «оскароносного» Михалкова или интеллектуального сибарита Третьякова называть европейцами по духу? Мне кажется, они обычные «ордынцы», и не более, и место им не в Москве, а в Улан-Баторе — в «Урге — территории любви».

Поэтому и должны русские националисты впервые в русской истории заявить: *русская власть не сакральна, это просто очень тяжелый труд на благо русского общества*.

Поэтому русские националисты, когда придут к власти, установят предельный срок президентских полномочий — не более 10 лет, и никаких третьих сроков. Любой чиновник категории «А» не должен занимать свою должность более 10 лет, любой губернатор — не более 10 лет, любой депутат Государственной или областной думы — не более 10 лет, любой сенатор — не более 10 лет.

Более того, если националисты окажутся бесталанны как государственные управленцы, они должны быть готовы *сдать власть по закону, через конкурентные выборы* — или либералам, или социал-демократам (коммунисты не в счет). Господа, вы, на-

деюсь, понимаете: самый распрекрасный «Рогозин», если его не ограничивать во власти, уже через пять лет начнет стремительно походить на сегодняшнего «будущего президента». Так, к сожалению, устроены люди, поэтому давайте обсуждать.

* * *

Третий вопрос, который должны между собой разъяснить русские националисты: каким образом должен формироваться и обновляться правящий класс новой России. Методом *служения* в корпорации государственных управленцев или с помощью политической *конкуренции*? Это не менее фундаментальный вопрос, чем предыдущие, ведь на наших глазах всего лишь пару лет назад довольно «шулерским» способом политическая конкуренция была в нашей стране устранена. Именно отсутствие внутренней политической конкуренции позволяет сегодня держать в повиновении и лояльности текущий правящий класс, появится конкуренция — и мнимая консолидация и поддержка сегодняшних лидеров рассыплется в прах. И только поэтому сегодня рушатся последние островки свободных выборов на муниципальном уровне, а партия «жуликов и воров» пытается выстроить свою вертикаль вплоть до сельского совета.

Западная социология однозначно констатирует следующую историческую фактуру на основе изучения общественно-экономических процессов происходивших во Франции в XVII веке, как раз во времена «трех мушкетеров». В тех французских провинциях, где правящие группировки (региональное дворянство, Церковь и королевская власть) находились в состоянии непрерывной политической борьбы, в среднем уровне налоговых ставок были меньше, оправдательных приговоров в судах больше, уровень монополизма ниже и степень экономического развития провинций выше, чем в тех, где королевской власти удалось

преодолеть противоречия и консолидировать региональную элиту, в том числе подкупом и репрессиями.

Необходимо честно сказать себе: настоящая демократия не в том, что гражданин имеет право выбрать себе власть, а в том, что политический класс должен конкурировать между собой за право граждан выбрать лучших среди них.

Да, политическая конкуренция сопровождается манипулированием, да, бывает, рвутся и попадают во власть не самые лучшие представители политического класса. Только время и социальный опыт могут научить людей принимать правильные политические, основанные на рациональном опыте решения. Главное в том, что власть в лице конкретного ответственного политика должна снизу завоевывать свою легитимность среди своих избирателей, конкурируя за их интересы, соревноваться с себе подобными. Доказывать не только избирателю, но и различным группам влияния, что именно она готова служить различного рода *интересам*, а не выдуманным сакральным целям и задачам очередного российского туземного царька в погонах.

Политическая конкуренция должна пронизывать все общество: на муниципальном уровне должны выбираться главы районов и мэры городов, больших и малых; на региональном — губернаторы, на федеральном — должна существовать конкуренция партий, общественных организаций, политических лидеров, сенаторов и, конечно, претендентов на пост президента страны.

Конкуренция, как тип общественно-го поведения, должна буквально культивироваться в обществе, невозможно построить эффективную экономическую модель без конкуренции, но не может быть конкуренции капитала, промышленных технологий, моделей управления без конкуренции политической. Все высокотехнологиче-

ские державы мира — это страны с высокой степенью политической и экономической конкуренции, в этом вопросе нет нужды приводить много аргументов, необходимо просто не бояться смотреть на мир открытыми глазами, а не из-под мышки обуянного комплексами неполноценности левака Калашникова. Для меня самого было недавним открытием, что Южная Корея является лидером по проектированию и изготовлению крупнотоннажных судов гражданского назначения. Еще большим изумлением было лететь из Нью-Йорка в Вашингтон на бразильском самолете «Бомбардьер». К сожалению, Советский Союз никогда не умел делать утюгов и пылесосов, а Китай до сих пор не умеет делать ни самолетов, ни вертолетов, да и корабли у него пока — так себе.

Невозможно настоящее перманентное обновление правящего класса, если «социальные лифты» не будут подхватывать и подбрасывать на самый верх талантливую молодежь. Этой молодежи нужен настоящий вызов, настоящее поле конкуренции. Кто его может предоставить? Только самые передовые в общественном устройстве и технологически успешные страны, и конечно, это страны европейской цивилизации.

В настоящее время «коллективный Брежнев» в лице своего Министерства просвещения гробит очередную гражданскую инициативу. Дело в том, что группа российских выпускников Гарварда подготовила инициативу по обучению ежегодно в западных университетах от 10 до 30 тыс. лучших российских студентов, причем по методикам гарантированного возвращения обученных студентов обратно в Россию. Стоить эта программа будет не более 15 млрд рублей в год, это примерно около 1% годовых расходов на образование. Но разве жуликам и ворам нужна обученная, заряженная на конкуренцию, выдавшая западные общественные и социальные ценности рус-

ская молодежь? Конечно, нет, и программа «утонула» в дружеских соглашениях. А в это же время за государственный счет в Европе и Америке обучается ежегодно не менее 120 тыс. молодых китайцев, за последние 10 лет не менее 1,5 млн. из них вернулись на родину с дипломами ведущих западных вузов. Видимо, настоящая открытая политическая конкуренция в Китае — совсем скоро или уже на подходе; значит, будут у них свои самолеты, вертолеты и корабли — не хуже корейских и, к вящему сожалению, — российских.

Так готовы или нет русские националисты к политической конкуренции? Давайте обсуждать.

* * *

Четвертый вопрос: готовы ли сами националисты на то, что после прихода к власти они будут поставлены под общественный контроль? Никогда в русской истории власть не была под контролем общества и не была перед ним подотчетна.

Конечно же, одним из мощнейших факторов общественного контроля над государством является независимая пресса, но мы должны правильно расшифровывать такое эфемерное понятие, как независимость. Единственная трактовка независимости может быть только — свобода от государства, во всем остальном пресса такой же «вписанный», а значит, зависимый общественный институт, и прежде всего от групп влияния. Не будем обольщаться, это совсем не исключает наличия и государственных СМИ, и общественных каналов ТВ, и, конечно же, частных медиаимперий. Это не исключает и практики включения ведущих журналистов в политический класс — общественный пафос всегда в «цене», даже в самых рациональных странах. Самое главное — выработать юридический механизм реакции государственных чиновников, частных лиц, групп влияния на выступления прессы и неотвратимости наказания (напри-

мер, больших штрафов) за игнорирование таких выступлений. Постепенно, с годами выработается социальный опыт, который неминуемо перейдет в устойчивую традицию. Все это работает у китайцев на Тайване и в Сингапуре. Будет работать и у нас.

Следующий уровень общественного контроля за властью — отслеживание у высоко и средне поставленных государственных и муниципальных бюрократов их финансового и имущественного положения. Обязательная публикация доходов, которая осуществляется достаточно робко сегодня, должна быть реальной практикой, распространяемой на ближайших родственников, и иметь грани реальной ответственности из-за искажения подаваемой информации в виде больших штрафов годового дохода и снятия с постов. Ситуация, когда вдруг у мужа, сына и отца — чиновника — его жена, мама или ребенок оказываются настолько талантливыми, что их доходы выгодно отличаются от заработка их благоверного, должна приводить к тому, что уже бывший чиновник непременно становится частью семейного бизнеса, без права столовладения в государственном учреждении. Такие люди нужны прежде всего обществу, что, кстати, не исключает высоких зарплат при *работе* на государство. Обращаю ваше внимание — работе, а не службе: это слово распространяется исключительно на вооруженные силы, спецслужбы и полицию, и служат там не государству, а обществу и народу.

Конечно же, Россия при националистах немедленно подписывает все международные антикоррупционные соглашения, которые сегодня открыто игнорируются «партией власти» якобы в интересах сохранения суверенитета. Ситуация, когда представители верховной власти в России публично оправдывают коррупцию, заявляя: а вы сами не давайте взятки, должна рассматриваться как причина для запуска процедуры импичмента. Вряд ли

у кого-то, кроме как у непосредственно государственных коррупционеров, возникают мысли, что именно чиновники являются главным источником мздоимства, никакой предприниматель в здравом уме не будет увеличивать транзакционные издержки своего бизнеса в добровольном порядке. Так заявлять может только человек, сознательно и регулярно живущий и «жирующий» необоснованно за государственный счет.

И вот в этом месте мы подходим к главной чиновной традиции, свято охраняемой всеми чиновниками России на протяжении всей ее истории и вне зависимости от общественно-политического строя. К праву *без ответственности и безнаказанности* менять «правила игры» в государственном управлении — нормами, правилами, инструкциями, положениями, законами и нормами приличия.

Русские националисты должны выступить «пионерами» в установлении нового чиновного порядка вещей. Ввести, как, кстати, в Китае, законодательную финансовую ответственность государственных органов всех уровней, и самое главное — *персонально чиновников* за причинение ущерба из-за неправомερных действий своих подчиненных. Если благодаря незаконным действиям конкретного «государева служаки» причинен ущерб гражданину, общественной организации или юридическому лицу, то этот прямой и косвенный ущерб компенсирует государство, а затем по регрессу налагает прямое взыскание непосредственно на конкретного виновника-чиновника. С конфискацией жилья, транспорта, иного имущества и не менее 50-про-

центного взыскания с доходов, включая и с пенсий, до самой кончины ретивого чиновника. Если уж брать прямой пример с Китая, так это внедрение не расстрелов чиновников, а материального взыскания, да с публикацией в прессе итогов таких судебных решений. Уверяю вас, чиновники в нашей стране перевоспитаются быстрее, чем граждане, и будут они у нас не сегодняшними «ордынцами», а европейцами, пусть хоть и не на троне, зато за письменным столом с гарантированной зарплатой и любимой рутинной бумажных страстей.

* * *

Следующей актуальной институциональной проблемой, как мне кажется, является вопрос *русского культурного доминирования*. Не знаю, готова ли националистическая общественность замечать эту проблему, но формирование и сохранение русских как современной нации невозможно без постоянного и неформально признанного культурного доминирования, хотя бы на территории бывшего Советского Союза.

Национализм в Европе был установлен как раз во время формирования колониальных империй, но надо быть совсем простачком, чтобы думать, что это и есть главный критерий победившего национализма. Вот когда европейский образ жизни стал *глобальной культурной доминантой*, вот тогда и победил национализм, и никак по-другому.

Готовы ли националисты приложить усилия для поддержания и расширения русского культурного доминирования? Давайте обсуждать.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКИЙ
НАЦИОНАЛИЗМ

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Был ли Достоевский русским националистом?

Не будем сейчас касаться его великих художественных творений, учитывая присущую им «полифонию», открытую М.М. Бахтиным. Обратимся к тем его сочинениям, где голос автора однозначен и монологичен — публицистике, письмам, записным книжкам.

Исходя из их анализа, ответ на вышеставленный вопрос очевиден. Вне всяких сомнений, писатель был последовательным русским националистом.

И дело не только (и не столько) в его яростной юдофобии или полонофобии, о которых так много написано, — ксенофобия как таковая ещё не означает автоматического национализма. Дело в самих основах его политического мировоззрения.

Это так даже с точки зрения формально-терминологической. Фёдор Михайлович часто использовал концепт нации (или национальности), и всегда в позитивном смысле, например: «Национальность есть более ничего как народная личность. **Народ, ставший нацией, вышел из детства** (в цитатах все выделения жирным шрифтом мои. — С.С.)» (Из записных тетрадей 1872–1875 гг.; 21, 257)¹. Дважды он определил своих единомышленников как «*националистов*»: 1) в письме А.Н. Майкову от 9 (21) окт. 1870 г. (29,

кн. 1, 146); 2) в «Дневнике писателя»² за январь 1877 г. (25, 20), — хотя этот термин в то время ещё не был широко распространён.

Национальное для Достоевского есть высшая ценность в социально-политической сфере: «Всякий русский прежде всего русский, а потом уже принадлежит к какому-нибудь сословию» («Ряд статей о русской литературе». Введение, 1861 г.; 18, 57); «право народности есть сильнее всех прав, которые могут быть у народов и общества» (Из объявления о подписке на журнал «Время» на 1863 г.; 20, 210); «...общечеловечность не иначе достигается как упором в свои национальности каждого народа (здесь и далее в цитатах курсив их авторов. — С.С.). // **Идея почвы, национальностей есть точка опоры; Антей. Идея национальностей есть новая форма демократии**» (Из записной книжки 1863–1864 гг.; 20, 179).

«Принцип национальности» для Ф.М. — главный принцип международных отношений: «Прежнее построение Европы искусственно-политическое всё более и более падает перед стремлениям к национальным народным построениям и обособлениям...». Это — «может быть, главная задача 19-го века. Тогда-то и возможны будут правильные международные отношения... Потому что каждая нация, живя для себя, в то же время, уже тем одним, что

¹ Все ссылки даются по: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Сначала указывается номер тома, затем страница.

² Далее — ДП.

для себя живёт, — для других живёт...» (Из записной тетради 1864–1865 гг.; 20, 191).

Прогресс России — это прогресс русской нации: «Мы идём прямо от неё, от этой народности, как от самостоятельной точки опоры, прямо, какая она ни есть теперь — невзрачная, дикая, двести лет прожившая в угрюмом одиночестве. Но мы верим, что в ней-то и заключаются все способы её развития. Мы не ходили в древнюю Москву за идеалами; мы не говорили, что всё надо переломить сперва по-немецки и только тогда считать нашу народность за способный материал для будущего вековечного здания. Мы прямо шли от того, что есть, и только желаем этому *что есть* наибольшей свободы развития. При свободе развития мы верим в русскую будущность; мы верим в самостоятельную возможность её» (Из объявления о подписке на журнал «Время» на 1863 г.; 20, 210); «...Мы... убеждены, что не будет в нашем обществе никакого прогресса, прежде чем мы не станем сами настоящими русскими... Наш русский прогресс не иначе может определиться и хоть чем-нибудь заявить себя, как только по мере развития национальной жизни нашей и пропорционально расширению круга её самостоятельной деятельности как в экономическом, так и в духовном отношении...» (Объявление об издании журнала «Эпоха», 1864 г.; 20, 217–219).

Русские — единственный полноправный политический субъект в Российской империи: «Русская земля принадлежит русским, *одним* русским... хозяин земли русской — есть один лишь русский (великорус, малоросс, белорус — это всё одно) — и так будет навсегда...» (ДП. 1876. Сентябрь; 23, 127).

Русские — политические лидеры славянства: «...Надобно, чтоб политическое право и первенство великорусского племени над всем славянским миром совершилось окончательно

и уже бесповоротно» (Из письма А.Н. Майкову от 18 февр. (1 марта) 1868 г.; 28, кн. 2, 260).

Культурно-политическая программа Достоевского периода «почвенничества» (первая половина 1860-х гг.) — типичная программа восточноевропейского националиста эпохи Модерна, отмеченная, естественно, отечественной спецификой, связанной с необходимостью преодоления социокультурного раскола русского общества в результате петровских реформ. Оценка последних в этом контексте довольно сурова и близка к славянофильской:

«Петровские реформы создали у нас своего рода *statum in statu*. Они создали так называемое образованное общество, переставшее... мыслить о Руси, общество, часто изменявшее народным интересам, совершенно разобщённое с народной массой, мало того, ставшее во враждебное к ней отношение... Несомненно то, что реформа Петра оторвала одну часть народа от другой, главной. Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела... С другой стороны, мы чрезвычайно ошиблись бы, если б подумали, что реформа Петра принесла в нашу русскую среду главным образом общечеловеческие западные элементы. На первый раз у нас водворилась только страшнейшая распущенность нравов, **немецкая бюрократия** — чиновничество. Не чуя выгод от преобразования, не видя никакого фактического себе облегчения при новых порядках, народ чувствовал только страшный гнёт, с болью на сердце переносил поругание того, что он привык считать с незапамятных времён своей святыней. Оттого в целом народ и остался таким же, каким был до реформы; если она какое имела на него влияние, то далеко не к выгоде его... Оттого петровская реформа принесла характер измены нашей народности, нашему народному духу... народ отрёкся от своих ре-

форматоров и пошёл своей дорогой — врозь с путями высшего общества... Земство разошлось с служилыми условиями... Бюрократия развивалась в ущерб народным интересам, давление сверху становилось тяжелей и тяжелей, возбуждая больший упор в народе. Крепостное право усиливалось, об образовании народа думали только немногие *горячие* головы. Сословный быт развивался в ущерб низшим классам. Высшие классы скоро потеряли самый язык, на котором говорила масса. **Чужестранный элемент** развился в **небывалых размерах, и по обстоятельствам, по общественному своему положению, владея материальной силой, старался забрать в свои руки чуждый ему народ.** Интересы разошлись до того, что всякое искреннее сочувствие народным интересам, выходившее не из народной среды, принималось массой с недоверчивостью, даже с неудовольствием, потому что она не могла понять, каким это образом господа могут хлопотать о мужике: горькая действительность несколько раз убеждала его, сколько лжи и обмана, сколько узкого эгоизма и своекорыстия скрывается иногда под видимым участием. В точно таких же почти отношениях находятся и теперь эти две силы, разошедшиеся друг с другом очень давно. И теперь сколько разбивается самых лучших намерений в интересах народа, именно потому, что народ не верит в их искренность... к нашему брату он не чувствует никакой привязанности, нет у нас с ним общих, связывающих уз, нет общих интересов. Вот и кажемся мы народу в некотором роде татарами, нехристями... Родились мы на Руси, вскормлены и вспоены произведениями нашей родной земли, отцы и прадеды наши были русского происхождения. Но, на беду, всего этого слишком мало для того, чтобы получить от народа притяжательное местоимение “наш”...» («Два лагеря теоретиков», 1862 г.; 20, 7–17).

В то же время Достоевский, в отличие от славянофилов, считал об-

разованность, полученную верхами с Запада, необходимым элементом дальнейшего развития России. Её будущее виделось писателем как синтез «народных» и «общечеловеческих» (европейских) начал, синтез этот символизировала для Ф.М. фигура Пушкина. С одной стороны, интеллигенция должна прикинуть в поисках вековых национальных идеалов к «нетронутой ещё народной почве»: «Русское общество должно соединиться с народной почвой и принять в себя народный элемент. Это необходимое условие его существования...» («Книжность и грамотность». Статья первая, 1861 г.; 19, 7); «нравственно надо соединиться с народом вполне и как можно крепче;... надо совершенно слиться с ним и нравственно стать с ним как одна единица» (Из объявления о подписке на журнал «Время» на 1863 г.; 20, 209). С другой стороны, интеллигенция обязана передать народу своё европейское просвещение, ту сумму знаний, которую она накопила за «петербургский период».

Всеобщая грамотность мыслилась писателем как важнейший фактор национального единства: «Только образованием можем завалить мы... глубокий ров, отделяющий нас от родной почвы. Грамотность и усиленное распространение её — первый шаг всякого образования... Мы приносим на родную нашу почву образование, показываем, прямо и откровенно, до чего мы дошли с ним и что оно из нас сделало. А затем **будем ждать, что скажет вся нация**, приняв от нас науку, будем ждать, чтоб участвовать в дальнейшем развитии нашем, в развитии народном, настояще-русском, и с новыми силами, взятыми от родной почвы, вступить на правильный путь. // Знание не перерождает человека: оно только изменяет его, но изменяет не в одну всеобщую, казенную форму, асообразно натуре того человека. Оно не сделает и русского не русским; оно даже нас не переделало, а заставило воротиться к своим. **Вся нация, конечно, скорее ска-**

жет свое новое слово в науке и жизни, чем маленькая кучка, составлявшая до сих пор наше общество» («Книжность и народность». Статья первая; 19, 20).

Достоевский справедливо полагал, что распространение грамотности будет способствовать преодолению не только *культурного* раскола между верхами и низами, но и раскола *социального*, ибо «грамотность... у нас... есть привилегия» («Ряд статей о русской литературе». Введение; 18, 65); «настоящее высшее сословие теперь у нас — сословие образованное» («Книжность и народность». Статья первая; 19, 19). Но и собственно социально-эмансипационные реформы он также считал крайне важными: нужно «облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок, которые заграждают для него доступ во многие места» («Два лагеря теоретиков»; 20, 20).

Только при этих условиях возможно подлинное национальное единство: «Тогда только выработается именно тот общественный быт наш, такой именно, какой нужен нам, когда высшие классы будут опираться не на одних только самих себя, а и на народ; тогда только может прекратиться эта поразительная чахлость и безжизненность нашей общественной жизни. И вот когда у нас будет не на словах только, а на деле один народ, когда мы скажем о себе заодно с народной массой — мы, тогда прогресс наш не будет идти таким медленным прерывистым шагом, каким он идёт теперь» («Два лагеря теоретиков»; 20, 19).

* * *

Достоевский трезво понимал, что эмпирическая Российская империя весьма далека от его идеала, что русские — хозяева России только в теории, на практике же: *«Над Россией корпорации. Немцы, поляки, жида — корпорация, и себе помогают. В одной Руси нет корпорации, она одна разде-*

лена. Да сверх этих корпораций ещё и важнейшая: прежняя административная рутина. Говорят: наше общество не консервативно. Правда, самый исторический ход вещей (с Петра) сделал его не консервативным. А главное: оно не видит, что сохранять. Всё у него отнято, до самой законной инициативы. Все права русского человека — отрицательные. Дайте ему что положительного и увидите, что он будет тоже консервативен. Ведь было бы что охранять. Не консервативен он потому, что нечего охранять. Чем хуже, тем лучше — это ведь не одна только фраза у нас, а к несчастью — самое дело» (Из записных тетрадей 1880–1881 гг.; 27, 49–50). Уровень свободы простого русского человека — «ровно как у мухи, попавшей в тарелку с патокой» (ДП. 1881 г.; 27, 17).

Что же делать? Как воплотить идеал в реальность? Как сделать так, чтобы русские были действительными хозяевами своей земли? Казалось бы, ответ ясен: дать русским вместо «отрицательных» — «положительные» права, превратить подавляющее большинство русского этноса — крестьян — в полноправных граждан империи, продолжать реформы 60-х гг., т.е., в общем, развивать и уточнять ту программу, с которой сам же писатель и выступал в период издания журнала «Время»...

Но странное дело, начиная с начала 70-х гг. пропаганда реформ из публицистики Ф.М., по сути, исчезает (скажем, он практически не обращается к столь волновавшей его ранее проблеме всеобщей грамотности). Зато в ДП всё большее место занимает ядовитая критика русского либерализма, который под пером автора «Бесов» становится чуть ли не главной помехой истинно национальному развитию России, ибо его квинтэссенция, якобы — презрение к русскому народу как к «недостойной, варварской массе» (26, 35) и отрицание его идеалов.

Возможно, были в среде русско-го либерализма персонажи, напоми-

нающие эту карикатуру, но в ней невозможно узнать таких его вождей, как К.К. Арсеньев, А.Д. Градовский, К.Д. Кавелин, А.Н. Пыпин, Б.Н. Чичерин... Особенно важна здесь фигура Градовского, запальчивой и предельно резкой полемике против которого Достоевский посвятил третью главу *ДП* за 1880 г. Этот учёный-правовед и публицист был, пожалуй, самым ярким представителем русского национал-либерализма XIX в., стремившимся к органическому синтезу западничества и славянофильства (о последнем он много и с большим уважением писал). Градовский достаточно чётко и внятно изложил свою социально-политическую программу в статье 1879 г. «Социализм на западе Европы и в России»:

«Достроить крестьянскую реформу, т.е. преобразовать податную систему, обеспечить свободу передвижений и открыть возможность правильного переселения крестьян; привести в правильную систему новые судебные и «общественные» учреждения, пересмотреть разные старые уставы, остающиеся ещё в силе и даже пускающие свои ростки в учреждения новые; устранить разные «поправки», внесённые в новые законы во имя старых требований; обратит к деятельности по местным учреждениям лучшие силы страны, зная, что в этих учреждениях — школа и фундамент будущей России; воспитывать общество в сознании *права*, в уважении к себе и другим, в чувствах личной безопасности и достоинства; поднять уровень народного образования широким распространением школ и других орудий грамотности — таковы задачи нашего времени».

Скажите на милость, что тут антинационального, что тут вредного для русских? Программа реальных дел, отвечающая на реальные вызовы времени, весьма близкая к тому, что проповедовал некогда и сам Достоевский. Но в *ДП* ничего подобного мы не встретим. Зато в изобилии найдём красноречи-

вые рассуждения о смирении русского мужика и его любви к страданию; об особых отношениях в России между царём-отцом и народом-детьми (в силу чего в любой момент царь-отец может дать народу такую неслыханную свободу, которая и не снилась гнилым западным демократиям); о том, что главное в политике — не совершенствование общественных учреждений, а христианские идеалы, будто бы способные сами по себе преобразить русское общество.

Градовский и Кавелин вполне резонно возражали Достоевскому, что одна только личная христианская нравственность, без юридически закреплённой перестройки социальных практик, не может улучшить положение народа. Перестройка эта, однако, после 1866 г. начала заметно буксовать, — самодержавие явно не желало предоставлять обществу реальные гражданские свободы. Перед интеллигенцией, поддержавшей реформы 60-х гг. и поверившей в реформаторский потенциал самодержавия, встал выбор: либо перейти в оппозицию, либо «верить, ибо абсурдно». Либо требовать в той или иной форме ограничения самодержавия и участия представителей общества в управлении государством, либо ждать, пока самодержавие само «возьмётся за ум» и стоя на коленях умолять его об этом.

Достоевский выбрал второй вариант³, примкнув к «охранителям» типа В.П. Мещерского и К.П. Победоносцева, которые высоко ценили такого полезного союзника. В начале 80-х писателя уже благожелательно принимает сам цесаревич — будущий Александр III. Не удивительно, что его

³ Хотя сомнения его посещали: «Я, как и Пушкин, слуга царю, потому что дети его, народ его не погнушаются слугой царёвым. Ещё больше буду слуга ему, когда он действительно поверит, что народ ему дети. **Что-то очень уж долго не верит**» (Из записной тетради 1880–1881 гг.; 27, 86).

национализм стал выписывать весьма причудливые пируэты, подменяя конкретный разговор о конкретных проблемах романтическими фантазиями. Вместо обсуждения системы практических мер, позволивших бы выбрать «мухе из тарелки с патокой» (но невозможных при сохранении статус-кво), — пафосная (и ни к чему не обязывающая) речь об «оздоровлении корней». Вместо серьёзной дискуссии о возможных формах народного представительства в России — огульное отрицание последней как «аристократии интеллигенции» и выдвижение фантастического проекта (в духе «прямой демократии») опроса «серых зипунов» «по местам, по уездам, по хижинам» (ДП. 1881; 27, 21). Типичный «охранительский» приём — представить свою позицию как супердемократическую в противовес «формальной», «ненародной» демократии либералов, самозвано приватизировав себе право говорить от имени многомиллионных низов.

Всё более мистифицированный облик приобретал и мессианизм Достоевского. Идея о всемирном призвании русского народа, о его «всечеловечности» была выдвинута им ещё в начале 60-х. Но в середине 70-х она обрела некоторые новые, оригинальные лейтмотивы. В принципе, любой европейский мессианизм (французский, немецкий, даже англосаксонский), настаивая на всемирной миссии своего народа, подчёркивал, что суть её не в национальном эгоизме, а в самоотверженном служении человечеству. Но только у Ф.М. эта идея приобрела отчётливо самоуничижительный оттенок: «...мы сознали... всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живёт единственно для себя и в себя, а мы начнём теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для все-

общего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что все это ведёт к окончательному единению человечества. Кто хочет быть выше всех в царствии Божием — стань всем слугой. Вот как я понимаю русское предназначение *в его идеале*» (ДП. 1876. Май; 23, 47). «...Почему они [европейцы] всё не могут никак в нас увериться раз навсегда, поверить в безвредность нашу, поверить, что мы их друзья и слуги, добрые слуги, и что даже всё европейское назначение наше — это служить Европе и её благоденствию» (ДП. 1881; 27, 34).

Почётная роль всемирного слуги вытекает из якобы природных свойств русского характера, более того, оказывается, быть слугой — и значит быть господином: «Посмотрите на великоруса: он господствует, но похож ли он на господина? Какому немцу, поляку не принуждён ли он уступить. Он слуга. А между тем, тем-то — переносливостью, широкостью, чутьём своим он и господин» (Из записной тетради 1876–1877 гг.; 24, 309). Диалектика «слуга–господин» и «русское–всечеловеческое» приобретает у Достоевского настолько запутанный характер, что вряд ли возможна её логически непротиворечивая интерпретация.

С одной стороны, основополагающий лозунг писателя: «Стать русскими во-первых и прежде всего» (ДП. 1877. Январь; 25, 23). С другой, онтологическая суть «русскости» — «всечеловечность», т.е. служение другим народам, чем, собственно, по его мысли, русские и занимались весь «петербургский период», «ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо больше, чем самой себе?» (ДП. 1880; 26, 148). Таким образом, Ф.М., в сущности, призывает Россию продолжать ту же политику «служения Европе», но только с осознанием того, что она это делает не по глупости, а во имя исполнения своей великой миссии, коей надобно не стыдиться, а, напротив, гор-

даться. Тогда изменится отношение к России и в Европе: «...как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнёт и он нас самих уважать» (ДП. 1877. Январь; 25, 23). «Слуга» остаётся «слугой», просто теперь он должен воображать, что «слуга», на самом деле, «господин», и надеяться, что те, кому он служит, это открыто признают.

Впрочем, кто-то может сказать, что смирения в этой идее паче гордыни, что настойчивое навязывание себя в качестве «слуги» на самом деле — это просто закамуфлированная форма «воли к власти», что упорное стремление брататься с теми, кто этого не желает, выглядит как «принуждение к братству» и т.д. И такая точка зрения вполне заслуживает обсуждения...

* * *

Подведём итоги.

Национализм Достоевского был подлинным и глубоким, но эволюция автора «Карамазовых» в сторону «охранительства» привела к тому, что национализм этот в практическом отношении оказался выхолощенным — реальную повестку дня заменили компенсаторные мечтания. Из «программы» позднего Достоевского «в сухом остатке» вытекало только одно: послушание начальству. Впрочем, это свойственно любому охранительному национализму всех времён и народов.

Нельзя сомневаться в том, что проповедь Ф.М. была по-своему искренней, но в конечном итоге она питалась ощущением бессилия ещё очень слабого русского общества по сравне-

нию с всемогущем самодержавием. И эта сторона национализма великого писателя вряд ли может вдохновить сегодняшних русских, жизненной необходимостью для которых стало обуздание самовластия неэффективного, а порой и преступного правящего режима РФ.

То же касается и пресловутой «русской идеи» Достоевского. Понятно, что перед нами перенесение норм христианской этики в сферу политического, но, не говоря уже об архаичности такого переноса для второй половины XIX в., заметим, что подобная логика нимало не свойственна и русскому православию «допетровского» периода — вряд ли Ф.М. православнее инока Филофея. Корни достоевской «всечеловечности» вовсе не в православной традиции, а в экуменическом мистицизме времён Павла I и Александра I⁴.

Странная диалектика «всечеловечности» (русские — хозяева и господа, чья обязанность — быть слугами) отдаёт каким-то мазохистским абсурдом, но в мистифицированном виде она довольно точно воспроизводит реальное положение русских в России, как в прошлом, так и в настоящем. Но это именно то наследство, от которого мы сегодня решительно отказываемся, и потому билет свой Фёдору Михайловичу почтительнейше возвращаем.

Мы любим Достоевского. Но не за это.

⁴ Характеризуя политику Павла, Ф.В. Ростопчин писал А.В. Суворову: «Он намерен спасти Европу; всё равно от кого». Это определение вполне подходит и к политике Александра периода Священного союза.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ СЕМАНОВА

(1934–2011)

Марк Любомудров

Когда Сергей Сергеев, научный редактор важнейшего журнала нашего времени — «Вопросы национализма», предложил мне написать о Сергее Семанове, то, дав согласие, я не предполагал, что столкнусь с неожиданными трудностями. Мое перо обязано скользить между Сциллой и Харибдой: между необходимым и уместным. К тому же кончина Семанова еще так близка от нас, еще и свечи на могильном холме не погасли... А еще и торопиться надо — успеть к ближайшему номеру журнала. И — главное — душа усопшего еще рядом с нами, и сам он словно стоит за моей спиной, придирчиво всматривается в рождающиеся строки. Сознание всего этого, неостывшее дыхание похоронных событий вызывает некую мучительность в исполнении задачи...

Сложность еще и в том, что я знаю по крайней мере семь Семановых (если не более). В многообразии своего естества он вполне оправдывает свою фамилию, которая происходит от числа семь. Сергей Николаевич был разным на этапах своей жизни, в нем уживались (порой конфликтуя) очень непохожие друг на друга человеческие ипостаси. Известно, что в личностных отношениях Семанов был, что называется, нелегким человеком — колючим, порой раздражительным и капризным, нетерпимым к тому, что не совпадало с его собственными взглядами и убеждениями. Он обладал типичным авторитарным характером. Впрочем, это не мешало ему иметь друзей, реализовать свой незаурядный педагогический талант: он умел находить и пестовать

учеников. Их набралось немалое число. Воспитать последователей — не частое в нашей среде и потому драгоценное качество.

Разумеется, менялись и его взгляды. Каковы бы ни были иллюзии или заблуждения, компас правды, взыскательность и прозорливость профессионального историка выводили его к Истине. Это прослеживается в его книгах, статьях, в общественных дискуссиях, — наиболее отчетливо в поздние, зрелые годы. Несмотря на трудности, на поражения и ошибки в нем жила мощная способность к развитию.

На поминках я говорил, что из ныне живущих только два человека знают о Семанове значительно более других — его родная сестра Элеонора Николаевна и аз грешный. Быть может, это учтут составители будущего сборника воспоминаний о Семанове. Надеюсь, таковой обязательно появится.

Мы познакомились в начале пятидесятых (Боже! Как чудовищно давно это было...), на студенческой вечеринке в квартире за Нарвской заставой. Девушки тогда нам обоим показались малопривлекательными и, разочарованные, мы вместе ушли раньше других. И потом уже не расставались все дальнейшие годы. Часто виделись и после его переезда в Москву в 1969 году. Запомнились его тогдашние сомнения. Спрашивал меня, не согласился бы я, если он вместо себя предложит мою кандидатуру. Речь шла о работе в издательстве «Молодая гвардия», в редакции ЖЗЛ. Приглашал Сергея В.Н. Ганичев, в ту пору директор издательства — по рекомендации председателя Ленинградского комитета по радио и телевидению Ростислава Ни-

колаева, нашего общего с Семановым друга и покровителя, настоящего русского патриота.

Наша близость поддерживалась совместным участием в общественно-политической и культурной жизни, в патриотическом движении (оно было на подъеме) и совпадавшими особенностями нашего мировоззренческого становления. Волею судеб мы, молодые русские интеллигенты, уроженцы 1930-х годов, стали ополченцами Русского Возрождения, а точнее, русского национально-освободительного движения, которое ясно обозначилось во второй половине шестидесятых. Уместно напомнить имена этой когорты, поднявшейся в наступление на русофобию и космополитизм, наших общих друзей и соратников: П. Палиевский, В. Кожин, О. Михайлов, И. Кольченко, А. Кузьмин, А. Ушаков, В. Чалмаев, Дм. Жуков, Ю. Медведев, А. Ланщик, Дм. Урнов. Конечно же и В. Ганичев, М. Лобанов. Какое блистательное созвездие умов и талантов! Пусть простят меня те, кого запомнил назвать. Общение с ними и на меня оказало огромное влияние.

Прочитав Семанова, он оценивал события того времени как профессиональный историк: «Волею судеб получилось так, Русское Возрождение (да, да, не побоимся тут прописных букв) началось с насильственно прерванного исторического пути. Вроде бы так: мы, молодые люди тридцатых годов рождения, пришли в школу, не имея ни учителей, ни учебников. Учебники были заперты в «спехранах», а учителя... Одни были известны где, другие оглушены случившимся. От них глубинного понимания происходящего мы не услышали... Учились мы все самодумкой... Винить некого — судьба. На всех нас это сказалось, и в самом неважном смысле: поздно созрели как гуманитарии, путались на подходах к очевидным истинам». По тому же поводу П. Палиевский заметил: «Мы все блуждали по лесу, но все-таки со-

шлись вместе на одной поляне». Наиболее заметными среди нас тогда были Палиевский, Кожин и вчерашний «провинциал», ставший москвичом, — Семанов.

Мы были энергичны, напористы, бесстрашны, окрылены перспективой служения России, а не мертвечине марксизма-ленинизма и партбюрократической казенщине. И враг у нас был общий, его чуждую нам суть, его опасность для русского народа мы понимали весьма отчетливо. И. Шафаревич позднее назовет его «малым народом», удачное обозначение нашел М. Полторанин в своей недавней книге «Власть в тротиловом эквиваленте» — дети Бнай-Брит...

И именно Семанов проявил себя как мужественный, находчивый и успешный воин в той борьбе, которая стала неизбежной с пробуждением и вторжением в общественную жизнь русского национального духа, открытого русского патриотизма. Примером служит его деятельность в должности заведующего редакцией ЖЗЛ, а потом на посту главного редактора журнала «Человек и закон», который при Семанове достиг неслыханных, просто умопомрачительных тиражей в семь и более миллионов экземпляров. С приходом Сергея и двери ЖЗЛ, и журнал стали открытыми для русских авторов патриотической ориентации. Это был гражданский подвиг.

Как и бывает, с упомянутой «поляны» некоторые участники возникшего содружества позднее ушли, занялись иной работой. Пожалуй, наиболее последовательно, преданно, бескомпромиссно и деятельно пронесли вскинутое тогда знамя Русского Возрождения двое — Кожин и Семанов.

У меня не возникает сомнений, что Семанов успешно и плодотворно прожил свою жизнь. Важно и то, что ему обычно сопутствовала Удача. Думаю, что главная на его пути удача — приглашение и переезд в Москву.

Он был очень одаренным человеком.

Мощный, цепкий интеллект, отличная память, завидная трудоспособность, точный выбор призвания и верность ему. Семанов — историк от Бога, обладавший прирожденным историческим мышлением. «Историком я стал по рождению» — говорил он о себе. Историзмом пронизаны все его лучшие работы, их автор ясно понимал, что «историческое мышление, как хребет, поддерживает весь воспринимаемый человеком мир». При этом высочайший уровень профессиональной образованности, отменная начитанность, широкий кругозор. Сила его книг в их Правде, почти всегда подтвержденной документальными источниками. Если и присутствует в них доля вымысла, то обычно опирается на контекст времени и обстоятельств, на убедительность косвенных подтверждений. Таковы его биографии адмирала Макарова, генерала Брусилова, генсека Андропова, анархиста Махно. Новаторским по методологии явился его труд «Тихий Дон — литература и история», ставший серьезным вкладом в шолоховедение. Сопоставляя события в романе и в реальности, сверяя художественную ткань произведения с архивными материалами, Семанов обнаружил поразительную, документально подтверждаемую историческую достоверность гениального произведения. И теперь «Тихий Дон» вполне можно отнести и к жанру художественно-документальной, подлинно исторической прозы.

Помню Сергея очень жизнерадостным человеком, веселым, остроумным, находчивым. Никогда не видел его унылым, грустным или нахмуренным (исключая годы перед кончиной). На вечеринках, дружеских встречах, застольях он нередко становился заводилой. И Бахусу приносил дань, порой чрезмерную... С воодушевлением пел белогвардейские песни, давний русский гимн «Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс...». Почти обязательной, едва ли не ритуальной была

песня на слова Пушкина «Как ныне собирается вещей Олег...». Пели хором все это и в советские семидесятые, и зачастую ничуть не стесняясь номенклатурных партийно-советских чинов и всяких явных и скрытых блюстителей официальной идеологии. Они, вероятно, поеживались, когда слушали подобную крамолу. Почти все «вокалисты» были, между прочим, членами КПСС...

Жизнеутверждающим пафосом и оптимизмом пронизаны все автографы Сергея, которыми он сопровождал даримые мне книги. Вот некоторые из них: «*Дорогой Марк, победа будет за нами! Это несомненно. Твой Сергей. 26 дек. 1977*»; «*Дорогой Марк, старый друг, а все-таки погуляли мы славно! Семанов. 29.VI. 1997*». На титульном листе книги «Русско-еврейские разборки» написал: «*Марк, всю-то жизнь мы с тобою разбираемся, хоть и до сих пор не разобрались. (Но разберемся!). Сергей. 14 дек. 2001*».

Надо признать, Сергей Николаевич был очень честолюбивым, иногда болезненно амбициозным человеком. Обычно с пристрастием выпрашивал у меня — об откликах на его новые публикации. Честолюбие, без сомнения, являлось могучим стимулом на всех направлениях его многообразной деятельности. Он писал не только исторические книги и публицистические статьи. Есть у него и пьесы, и эпиграммы, есть ироническая поэзия. Помню его содержательные аналитические записки, посвященные политическим, зачастую подкованным процессам, происходившим в семидесятые-восьмидесятые годы (их оппозиционный пафос, конечно, исключал возможность публикации тогда). Более поздним примером может служить напечатанная статья «Старт и финиш царя Бориса» (о Ельцине).

На мой взгляд, одна из вершин творчества Семанова — книга «Русско-еврейские разборки», первое издание которой вышло в 2001 году. По поводу

названия он со мной советовался — мне оно не нравилось ни тогда, ни сегодня. К примеру, свой недавний труд на сходные темы И. Шафаревич назвал афористичнее, отчетливее — «Мы и они».

«Разборки...» — объемная энциклопедия русско-еврейских отношений последних десятилетий XX века. Она чрезвычайно информативна и в главном, и в деталях. Например, кто еще обозначил и опубликовал полное имя еврейской супруги Ельцина — Наисса Иосифовна Штиль? Автор исследует наиболее важные, узловые проблемы политики: несправедливость в распределении власти, торжество русофобии, опасности для России «малого народа». Красноречиво название первой, идеологически центральной главы: «Русско-еврейская война. Краткий курс». Характеризуя этапы и участников этой войны, Семанов обнаруживает прямо-таки ошеломляющую эрудицию, доскональное понимание темы... Заканчивает книгу надеждой на то, что «может быть, в Кремле придут к власти люди, которые будут считать русское дело “своим делом”». Надежды! Наши вечные, но постепенно истаивавшие надежды... Кто ж из нас не мечтал изгнать из власти русофобскую кремлядь?!

Войны, мятежи, революции были излюбленным предметом профессиональных интересов нашего героя. Он и сам имел революционерский, бойцовского типа характер. Любил и умел сражаться с идейными врагами. Отражением его личного менталитета, его устремленностей явилась и та замечательная антикварная коллекция оружия, которое он собирал всю жизнь, никогда не жалел на это денег. Когда приезжал в Ленинград, мы нередко вместе ходили на своеобразную ярмарку раритетов, которая размещалась на Выборгской стороне, в так называемом саду им. Карла Маркса, что за Сампсониевским собором.

В кабинете Сергея я насчитывал раз-

вешанные по стенам 26 сабель, мечей, рапир, кинжалов. А еще и 11 пистолетов. Он особенно гордился саблей времен Бориса Годунова. Украшением кабинета были и аккуратно размещенные ордена, медали, знаки воинской принадлежности — царские по преимуществу, но и советского времени. Как мне казалось, Сергей был далек от праздного любования своим антиквариатом. Воинский антураж создавал особую ауру рабочего кабинета, приподнятую атмосферу героического подвижничества, которая питала духовную энергию автора, мобилизуя его наступательный пафос. Тени былых бойцов, прежних владельцев оружия словно витали в окружающем пространстве, готовые к сражению. Эскадрон лихих рубак находился за спиной командира, сидящего за рабочим столом с пером (штыком!) в руках. Их присутствие, их дыхание вы ощущаете, читая семановские тексты.

И в личной библиотеке автора обнаруживается преобладание военно-исторической литературы — прежде всего о двух мировых войнах XX века. На полках также множество справочников, словарей, энциклопедий. Назову некоторые, запомнившиеся: «Первая мировая война. Правители и военачальники. Биографический, энциклопедический словарь»; ещё одна энциклопедия — «Вожди и военачальники Третьего рейха» и т.п.

Думаю, не случайно на рабочем столе Семанова всегда стоял большой цинкографический портрет святого праведного Иоанна Кронштадтского — величайшего в XX веке религиозного (и политического!) вождя русского народа, ставшего олицетворением православной церкви как церкви воинствующей. Один из заветов знаменитого пастыря можно поставить эпиграфом к жизнеописанию нашего героя: «Дерзновение — величайший дар Божий и великое сокровище души. В земной брани или войне смелость или храбрость много значит, ибо она тво-

рит просто чудеса, а в духовной брани и тем паче».

Семанов был, конечно, классическим трудоголиком, не прекращал писательства до последних дней своей жизни. И в 2011 году продолжались его публикации в еженедельнике «Русский вестник» (спасибо А. Сенину за его внимание к автору), в журнале «Наш современник». «Вопросы национализма» напечатали его уникальный «Дневник 1991 года». К слову, о том, что оба с давних пор вели дневники, мы сообщили друг другу, если не ошибаюсь, лишь в конце восьмидесятых. При советском режиме дело было крайне опасное. К тому же все мы были под постоянным и неусыпным «колпаком».

Передав свой архив в научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Сергей и меня подвигнул к тому, что и я свой архив (весьма обширный) передал туда же. Очень благодарен ему за эту подсказку и содействие. В Питере — городе воинствующе русофобском — нет ни одного «благонадежного» архивного учреждения, куда без риска мог бы обратиться русский патриот-националист. Замечу, что я вел дневник (в нем немало строк и о Семанове) с 1946 года, почти без перерывов. Конечно, это был прикровенный, без малейшей самоцензуры диалог с самим собой — обо всем, что привлекало внимание: политика, культура, искусство, быт... Вероятно в силу нелицеприятности текста, его «остроты» мои теперешние попытки предложить дневник к публикации оказались безуспешными.

Недавно в «Вопросах национализма» (номер пять) появилась статья Семанова «Первая русская революция» — краткий, но очень глубокий историософский очерк, осмысляющий русские катастрофы XX столетия. В ней он пересмотрел некоторые свои прежние «партийно-советские» подходы к теме, чему я очень порадовался. Мы не столь уж и редко спо-

рили с ним. Я не разделял его оценок Петра I, большевистской идеологии, никогда не принимал похвал Сталину, которого всегда (!) считал русофобом и кровавым палачом русского народа. Впрочем, это все же не сюжеты для «поминального слова».

На рабочем столе Сергея я нашел машинописную копию его последней статьи с выразительным названием «Тюрьма народа». Она о современной России, ставшей тюрьмой, колонией, концлагерем для русского народа, который безжалостно притесняется, вымаривается, истребляется господствующим политическим режимом. И гильотина предусмотрена с номером 282 УК РФ... В финале статьи Семанов отвечает на роковой русский вопрос «что делать?!» Вот что он пишет: «Для начала надо пробудиться, почувствовать себя свободными и вспомнить славную историю (! — М.Л.) своих предков». Поистине ответ «прирожденного историка»...

Личные отношения человека с Богом — всегда тайна. На протяжении многих лет мировоззрение Семанова имело внерелигиозный характер — так мне казалось. Воцерковленным верующим он не являлся. Перелом наступил в девяностые, поспособствовать этому удалось и мне, грешному... В своем завещании Сергей написал: «Прошу моих родных и близких похоронить меня по православному обряду и под крестом». Так и было сделано 2 ноября 2011 после отпевания в храме Михаила Архангела (у Бородинской панорамы). Прах выдающегося сына нашего народа покоится на Троекуровском кладбище Москвы.

Александр Самоваров

Умер Сергей Николаевич Семанов. Это был один из идеологов «Русской партии» в конце 60-х годов. Успешный издатель, в тридцать пять лет он воз-

главил серию «Жизнь замечательных людей»; один из лучших редакторов советского времени, он был главным редактором журнала «Человек и закон».

Был он в гуще политических событий того времени, у него в редакции ЖЗЛ работала дочь Андропова, в редколлегию журнала «Человек и закон» входил зять Брежнева Чурбанов, который вместе с министром МВД Щелоковым и дочерью Брежнева Галиной был в оппозиции Андропову. Лично о Семанове, как об антисоветском деятеле (это была ложь), Андропов написал записку для Политбюро, и Семанов оказался без работы, потом преподавал в МГПИ, где я у него прослушал курс лекций по русской истории XX века, во многом меня эти лекции сформировали.

Национализм Семанова был органический, если так можно сказать, для него быть русским националистом — что для других дышать.

Но это, так сказать, информация для тех, кто вообще не знает о Сергее Николаевиче. Мне же очень жаль, что я уже не услышу в телефонной трубке его нервный голос, его язвительные интонации, — ушел человек, который мог мыслить нестандартно.

Он так и мыслил всю жизнь, он ненавидел то, что скучно, он презирал своих коллег, которые умудрялись делать скучные журналы и газеты, он презирал неумелых издателей, он всегда ценил яркое, необычное, новое в гуманитарном деле.

Он был либералом в молодости, сталинистом в зрелые годы, и он поддерживал идеологию национал-демократии в конце жизни. Вот написал это и чувствую, что нужны здесь уточнения, масса людей просто не поймет, о чем речь.

«Либерал в молодости» — это конечно метафора, просто после XX съезда КПСС, когда люди постепенно стали узнавать о беспределе и терроре, большинство честных молодых людей стали антисталинистами.

Но потом оправившаяся космополитическая интеллигенция пришла в себя и пошла в атаку, совершенно справедливо полагая, что «возвращение к ленинским нормам партийной жизни» — это возвращение к русофобии и космополитизму.

И тогда многие честные молодые люди повернулись лицом к Сталину, к его борьбе с космополитизмом и тосту «за русский народ». Семанову вообще нравились сильные личности в истории, но, хорошо относясь к Сталину, он почти боготворил лидера белогвардейцев генерала Корнилова, который был русским националистом и демократом.

Я не понимаю сегодня тех русских «левых», которые ненавидят «белых». Они делают ошибки, от которых их старшие товарищи избавились пятьдесят лет назад.

Известна история, когда в самолете, в котором летели комсомольские функционеры-руссофилы, Семанов встал и крикнул: «Встать всем, мы пролетаем над местом гибели Лавра Корнилова!» И комсомольцы встали.

Я помню, как несколько лет назад я пришел к Семанову, и он дал мне фотографию. На ней я увидел, как сейчас сказали бы, накачанных русских ребят в военной форме, все как на подбор арийцы. Я подумал, что это десантники или спецназовцы в Чечне, или еще где. Но что-то было не так. Снимок был сделан на фоне странного вагона, а на вагоне этом были царские орлы.

И тут до меня только стало доходить, что это...

— Это гражданская война, Саша, — воскликнул Семанов, все понявший по моей мимике, — это юнкера!

И буря пронеслась в моей душе! Нежность к этим русским ребятам, восторг перед их мужеством, понимание того, какой великой русской Россией была бы наша страна, если бы они победили!

И Семанов испытывал то же самое, он мне потому и фотографию эту

дал, — мы все разные, но в некоторые минуты у русских националистов сердца начинают биться в одном ритме!

И Сергей Николаевич ничего больше не сказал, видя, как у меня дух перехватило, он только воскликнул: «А?!»

Он первым прочитал рукопись моей книги «Останутся ли в России русские». Сказал, что интересно, хотя я там исхлестал любимого им Сталина.

Не скажу, что он бросился пристраивать мою книгу, но вышла она все-таки благодаря ему. Он нашел издателя года через два, правда, после того как к нему попала рукопись.

С ним не просто можно было спорить, он был очень внимательным к идеям, которые высказывали другие.

Он выслушивал, если его что-то удивляло или было новым, говорил: «Вы так думаете?» И пауза. Он это запоминал, чтобы потом самому подумать на досуге.

Когда он по прочтении моей книги осторожно сказал о том, что со Сталиным не надо бы так категорично, я ответил, что тут выборочно уже не получается, что весь большевистский период нужно зачеркивать полностью. Иначе мы никуда не двинемся. Он, хмыкнув, сказал-спросил: «Под откос истории все это?»

Я не слышал от него особых похвал моей деятельности, больше критику, но он внимательно отслеживал процессы. Читал наши статьи на АПН и в какой-то момент понял то, что другие люди его поколения, да и более молодые члены «Русской партии», группа старопатриотов в целом, понять не смогли до сих пор. Да, все это под откос. Русским нужна новая идеология, и «сталинист» Семанов без колебаний в один прекрасный момент поддержал нас.

Он не был жалостливым человеком, скорее уж безжалостным. Один раз я ему сказал об этом. Семанов, усмехнувшись, спросил:

— А какая, думаете, у меня был

кличка в юности, во дворе? — И сказал торжествующе: — Лютый!

В пьяно-расхлябанной «Русской партии» Семанов был одним из немногих трезвых умов. Он до конца оставался бойцом. Его характеристика была однозначной по поводу всех, кто «рулил» в последние десятилетия, — твари ничтожные!

И насчет бойца. Он увлекался коллекционированием оружия, в основном это было холодное оружие всех времен и народов. Но вот я прихожу, а у него ППШ (кто не знает — это автомат времен Второй мировой войны).

— Вы посмотрите, какая чудная вещь, — восхитился он. — Как все неказисто с виду, и как удобно, ремень какой, повесьте себе за спину, удобно, а?

Взяв автомат, я в первый раз обратил внимание, что этот неуклюжий с виду инструмент действительно замечательно ловко сделан, его можно нести на плече, закидывать за спину, удобно из него стрелять. У автомата тяжелый приклад для рукопашного боя.

И такой же восторг Семанов испытывал по поводу любой хорошо сделанной вещи. Выходила удачная книга — и поток восхищений, удачная статья — то же самое. А все, что банально и скучно, вызывало у Семанова отвращение, он был убийственно откровенен даже по отношению к близким друзьям: «Какую дрянь написал». Но это всегда было объективно.

И еще он любил слово «товарищество». Иногда, говоря что-то не очень лицеприятное, уточнял: «Я же это вам по-товарищески говорю». Иногда он меня по-товарищески учил жить в своей ядовитой манере:

— Зачем вы человеку показываете, что понимаете его? Зачем людям говорить то, что о них думаешь? Людям следует лстить, ибо большинство из них — дураки.

Хороший психолог, он предлагал не рецепт для жизни, а рецепт для мое-

го исправления. Сам-то он не больно льстил.

Или мог одной фразой показать суть и масштаб явления. Не говорил прямо о компромиссах, которые неизбежны в политике, а говорил вроде как отвлеченно:

— Вы знаете, что когда лев сталкивается с носорогом, он бежит от него, и льву не стыдно?

Или заговорили мы об успехе «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына. И он говорит:

— Представляете, мы с женой молодые люди, лежим на кровати и вырываем друг у друга журнал с этой вещью Солженицына, чтобы первым прочитать.

Нужно к этой фразе что-то добавлять, какой успех имела эта вещь Солженицына в то время? Вот так же лаконично Семанов писал, одним штрихом показывая суть явления.

О себе он говорил, что прожил счастливую жизнь. Он говорил мне, что женщин, к примеру, он никогда не ставил в первый ряд, на первом месте для него была власть, потом творчество, потом деньги:

— И деньги у меня всегда были!

Власть у него тоже была. «Самое лучшее, Саша, — говорил он весело, — это свой кабинет, секретарша и машина с водителем». Но, потеряв все это, с его чутьем и умением оказавшись невостребованным, он стал писать книги, ибо был историком настоящим, от Бога. И никогда я от него не слышал стенаний, что ему не повезло. Что он вылетел из рядов номенклатуры. Он жалел о другом, как я уже говорил, — о том, что масса никчемных людей оказалась не на своем месте.

Иронично относился к Интернету, к словам «вывесить» и проч., но потом понял, что сила там, и стал публиковаться на том же АПН.

Был Сергей Николаевич года три назад и на «Русском марше», сказал, что увиденное радует его старые глаза.

Вот написал все это и ясно понимаю,

что ушел человек, который был личностью, фигурой. Хоть он говорил, что лучше умереть, чем смотреть на все это (про политику), но он был до последнего дня — а прожил он почти семьдесят восемь лет — человеком действия. Насколько это было в его силах, он умел продвигать новых людей и новые идеи. Кто еще из старопатриотов может этим похвастаться, хотя многие из них имеют ресурсы, и немалые? А у него был всего лишь старый кабинет, заваленный холодным оружием, и телефон.

Очень жаль, что он умер. Очень.

Сергей Сергеев

Фамилию «Семанов» я узнал ещё в детстве, как, думаю, и многие мои ровесники, сызмала увлекавшиеся русской историей, читая его «жэзэ-эловские» биографии Макарова и Брусилова. Затем, уже студентом, будучи, благодаря работе в семинаре А.Г. Кузьмина, несколько причастным к «Русской партии», я стал открывать для себя выдающуюся роль Сергея Николаевича в русском национальном движении. Впервые воочию я увидел его то ли в 1988, то ли в 1989 г. в доме Телешева (Московское отделение общества охраны памятников) на лекции известного «борца с сионизмом» Е.С. Евсеева. Личное знакомство состоялось весной 1991 г., когда я, в качестве корреспондента газеты «Голос Родины», впервые вошёл в увешанную старинным оружием и портретами квартиру на Большой Дорогомиловской, чтобы взять у её хозяина интервью (которое так и не появилось тогда в печати, каюсь, по моей вине) по поводу недавно вышедшего первого варианта его книги о Махно. То есть было Семанову тогда 57 лет, и, помню, он поразил меня своей кипучей живостью и энергией. Потом, через много лет (в 2006 г.), произошла мимолётная встреча на юбилей-

ном вечере «Нашего современника». И только с декабря 2009 г. у нас с С.Н. завязались близкие отношения.

Я всегда уважал Семанова, но в пору моей молодости он не был властителем моих дум, меня привлекали более «теоретические», «концептуальные» лидеры «Русской партии», особенно, конечно, В.В. Кожин. Мышление С.Н. мне казалось слишком конкретным, слишком эмпирическим... Но с течением времени я вдруг открыл для себя, что семановская «конкретность» даёт гораздо больше для понимания прошлого и настоящего, чем кожиновская «теоретичность», обернувшаяся схематичностью, не поспевающей за духом времени. Вся эта евразийская историософия, пламенным адептом которой выступал Вадим Валерьянович, сделалась в какой-то момент не просто несвоевременной, но и прямо вредной для русских. В то же время семановское здравомыслие, чуткость к «здесь и сейчас» привели живого классика национал-сталинизма к признанию необходимости русской национал-демократии. Впрочем, Семанов всегда был прежде всего русским националистом, в отличие от многих патентованных национал-антикоммунистов, для которых, как выяснилось, государство как таковое гораздо важнее русского народа.

К 2004 г. я окончательно преодолел «евразийские» и прочие ордынские соблазны, и вот в этой точке наши пути пересеклись. Благодаря Алексею Кожевникову, работавшему в ту пору в «Нашем современнике», я напечатал в этом журнале несколько статей по истории русского национализма начала XX в. Алексей неоднократно передавал мне благожелательные отзывы С.Н. (члена редколлегии «НС») об этих моих работах, именно тогда «старик Державин» меня и заметил. Потом следил за моей деятельностью в «Москве» (в частности, мне говорили, что он очень доволен круглым столом «Россия: национальное государ-

ство или империя?»). Наконец, когда я ненадолго стал главредом, то ли Кожевников, то ли Александр Самоваров (а может, оба сразу) сообщили мне, что Семанов хотел бы со мной пообщаться. Поговорили по телефону, С.Н. выразил полное единомыслие с моим идеологическим курсом, посочувствовал по поводу того, что приходится много общаться с писательской братией (филиппики в её адрес — постоянная и, видимо, лично выстраданная тема его разговоров со мной, «как историка с историком»), посоветовал поменьше печатать «этих графоманов», а налегать на публицистику — «только это сейчас важно» — и, в заключение беседы, позвал в гости.

Очевидно, что у С.Н. на меня «были планы»: он хотел сотрудничать с «Москвой», где его не слишком до того жаловали, а тут во главе журнала оказался единомышленник. Но к тому времени, когда я наконец выбрался на Большую Дорогомиловскую, слишком многое изменилось — из журнала мне пришлось уходить. Это было уже предрешиено, но не было объявлено и держалось в секрете до января 2010-го, а к Семанову я пришёл, как сказано выше, в декабре 2009-го. Я вручил ему мою только что изданную книжку «Пришествие нации?», он мне — несколько своих неопубликованных статей. Было совестно внушать ему напрасные надежды, и я откровенно поведал истинное положение дел. И я никогда не забуду той моральной поддержки, которую С.Н. (бывавший в моей шкуре неоднократно) мне в тот момент оказал, это было очень важно для меня. Потом он звонил по поводу моей книги, хвалил её, надеюсь, не только из желания пролить бальзам на мои раны.

Сделавшись научным редактором «Вопросов национализма», я тут же предложил ввести Семанова в наш редсовет. Мне казалось важным, чтобы у нового журнала сохранялась связь со старшим поколением «русистов», несмотря на то что большинство из

них нас отвергли и прокляли. С.Н. согласился на наше приглашение, не думая ни минуты. Он с нетерпением ждал каждого нового номера, читал журнал от корки до корки и немедленно делился своими (в основном позитивными) впечатлениями; опубликовал в журнале статью о Манежке с говорящим названием «Первая русская революция» (№ 5) и фрагменты своего обширного дневника (№ 3), который он вёл начиная с 1965 года.

Я часто общался с С.Н. в 2010–2011 гг., заходил к нему домой с новыми номерами «ВН», регулярно перезванивались. Он внимательно следил за деятельностью национал-демократов, передавал неизменные приветствия Константину Крылову, благословил в статье, размещённой на АПН, создание Русского гражданского союза, что выглядело, конечно, весьма пикантно, учитывая непримиримый антисталинизм его лидеров

Несмотря на скверное здоровье, он всегда казался необыкновенно живым и энергичным. «Тело немощно, а дух бодр» — это о нём. И он был совершенно уверен в неизбежной и скорой победе русского национализма. Невозможно было подумать, что этот столь молодой душой (что не мешало быть его уму старчески-мудрым) человек скоро нас покинет...

Думая о месте Семанова в русской истории и культуре, нельзя не коснуться драмы его нереализованности. Не сомневаюсь, что большинство его книг будет пользоваться читательской любовью и дальше, но всё же по ним невозможно оценить подлинный масштаб личности их автора. Нельзя сказать, чтобы он воплотился в своих пи-

саниях полностью, ибо он был по преимуществу практиком, и его трагедия состояла в том, что слом его блистательной карьеры в начале 80-х не дал ему раскрыться в полной мере как деятелю. Позднее Семанов уже не смог восстановить утраченных позиций, в 80–90-х гг. он оставался среди «патриотов» на вторых-третьих ролях, вряд ли по своей вине. А между тем не использовать его незаурядные организаторские способности, его богатейший редакторский опыт, его политическое чутьё и темперамент было поистине преступлением. Несомненно, он мог бы делать общественно-политический журнал или газету очень высокого уровня — как раз то, чего «патриотам» 80–90-х так остро не хватало. Да, потом появился прохановский «День», но он повёл русское движение по ложной евразийской дороге. В гипотетическом семановском издании такого бы произойти не могло.

Но не сомневаюсь, что историки и все равнодушные к истории люди скоро оценят Семанова как автора замечательного дневника, который, когда он будет опубликован полностью, неминуемо обретёт статус первостепенного исторического источника по второй половине прошлого столетия, подобно дневнику А.В. Никитенко — по веку позапрошлому.

...А мне очень не хватает его звонков («Серёжа, ну как дела?»); визитов в квартиру, увешанную старинным оружием и портретами; советов, на которые он так был щедр, дружеской критики... Уходит поколение моих учителей из «Русской партии», они своё дело сделали, теперь быть «младшим» не получится.

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

ДНЕВНИК 1982 ГОДА

От редакции

Публикация дневника С.Н. Семанова за 1991 г. в №3 «ВН» вызвала значительный и закономерный читательский интерес. Посоветовавшись с Сергеем Николаевичем, редакция решила напечатать записи за 1982 год — период, пожалуй, наиболее драматичный для автора. Это была пора андроповских гонений на «русистов», объявленных чуть ли не главными врагами советского государства. Семанов находился на грани ареста, его вызывали на допросы в Лефортово, свидетелем в суд по делу самиздатского публициста-«русиста» А.М. Иванова, была попытка исключить его из КПСС. Дневник 1982 г. замечательно передаёт ту тяжёлую атмосферу, в которой существовало русское национальное движение на исходе брежневского правления. Кроме того, нельзя при чтении этого уникального исторического документа избавиться от ощущения дежавю: тотальная коррупция и разложение верхов; репрессии против русских патриотов, в которых власть видит самых страшных «потрясателей основ»; уверенное чувство народного большинства, что «так жить нельзя» — не те же ли приметы свойственны и нашим дням?

Как и в предыдущей публикации, по соображениям объёма мы ограничились самыми необходимыми комментариями, составленными в основном самим автором. Текст даётся с незначительными купюрами (обозначенными отточиями в угловых скобках), сделанными С.Н. Семановым по согласованию с редакцией. Текст подготовлен А. Коваленко и С. Сергеевым.

Как жаль, что Сергей Николаевич

не увидит этой дорогой для его сердца публикации!

От автора

Записи за этот год не имеют датировок. На то были веские основания. Ибо КГБ установил за мной постоянный надзор: за мной ходила «наружка», телефон был «на кнопке», некоторых знакомых вызывали для тайных собеседований. Записи мои в любой миг могли быть изъяты и просмотрены. Даты могли бы кое-что прояснить, а имена (кроме лиц официальных) я заменял только мне понятными прозвищами. Теперь все они раскрыты.

— Осетров¹: в первый же понедельник нового года ему позвонил Котомкин и сказал, что у них сокращение и меня надо сократить... Тот держался бодро, шумел, даже поругался с Костаковым², выяснилось, в конце концов, что никакого приказа о сокр[ашении] нет, а было указание сверху. Т.е. они связались с ЦК, а там, думаю, у них строго спросили: а почему с нами не посоветовались? Решили тянуть без скандала, скандал устроить только в крайнем случае — не исключено, что эти ничтожества тоже побоятся скандала и отступят. Да, спать мне не дают, только-только я как-то успокоился! Если всё же выгонят — нехорошо. <...>

— Да, так: сегодня, в сочельник состоялась мною же собранная редкол-

¹ Осетров Е.И. — главный редактор «Альманаха библиофила» Общества книголюбов, с декабря 1981 был назначен там ответственным секретарём.

² Котомкин И., Костаков В. — руководители общества книголюбов.

легия альманаха, меня очень ласково пригласил Котомкин, призвал кого-то для свидетельства и с комплиментами выдавил, что происходит у них-де сокращение, в том числе сокращается моя должность. Я высказал положенное удивление, а потом сказал, что это издевательство (слово это я повторил раза три), что нечего было меня звать и через неск[олько] дней сокращать, что это незаконно и т.п. Он мяся, да и вообще он никто, выполняет указание и всё. Ушёл не простившись, а потом отдал взволнованной кадровице мою трудовую книжку и в бухгалтерии с ней вместе потребовал жалованья. Осетров позже подтвердил, что ему прямо обещали после моего сокращения должность восстановить, т.е. речь идёт именно обо мне. Он намерен сопротивляться (думаю, искренне, ибо ведь скандал и его замазает, а он и без того). Посмотрим. Неохота устраивать публичный скандал, но и уступать вроде бы нельзя.

— Звонил Проскурину³, он: Поздравляю с Рождеством, да, тебя никто не ругал, даже хвалили кто-то, заметка в Л[итературной] Р[оссии] лживая, но что делать, они все продались, я не знаю, ты напиши на самый верх, поможет, м[ожет] быть... — Словом, он ни к какой борьбе не способен, это и можно было предвидеть.

— Видел тут «Тегеран», чисто западный боевичок, с ихним подтекстом, что всё зло сейчас — от неофашистов. Сценарий Алова, Наумова — людишек с душком, а третий — полудиссидент Шатров. Консультант там обозначен скромно, без титулов и один: Чебриков. Днепропетровцы из КГБ сливаются с сионизмом. Кстати, даже по низким нормам консультант должен был огрести 1 ½ тысячи — немало. А кроме того, встречались, стало быть, беседовали, обменивались, так сказать, информацией...

— Сообщил ФФ⁴ о моих делах. Сказал, что меня толкают на скандал и проч[ее]. Он встревожился, обещал из Малеевки же позвонить Котомкину.

— Чисто масонский почерк последних их действий: снятие Ганичева и меня, публикация в Л[итературной] Р[оссии]: тайна испугает, они-то хорошо знают, что такое тайна, поэтому нарочно темнят и не объясняют причин — разумеете языцы и покоряйтесь, ибо с нами Бафомет! Молодцы, недооценивать их всё же нельзя.

— ФФ звонил Котомкину и, судя по позднему разговору этого бедняги с Осетровым, очень их испугал. Но они никто, выполняют волю. Ясно, что инструктор их не мог дать такой команды, Сенечкин⁵ тоже, значит Севрук⁶. Если по своей инициативе, придётся, возможно, уступить, но он выходит прямо на Кащей⁷ и помощников, значит... Ну, скоро узнаем. Скучно нам не будет, это ясно.

— Иванова⁸ отправили к Сербскому. Следствие обещали закончить в феврале.

— На второй день Рождества в «Правде» появилась статья братьев Стругацких. Статья ортодоксальная и пустая, но поразительно это единство «Правды» и «Посева». Неужели всё кончено?! Говорю тут: даже если я останусь совершенно один, а все товарищи погибнут или попадут в плен, и на меня, расстрелявшего все патроны и загнанного в болото, двинется, грохоча, вражеский танк, даже тогда я буду уверен в нашей победе. Так, но сегодня положение дел плохое. Они под-

⁴ Кузнецов Ф.Ф. — первый секретарь правления Союза писателей Москвы.

⁵ Сенечкин — заведующий сектором журналов Отдела пропаганды ЦК.

⁶ Севрук В.Н. — зам. заведующего Отделом пропаганды ЦК.

⁷ «Кашей» — М.А. Суслов.

⁸ Иванов А.М. (Скуратов) — деятель русского национального движения, публицист самиздата.

готовили смену — Горбачёв, человек Кашея⁹. Что ж, приходится признать: период мирного развития кончился. Надо переходить к открытым и прямым выступлениям. Как? Они ведь за эти годы тоже чему-то научились. Статьи и книги их не пугают теперь: их замалчивают, как потопили в молчании «Пуанкаре»¹⁰. Письма, рассылаемые веером, тоже перестали пугать. Обращение за границу бесполезно, там, как и у нас, члены одной логи, это теперь стало всем понятно. Что же осталось? Выход виден: соблюдение советской законности. Московские масоны, в угоду масонам западным, шумят о правах человека и даже провозгласили кое-какие разработанные права? Вот на это они и напорются.

— Подпольщик¹¹: Ильин-Филькенштейн¹² сидел за воровство, был в лагере чем-то вроде прораба; Беляев¹³ — еврей, его нынешняя жена (б.) как-то пьяная кричала про него — «он жид, он жид!»; ФФ трусит и отступает, ненадёжен. Надо создавать цепочки, нас перебьют, нужно ставить незасвеченных людей в изд[ательств]а и т.п. (Пустые слова — мы этим и занимаемся.)

— Здесь — Кулешов¹⁴ очень похож, жена тоже. Он говорил, что ему заказана в «Пр[авде]» статья против Селезнёва¹⁵, Кожина и т.п.

— События со мной прояснились:

⁹ На самом деле Горбачёв был человеком Андропова.

¹⁰ Имеется в виду биография Пуанкаре, изданная в серии ЖЗЛ, в которой отрицался приоритет Эйнштейна в создании теории относительности.

¹¹ Писатель Юрий Пиляр, был в немецком плену в подполье.

¹² Ильин — парторг СП СССР, из Госбезопасности.

¹³ Беляев А.А. — зам. заведующего Отделом культуры ЦК.

¹⁴ Кулешов В.И. — партийный литературный критик.

¹⁵ Селезнёв Ю.И. — литературный критик «русифильского» направления.

нашим балбесам было дано указание на уровне Сенечкина от Севрука, Костаков жутко перепугался и стал действовать по-солдатски грубо. ФФ сильно перепугался, но уже с др[угой] стороны, он сообщил аж Маркову¹⁶ и выбрал удачную линию: это вызовет взрыв, ибо будет истолковано как расправа за 11-й номер¹⁷. Разумеется, Марков его поддержал. Потом ФФ позвонил Лукичу¹⁸, тот о моей статье отозвался почти положит[ельно], но сказал, что револ[юция] не только трагедия, но и праздник, как Л[енин] говорил. (Хорош праздник: пол-России уморили от ЧК и тифа, а вторую половину унизили, а «Т[ихий] [Дон]», конечно, произведение праздничное!) Лукич прямо посоветовал обратиться к Севруку, а уж в случае чего — снова к нему. Севрук явно встревожился (видимо, ФФ и Маркова пристегнул), стал врать, что ничего не знает и обратит внимание. Тут же к ФФ стал дозваниваться Сенечкин, даже домой вечером звонил и чуть ли не извиняющимся тоном стал говорить, что ничего не произошло и т.п. К нашим балбесам я даже не звонил, наконец, Котомкин просительно пригласил меня к Костякову в 4 часа; не могу, говорю, занят, давайте в три; «но он приедет специально, он на больничном, я постараюсь перенести» — тогда перезвоните — «да, да, спасибо» (он так и сказал, ничтожество: спасибо). Потом Осетров мне передал, что тот «обиделся», но через секретаршу пригласил меня 14-го в 11. Я пришёл и молча выслушал его сбивчивое объяснение, довольно

¹⁶ Марков Г.М. — писатель, председатель правления СП СССР.

¹⁷ Имеется в виду «крамольный» №11 журнала «Наш современник» за 1981 г., где были опубликованы весьма неортодоксальные по тем временам материалы В.Н. Крупина, В.В. Кожина, А.П. Ланщикова и С.Н. Семанова.

¹⁸ Смирнов Г.А. — зам. заведующего Отделом пропаганды ЦК.

смущенное, что ему-де удалось сокращение приостановить. Я очень холодно сказал об оскорбительности всего и моральном ущербе, он стал оправдываться и как мелкий плут намекать на бедного Котомкина. Потом зашёл я к бедному Котомкину к[оторы]й от всего насмерть перепугался, стал заверять о своём сочувствии моим взглядам, «но ведь понимаете, пишут письма о власовцах, о фашистах»... Это всё сионисты, говорю, а мы должны и т.д., распёк беднягу. Теперь они-то уж побоятся меня задевать.

— Думаю, однако, что мне не следует широко рассказывать об истории с моим неудавшимся увольнением, хоть история и окончилась в мою пользу: люди типа Гусева¹⁹— Десятерика²⁰ могут пугаться иметь со мной дело. Для определения шайки Бровастого²¹ придумал замечательное имя: Иноземцев²²— Агентов²³.

— Москаленко²⁴ призвал меня к себе. Он очень стар и даже старчески дряхл, но подтянут и красив, обаятелен. Едва слышит, его адъютанты орут немисливо, меня он, кажется, даже не услышал. Вспомнилось, что о нём будет писать «Огонёк», он попросил Софронова²⁵ в авторы меня, тому бы согласиться, ибо из героев войны только он один в действии остался, ибо, он сказал, Чуйков, Баграмян и Ротмистров в госпиталях и совсем плохи; никто бы не посмел указывать Маршалу об авторе, но пока Толя,

¹⁹ Гусев Г.М. — директор издательства «Современник».

²⁰ Десятерик В.И — директор издательства «Молодая гвардия».

²¹ А.И. Брежнев.

²² Иноземцев Н.Н. — академик, директор ИМЭМО.

²³ «Агентов» — Александров А.М., помощник Брежнева.

²⁴ Москаленко К.С. — маршал, заместитель министра обороны СССР.

²⁵ Софронов А.В. — главный редактор журнала «Огонёк».

старый жулик, меня отклонил: надо, мол, человека его, Маршала, уровня, предложил Чаковского («я его не терплю», — сказал Маршал), Карпова («я смотрел его книгу о войне, она никуда не годится»), Стаднюка («он всё переврал»), а потом стали думать о Жилине («его в армии не любят») и о каком-то академике. Выходит, я должен написать для кого-то текст... Что ж, я сделаю, хоть и обидно. Пожаловался Высоцкому²⁶, тот даже огорчился, сказал, что поговорит с шефом («может быть, он устыдится», — сказал Серёжа; не думаю). За это я попросил у помощников подписать у Маршала предисловие и позвонить в Воениздат, обещали. Попутно Маршал рассказал, указывая на фото своё с орденами: у меня нет ни одного ордена за старость, все боевые; когда мне исполнилось 50, я предложил отправить в Корею МИГ-17 и 130-мм пушки-зенитки, Сталин сказал: «М[оскаленко] хороший генерал, но плохой дипломат», ничем не наградили, перед 60-летием я повздорил с Хрущёвым, а когда ему напомнили, он сказал: «Ну и х.. с ним, пусть пьянствует в одиночку». Похвалил Огаркова²⁷, сдержанно отозвался о Куликове²⁸.

— Заходил вдруг Залыгин²⁹, очень хвалил Крупина, будет писать о нём в «Л[итературной] г[азете]», о Кожинове отозвался сдержанно, но не бранил (его суждения на этот счет — самоуверенная серость). После славный Саша Карелин³⁰ сказал (у него очень гибкий и артистичный ум, не хватает немножко глубины и образования): он бы вместо разговоров дал бы вам 5000 и сказал — отдадите, когда сможете. Верно, эти кулаки и копейки не пожертвуют,

²⁶ Высоцкий С.А. — заместитель Софронова.

²⁷ Огарков Н.Н. — маршал СССР.

²⁸ Куликов В.Г. — маршал СССР.

²⁹ Залыгин С.П. — писатель.

³⁰ Карелин А.П. — заведующий редакцией издательства «Современник».

хотя и миллионеры, просили же за меня у Углова и Проскурина.

— Фост³¹: Германия всегда имела блестящую армию и проигрывала, когда воевала с нами. С Семилетней войны мы полтора века не воевали с немцами, и за это время обе страны превратились в могучие державы. Потом начали воевать и их разгромили, и нас обескровили.

— Бровман Григ[орий] Абр[амович]³² — мой сосед по столу: как-то с писательской группой был в Краснодаре, поехали в Тимашевскую, жили в гостинице, а там уборная во дворе, но есть запертые апартаменты, с уборной, ванной и задним ходом во двор — это для Медунова³³, им объяснили, когда он приезжает, к нему водят девушек, многие, ему рассказывали, даже обогатились. Мы с ним имели короткий, но напряжённый разговор. Я сказал: нужна чистка партии, если мы большевики, а не слякоть. Он: но было решение более не проводить чисток, а потом — каков же критерий? Я: честный и вор, а решение можно принять любое.

— Ципко³⁴ — один из самых замечательных умниц сегодня. Явно недооценён, надо бы его вытащить, да как? Он давал рекомендации по Польше в ЦК и ЧК. Говорил, что м[атерия]лы «Л[итературной] г[азеты]», а только она у нас писала что-то, явно провоцировали в П[ольше] антисоветизм, «голоса» потом неделями смаковали, он уверен, что это нарочно. Ярузельский — человек не наш, он ввёл в[оенное] полож[ение] под угрозой растущей в партии оппозиции, пытается подменить п[артию] военной дик-

татурой (об этом мне и Шейнис что-то неуверенно говорил — не получится у них это, я уверен). Во всех ключевых антисоветских органах — они. Ципко подавал записки: не ругайте «Солидарность», не отмежевываясь от воров (Герек и К^о), нет, наша печать выступала именно так, поэтому для польских работяг становилось очевидно — СССР за воров. (Вообще-то говоря, вор вору глаза не выключет...)

— Коло³⁵: на юбилей Рожи³⁶ пришло множество ругательных писем. Их, как положено, сдали в архив, а недавно Кащей затребовал их себе. Что это? Всё же думаю, что Кащей с Рожей повязаны намертво. Но вот в «Пр[авде]» 16 января объявили о снятии Кабалоева³⁷, впервые при Роже сказано: «за крупные недостатки». Что это, случайная спазма или дебют перед Медуновым? Но Медунов — это Рожа и его окружение.

— Наркирьер³⁸: он бывает в компаниях с Агентовым (вместе с женой Строевой, через неё, видимо), хвалил его, называл образованным и знающим языки. Он же рассказывал о Семёнове (замя Громыко): жену зовут Лика (младше его, блестяще одета), он собирает Кандинского и прочих, имеет обширную коллекцию такого рода, «реалистов» Герасимова и Серова беззлively бранил.

— Приезжал сюда Гена Гусев — какое жалкое ничтожество! Как обычно, напился, без умолку болтал, всем льстил и перед всеми заискивал, солидности никакой. Я пытался, уведя его к себе, поговорить о делах, он стал болтать, что говорил обо мне с Беляевым, что тот будто бы даже одобрял меня. Карелин считает, что врёт, ибо врёт всегда. Это, видимо, верно: он врёт от ничтожности.

³¹ Фост И.Д. — полковник, помощник Москаленко.

³² Бровман Г.А. находился в Переделкино вместе с Семановым.

³³ Медунов С.Ф. — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, был обвинён в коррупции, журнал «Человек и закон» при Семанове вёл против Медунова кампанию.

³⁴ Ципко А.С. — философ, публицист.

³⁵ Ганичев В.Н. — главный редактор «Роман-газеты».

³⁶ То есть Л.И. Брежнева.

³⁷ Кабалоев Б.Е. — первый секретарь Серверной Осетии.

³⁸ Наркирьер Ф.С. — писатель.

— Скорупа³⁹ прислал мне вёрстку. Статейка получилась, как водится, «с направлением», хотя книга — дрянь. Очень важно, если она появится. <...> Перечитал сейчас: очень сильно. Оценит ли кто-ниб[удь] и когда-ниб[удь], что мы даже в нашем осадном положении всё же их атакуем?!

— У Журавлёва⁴⁰ скандал: задержали книгу [Д.С.] Лихачёва, перепугавшись тайного постановления о борьбе с религией. (Приняли всё же, зря я вопрос задавал! Нашли, так сказать, главного врага сов[етской] власти. Характерно всё же, что вслух бояться говорить, и то слава Богу!). Он очень храбро сражается, снял копию разгромной и хамской рецензии Шамаро (солиднее не нашли, а это по рекомендации кого-то из отдела пропаганды ЦК), вовлёк в борьбу ещё многих, в том числе и самого старого масона. Теперь Викулов⁴¹ предложил перейти к нему зав[едующим] критикой.

— В Новый год Казакова дала по морде Исаеву, подошла к нему, кстати, с женой Евтуха⁴², тот тоже подскочил и завопил: За бляшку прячешься! — показывая на лауреатный значок. А затем написал на бедного Егора телегу в ЦК. Пусть, их никого не жалко.

— Внимательно прочёл книгу Селезнёва⁴³ — необычайно сильное впечатление, я даже не ожидал. 30 листов, а не оторвёшься, хоть и есть обычная Юрина самоупоённая болтливость. На каждой почти странице торчат гвозди, о которые не только Озеров⁴⁴ с Кулешовым, но и самый

средний марксист-филолог старой школы изранят свои бедные клешни. Постоянные (хоть и по мелочам) выпады в адрес Сиона. Эпиграфы и цитаты из Нового Завета, слово «Бог» всюду исключительно с прописной. Очень тепло изображены Катков и Победоносцев, даже портреты приведены (впервые за 60 лет!), а Щедрин и Тургенев очень плохо, поэт-демократ Курочкин просто гадок. Парижская коммуна бранится устами Страхова и Достоевского, а автор помалкивает. Народовольцы даются прямо отрицательно, а ведь есть хрестоматийное высказывание Бланка⁴⁵. Словом, и так далее. Строго говоря, всё это тянет на постановление ЦК и разгон издательства. Причём тема центральная, Пуанкаре всё же легче было замолчать. Тут их собственные Вильчики не выдержат, да и Кулешовым трудно стерпеть и Пете Николаеву⁴⁶, ведь у него хлеб изо рта вынимают! И тираж 150 000! И за границу книга пойдёт! Но, думаю, ничего не будет. Сионские наши старцы настолько одряхлели, что даже будущее внуков не могут обеспечить.

— Добавление про Римму⁴⁷ (любопытно, что 28 лет назад она была в гостях у меня на дне рождения, а мне было 20!); она к 50-летию просила зал Чайковского, а там, говорят, с 65-го, когда был юбилей Шолохова, более никто не выступал. Исаев ей отказал, тогда она его и стукнула. Марков их «мирил», а в знак «перемирия» ей... дали зал! Говорят, они ликуют.

— Подпольщик: Маркову выстроили дачу по казённым ценам, Литфонд заплатил 80 т[ысяч], ему оформили счёт на 8. Вот почему Марк[ова] и весь проворованный Литфонд при нынешних условиях никогда не тронут.

⁴⁵ То есть В.И. Ленина.

⁴⁶ Николаев П.А. — литературный критик, член-корреспондент АН.

⁴⁷ Римма Казакова.

³⁹ Скорупа В.К. — сотрудник журнала «Вопросы истории КПСС».

⁴⁰ Журавлёв С.И. — сотрудник издательства «Советская Россия».

⁴¹ Викулов С.В. — главный редактор журнала «Наш современник».

⁴² Упомянуты поэты Р.Ф. Казакова, Е.А. Исаев, Е.А. Евтушенко («Евтух»).

⁴³ Книга о Достоевском в серии ЖЗЛ.

⁴⁴ Озеров В.М. — главный редактор журнала «Вопросы литературы».

Львов⁴⁸: Катаев дал Наровчатovu⁴⁹ «Вертера»⁵⁰, мы все в р[ед]к[оллегии] проголосовали «за», чтобы эта вещь не ушла за границу, наметили на №3, цензура задержала, попросили дать предисловие для разъяснения, Катаев отказался, написал врезку сам Наровчатov, очень следили за экземплярами вёрстки, чтобы не попала на сторону, вышло в № 6, посыпались письма от ст[арых] б[ольшевиков], чекистов, читателей, полож[ительных] было только несколько, прочие все — бранные, из ЦК никаких претензий не было, потом по поводу писем в ЦК кого-то из них пригласил Долгов, попросил ответить вежливо и лучше устно, чтобы не было повторных, но хотя они и старались, повторные всё же были; А. Крон бранился, многие иные писатели, осн[овной] упрёк — антисемитизм, сам Катаев очень сердится, когда говорят ему, что он еврей, но дочь замужем за Вергелисом⁵¹. Катаев будто бы даже и не знает, что произошёл скандал; всё это, мол, было предпринято для борьбы с троцкизмом. Думаю, что Львов врёт немного, т.е. что разрешение печатать было получено им с самого-самого верху (думаю, Кашей), а в остальном этот дурачок и не знает ничего.

Пошутил тут с Наркирьером о масонах — раз, другой. Потом он и говорит: помните, как-то давно я в разговоре с вами назвал Ст[алина] «Йоськой», а вы попросили, что при вас, мол, не надо, так вот и я — не надо о масо-

нах. Всё это говорилось, естественно, в шутку (таков стиль наших бесед), но характерно.

— Жюрайтис⁵² очень интересный и умный человек. После истории с «Пиковой»⁵³ он потерял все гастролы за рубежом, отчасти и тут. Ходил к Демичеву и Барабашу, его они ласкали словами, но прямо говорили, что помочь ничем не могут. Кухарский — сионист. Образцова — высококлассная певица уровня Тибальди или Каллас, она всё понимает, особенно её муж, физик, но прямо говорит, что выступать против пока не будет, ибо оборвут карьеру.

— О попытке меня уволить слухи по Москве всё же пошли. Мне об этом говорил Семёнов⁵⁴ (из «М[олодой] г[вардии]»), а он не такой уж осведомлённый человек. Передавали про разговоры и другие.

— Стаднюк⁵⁵ сказал, что Цвигун⁵⁶ застрелился. Более чем возможно: очень неожиданная смерть, а сказано — «после долгой и продолжительной», хотя о его болезнях ничего не было слышно, наоборот — здоровенный бугай и не старый; <...> напиши «скоропостижно» — все догадаются. Характерно также, что нет подписей Рожи, Кашея и прочих, а ведь они появлялись под некрологами разных там актёришек, тут же — член ЦК и член бровастой мафии (в Молдавии с ним служил). Но в любом случае его смерть, как и снятие Кабалоева, — очень характерный фон к кончине Кашея.

⁴⁸ Львов М.Д. — поэт, член редколлегии журнала «Новый мир».

⁴⁹ Наровчатov С.С. — поэт, главный редактор журнала «Новый мир».

⁵⁰ Повесть В.П. Катаева «Уже написан Вертер», содержавшая откровенные описания еврейско-чекистского террора в Одессе в годы Гражданской войны, была опубликована в «Новом мире» и вызвала большой скандал.

⁵¹ Вергелис А.А. — поэт, писал на идиш, зять В. Катаева.

⁵² Жюрайтис А.М. — дирижер Большого театра.

⁵³ В 1978 г. Жюрайтис опубликовал в «Правде» письмо против постановки «Пиковой дамы» Ю.П. Любимовым в Париже, обвинив постановщика в искажении классики.

⁵⁴ Семёнов В.С. — критик, зав. редакцией журнала «Молодая гвардия».

⁵⁵ Стаднюк И.Ф. — писатель, секретарь правления Московского СП.

⁵⁶ Цвигун С.К. — первый заместитель председателя КГБ СССР.

Прочёл речь Ярузельского. Давно мне казалось, что в Польше сегодняшней, где противоборствующие силы мира столкнулись открыто и прямо, должно родиться новое слово. И оно родилось: отказ от марксо-бланкизма, даже фразеологического, примирение с Церковью, опора на национальные традиции, очищение от воровской скверны, прямая военно-политическая диктатура. Всё это очень интересно для нас и полезно. Наверняка многие об этом задумываются.

— Вышел №1 «Н[ашего] с[овременника]». Это похоже на «Н[овый] м[ир]» в лучшую его пору: весь журнал от первой до последней полосы безумно интересен, высоко профессионален и культурен, целенаправлен и един, как патроны в обойме. Каких успехов всё же добились мы за 15 лет! А они в идейном соревновании нам полностью проиграли, ибо противопоставить нечего, а бороться с нами открыто, как совсем недавно с Глазуновым, Солоухиным («Письма») и Чалмаевым⁵⁷ уже не могут: сегодня за цитату Ленина и Маркса не спрячешься, тем паче за Чернышевского, и о «русской отсталости» не заговоришь вслух. Вот 27-го вышла малюсенькая статейка Бориса Хотимского о Еленине в «Литературной газете». Хвалят, но ни слова возражений мне⁵⁸, хотя очевидная этика требует если не подробного спора, то отмежевания, пусть вскользь и анонимного. Им буквально нечего возразить вслух, а всякое привлечение внимания к спору, где они проигрывают, им невыгодно. Прочёл Солоухина, слёзы в глазах. Как сильно, но как трагично! Глава о Тенишевой зловеща: княгиня,

⁵⁷ Чалмаев В.А. — литературный критик «русофильского» направления.

⁵⁸ Имеется в виду роман Марка Еленына «Семь смертных грехов», отрицательную рецензию на который опубликовал ранее Семанов, в качестве одного из главных недостатков романа было названо карикатурно-негативное изображение Белого движения.

жена фабриканта заботилась о рабочих и крест[ьянских] детях, собирала русскую культуру, а вы, сволочи, вы всё это уничтожили!.. <...>

— Был на премьере Шатрова⁵⁹. Накануне (21, в годовщину смерти [Ленина]) были Гришин, Демичев, Кузнецов, Зимянин, Капитонов. Все говорят (Пименов и др.), что хотели заполучить Бровастого, но тот с 18 дек[абря] не появляется на людях. <...> В пьесе две политические идеи: 1) вводите нэп и немедленно, народ жаждет; 2) основная опасность в будущем — великорусский шовинизм. Сквозь всю пьесу чётко и прямо проводятся две оценки: 1) русский народ — бескультурное быдло, ни управлять собой, ни даже выразить свои желания, причём все русские — и крестьяне, и рабочие, и рядовые партийцы; 2) Ленин любил евреев: положительно поминаются врач Перстер (?), пианист Добровейн, врач Вайсброд, Свердлов, Мартов. Попутно мелкие шпильки: в списке «кристалльных б[ольшевиков]» называется очевидный троцкист Иоффе. Сталин всё же выглядит плохо, хоть и пришлось за это гневно Троцкого обличить, и довольно убедительно, кстати. Отчётливо помнано, что в последние годы Ленин был фактически в заключении и под строгим надзором. Важнейшая сцена с Хаммером, к[оторый] очень любит Россию и даже о рабочих заботится, а шатровский Л[енин] горой стоит за разрядку. Для либерализма Л[енин] очень любит романс К.Р. «Растворил я окно» (не слышал об этом). Делегаты Х с[ъезда] едут под Кр[онштадт] «добровольно», это не верно, послали всех военных, а петроградцы вообще не приехали. Надо признать, что спектакль удался, он держится на прекрасной (да, да) игре Калягина. Есть и тонкие намёки на Рожу: Л[енин] не устраивает

⁵⁹ Имеется в виду постановка во МХАТе пьесы М.Ф. Шатрова (Маршака) «Так победим!» о Ленине (Государственная премия 1983 г.).

своего юбилея и злиться. Ещё: Л[енин] не скромный дедушка, а кричит и командует. Успех спектакль иметь будет, хоть на премьеру было очень скромно.

— Что же ни говори всё же, а нам везёт. Вот в Польше наводится порядок без наших войск, а американское подставное пр[авительст]во вынуждено с нами рвать отношения: ведь не объяснишь же профсоюзам или военным, что Рожа и Кашей и прочие — это друзья Ротшильдам и Рокфеллерам, вот и приходится ломать комедию, а нам только это и нужно! Пришлось резко порвать с итальянскими «коммунистами» (странные там имена вождей — Берлингуэр, Рейхлин, Ингаро, Наполитано — чистейшие тосканцы, конечно!). Рожа не появляется больше месяца (37 дней на сегодня), явно что-то не в порядке. Уверен, что год этот спокойно не кончится, что-то произойдет. В итоге-то и неплохо получилось, пожалуй, что не сняли: мы боролись с разложением, а им же... Только бы дал Бог здоровья!.. Нельзя недооценивать также, что у них нет ни идей, с к[оторыми] можно было бы обратиться к народу, ни людей — ведь не Петров же, не Женя Сидоров, не Ал. Михайлов и Огнев.

— Итак, издох Кашей. Нет, везёт, везёт нам: не успел старый масон ни разложить нас полностью, ни подготовить очевидного преемника! Как живуч: 21-го хватил его Кондратий, а только через четыре дня издох — силён враг рода человеческого! Похороны будут 29-го, т.е. почти через полтора месяца после юбилея, Рожа лежит в холодильнике, значит — придётся извлекать и размораживать? А он? Странная, нехорошая комиссия: нет председателя, первым назван Гришин — допустим: Москва, но далее идут: Пельше, Черненко, Кириленко и т.д. Почему бедный АП последним? Ведь по рангу он 2-й после Кашей. Да, весёлое наступает время!! Они торопятся распродавать Россию: кабальное соглашение с ФРГ, потом с Францией, готовятся с Голландией и прочими. Да,

но столп Сиона рухнул! Как хорошо! На его место станет — это сегодня очевидно — дегенерат Черненко, он лучше тем, что неизмеримо тупее, кроме того — капризен и тщеславен, как все ничтожества и выскочки, это хорошо: начудит, набурит, пробудит страну от спячки, как Никитка-балбес. Везёт нам, ох как везёт! <...>

— Показывали первый день отпевания Кашей (28-го): появилась Рожа с 5-ю звёздами (новшество: он повесил их в 2 ряда), ровно 40 дней не показывали его по теле. Порядок построения такой: Рожа, Черненко, Тихонов, Кириленко. Потом подошли к семье, Рожа полез целоваться, остальные в основном рукопожимались, только Горбачёв целовался очень основательно (ну, ясно...).

— Похороны. Воистину, как жил, так и помер! Скучнейшие и бессодержательные слова по бумажке на панихиде — как и его «речи». Хоронили, не снимая шапок, даже близкие подошли целоваться, не снимая их, один лишь какой-то мужик с простоватым лицом догадался. Рожа засунул руки в карманы и так стоял у открытой могилы. Ветхий Пельше всё время простоял с поднятым воротником, что тоже крайне неприлично. Никто — даже близкие — не бросили ком земли в могилу. А когда показывали уже засыпанную могилу, уложенную венками, вдруг в кадре отчётливо возник бюст Сталина — строгого и молодежавого (он и умер моложе этого на 7 лет), он возвышался над могилой, и это отчётливо выглядело, как символ. Да, ещё: могильщики опускали гроб на широких лентах, а опустив — бросили их на гроб, а не вытащили — что такое?! Словом, серного запаха предовольно. Были и хуже знаки: когда открыли крышку гроба и обнажили тело по грудь, порыв ветра вдруг закрыл ему лицо: земля св. Сергия словно не захотела с ним прощаться. А когда понесли — военные, конечно, а не близкие, как положено, — гроб, то из гроба прямо в кадр торчали две обна-

женные ступни, ветер сдул полог, и не догадались поправить — брр... Фальшь была сразу: почему-то начало процессии показывали сразу до 4-х раз подряд с разными словами, все заметили, обратили внимание, стали недоуменно перешёптываться у телевизора. Зачем это? Рожа два раза, стоя на Мавзолее, отходил и садился на стульчик. Гришин шёл рядом и шептал ему, куда повернуться и проч. Никакой скорби не чувствовалось, никто не уронил слезинки, даже дочь и невестка только поднесли к глазам платочки. Ледяным жил, ледяные и похороны. Старцы на трибуне производили жуткое впечатление: живые трупы. Любопытно также: в центре стоял Гришин, слева от него Рожа, далее Тихонов, а справа Черненко, затем Кириленко — это в 1-м действии. Во 2-м, когда пошли войска, Черненко с Кириленко поменялись местами. У АП вид блаженный, Черненко мрачно надулен. Да, погиб столп, опора Сиона в России. С близкими целовался только Рожа, а из остальных Горбачёв, но было плохо видно.

— В «Молодой [гвардии]» уже потеряли Десятерика по поводу Достоевского, он шумел на Володина: почему «Бог» с большой буквы?! — а тому и сказать нечего. Если прихлопнут ЖЗЛ, нам всем будет плохо. Но всё же — вперёд, и горе сионизму!

— Ещё к похоронам: из руководства были только москвичи и почему-то Кунаев. В тот же день по «Времени» передали об участии в профсоюзных съездах Романова и Шеварнадзе. А где Щербицкий и прочие? Или Кунаев случайно, «проездом» оказался в Москве? На действиях самого высшего уровня так не бывает. В чём дело?! Неужели русофоба Кунаева поставят на место Кашея? Кем же тогда станет Сулейманов?.. И всё же в любом случае уверен: хуже нам не будет, пик их всевластия пройден. Ещё любопытно: демонстр[ативное] отсутствие иногородних членов ПБ говорит о том, что не только пленума, но и заседания ПБ

по поводу преемника Кашея не было. Выжидают и готовят.

— Носятся слухи по М[оскве], что Цвигуна убили. Подробности даже добавляют: лазерным лучом. Но в любом случае он был личным охранником Рожи и от ЮВ⁶⁰, говорят, не зависел и даже с ним фрондировал.

— Появление русофобской статьи Кулешова против Кожина и Селезнёва через 3 дня после похорон Кашея — явление особо примечательное: значит, нынешнее руководство идеологией твердо и целенаправленно продолжает его линию, ничуть не смущены и не обескуражены. Уверены в своих силах, значит.

— Прочёл статью Кузьмина⁶¹ в №1 «М[олодой] [гвардии]»: слабо и путано, ведёт к расколу, а не к объединению. Упрекает Гумилёва за отступление от «диал[ектического] и ист[орического] мат[ериализма]» — я уж и слов-то давно уже не слышал таких! Осмелился лягнуть св. Сергия — поразительное по нынешним временам хамство! Это как пукнуть в гостях, на всю жизнь все запомнят. Тупостью веет от К[узьмина] и ограниченность[ю], малой культурой: космическое излучение влияет на историю, ха-ха... — но очевидно же, что влияет! Много сторонников К[узьмин] не соберёт, но вред от раскола будет. Бранил бы жуткие учебники по истории — нет, боится! Я придумал название для их группы: «кулакомарксизм». Кстати, и объект обличения выбран К[узьминым] крайне неудачно: отца убили в подвалах ЧК, мать гоняли всю жизнь, самого Г[умилёва] ни за что ни про что сунули в лагерь, — а теперь обвиняют в нарушении диамата, т.е. предьявляют политический упрёк, после чего профессора сов[етского] ун[иверсите]та могут уволить. Неважно... Лисовой⁶²

⁶⁰ Ю.В. Андропов.

⁶¹ Кузьмин А.Г. — историк, профессор МГПИ.

⁶² Лисовой Н.Н. — историк.

согласился, что никакой русофобии у Гумилёва нет, бранил Кузьмина.

— Кулешов сам подошёл ко мне (мы лишь раскланивались, как соседи), сделал комплимент по поводу статьи об Еленине (хотя недавно ругал её Карелину), а потом спрашивает: а какого вы мнения о моей статье? Я сказал, что в его статье главными врагами — а он напечатался не в «Воплях», а в «Правде», — выглядят не воровство, не пьянство, не разложение сов. строя, не уезжающие понятно куда, а бедные Кожинов и Селезнёв. Он очень заволновался, стал длинно говорить, что он за точную науку, а они врут, что он рязанский мужик, а отец его, рабочий, погиб в 37-м, что для «них» Россия — средство лишь наживы, а он воевал... Я осторожно возразил, что Кожинов и Селезнёв бедные, а если он хочет обличить воров и невежд — вот, пожалуйста, Озеров. Он ещё более разгорячился, обозвал Озерова, потом опять стал бранить «руссистов»: вот Бор. Леонов, этот жулик, вот Юшин, просил меня помочь Юшиной, его жене, тоже вот пишет об Есенине... Я опять его прервал: если хотите быть объективным, побраните Кожинова — и Озерова, тогда все скажут: молодец Кулешов! Ещё сильнее разволновался, даже рассердился, видно было, что этот ход его очень раздражает: раз, что вы мне навязываете принудительный товар, а вот у них жёны еврейки. Я отмежевался с шуточкой, и с шуточкой же мы разговор прервали. Но как волнуется! А ведь я не стал бы спрашивать, скажем, что думает друг Марка Еленина о моей статейке. Потом Кулешов снова ко мне подошёл, опять завёл разговор на ту же тему, бранил их, упирал, что жена у него русская... но почему Кожинов искажает факты?! Я ему напомнил про Лобанова, когда он его ругал в «ЛГ», и, перемежая слова комплиментами, сказал, что Озеров и К° используют его как шабес-гоя, что многие так и воспринимают его статьи и будут говорить, что Кулешов еврей

или жена у него еврейка. Он опять стал страшно горячиться, бранил Храпченко, потом перешёл на Палиевского: он свою книжку, к[отору]ю все ваши так любят, издал четыре раза, а где же этика, работает зам. директора, чиновник, выступал на дискуссии «Классика и мы», а почему в печати не выступает, объясняет Храпченко за границей, где по-английски написано мэн, а где вумэн... Опять бранил Озерова и выдал: ни Озеров, ни Кожинов. Волнуется он очень.

— Итак, минувший 81-й был необычайно бурным. Какой же итог? Начнём с поражений. Снятие меня вызвало панику и малодушие, растерянность у межеумков. Это усугубилось арестом Иванова и слухами вокруг него. В той же линии — разгром «Н[ашего] с[овременника]» и раскол среди русских на кулаков и бедняков, отныне Исаевы и Бондаревы нам не союзники, а где взять других?.. Сионский разгул на теле достиг наибольшего предела, сл[едовательно], воспитание народа в разгульном духе усилилось; как побочное, стало больше беспорядка, воровства, разгильдяйства, лени, а в результате нехватки стали близкими к предельным. Теперь положительное. Польша весь год висела грозной опасностью, она разрешилась наилучшим образом: сами навели порядок, врагами названы масоны и сионизм, а также проворовавшаяся шайка, западные масоны вынуждены ломаться перед своим плембсом в защитников «демократии», поэтому «разрядка» опять заскрежетала. Несмотря на поражение, мы удержали свои основные центры и кадры, перебежчиков не обнаружилось (это говорит о крепости движения и силе глубинных источников, которые его питают). Вышло множество боевых, наступательных материалов очень серьёзного уровня и значения (публикации «Н[ашего] с[овременника]», «Ч[еловека] и з[акона]», «Москвы», книги ЖЗЛ, несколько публикаций о масонах) — в итоге широкое понима-

ние сионистско-масонской опасности за год резко возросло и расширилось, это необычайно важно. Появились первые предвестники будущей открытой борьбы: выступления и письма в СП и падение Казаковой — мелочный этот факт нельзя недооценивать, здесь зародыш. Мы получили неожиданно союзника в лице публикаций Борода⁶³, это вызвало большой отклик в среде естественно-научной интеллигенции, к умам которой наши работы имеют пока слабый доступ.

Ну а будущее? Смерть Кабалоева, Цвигуна и Кашея — это очень серьёзно и в нашу пользу. Они могут занервничать и перейти к резким мерам, опасаясь за судьбу зятьёв и внуков. Статья Кулешова — тому подтверждение. Он мне сказал, кстати, что ругаемая им статья Селезнёва — из «Сов. Рос.» (удар по Ненашеву-Ларионову), что сам Михвас [Зимьянин Михаил Васильевич] его статью правил. В любом случае, 82-й год спокойно не кончится.

— Басиев⁶⁴: два ингуша убили осетина-таксиста, гроб принесли к обкому, вызвали Кабалоева, он говорил грубо, мать вырвала у него микрофон, стала бранить его. Вызвали курсантов погранучилища (там большинство русские), началась драка, выбили стёкла, милиция и МВД стреляли в воздух, потом пришли танки из Грозного, Ростова и Тбилиси, оцепили обком, наезжали на толпу, в них кидали бутылки с бензином. Это было в окт[ябре]-нояб[ре] (?). Приезжала потом комиссия в 100 человек, но лишь в январе. К[абалоева] сняли.

— В №2 «К[оммунис]та» жуткий подбор писем по «Камешкам» Солоухина (опять-таки «наш»). Начинается с Руткевича(?), снятого лет 10 назад из ИКСИ за густой сионизм, теперь

он обличает Солоухина, что Бога нет. А потом какой-то тип из нашего пединститута недоумеваает, почему С[олоухин] одобряет телепатию, т.е. мракобесие, оставаясь членом КПСС, и куда смотрит его парторганизация и парторганизация «Нашего»... Такого не было с 50-х годов! Осетров сказал, что письмо Руткевича попало в «К-т», оттуда в ЦК, а из ЦК поручили напечатать «Воплям», они и набрали в №3, а теперь вот будут снимать. Страшно. Значит, резко и неожиданно, даже не предупредив, перепасовали в «К-т», набрано это в самом конце номера, значит, можно подклеить даже после подписания в печать. Интересно, до или после смерти Кашея это сделано? Есть версия, что он всё же чего-то сдерживал, ибо имел стратегич[ескую] цель и не торопился. Помощники, к[оторы]е теперь командуют идеологией, авантюристы, поэтому торопятся, а кроме того — нервничают, ибо боятся (воровство, очевидное предательство и проч.). Но перебор явный: если это рассчитано, чтобы вызвать партсудилище над Солоухиным, то не пройдёт, даже на уровне нашего бюро, даже парткома — всегда найдутся защитники, а главное, скажут: позвольте, да, но вот Кешоков, Сартаков, Верченко... Скорее всего, нагнетают атмосферу, чтобы запугать редакторов и издателей. Но ведь трусливые давно уже запуганы, а боевые знают, что то укусы змей неядовитых... больно, но не смертельно.

— Этюд о свободе слова на Западе. «Тегеран» делали специально под Каннский и прочие фестивали, даже Алена Делона пригласили, чей съёмочный день стоит миллион. А консультант в титрах — из ЦК, причём не кто-нибудь, а зам., в списке ЦК значится. Не знать этого людям, разбирающимся в наших делах, невозможно, слишком уж очевидно. Так почему не подняли шум: как, кровавое КГБ готовило этот фильм, все честные художники и зрители должны... клеймим позором...

⁶³ Бородай Ю.М. — философ, имеется в виду его статья в журнале «Природа», популяризовавшая теорию этнической антисистемы А.Н. Гумилёва.

⁶⁴ Басиев М.М. — осетинский писатель.

бойкот... Но ни звука! Значит, понимающие люди понимают: консультант хороший человек, наш. Страшновато, но ведь так.

— Где-то около 1 фев[раля] арестован Борис Буряце, третьестепенный певец из Большого, цыган, много лет связан с Галей [Брежневой], не столько вроде бы роман даже, а больше общие дела. Он ходил в норковой шубе, имел два «Мерседеса», бриллианты, антиквариат, жил один в двухкомнатной. И вот устроили дома обыск с понятными и увели. Весь театр и многие другие полагают, что тем выгораживают Галю. Чушь. Если же уже решили спасти ее <...> такими жёсткими мерами, то надо было ограбить квартиру, а его... по голове... Нет, я убеждён, что это дело явно под Галю, ибо Буряце и его связи с ней известны всей Москве.

— Удивительная статья Рекункова⁶⁵ в «Литре» от 5 фев[раля]: там одобряется Ардаматский, Тендряков, Амлинский, Кларов, Безуглов — только последний просто плут, остальные все там. А в противовес им одна лишь книга — «Мол[одая] гв[ардия]», Эминов, где моё предисловие (я, правда, не назван). Явно, в одну сторону — издательство, редакция, автор предисловия. Немыслимый ляп, чтобы в российской газете бранить писателя из др. союзной республики! Это готовил Дёмин и К°, но сам-то он: по глупости подписал или сознательно? Боюсь, что последнее, ибо его поддержка вора из Сев. Осетии была очень уж явной. И еще в апреле он отмежевался от Сочи. Неужели?

— В Москве арестован недавно некий Тареда, недавний секретарь Краснодарского крайкома по адм. отделу, он был переведён в Москву, в какое-то министерство. Ещё в конце прошлого года арестовали зам. Минторга РСФСР, к[оторый] связан с Сочи (об этом всё мне Цеков докладывает).

⁶⁵ Рекунков А.М. — генеральный прокурор СССР.

Михвас в январе ездил в Краснодар и вместе с Медуновым там катался, как депутат (об этом местная печать широко оповещала). Цепов: ему ещё в прошлом году Слободянюк дал прямо понять, что Михвас остановил дело по сочинской газете, ибо Медунов будет выступать на съезде... Нет, Михвас не только ничтожество, он хуже. Был послом во Вьетнаме и Чехословакии, везде, говорят, оставил очень плохое наследство, «Правда» и секретарство его — ясно, в чью пользу. К тому же жена будто бы не без... Впрочем, неважно, главное — все они давно завербованы.

— «Мос[ковская] правда» сообщила 15 января о мерах по улучшению работы транспорта. Оказалось: Главмосдоруправление — Лившиц, Мос. ж/д — Паристый, Главмосавтотранс — Гоберман, Главмосгортранс — Лысековский. В городе — жуть. Ходить невозможно — лёд, люди падают, ломают кости. Машины буксуют, типичное зимнее зрелище — прохожие выталкивают машины. Грязь, запустение.

— Статья в «К[оммунист]те» — явный перебор. У блатных правило — вытащил нож — значит, ударь, иначе ты порчак, а не «человек». А тут угрожают партийным делом, но разве можно обсуждать Солоуху в СП? Да если будут только одни они — никто не осмелится, ибо тут же кто-то поднимется и спросит: да, но вот Литгазета... Вопли... Страшно. Все ихние будут саботировать. Значит... Замах без удара, а это позор. Ещё: номер подписан 25 января, но возможен (и вероятен) досыл; думаю, что после смерти Кащеев мощники пришли в беспокойство и нервозность, начали спешить и поэтому перебирать. Осетров: вынули Руткевича из №3. Нет, и Кулешов, и «К-т», и осуждение Кожина и др. в «ЛГ» — это не страшно: яд в зубах высох!

— Слухи о моём «увольнении» необычайно широко гуляют по Москве. Это очень хорошо: получается счастливый конец в страшной сказке.

Как приятно, когда противник делает ошибки. <...>

— Отдал я Викулову рецензию на книгу о 1918-м, кот[орую] отвергла «М[олода]я г[вардия]», потом, естественно, «Звезда», прямо просил его напечатать: это спокойный материал (нет, отчасти... но уж во всяком случае не скандальный, это уж точно). И он мне вернул: мы сейчас не можем подставляться... надо переждать... Ясно: уже потерял стыд, и только кулацкая самосохранность.

— А всё же — наступаем мы! Книга Боровикова⁶⁶ — нет слов, и уже о ней идёт говорок в Москве. Где-то её облают, не выдержат, а где-то, в «наших» изданиях, похвалят, значит, будет шумок и общественное внимание. В №№ «Сов. война» вышла статья Пигалёва с цитацией «Правды» (говорят, только там и прошла) о сионизме и масонстве в «Солидарности» (уже пришло письмо в ЦК, автор коего обнажает странные подробности: дескать, в 1945-м ФКП сообщила в Ложу Вел. Восток Фр[анции], что решения 22-го года отменяются, и что на открытом заседании Ложы в Париже, осуждавшем П-2, присутствовали Сабов и Поволяев). В № 2 «М[олодой] г[вардии]» статейка о масонстве, написанная... двумя студентами из семинара Аполлона⁶⁷. Сам по себе этот факт поразителен именно авторством: студенты публикуют статьи о масонах миллионным тиражом!! <...>

— Открыли памятник Суворову, отдали бездарному полтиннику Комову, он испохабил Рублёва и Дм. Донского уже. Это их принцип: лучше не ставить, но если уж приходится, то делать самые пошлые и слабые, чтобы показывать пальцем. На открытии были Гришин и Устинов — вялые, усталые, полусонные старцы.

— Да, ещё вышла статья Кожинова о «Дне поэзии» 1981, а он отлично

оформлен и тираж впервые достиг 100 000. Вадим ласково даже растрепал Тарковского и Мориц, причём без брани, а даже с сочувствием: хорошие мол, намерения, но таланта нет... Это для них самое убийственное, ибо их же апологетам перекрывает дорогу. Скажем, как теперь хвалить Светлова или Сельвинского, особенно первого, к[оторо]го перестрочили оглушительной рекламой? Трудно всерьёз писать и о Симонове, невозможно о Полевом и Фадееве и т.п. Нет, им плохо сегодня в России! А общее убеждение — про свет открывается.

ФФ нарочно заболел, ибо ему поручено покарать Солоухина, а так же В. Лазарева⁶⁸: тот на вечере в Политехническом похвалил Кожинова, а там же Куприянов задел Казакову. Ещё в Культуре злятся на Прокушева⁶⁹, к[оторы]й упомянул про Ахмадулину, хвалившую Сахарова — покровители сионистов из ЦК ужасно не любят, когда подобное выходит на суд людской в печати. Пастухов собирался дать премию Комсомола младшему Озерову, но не решился, ибо в тот же год папаша получил другую премию — тогда, мол, и дали «освободившуюся» премию ФФ. Попцов целиком стоит на сионских позициях. Наиболее вероятным преемником Маркова является Алексеев⁷⁰, его вызывали в горком по поводу критики городского хоз[яйст]ва Москвы (отсюда и публикация в «Мосправде»), он легко покаялся, это у него просто, причём вызывали его всего лишь к зав. пропагандой. Кобенко ушёл к Пенкину, здесь стал подворовывать, в сейфе лежали крупные пачки денег, приторговывал квартирами, путёвками и проч. Кулешов полтинник по матери, это точно. Все говорят, что посты Кащя разделят — это очень вероятно.

— Издох Грушевой — ровесник и

⁶⁸ Лазарев В.Я. — поэт.

⁶⁹ Прокушев Ю.А. — литературовед.

⁷⁰ Алексеев М.Н. — писатель, главный редактор журнала «Москва».

⁶⁶ Боровиков С.Г. — литературный критик.

⁶⁷ Т.е. А.Г. Кузьмина.

приятель Рожи с молодых лет. С 65-го комиссар Моск. округа, блокировал со стороны армии, стало быть, охрану Барвихи. А ведь нескольких командующих пережил, Малиновского и Гречко. Я помню, как в 80-м меня глупо забирали на сборы, и Середин — прямой начальник Грушевого — не решился обратиться к нему по такому щекотливому делу: помощники его мне прямо дали понять, что персонаж из «Воспоминаний» вне воздействия. Говорят, что на похоронах Бровастый рыдал, как дитя. Понять его скорбь можно... Да, вываливаются колья из его частоты: Цвигун, Грушевой... Кто следующий? И любопытно ведь, что его смерть вызовет общую и открытую радость. Его бессмысленная харя, звёзды и портреты, а также явный развал всем раздражающе надоели. А это значит также, что крайне непопулярна вся его политика, и прямых наследников у него быть не может.

— Колобков: арестован член коллегии у Нилыча⁷¹, нач[альник] управления цирков Колеватов, его после ареста отпустили под расписку, заболел; при обыске нашли 3 млн. наличными, прорву шмотья; открыто брал взятки. Взяло его МВД, точнее, Петровка. Характернейший признак разложения! Ещё болтают, что тут сыграло роль какое-то столкновение его с первым мужем Гали Миловым.

— На теоретич[еском] семинаре в ИМЛИ Бялик побранил Кожина, Вадим тут же вылез и произнёс разнужданную речь: у нас мало говорят о созидательном, вот построили дальневосточную дорогу за 10 лет, а мы даже не знаем имена строителей, вот выходит серия «Пламенные [революционеры]», многие авторы уже уехали, ясно почему — у них тут не получается новая революция, но я готов жизнь положить за то, чтобы у нас больше не было революций, у нас вообще знают имена

разного рода бомбистов и взрывателей, но созидателей знаем плохо, ну и прочее. Поднялся Борщук и обозвал Кожина чуть ли не контрреволюционером. Скандал очень характерен, это прообраз близкого будущего.

— Аполлон сошёл с ума: я не хотел вообще говорить с ним о его статейке, но в разговоре проговорился и очень осторожно, даже ласкательно высказал ему кое-какие возражения. Куда там! — Кожин, Гумилёв и Бородай — это сионистская агентура, Ахматова еврейка, я выступаю всю жизнь с позиции патриотизма и диамата. — На моё осторожное возражение, что под знамя диамата он соберёт мало народу, он даже голос повысил, возражая. И вообще махал рукой, говорил о классовый борьбе и непримиримости... дурак. Он и в самом деле не вполне нормален (жуткий атеист к тому же!), сошёл с ума от себялюбия и величия, хотя почему такая гордыня у скромного преподавателя педвуза?! Впрочем, это вопрос риторический, сегодня все великие. И всё же студентов он воспитывает хорошо и с Сионом борется, пусть его, а вреда большого от его борьбы с бедным Гумилёвым я не вижу.

— В №3 «Москвы» цензура без потерь пропустила мою статью о «Т[ихом] Д[оне]». Думаю, что шумок вокруг неё будет.

— Из №13 альманаха выбросил мерзкую статейку Нагибина о выставке «Москва—Париж». Возможно, будут препятствия в издательстве, но я не отступаю.

— Замечательную книгу написал Боровиков. Какие растут у нас люди, ведь ему едва ли 35. Да, им сейчас противопоставить нечего.

— В «ЛГ» статейка Агангебяна о поставке газа во Фр[анцию]: в Сибири добыли в прошлом году 155 млрд., а туда будут отправлять ежегодно 40. Ужас! Предатели торопятся повязать нам все суставы, намертво прикрепить нас к сионской плахе. Неужели успеют?!

⁷¹ Т.е. П.Н. Демичев — министр культуры СССР.

— Сынок Михваса⁷²: Галя не является на работе, даже 23 февраля не пришла, а в праздничные дни она обычно ходит; нек[оторые] сынки стали продавать «Мерседесы», он сказал, что Девятка предусмотрела продажу через комиссионку и анонимно, так что возвращаются только полученные деньги и спекуляция невозможна; у ЦК стало два первых зама — Чебриков и Цинев, чего не было никогда, «Родственник» (так он называет папашу) ездил в Краснодар, но от всех подарков отказался, даже от чемоданчика с вином на дорогу (Цекв говорил мне обратное); дочь Гришина — чистая Хайка, жена Александрова — тоже.

— Карл⁷³ настаивал опять, что ему показывали рассказы мои, Скурлатова, Кольченко и Ш. — я твёрдо сказал ему, что это липа в его адрес или в адрес его клиента, пытался доказать это, поколебал его. Он дал очень интересную наводку на «Океан», и всё мне стало ясно; оказывается, дело не в воровстве икры, это прикрытие (можно ведь перепродавать мебель, колготки, хрусталь, что угодно), главное — рыболовные суда в загранке, это же плавучие заводы, к[оторы]е работают там по полгода и больше, у капитана огромная валюта, он может (а порой по служебным интересам и должен) оставлять её в зарубежных банках), так возникает множество анонимных счетов, единицы из коих — те самые, где московские вельможи беспрепятственно обеспечивают будущее своим зятям и внукам. Карл намекал, что Писатель⁷⁴ скончался в связи с тем, что усы этого дела где-то высунулись, и спрятать их оказалось невозможно. Он обратил внимание, что в тезисах о 60-летию опять упомянут, как в отчетном, антисемитизм. Он намекнул,

⁷² Зимянин В.М. — сотрудник МИД, сын секретаря ЦК.

⁷³ Евсеев Е.С. — публицист, критик сионизма.

⁷⁴ С.К. Цвигун.

что ЧК имеет отношение к попытке убрать меня из альманаха (не думаю, но он очень возражал на мой обычный тезис, что ЧК вроде ДОСААФ). Он сказал, что Черненко станет на место Кашея, что Пономарёву не подниматься, ибо подбит обсуждением тома про XIX с[ъезд], когда Бровастый страшно рассердился: он гордится этим и коронацией его Сталиным. В Польше плохо, есть попытки отстранения партии от власти. Я подарил ему книгу про эсперанто, изданную тиражом в 5000 на ротапринте (что неслыханно) с ценой 60 коп., он клялся, что это чисто их дело, ибо эсперанто начиналось как объединяющий их язык, а потом уже, когда они восстановили иврит, предназначили тот для гоев. <...>.

— Муж Марии Шолоховой: осенью к Деду⁷⁵ приехали молодые люди (не тамошние) и говорили с М.В. Кольшиным: к вам собирается приехать Семанов, принимать его не желательно. Тот ответил, что нам-де таких сведений не поступало. Ну, дело ясное: они узнали о предполагаемой поездке из моих телефонных разговоров, решили подстраховаться (а вдруг я пожалуюсь?) и по своей линии предупредили своего человека. До чего же меня обложили? Сколько же людей занято мною? И это тогда, когда и т.д. Тьфу!..

— Аполлон ошалел от собств[енной] гениальности, не говорит, а вещает, вокруг чела нимб, хоть он и атеист. Говорю: а чего же ты Петра Великого бранишь? — А масонов я всегда буду бранить... Псих, право же. Он устроил шумное обсуждение статьи в «Молодой гвардии» о масонах, сбежалась толпа студентов, а там — двое с Белорусской площади... Я намекнул парт-оргу остановить его.

— О «Борисе-цыгане» сообщили по «Голосу» — это первый случай, когда капают грязью на еврейско-бровастую шайку, вряд ли это случайно. Кстати, Маленький Михвас сказал, что по-

⁷⁵ Т.е. к М.А. Шолохову.

следний год в связи с концом разрядки Галю не выпускают (а как же ей омоложаться? — я спросил; — а сюда привезут...); он слышал о Буряце и добавил, что тот не только с Галей жил, но и с её 30-летней дочерью, к[отора]я, естественно б. А по «Голосу» упомянули Галю...

— ФФ: Беляев стал ему нахваливать книгу Селезнёва, тот: но вот «Бог» с большой буквы... ФФ полагает, что вольно или невольно, но Юра того... Кстати, он безбожно интригует и врёт, врёт, невинно моргая своими голубыми глазами. <...>

— А всё же явный перебор — путешествие верхушки П[олит]б[юро] с Бровастым на пьесу Маршака [Шатрова]: во-п[ервых], очень уж сомнителен автор, а во-в[торых] — давно такого не было (если было вообще, не помню; сопровождали приезжих лиц в Большой, но это другое дело). Да, можно проследить линию: публикация в «К[оммунист]е», Маршак — это нервозность и самоуверенность помощников, лишившихся старческой осторожности Кащеев.

— Цеков: в Сочи арестован Мерзлый. На президиуме ВЦПС обнаружилось воровство Шибаева, о чём говорилось вслух, в том числе о личной корове и т.п. Но 67-летнего ворюгу даже не отправили на пенсию, он стал замом какого-то технического министра (чуть ли не авиапрома), оставили ему дачу и всё прочее. Поразительно всё же! С точки зрения чувства собственного и родового сохранения это невозможно понять: ведь по воровским счетам придётся платить, значит, пощипают и опозорят потомков, надо им, казалось бы, отсекают и публично отмежевываются от особо наглых и ставших не нужными воров — так нет же, не могут, хоть и Польша у всех перед глазами! Волей-неволей приходишь к выводу, что этих престарелых полулюдей сознательно гонят к пропасти, чтобы свалить в неё всю Россию. Неужели нам предстоит жутковатый

выбор между 1917 и 1937-м?! А ведь к тому идёт: пугачёвщина снизу или широченная чистка с полной заменой не только уже многих, но и средних начальников?!. <...>

— Говорили в Росиздате, что: арестован начальник Шереметьевского аэропорта — связан с делом о вывозе бриллиантов, о к[оторо]м писала «Моссправда». Там же говорили, что на совещание в Краснодаре балбес Звягин привёз мои заключения об их книгах, поскольку отзыв был «от имени», то это произвело на бедных крайкомовских издателей большое впечатление. Всё же это интересно: я снят с постов, стал частным лицом, а пишут по моей указке, а затем принимают даже кое-какие меры. Забодал две книги злобного Вольфа Долгого в Калининградском издательстве.

— Оказывается, Сергей Филиппович Бобков — член СП, поэт, а продвигал его и покровительствовал К. Симонов; очень похож, жена — явное то самое. А теперь пока стал на место Чебрикова. Неважные наши дела. <...>

— Обсуждали на парткоме СП секцию «революционеров» Гуро (старухе под 80, но ещё действует). Собрались авторы «пламенных» — жуткие идиоты, жидовский плебс. Меня Петелин⁷⁶ просил выступить, я продумал, выступил хорошо. Сказал, что надо продумать понятие о «революционере», ведь не только человек с бомбой и револьвером, но и создатель-преобразователь вот, скажем, Вознесенский или Королёв; затем стал говорить о захваливании книг на эту тему, мягко вставил шпильки Гуро и Бровману, а потом всё же сказал, что одно время в «пламенных» был очень странный подбор авторов, тут Кочетков спросил: это те, кто уехали? (он хотел меня приостановить, ещё до начала заседания советовал об этом не говорить, но получилось ещё лучше — шеф парткома сам, так ска-

⁷⁶ Петелин В.В. — филолог, литературный критик.

зять, обратил внимание). Это вызвало нек[оторо]е смущение присутствующих. Там же был Новохатко — российский балбес, бескультурный, но морда выражает некий нор. Он тоже выступил после меня, но не решился отмежеваться. Ю. Давыдов⁷⁷ капал на ЖЗЛ, но в моём присутствии не решился назвать их вслух; потом он мне говорил, что совершенно согласен с моей статьёй о Еленине.

— Когда мне сказали про появление реплики в «Неве», я очень разволновался: думал, будет ссылка на Секретариат и «аморальность», а потом — набор ссылок, начиная с Хаита и далее, вывод следовал бы логичный: всегда-то он... Но злоба застит им головы, в итоге я был объявлен пособником Деникина и Врангеля, а также современных советологов, мне противопоставлялся Герой Соцтруда Минц. В таком наборе сноски на Симонова опять-таки бьёт мимо, ибо линия Еленин-Минц-Симонов уж очень явная. Явный промах противника, значит, нам в пользу. И вот любопытно: обыкновенно такие материалы мгновенно делаются известными, а тут всё же популярный журнал, большой тираж, да и сюжет скандальный, но вот — никакого отклика, никто не знает. Это характерно.

— Сбитнев⁷⁸ подтвердил, что на Секретариате никто меня не ругал, а он даже хвалил, советовал пожаловаться. А я всё никак не могу решить... Рано? Нет?

— В. Лазарев на вечере поэзии погромил Римму Казакову, его вызвали на московский секретариат и пытались увещевать, он шумел и наступал. Молодец Володя! За это мы печатаем его статью и статью его жены.

— Постоянно появляются слухи о снятии Медунова. Это само по себе весьма примечательно. Опять-таки говорят, и довольно настойчиво, что

Боря-цыган того... подох. Очень возможно и даже закономерно.

— Рожу награждают каждый день и показывают пышные церемонии, к[оторы]е вызывают омерзение у всех. Все же наши нынешние правители — это шайка местечковых лавочников, не выше. Интересно, они хоть думают о завтрашнем дне, о зятях и внуках, наконец?

— На днях мои студентки показали мне изящно переплетённую книжицу. Смотрю, там самодельный титул: Статьи в журнале «Ч[еловек] и з[акон]», опубликованные при С.Н. Семанове. Гм... Да, любопытно, что только сейчас, кажется, журнал с пятиллионным тиражом поймал своего читателя. Мне говорили, что многие сейчас скупают номера в букинистических. Тираж «ЧиЗ» упал на 1 000 000. Ясно, что это связано с повышением цен и общими причинами. Но для меня очень выгодно. <...>

— Шучу тут: раньше в анкетах был вопрос о службе в белых армиях, так вот мне теперь придётся написать: пособник Деникина и Врангеля... <...>

— Осн[овной] вопрос сегодня — кого введут в П[олит]б[юро] на пустое место (Кириленко уже полутруп, его снимут), и кто станет, следовательно, вести идеологию. Сегодня это вопрос вопросов. шансов у Черненко, его любит Рожка, но против него клан помощников и все ихние кадры тоже. У Ч[ерненко] плохие отношения с Андроповым. Могут всунуть в ПБ Зимянина, тогда ясно, что идеология останется у них. В любом раскладе Ч. — лучше, ибо не связан с кашеевой мафией, помощники и советники — из русских, у него нет вокруг людей в главнейших идеологических подразделениях — он будет пихать туда своих, а значит, и расталкивать нынешних, кашеевых. Сейчас организуется большое давление, будто главная опасность — великор[усский] шовинизм, но отнюдь не сионизм. Чебриков — из тех, у Бобкова — супруга, Абрамов (его зам., те-

⁷⁷ Давыдов Ю.В. — писатель.

⁷⁸ Сбитнев Ю.Н. — секретарь СП РСФСР.

перь его сменил) — полтинник, зато в Москве — все всё понимают и ругают их. То же в МК, где отдел культуры бранит команду Алика. Шауро уходит, наиглавнейший претендент — Барабаш, он лучше других в нынешнем раскладе. Алексеев сохраняет лучшие возможности на пост 1-го [в] СП, Озеров был близок к Кашею, а потому будущее стало ещё сомнительнее. Обсуждение «Драчунов»⁷⁹ прошло победно и в широком составе участников, это важно; Михвас публично хвалил книгу. Шибаетев был из одной деревни с Кашеем. Полагает, что надо воздержаться до Пленума, где произойдёт принятие продовольственной программы, а также решится вопрос об идеологии — это будет в мае, не позже июня (в апреле, кажется, не успеют): они шумят о правой опасности, публичные выступления дадут им желанное подтверждение; а потом, мол, посмотрим. <...>

Далее в записях пропуск с 26 марта по 3 мая 1982 г.

26-го С[еманов С.Н.] был увезён на допрос в Лефортово, на следующий день допрос продолжился там же, угрожали обыском и возможным арестом. В тех условиях записи прекращены.

Далее следует краткая запись допросов в Лефортово.

— 40 дней (26–3)⁸⁰. Р. (Г.Попов): получено указание вести борьбу по всем правилам, т.е. проникать, различать и пресекать; он, возможно, и поручение получил, но не думаю, я сказал ему о беседах, он одобрил, как профессионал. Вряд ли можно толковать приглашение как формально-юридич[еское] завершение дела — скорее всего, это подготовка к иному делу, более широ-

⁷⁹ Роман М.Н. Алексеева, где впервые в советской литературе был изображён голод 1933 г.

⁸⁰ 26 марта С[еманова] вызывали в Лефортово, запись сделана 3 мая.

кому. <...> Характер вопросов: через Т.⁸¹ к инопланетянам, следовательно... Законным порядком это доказать будет очень сложно, но ведь и оттуда могут помочь и подбросить. Всё будет, конечно, зависеть от расклада в связи с состоянием здоровья. В Страстную субботу вся Москва говорила, что всё. Говорят также, что еле-еле, но на трибуне в праздник пробыл все полтора часа, хотя сидел стоя. Появился после нового года впервые на людях и АП⁸². Пленум должен был состояться в марте, отложили на апрель, теперь уже май на дворе.

— Реплики⁸³: «— Но ведь АМ⁸⁴ такой правдивый человек... — Если он такой хороший, так держите его на доске почёта, а не в тюрьме». «— А почему к вам заходил Осипов⁸⁵, если вы не знакомы? — Вы Райкина знаете? — Да. — Ну вот, а вас он не знает; что делать, я человек известный». «— Что это, как только возникает острый вопрос, вы не помните? — Закон не запрещает иметь плохую память. — Но есть совесть... — Вот я получил тут сертификаты и пошёл в “Берёзку”, мерзкое место, но не я её придумал; так вот, у входа стоят люди разных национальностей и открыто скупают чеки по двойной цене, а ведь партия, кажется, именно КГБ поручила бороться с валютными операциями? А тут занимаются бедным одиночкой, несчастным больным человеком, странное это дело, странное». (Так несколько раз повторялось). «Я: А зачем была такая спешка: две молнии утром послали, почему не по телефону или повесткой? — Но ведь следствие заканчивается, мы спешили...» «У меня в сейфе лежит подписанный прокурором ордер на обыск у вас, могу

⁸¹ В.Н. Ганичев.

⁸² Кириленко Андрей Павлович.

⁸³ Из допроса майором А.Г. Голубинским.

⁸⁴ А.М. Иванов.

⁸⁵ Осипов В.Н. — деятель русского национального движения, издатель самиздатского журнала «Вече».

показать. — Я вам верю, но охотно бы посмотрел». (Не показал и ничего не ответил.) «Нам придется устраивать очную ставку, подследственный будет вас уличать, это так неудобно, ведь запишем на видеомagneтофон. — Я (разводя руками): Закон не запрещает...» <...>

— Алиев ездил в Мексику с Александровым. Странное сопровождение! Всесильный Агентов — и вдруг в свите провинциального кандидата! Значит, его прощупывали. Слухи о его грядущем назначении в Москву очень основательны. Вариант: Андропов на место Кашея, а на его — Алиев, тому же и поручат борьбу с «великорусским шовинизмом», очень охотно и с восточной жестокостью это он сделает. Говорят, что Черненко не проходит, против него объединились Андропов и Устинов, а у того ничего нет, кроме любви Бровастого. Сценарий их вырисовывается: провокационные выходы мальчишек в Москве 20 апреля подверстают к нам, спят дело о неонацизме и шовинизме, а это в канун дурацкого юбилея. То же планировалось и 10 лет назад, но сорвалось, да и движение тогда было уже и слабее, теперь же они острее чувствуют опасность. <...>

— Опять показывали Медунова (рожа у него жуткая, Бог шельму метит!), награждал Туапсе Кириленко, к[оторо]го не видели более полугода, с осени. Оживили, стало быть, обалдуя, значит, глупый русский слон им там нужен. Его опять-таки повязывают с вором Медуновым, как и Устинова. Но Черненко поехал — я ведь помню слова Удальцова⁸⁶, что Чак согласовывал сочинскую статью с Черненко. <...>

— Как-то в середине апреля мы с Ганичевым вышли из его дома и обнаружили явную слежку. Неужели это всё-таки так? Поразительно. Однако мужик средних лет, неприметный, с

большим портфелем шёл за нами от дома, а заметив, что мы заметили, прошёл мимо, потоптался около касс кинотеатра и пошагал обратно. Странно. Если уж человек идёт с намерением купить билет, то он его покупает, а не поворачивает обратно прогулочным шагом.

— В Польше опять резкое обострение. Это плохо во всех смыслах: значит, там опять начнётся заваруха, а главное — опять возникнет желание повязать нас на «Солидарность» (т.е. антимарксизм и национализм) и церковь.

— Вдруг в «Моск. комсомольце» вышла хвалебнейшая статья на селезнёвского Достоевского. Странно. Воп[ервых], это не просто новая и еврейская газета, это масонская ложа, где готовятся молодые кадры на выдвижение. Во-в[торых], авторша — собкор редакции по иск[усст]ву, т.е. свой человек, имеет ребёнка от мутного сионяги «Устинова», детского драматурга. Т. и Х.⁸⁷ дружно считают, что Юра того, вспомнили, что первым пригрел его Кожевников, а потом отпустил в «МГ», что он арестовывался КГБ в юности, любовь к нему Альберта [Лиханова]; они ожидают, что Юру должны сейчас пригреть. Посмотрим.

— Левандовский⁸⁸ сделал доклад в Орлеане о Жанне, дал текст, его напечатали полностью, но сняли только одну фразу: выпад против масонов! А критику католицизма оставили. Как характерно! Вот она — «свобода слова».

— Кочемасов⁸⁹ разослал протокол президиума Об[щества]ва [охраны памятников], где меня и Селезнёва выводят из редколлегии «Памятников». На заседании этот вопрос не обсуж-

⁸⁷ В. Ганичев и Ф. Кузнецов.

⁸⁸ Левандовский А.П. — писатель, историк Франции.

⁸⁹ Кочемасов В.И. — зампред Совмина РСФСР, номинальный глава Общества охраны памятников.

⁸⁶ Удальцов А.Н. — заместитель главного редактора «Литературной газеты» А. Чаковского («Чак»).

дался, сам Кочемасов и вставил, так Иванов говорил. Думал — поднимать ли скандал? Можно: опросить всех, указанных в протоколе, подать в суд, выступить на пленуме Об-ва. Или подождать, не суетиться по мелочам? Где предел терпению и выжиданию? Так ведь всю жизнь можно прождать... Плохо, что я тут в паре с Селезнёвым, мне с ним не хочется вместе что-либо делать. Как поступить? И посоветоваться не с кем.

— Дважды тут гадала мне кукушка, и оба раза оказалось 11 лет. Немного. Впрочем, как они пройдут, вот главное.

— Тут заметил хлопчущего Оскоцкого⁹⁰, устроили что[-то] вроде сбора подписей на даче у Рождественского, туда за этим приезжал Черниченко. Мы с ним познакомились, он вроде бы не похож, но уж больно зол, причём ихней холодно-рационалистической злобой: нужно вводить золотой рубль, это основа... да, рабочая сила товар... пусть будет биржа, а что такого? (Тут я неосторожно сказал: Но власть золота и биржа — это же власть Шейлока, — он тему не поддержал.) Личутин говорит, что он полтинник, как и Проханов. Личутин вроде бы понимает главную задачу, хотя кулаковат и хитроват.

— Вот мы жалуемся и плачем (справедливо в общем-то), но как многого добились за последнее десятилетие! Недавно в сионской «ЛГ» появилась подборка материалов, где Агарышев⁹¹ и Саша Рогов⁹² писали о необходимости оберегать русские ценности на Афоне, Синае и в Иерусалиме. Ведь об этом помыслить нельзя было совсем недавно. В начале 70-го, я помню, как Агарышев рассказывал о своём посещении Афона — это казалось не только сказкой, но и какой-то ужасной и опасной даже авантюрой! И вот...

— Думал тут о нашем пути в обо-

зримое время, о своём в частности. Конечно, действовал я прямолинейно-наступательно и грубо. Защиту докторской, например, проводил, как медведь прёт на рогатину. Тут напоролся, конечно, а ЖЗЛ? Ведь то был парник Сиона, их оплот и идейная опора, а во что мы это превратили?! И как быстро, и как обнажённо прямо! Да, конечно, сегодня мы действовали бы осмотрительнее и мудрее, но добились ли мы того, что уже стало явью, если бы осторожничали и не принимали удары? Думаю всё же, что нет. <...>

— А всё же нам везёт, просто с неба валятся удачи! Как было всё наоборот в начале века, что вселяет надежду! Вот глупая «война» у островов: опереточный аргентинский генерал решил сыграть в имперский патриотизм, и что же — Англия бросает чуть ли не все вооружённые силы на край света, Америка ссорится с латинами, Испания точит зубы на Гибралтар, центральноамериканские гориллы в смущении, Федя, никарагуанские и сальвадорские хулиганы торжествуют, и всё это в нашу пользу, разрядка ещё более трещит, Иноземцевы-Агентовы расстраиваются (Бовин посмел даже в телепередаче очень кисло отозваться об Аргентине, ссылаясь, что мы-де воздержались при голосовании в ООН). Конечно, если бы у нас было русское правительство, можно было бы разом перетянуть на свою сторону латинов, послав в Буэнос-эскадру — хотя бы для видимости. Но, Бог не без милости, и без того неплохо.

— Наглый зам. Громыко Ковалёв, 57 лет, начал писать стихи, пропихнул книгу через Совпис, подборку и хвалебный отзыв в «ЛГ», взял рекомендации у Исаева и Баруздина⁹³ (это, кажется, против устава СП?) Если бы он вёл себя по-свойски, устроил бы попойку для поэтов, скромничал бы, то и прошёл бы, жалко что ли... Но фарцовщик обнаглел и стал давить. И вот на приёмке Кожинев произнёс громовую речь, и

⁹⁰ Оскоцкий В.Д. — литературный критик.

⁹¹ Агарышев А.А. — писатель, автор книги о Насере в серии ЖЗЛ.

⁹² Рогов А.И. — историк.

⁹³ Баруздин С.А. — писатель.

его почти единогласно отложили. А вот в тот же день состоялось партсоборание поэтов, где выступил Лазарев и обличил того под аплодисменты, и письмо в партком МИД направил (это я ему посоветовал). Теперь, оказывается, Баруздин хочет ввести Ковалёва в редколлегия, но пьяница Захорошко донёс, те хотят поднять шум и дать телегр[амму]. Пусть, мелочь, но полезно.

— Черненко проиграл, как и догадывались, на место Кашея — ЮВ, а на ЧК посадят Алиева. Это всё против нас, ясное дело. На съезде комсомола Бровастый был еле-еле, в необходимых местах то Черненко, то Андропов ему кивали: вставай мол, или садись. Ну что ж, они создали «русский фашизм» из сотни столичных юнцов, могут начинать дело. <...>

— Назначение Федорчука⁹⁴ поразительно: такое ведомство — и даже не в составе ЦК. Сидел в Киеве с 70-го, значит, уже при Андропове, но ещё при Шелесте (правда, тогда Шелест уже шатался, а Щербицкий был предсовмина). Но служил ли он в Днепропетровске? Как бы то ни было, но хорошо, что православный и что не из Москвы. Видимо, его появление — следствие очень серьёзной борьбы, уж больно неожиданная личность. Любопытно: Цинев и Чебриков — члены ЦК, а их начальник, так сказать, беспартийный...

— Чазова повысили из кандидатов в члены. Как смешно! Бровастый за излечение пожелал, видимо, его наградить, а у лекаря всё уже есть: звезда, депутатство, чин академика, лауреатство... Осталось только членом сделать. Павловские времена, только смешные! <...>

— Вопрос о созидательной деятельности в создании сегодняшнего распада не может не вставать. Помню мелочь: как мы занимались газетной бумагой на Балахне. Давным-давно известно, что надо уменьшить вес газет-

ной бумаги в полтора, кажется, раза, для этого нужно всего лишь изменить ГОСТ и способ отчетности. Казалось бы, росчерк пера, но... не проходит! В сталинское или в хрущевское время подобные и даже более серьёзные вещи решались очень просто, хоть и не всегда правильно, теперь же не решается ровным счетом ничего. Сперва сидел слабый, нерешительный и престарелый Косыгин, к[оторы]й к тому же блокировался кем-то, и полуидиот Кириленко, потом очевидный дурачок и рамолик Тихонов. Их дурачко-стариковская мысль ясна: отмахиваться от всего, что нарушает покой. Но те-то, кто их ставил и держат, все эти Иноземцевы-Агентовы, они, значит, заинтересованы в происходящем. Удерживается пока что оборона, но в смысле скорее техническом, ибо моральное разложение велико. Как она всё же удерживается? В какой-то мере правильна и внешняя линия, тут в основном жёстко-государственная статья. Видимо, там и там огромный, вязкий и консервативный аппарат, к[оторы]й очень трудно развернуть в противополо[ожную] сторону. А ГБ — оно в какой-то мере всегда являлось «их» стихией (торговля тайнами). Или вот у нас производится 150 кинокартин в год, громадное большинство убыточно, серебра нет, а производство растёт. Зачем? Но никто не ставит даже вопроса, даже неприлично его поднимать. И т.д., и т.д. Всё это не может быть не организовано.

— Громадный штат служит в редакции сериалов, несколько сот человек (там теперь Байгушев⁹⁵). Платят 9000 за серию — какая переплата за халтуру! Иванов 107-й⁹⁶ получил очередной заказ на 19 серий, это ведь 170 тысяч — гора денег!

⁹⁵ Байгушев А.И. — публицист «русофильского» направления.

⁹⁶ Иванов А.С. — писатель, главный редактор журнала «Молодая гвардия», «107» — это его вес в килограммах.

— Открылся съезд комсомола, но почему-то в 11, хотя всегда такие «форумы» происходили в 10. Видимо, не могли добудиться до трупа, переспал. Видимо также, свою речь он пробормочет сразу, а потом опять будет оттащен в холодильник.

— Очень большие протокольные выкрутасы в первых числах июня: Гусака встречал сам с Черненко, а Андропова не было на аэродроме. При награждении Чер[ненко] присутствовал сам, а Анд[ропова] тоже не было. По теле Чер. Произнёс несколько фраз без бумажки и даже ручками размахивал — надо полагать, народ обрадовался. Кстати, мысль: они — это школа Кашея — нарочно внедряют стиль чтения по бумажке; если говорить без бумажки, то даже очень глупый и тёмный человек может выразить какую-то мысль, ведь при говорении приходится думать, а для того чтобы не произнести ровно ничего за любой период говорения, нужна бумажка, обязательно! Кашей тут был виртуоз, он даже слова «Леонид Ильич Брежнев» читал, елозя очками по бумажке.

— Карл: Федорчук руководил третьим упр[авлением]. То, что не пришёл Алиев, хорошо. Кашей правил всем и всеми, ибо не пил и не воровал, не украшался побрякушками, все кадры ставил он, его страшно боялись; его помощников после смерти выбросили сразу же, а кабинеты опечатали. Дело Цвигуна очень тёмное, скорее всего, он покончил с собой. О Куку⁹⁷ говорил одобрительно. Процесс собираются сделать открытым, дать в печати, хотя будет трудно. (Он очень ускользающ, охотно поддакивает, но любит общие места, о своей откровенной осведомлённости не заикнулся, а ведь позвонил мне через день-два, я тоже не спросил; намерения его всё же не ясны.) Он полагает, что Куку всё же потеснили.

— Эко⁹⁸: действительно, Арбатов и

Бовин (и др.) работали с Андроповым. В их кругах его числят либералом, а Куку — наоборот. Полагает, что победу одержал Куку, ибо получил под контроль реальную силу (ГБ). 6 апреля прошли обыски у 50 с лишним человек по М[оскве], ориентация вроде бы смесь христианства с национализмом. В Ин-те Иноземцева по этому поводу взяли двоих ребят (до 30 лет). Прокуратура ведёт следствие в том же Ин-те по хищениям в хоз. части, зам. директора там бывший водопроводчик, возвышенный Иноземцевым, нашли липовые имена и росписи в ведомостях на зарплату, копают очень старательно. Мы оба согласились, что сам факт вторжения прокуратуры в элитный Институт есть дело чрезвычайное, ибо воровство везде — почему вдруг именно сюда? Отчасти то же и с арестами. Надеется на армию, я ответил, что в России нет такой традиции: перевороты XVIII века есть перевороты, так сказать, КГБ, ибо гвард[ейские] полки той поры вели лишь караульную службу в столице. Надеяться на активное вмешательство армии невозможно. Он сказал, что золотой рубль — это бред. О деле Иванова они не знают. Статью Кузьмина считают ещё более худшей, чем Кожина⁹⁹.

— Зон (В. Зимянин): Куку оттёрли третьим, а рвался вторым. Медунова поддерживает Куку, хоть и ему приписывают письмо о взятках. Игорь¹⁰⁰ недавно получил чин чрезвычайного и полномочного посланника 1-го ранга. Юрий Леонидович на службе, хоть и пьёт, подписал недавно какое-то согл[ашение], он первый зам., как и раньше. ЮВ — полтинник, жена целиком. Куку получил <...> КГБ, внешнюю политику и кадры. Федорчук днепропетровец. Он, как всегда, охотно антисемитствует, подчёркнуто.

⁹⁹ Статьи А.Г. Кузьмина «Писатель и история» и В.В. Кожина «...И назовёт меня всякая сущий в ней язык» в «Нашем современнике».

¹⁰⁰ И.Ю. Андропов.

⁹⁷ «Куку» — прозвище Черненко К.У.

⁹⁸ Шейнис В.А. — сотрудник ИМЭМО.

— Овчаренко: Шауро и Алик подали записку в П[олит]б[юро]против Кузьмина и пр. В «ЛГ» уже Чапчатов написал два абзаца в передовой «Литератора», а потом сверху (из аппарата Черненко) попросили снять и спорить в обычном порядке лит[ературных] обсуждений. Нашли хороший аргумент: если Россия — тюрьма народов, то почему же нерусские народы сейчас празднуют добровольное вхождение? Да, Ленин так говорил, но в своё время и т.д.

— Выступал тут в ЦДЛ ген.-м. Иван Иванович, из ПВО. Приятно было слушать: всё, что мы писали и говорили, он повторял: телевизор разлагает молодежь, бранил Бовина и Зорина и т.п. Сказал: мы можем обнаружить ракету за 17 минут до пересечения границы, мы и сбить сможем, но вот трудность — сколько времени потребуется полит[ическому] руководству, чтобы принять решение?.. В самом деле, пока то Рожу вытащат из холодильника и разморозят.

— Андропов в юности был замешан в деле Косарева. Вылез в Венгрии, где вёл себя хорошо и дал правильные рекомендации. На четверть еврей, бабка по отцу из них. Был секретарём по соц-странам, окружил себя Арбатовым, Бовиным и К°. Бовин из Карловых Вар недавно звонил ему очень дружески: а ты всё ж. просиживаешь там... На месте Кащя он будет себя вести очень осторожно, готовить смену, его они поддержат, он добьётся резкого улучшения экономики и — ясно, что будет. Они хотели Алиева поставить на ЧК, не удалось, более того — ЧК поручено опекать Черненко, а раньше сам Бровастый вёл. Андропов очень дружен с Кадаром, тот и приезжал в Москву за него просить. Черненко и его люди стали активно вмешиваться в идеологию, причём с правильных позиций. Будто бы накануне пленума Рожа беседовал с Андроповым на предмет своего ухода; тот схитрил: ваш авторитет, ваш опыт бесценны... А это была, видимо, про-

верка. Цвигун явный агент, очень много занимался идеологией, Чебрикова, по существу, отстранил. Дело с бриллиантами всплыло в Польше, замяли общими усилиями, но пришлось «реагировать»: в итоге Ц[вигун] застрелился или его убили. То, что записка из культуры подавалась, и её судьба (загубленная Ч[ерненко]), это совершенно точно.

— Подсчитал на июнь 1982: средний возраст членов — 70, кандидатов — 66, секретарей (их лишь 3) — 69. 11 человек — 70 лет и старше. Да они рухнут все, и довольно скоро, но придут люди, младше нас. А нам (в лучшем случае!) останутся лишь мемуары.

Эко: об арестах и обысках 6 апр[еля] поспешно сообщила «Монд». Верный признак: значит, из них!

— Мне передали (Л.)¹⁰¹, что в апр[ельском] номере «Посева» было краткое сообщ[ение] о следствии над Ивановым и что вызывали Глазунова, меня, нескольких офицеров из Генштаба и КГБ.

Обсуждал тут, писать ли письмо Андр[опову], что выбросили из редколлегии и вообще. Не знаю. Тут то же, что выступать или не выступать открыто против Михалкова год назад, или подавать в суд на «ЛитРоссию», или публично выступить о Медунове... Т.е. надо выбрать между выжиданием и резкими, прямыми действиями. Не могу решиться. Инерция тянет к выжиданию. Угрозы тому способствуют, семья заставляет быть осторожным.

— Двоюродный¹⁰²: Лощиц¹⁰³ написал «для истории» Никите Михалкову: не надо мне денег за право экранизации (это 4 тыс.), лёгкие деньги легко и тают, со светлым вас Христовым Воскресеньем; расчёт был верен — Никита тут же бросился в «мерседес» и помчался к главбуху с воплем: как, вы до сих пор не заплатили этому светлomu

¹⁰¹ Ольга, жена А.М. Иванова.

¹⁰² М.Т. Палиевский.

¹⁰³ Лощиц Ю.М. — писатель.

бессребренику!.. Если уж деньги лишние, а ты православный, то пожертвуй их на храм.

— Ректор пединститута с помощью партсекретаря убрали Щагина¹⁰⁴. На его место — пустой, безликий человек. Бранили и статью Кузьмина. Да, этого следовало ожидать. Боковым следствием будет то, что меня не утвердят. Заколodило нас... <...>

— Агажмент¹⁰⁵ означает повышенное внимание и указывает цель. Обдумываю абсентеизм как лучшее средство. Видимо, дело идёт под огласку и даже под прессу. Вокруг возникнет отчуждение.

— 12 мая арестован Бородин¹⁰⁶. Полагают, что это опять вокруг Глазунова — он был у него присным; возможно, Глазунова приглашали по делу Иванова. «Посев» сообщал о нём, обо мне и «нескольких офицерах Генштаба и КГБ».

— Ясно, что дело Иванова будут давать не келейно, а, напротив — с привлечением внимания, иначе не стоило бы городить суд и вызывать меня. Карл уже предрекал, что в прессе будет. Характерно и то, что Евсеева не приглашают, а ведь и дела какие-то совершали, ясно тут всё. Андропов вёл это дело через ЧК, теперь доведёт его как идеолог. Картина проясняется, но это не в нашу пользу. Подумал тут: в апреле меня выбросили с работы, в июле — вызвали в ЧК и угрожали уголовным делом, в октябре — республиканский минпрос не утвердил мне полставки, в декабре — скандал вокруг «Нашего [современника]», в январе — попытка увольнения именем ЦК, в марте привод в Лефортово, в июне же... Густо меня обложили. Уверен, что не только нервный Гусев, но и Скорупа какой-нибудь сдохли бы от всего этого,

¹⁰⁴ Щагин Э.М. — историк, профессор МГПИ.

¹⁰⁵ Повестка в суд по делу А. Иванова.

¹⁰⁶ Бородин Л.И. — писатель, публицист русского самиздата.

растаяли, как свечи. Закалили. Только долго ли будут закалять ещё?

— Лев¹⁰⁷: Проханов крестился, считает, что надо любой ценой сохранять империю, за это его, мол, и поднимают... М-да. Меня вот почему-то за то же самое никак не выдвигают. Его же поддерживают они все, про него сплетничают, что половина, а он, видите ли, крестится. И от ЧК разъезжает по самым значным местам, обходя, однако, Ближний Восток и всю эту тему. <...>

— Немец¹⁰⁸: в Ин-те Иноземцева паника, обнаружено страшное и беззастенчивое воровство, дача директора построена за счёт строительства нового здания, мебель импортная появилась у него и у всех замов, множество людей зачислялись на липовые должности, они получали стаж для поступления в вуз, а жалование шло к заму «по общим вопросам», бывшему сантехнику в правит[ельственном] доме, где жил Николай Израилевич ранее. Теперь ещё арестованы двое, в том числе из сектора Мирского, ибо они — то самое, ибо других там нет. Где-то около 10 июня Иноземцева вызвали к Андропову, Гришину и Зимянину, ругали, больше всех шумел Михвас. Он рассматривает всё это не как случайность, а совпадение, исправляемое. Об Афганистане: там Амин хотел вырезать половину партии, наши, конечно, узнали, Рожа «из гуманизма» предложил его сместить, Устинов и Андропов возражали, но поддержал на П[олит]б[юро] Черненко и другие холуи, к[оторы]е ни за что не отвечают (это его слова). Теперь там не очень сильная резня, режут в основном друг друга, Вьетнама не получилось, видится Хомейни. В Польше положение необратимо, генералу и его присным просто некуда деться.

— Попов¹⁰⁹: по делу Иванова проходит 25 свидетелей, процесс будет долго — три дня (23–25), сугубо закрытый,

¹⁰⁷ Священник Лев Лебедев.

¹⁰⁸ Истягин А.Г. — сотрудник ИМЭМО.

¹⁰⁹ Попов — адвокат А.М. Иванова.

меня там числят в первых свидетелях, Иванов во всём покаялся, признал свои четыре инкриминируемые ему работы вредными («Рыцарь», «Логика», редактирование «Вече» и статью по поводу полемики Соженицын–Сахаров, — он был на стороне Солженицына). Экспертом на предмет антисоветчины выступал кто-то из ИМЛ, препроводит[ельная] подписана Егоровым¹¹⁰. Обо мне он очень ахал, какой я хороший, восклицал: С.Н. не надо приходить, пусть возьмёт бюллетень или куда-нибудь уедет. Что это — задание или искреннее мнение романтика и всё-таки русского человека? Кстати, он делал выписки из сочинений Иванова и очень интересовался ими. Вспомнил: эксперт из ИМЛ какой-то Салахов (?) или Самедов (?), словом, фамилия подобрана явно не русская. Я о таком имени никогда не слышал.

— Дело¹¹¹ провернули наспех и поверхностно, из 25 свидетелей явилось только 8, никого не разыскивали, хотя не пришли Гусев, Сушили и я. Моё письмо, впрочем, засчитали. По словам адвоката, в деле есть показания Глазунова, взятые у него в мастерской, а также Бегуна и Цитовича, взятые в Минске; будто бы м[атериалы] о Пономарёвой, Гусеве, Сушiline и [обо] мне выделены особо, до первого, мол, нарушения... Всё было явно и очевидно разыграно между судом, адвокатом и подсудимым. «Да» и «нет» не говорили, чёрное и белое (т.е. сионизм и масонство) не называли. Судья был стар, глуп и жалок, прокурорша не лучше, адвокат явно служил туда и к тому же просто халтурил. Рыжиков¹¹² поносил Иванова, сказав, что накануне франц[узской] революции тоже распространялись подобные сочинения (намёк на провокационное разоблачи-

тельство), что Иванов с двойным дном, а познакомился он с ним «у дверей кабинета Семанова». У Пономарёвой тоже спросили про меня, она сказала, что познакомилась после ареста Иванова: была, мол, растеряна, хотела посоветоваться. Иванов гладко и патетически каялся, обходя все острые темы. Вид у него был ужасный. Очевидно, ему пообещали за «откровенность» нечто вроде помилования, но прокурорша попросила год тюрьмы и 5 лет ссылки, последнее — предельный срок по статье. Иванов заволновался, попросил было перенести заседание на другой день, но адвокат его быстренько уговорил. Суд и вынес такое наказание. Думаю, что изменения приговора не будет: тем, кто заварил дело, важно отчитаться: видите, мы их тоже сурово наказали!.. А если он помрёт (это и случится, видимо, очень скоро), то не у них, в Лефортово. Думаю, дело закончилось, а по слухам, у Иноземцева взяли ещё трёх, кроме тех двух. Размен? ЧК добилась успеха: наш патриотический, так сказать, лагерь, напуган, наполнен паническими и взаимно очернительными слухами, полностью освещён изнутри: тайной полиции теперь всё известно с большой точностью. Дело они решили не раздувать (ЧК или те, кто им указывает), ибо сам разговор вокруг т. Дзержинского и 1937-го года, это... Как говорил Кащей: не надо привлекать внимания. Представители печати на суде не присутствовали, только краснопресненское ГБ в виде публики. По голосам пока вроде бы не слышать. Да и не будут, идеология у нас и у них — сообщающиеся сосуды. Над нами явная и прямая угроза, следует вести себя осторожно. Ладно, подождём.

— В. Беляев: вдова мелкого местечкового торговца вышла замуж за адвоката Корнейчука, он усыновил и крестил пасынка Сруля Фогельсона — так появился писатель Корнейчук. Страшная, говорит, был сволочь. Ну, а насчёт таланта — известно и так.

¹¹⁰ Егоров А.Г. — директор Института марксизма-ленинизма.

¹¹¹ Судебное дело по А.М. Иванову.

¹¹² Рыжиков Г.В. — сотрудник журнала «Человек и закон».

— Бесстыжий разбой в Ливане поразителен. Как они нагледят, когда чувствуют силу и превосходство! Вот так же они вели себя и в гражданской, и в 20-х, только там не так всё было обнажено: псевдонимы, русские и иные гойские исполнители внизу... Наши масоны всё валят на Америку, какая простенькая, но удачная уловка: не еврей виноват, а «американский империализм». Евсеев сказал, что именно в таком виде велел освещать эти события Синедрин. Ну, он знает...

— Да, делом Иванова нам нанесён удар, это ясно. Как можно предположить, больше всего взволновало их, как полит[ическую] полицию, письмо Рязанова¹¹³ — его содержание и возможность повторов, а их тайных хозяев — гласность того, что должно быть страшной тайной. Тогда-то они и начали, быстро вышли на след (Рыжиков тут помог, говорят), выбрали слабое звено и, надо признать, не ошиблись — Иванов оказался и в самом деле слаб. Однако тайная полиция, даже успешно действующая, может лишь замедлить рост природно возникающего движения, а не прервать его. Покой при Сталине или при Гитлере объяснялся не НКВД и гестапо, а популярнейшей социальной политикой. Теперь она не популярна, а раз о масонах заговорили среди студентов, значит... Наше дело продолжат!

— Ягодкин¹¹⁴ (со слов его знакомой, близкой подруги Розы¹¹⁵): Цвигун болел, потом переехал на дачу в Барвиху, дача была другая, их ремонтировалась, Роза поехала туда посмотреть, вернулась, ей говорят: упал, разбил голову, но к нему не пускают, приехали машины с реанимацией, увезли, она даже не

увидела; в гробу голова его была как-то искажена. Сам он уверен, что не своей смертью. Еще рассказал, как давно на совещании секретарей обкомов и горкомов выступал ещё живой Бровастый, учил ценить зав. общими отделами, приводил в пример своего, как он подсказывает ему составлять повестку заседания П[олит]б[юро], «а раз вопрос поставлен, значит, его решат»... Он написал две очень интересные статьи о педагогических делах, очень острые, я читал. Разумеется, заварилась каша, в секторе недовольны, его министр тоже, обсуждали статью на коллегии с привлечением парткома, осудили. Он хочет писать письмо Черненко и идти на приём; он говорил, что полож[ение] в школе ухудшается, учителя бегут, нужно поднять престиж учителя и зарплату, 2 миллиона педагогов работают не по специальности. Симуш (консультант из пропаганды, еврей) выступал в МГУ и на прямой вопрос об Андропове ответил: он получил весь круг обязанностей, кот[орый] раньше был у тов. Суслова. <...>

— Лазарев тут сказал про меня, а Осетров передал: С[еманов] это смесь барства с солдафонством. <...>

— Впервые после долгого-долгого перерыва хотел я поражения нашим футболистам. Типичное нынешнее раздувание штатов: 5 тренеров на 22 игрока, а ещё целая свита, а ещё актёры, их сопровождающие, как раньше шуты при дворах, чтобы господа не скучали. Всё делается «под Запад», только хуже. Один русский в команде — балбес Гаврилов, остальные грузины, татары, хохлы, армяне, кто угодно, а это ведь тоже не случайно. А в случае победы были бы телеграммы, приёмы и поцелуи — тьфу!

— Какой смешной спектакль разыгрывается вокруг вредительского дела «газ-трубы»! Кто-то что-то пытается запретить — смех. Это розыгрыш, кость для быдла, чтобы грызли и не задумывались бы. У нашего обывателя должно возникнуть убеждение,

¹¹³ Одна из известнейших публикаций русского национального самиздата, подписанная псевдонимом Рязанов, с «антисионистской» направленностью.

¹¹⁴ Ягодкин В.Н. — замминистра высшего образования.

¹¹⁵ Вдова С.К. Цвигуна.

что американцы мешают нам в выгодном для нас деле. Так и станут думать. А ведь мешают (если бы! т.е. делают вид), нам «мешают» продавать Родину! Далекое зашло. Не видно никакого просвета. Как в этих условиях не пожелать поражения проворованной нашей сборной (кстати, Кипиани отстранили именно потому, что попался, и крупно, с валютой), как вообще можно радоваться всему, что укрепляет шайку предателей и воров?! Почему они открыто нас не разоружают? Боятся армии? А что там бояться? Наша армия сегодня совершенно заполитизирована и воспитана на разрядке. А местный партаппарат они презирают да и разложили его уже порядком. <...>

— В «Педагогике» вышла книжечка Чазова, а написал её Борис Володин (он же забыл кто, но то самое, и явное). Как все они повязаны! Через Чазова устраивает свои дела, редкие мед[ицинские] благодеяния для других — небескорыстно, разумеется. А директор «Просвещения» Зуев — весь там, все замы министров просвещения и прочие у него ежегодно печатаются. Да, сегодня печать — это пирог, который разрезают и раздают в угоду мафии. <...>

— Тут в середине июля к соседнему нашему дому подъезду подкатил «утюг», рядом чуть поставили «восьмёрку» с антеннами, а при выезде на улицу — милицейские «Жигули» с мигалкой. Думаю, неужто в городе? Ждал чуть ли не час. Три здоровенных лба дежурили у подъезда, посматривали иногда вверх. И вот выкатилась явно подгулявшая небольшая компания, их быстро погрузили, «восьмерка» рванулась, перекрыла улицу, «утюг» вырвался без задержки, а мигалка ещё некоторое время постояла. Боже мой, три машины с водителями, три охранника — и для кого? Гостей дочки развозить.

— Старый провокатор Евсеев вдруг спрашивает, не случилось ли у меня чего; я тут слышал разговор, один се-

рьёзный человек сказал про тебя: на него дали такие показания, разве он еще работает?

— Эко (Шейнис): Иноземцев перепуган, разгоняет своих, Мирского перевели с понижением в ИНИОН, какого-то Комфу, очень у них важного, убирают даже совсем, молодую приятельницу Фаина уже уволили, но неаккуратно, она подала в суд, восстановили сразу, не дожидаясь разбирательства. Сектор Мирского реорганизуют, хотя они с Иноземцевым «на ты». По слухам, Арбатов осуждает его за разгон своих. Говорят, что оба арестованных раскололись, дают показания. Выслушав про дело Иванова, спросил, не пострадали ли свидетели и привлечённые, сослался, что по прошлым делам таким часто попадало. Говорили, что у нас шофёр автобуса получает столько же, как доцент. Я считаю это правильным, ибо содержание труда и его непривлекательность — это сегодня главное, что привлекает сегодня человека, в доцентах никогда не будет нехватки, поэтому общественно необходимая тяжёлая работа должна хотя бы материально восполнять привлекательность свою. Он (и все они, я замечал) с этим резко, принципиально не согласны, ибо тут кроется коренная их мысль о полном праве на образование и знания.

— Сообщили из нескольких мест сразу: 20 июля был Секретариат в Краснодаре в присутствии ЮВ, Медунов снят и отозван с тяжкими обвинениями. Это серьёзно. Начало или конец? Видимо, конец, ибо пока корешки не вытягивают, а обрывают, снимая наиболее уж пахучие цветочки (Цыган, Шибаев, Колеватов), к[оторы]е компрометируют Рожу. Но последний случай всё же самый значительный, уж очень много ниточек тянется в Москву. Но уверен: нам лучше не станет!

— Медунов был снят Секретариатом 20 июля, 23 объявили во «Времени», на др[угой] день в «Правде»: «переход на др[угую] работу», мягко. Кабалоеву полгода назад записали

«крупные недостатки». Вся Москва, а теперь вся страна об этом говорит. Хитроватый Сидоров говорил мне: поздравляю, теперь у тебя должны начаться изменения... Так мне уже многие говорили. Вряд ли. После падения Кабалоева Ганичева же не восстановили. Но любопытно: Медунов явно был точкой приложения сил. С декабря по начало июля его усиленно воспевали в «Пр[авде]» и награждали его города и людей, последний раз ордена вручал в Сочи работникам особых санаториев управделами Павлов (а он из Днепродзержинска и на посту с 65-го). Почему Секретариат, а не П[олит]б[юро]? Видимо, Медунов был не только семейным снабженцем, но и как-то опирался на Куку. Тут есть пометка через Софронова: он был вхож к Куку и широко печатал Медунова, а также его «рецензию» на книгу Куку. В отсутствие Куку (и Рожи?) и убрали Медунова, поставив перед фактом (а у нас отмены таких решений не бывает). Словом, с начала года пошла осторожная чистка от наиболее замазанных: Цвигун, Кабалоев, Цыган, Калеватов, Шибаев, теперь вот Медунов. В этот же ряд станет и Пенкин (если уйдёт). Что ж, нищему пожар не страшен, пусть их. Михвас тут тоже обмарался, ибо депутат от Кубани в мае туда ездил, и местная печать давала о них с Медуновым целые разговоры. Можно предполагать, что это дело рук ЮВ, он и вёл Секретариат. Так как все считают, что он подозрителен, а у него жена, то ему бы следовало сейчас нам выказать внимание, чтобы сбить волну, как это пытался сделать Яковлев в феврале 73-го. Безусловно, что дело будут всячески приглушать, но в обезглавленной (и очень ещё незрелой, конечно) мафии может начаться паника, развяжутся языки и т.д. Цеков (и другие) говорят, что секретарь Геленджикского райкома (родственник М[едунова]) пытался бежать с бриллиантами чуть ли не в Турцию.

— Гул по медуновскому делу разрастается. Цеков: Фалина отошлет

куда-то послом, а 1-м замом вроде бы Игнатенко, но тот из Сочи, а какой-то еврей, его соавтор по фильму о Брежневеве, уже чего-то ему грозит; в Краснодаре уже прошли аресты, а в Сочи какая-то комиссия. Формулировка освобождения тоже очень осторожна, она даёт возможность отсутствующим Роже и Куку проявить заботу о том, куда-нибудь назначить. Размышляя о возможной связи Куку–Медунов, вижу тут большую вероятность: Куку коварный и беспринципный интриган, никакой политич[еской] стратегии у него не было и в помине, на седьмом десятке вдруг взлетел и, конечно, стал опираться на кого угодно, ибо цели примитивные, а принципов никаких. Бровастый любил Серёжу, сл[едовательно] Куку в своих интригах мог обрести в нём союзника. Любое обострение борьбы нам полезно. А всё же неожиданно: я уже уверен был, что Медунов уйдёт только после Рожи. Всё это ЮВ: Цвигун, Цыган, Калеватов и Серёжа его точно, Шибаев тоже, видимо, не без его участия. Он отмежёвывается от русских воров, его же дело — Иноземцев, к[оторый] явно подбит, это вор «свой». Кто следующий? И какой ответ готовит противник?

— Горький (Чибиряев): консультант отдела науки по праву весной был в Японии с Шахназаровым, Кудрявцевым и ещё кем-то, в Шереметьево его задержали, вскрыли ящик с 48 транзисторами, он лопотал, что передал ему Аэрофлот; выяснилось, что некий Гинзбург дал ему 1 тыс. долларов, а он купил у фирмы без пошлины и со скидкой, как оптовый пользователь, нашли расписку его там и даже номер паспорта: уволили, исключили, отдали под суд. <...> Одна из дам Горького дежурила на выборах, появилась Галя, довольно помятая, с сопровождающим, на светский вопрос: Г[алина] Л[еоновна], а где же Ю[рий] М[ихайлович] Чурбанов? — махнула рукой и что-то раздражённо брякнула;

ещё характернее, что сопровождающий вёл себя чуть ли не как конвоир, командовал: не задерживайтесь, пройдёмте... Супруга Промыслова¹¹⁶ отдыхала в этом году в Швейцарии — всё-то им можно, воистину они создали себе райские условия, а границы — «прозрачными», о чём давно мечтали.

— Выступали по теле 1 авг[уста] Перетури́н со Старостиным о плохом выступлении сборной; хоть бы прозвучали слова о патриотизме, долге, родине, хотя бы о мужестве и чести — нет! Вот надо улучшить технику... больше тренироваться... изучать зарубежный опыт... Как они разложили положительную советскую духовность за посл[едние] 10 лет!

— Немец (А.Г. Истягин): страны СЭВ нам в обузу, мы за полцены отдаём им нефть и газ, а могли бы получить от Запада полную цену, они нам дают второсортную продукцию, мы им тоже в тягость, ибо не способствуем подъёму качества, нам надо оставить СЭВ, предоставить их собств[енной] судьбе, а нам либо вступить в общий рынок, либо ввести сталинскую автаркию, кот[орая] нам по силам — последнего очень боятся страны Запада, их цель — разрядка и в конечном счёте конвергенция. Наш газ будет занимать 6% их энергетич[еского] баланса, а с Бл[ижним] Востоком Зап[адная] Евр[опа] ввозит 60% сейчас. Он считает, что мы должны оттянуть наши силы и заняться собств[енными] делами. (Это лишь внешне привлекательно, мы не можем оставить своё <...> в Вост[очной] Евр[опе] и свою базу на Кубе, своё давление на третью цитадель Сиона — ЮАР из Анголы и т.д., не должны бросать латиноамер[иканских] повстанцев, палестинцев и т.д. От Сиона нельзя загородиться, нужно наносить ему удары по всему миру, как он не перестанет никогда пытаться подорвать нас; на-

дежд на мир быть не может, эта борьба вечна, как добро и зло, спастись отступлением невозможно, такого врага не умилоstitь и с ним не договориться. Отход к своим рубежам — это путь наименьшего сопротивления, кажущийся лёгким и полезным, но путь гибельный; пример Франции, уступившей Алжир и от этого только выигравшей, ничего не говорит: во всех случаях в Париже правит Ротшильд, а мы-то как раз и не хотим, чтобы он нами правил!) <...>

— Порой одолевают мрачные мысли. Заколodило, можно предположить даже — навсегда. Тогда чем заняться, да и как семью кормить? Ну, переиздали Шолохова, вроде пойдут Брусилов с Макаровым, а потом, на шестом десятке, что буду переиздавать? Сборник статей вряд ли удастся где пристроить. Путеводитель по Ш[олохову] мне написать не удастся, не лежит душа, надоело. Меня часто спрашивают: чем занимаетесь? Я отвечаю уклончиво. Но ведь занимаюсь я внутренними да мелкими статъетешками. Рукопись о Нём¹¹⁷ лежит без движения, возможности издания в ближайшем будущем исключены. При существующем порядке вещей никто меня на службу не возьмёт, побоятся. Тут даже возможный уход Севрука ничего не решит, должен быть жест сверху, а на это в нынешнем раскладе нечего и надеяться. Вот у Журавлёва возникла идея, чтобы я занял его место в «Нашем». Поколебавшись, я разрешил ему от своего имени прощупать, и что же: <...> Васильев и ничтожный Кравцов мнутя; ясно, они побаиваются работать со мной («все знают, вы генерал», кричал мне Журавлёв). Какие-то странные доброхоты хотят сунуть меня в Ленинку, там служба от сих до сих, бабы, склоки, но всё равно соглашусь, буду хоть ближе к книгам; впрочем, и тут не возьмут... Всё это, конечно, суетня, а не прямой путь, как раньше: серия, журнал, писание больших и известных книг, связи с

¹¹⁶ Промыслов В.Ф. — председатель исполкома Моссовета.

¹¹⁷ Рукопись книги о Сталине.

людьми, надежды, борьба на всех доступных уровнях. Но сбили. Дважды я обдумывал обострение: после фальшивки «Лит[ературной] Р[оссии]», чтобы подать на неё в суд, ибо на Секретариате меня никто не порицал — воздержался, ибо за спиной маячили вызов к Бобкову и Иванов; потом по поводу Кочемасова, ибо на Президиуме обо мне речь не шла — не решился, ибо это было сразу после Лефортова и перед судом. В обоих случаях они могли бы на меня нажать, если [бы] захотели, и больно. Кроме того, подобные скандалы сразу же отнесли бы меня в число полуреволюционеров вроде Яковлева, а пока я всё же сохраняю репутацию несправедливо (или справедливо!) уволенного чиновника. Но чиновника.

— Назаретский (О. Генисаретский) служит в какой-то социологической конторе по культуре. В Москве 300(!) дискотек, вход по 3 рубля, а там «коктейли» в ту же цену, обалдевающая «музыка» и т.п. Администраторы по большей части из них, а обслуживающая шваль — русские. Не попасть, «престижность», рвутся. Внутри есть маленькие зальчики для избранных, один такой называется «Дилижанс» (это в «Минске», где большой зал для простых). Это поветрие пошло по всей Руси, даже в Великом Устюге есть, в глухом вологодском городишке, где давно нет масла, но есть коктейли. И всё — под знаком ЦК ВЛКСМ, зато играют только западные шлягеры, и какие! Кто принимал решение, кто подписывал, согласовывал, предлагал, кто попустительствовал?! Эх, добратся бы, потрясти дурней, какие бы сведения открылись...

— Шевцов¹¹⁸ написал 22 июня письмо Андропову по поводу Ливана: почему молчат наши Эренбурги?.. почему молчит наше телевидение, которое в народе уже называют «тельавивдение»?.. почему мне и моим товарищам

Сорокину и Серебрякову не дают возможности выступать против сионизма?.. почему не проводят митингов трудящихся?.. И вот позвонил ему 5 авг[уста] Потёмкин (из культуры) и сообщил, что Андропов письмо получил и благодарит его, а дальше «закрыв письмо», ласково пожурив за преувеличения. Сам-то Шевцов заметил, что митинги пошли позже. Ну, видимо, не он один писал.

— А уже в начале XXI века станут писать о «круге авторов ЖЗЛ», как пишут ныне о круге авторов «Современника». За 10 лет вышло более 90 книг пятнадцати авторов: Чалмаев, Михайлов, Семанов, Лобанов, Жуков, Лощиц, Селезнёв, Петелин, Тяпкин, Яковлев, Кузьмин, Пигалёв, Агарышев, Кардашов, Чуев. И все (все!) книги имели громкую известность, переиздавались, имели широкий отклик в печати, вызывали споры и скандалы. Это целая эпоха. А ведь из 15 вывел в план я 14, за Селезнёвым лишь Кузьмин, да и то перешёл к нему по наследству.

— Евсеев: «Будь осторожнее. Будь осторожнее!» — Да я и так ничего не делаю.— «Всё равно будь осторожнее, чтобы тебе камень на голову не свалился». Вот провокатор проклятый. Он за день до 6 августа назвал мне место ссылки Иванова — Рязань. Что ж, с ним обошлись мягко.

— Казимеж¹¹⁹: дано указание не упоминать Кащя и его работы. Бывшего помощника Кащя хотели было направить в «ВИКП», но потом его вдруг взял к себе... Андропов, и тоже в помощники. Поразительно. ЮВ всё же интересный человек, это ясно. Казимеж говорит, что у него плохое здоровье. В Краснодаре арестовано 300 чел[овек].

— На московских вокзалах — сонмища людей; теснота, духота, спят на газетах на грязном полу, множество детей, и грудных — капризничают,

¹¹⁸ Шевцов И.М. — писатель.

¹¹⁹ Скорупа В.К. — сотрудник журнала «Вопросы истории КПСС».

плачут бедняжки. И так каждый день и каждый год. И ничего, совсем ничего не делается! А ведь можно же скамейки поставить, нары соорудить — мало ли что! И рабочей силы не надо, обратиться только к томящимся от ожидания людям: подсобите, ребята... Подсобят, и охотно. Но ничего подобного. Народ терпелив и привычен, стёкла начальникам не бьёт, а с них высшее руководство не спрашивает. Напротив, спросят, если что-то предпринимать начнут. Проклятое, гнилое брежневское время — эпоха лодырей, воров и предателей! Неужели с ними не по квитается история?! Ведь по квиталась же со «старыми большевиками» и (менее жестоко, да это и не нужно) с бериевскими палачами. Нет, не может быть, чтобы они спокойно сдохли на своих воровских усадьбах!

— Снятие Медунова вызвало всплеск разговоров обо мне. РВ тут говорит: мне сказали, что дела ваши поправились... Это почему-то общее мнение. Казимеж сказал, что меня снимал Александров. Передают ещё легенды, вроде того, что министр спросил меня после освобождения от должности: СН, за что же вас освободили?.. Эта вспышка разговоров обо мне тоже не очень, дела мои никак не изменятся, а это опять вызовет толки.

— Осипов Валя¹²⁰ всё же молодец: вынудил уйти Грибанова, у к[оторо]го сын уехал в Израиль (придрался, что тот полгода не говорил), на пенсию отправил. А ещё заставил переделать переиздание Гейне и Эренбурга, убрав из них «сионистские» тексты. Право же, он долго не усидит!..

— Вечером в понедельник (2 августа) мне позвонили, что в партком СП пришло на меня частное определение. Я прочитал: производит по первому разу шоковое впечатление, что и произошло. Кочетков¹²¹: тебя исклю-

чат, хорошо, если оставят в Союзе, в нашем парткоме и организации масса евреев, кот[орые] тебя ненавидят, ищи поддержки на самом высоком уровне, добивайся пересмотра дела, съезди к Шолохову. Стаднюк перепуган, испугаются Алексеев и другие, бумага на контроле в орготделе ЦК, в горкоме прямо требуют твоего исключения из партии и СП. Я успокаивал его, но подействовало мало. Удалось добиться лишь оттяжки и поджидания Ф. Кузнецова, создадут комиссию парткома с Петелиным во главе, хотя тот и отказывается, ему неудобно. Всмотревшись в текст, увидел там массу юридических изъянов, и грубых. Ясно, что бумага готовилась на Лубянке, и именно как политич[еский], а не юридич[еский] документ, а судейские просто подмахнули: ваше, мол, дело. Подготавливаю протест. В парткоме буду строить свою защиту так: провокация, оговор такого рода — отголосок 37-го года, «Вече»¹²² я признаю, но ведь за слушание «голосов» не карают, а мне приходится читать всякое (ошибочку я сделал тогда в Лефортово, надо было ничего не говорить, кому?!). Итак, каяться я не буду, предстоит борьба, они сами меня заставили сделать выбор. Может, и самоутешение, но им тоже не легко станет меня исключать — скандал возникнет неизбежно, а это... Главное, что я очень нервничаю, ничего не могу с собой поделаться, хотя страшно много и быстро работаю. Давление 160/110, это прилично. Да, не дают покоя! Плохая история, что и говорить. Задержат «Бр[усилова]», не переиздадут «Мак[арова]», статейки все остановят, даже на рецензию ничего не дадут, побоятся (да и понятно!). Ничего, переживём. 2 ½ есть, запасы есть, год продержимся, а там...

— М.Т. Палиевский: Суконцев-младший попался в Краснодаре на

отделения СП.

¹²² Самиздатский «русофильский» журнал, чтение и хранение которого Семанову ставили в вину.

¹²⁰ Осипов В.О. — директор издательства «Художественная литература».

¹²¹ Кочетков В.И. — парторг Московского

шантаже завмага, вёрстку липовую ему показал и потребовал 30 тыс., его и другого еврея взяли, но потом... тому дали срок, а Суконцева выпустили. Рожа впал в младенчество, всё время смотрит телевизор, вдруг велел Глебову дать Народного, потом посмотрел «17», дал всем награды, а в девку, игравшую радистку (и бывшую жену Миронова) влюбился, звонит ей домой. Юлиана [Семёнова] из списка вытащили, ибо он попался на бриллиантах, его отозвали из ФРГ, но после награждений он устроил страшный скандал, пробился куда-то, «Современник» поставил его пьеску, премьера задержалась на 20 мин[ут], а потом явились с Юлианом Андропов и Щелоков. <...>

— Евсеев: Не слышал, нет... Ну, это чтобы ты сидел тихо, был паинькой... А ты скажи, что другие уезжают, и ничего... (Обратил я внимание, что в своих сочинениях он никогда не употребляет слова «масоны» и даже говорил не раз, что нельзя за эту тему братья легкомысленно и т.п.; примечательно, ведь они к разговорам о сионизме привыкли и вроде не очень их боятся, а от масонов их воротит.)

— Т. спросил меня: чем же ты им так насолил? Ясно чем: они не боятся разговоров, даже опасных, вот Кожинов, Бородай, другие наговорили много очень для них неприятного, но ведь не трогают, а мы соединяли в себе слово и дело — вот суть. Пресловутая свобода слова в Америке есть, а толку?..

— А всё же странное дело! Это похоже на месть: вот тебе... Но зачем? Ведь если они хотят моего публичного наказания, то в любом случае это вызовет скандал. Или им это и нужно? Опять же странно, это полностью противоречит нынешней политике в области идеологии: никакого шума, никаких крайностей, у нас всё хорошо. Да и бумага составлена невероятно грубо, с натяжками, с очевидным пристрастием. Или это прицел на будущее: опорочить меня, моих единомышленников, взорвать очень влиятельную и очень

сильную моск[овскую] писательскую организацию?.. А может просто глупость и злоба какого-нибудь Губинского или повыше? И это возможно.

— Петелин спокоен и беспечен, но он, к сожалению, глуповат, может и не понимать многого. Но прям и благороден, это бесспорно. Он, оказывается, выдвигал меня в замы... Да, жаль, сорвалось, это бы разом открывало новые пути. Вот почему, в предвидении этого и появилась бумага! <...>

— Иноземцев скончался в пятницу на даче, внезапно, работая в саду. Протокол по высшей форме, все 25 подписей. Замечательная фраза: «принимал активное участие в Вел[икой] Отеч[ественной] войне». Как это — активно? В атаки ходил? Но раз все подписи, значит, правильно говорили, что отбился. Теперь же его мафию разгонят, как разогнали мафию Кабалаева, а теперь кубанскую. Это хорошо, ибо под Иноземцевым были не просто уголовники, а политики. <...>

* * *

На этом записи 1982 года обрываются, не до них стало. Началось долгое и мучительное исключение меня из партии, сперва на парткоме, потом на общеписательском собрании и в Краснопресненском райкоме КПСС. Слежка за мной органами КГБ, и без того плотная, сделалась ещё настойчивее. Чтобы как-то затянуть время, я недели три скрывался в родном Ленинграде, меня положил в свою больницу покойный Ф. Углов (обо всех моих приключениях он знал). Меня тогда отстояли — исключение заменили строгим выговором, оставили и в Союзе писателей.

...Не могу в заключение мрачного сюжета не вспомнить один забавный эпизод тех дней. Райком партии разбирал так называемые персональные дела в конце заседания. Был вывешен список наказуемых. После Союза писателей пошли товарищи из треста районной очистки, гастронома номер такого-то, таксомоторного парка и т.п.

Мой парторг Виктор Кочетков ужасно нервничал и шептал: «Всё, тебя исключат, меня тоже, что будем делать...» Поэтому все готовые к наказанию алкаши, растратчики и двоежёнцы решили, как и их парторги, неразличимые друг от друга, что исключаемый из их рядов писатель — это Кочетков, а писательский парторг — это я, ибо мне постоянно приходилось ободрять скисшего Кочеткова.

Когда после долгого обсуждения на бюро райкома мы оба вышли, и я не мог сдержать радости, ко мне подошёл один здоровенный алкаш (или его парторг) и, тыча увесистым пальцем в грудь Кочеткова, спросил, обращаясь ко мне:

— Ну что, помиловали его?

— Ребята, — ответил я, улыбаясь, — это меня помиловали.

Тогда алкаш (или его парторг) погрозил мне пальцем и твёрдо, хоть и неспешно, сказал:

— Врё-ёшь...

Потом мы с Кочетковым зашли в шашлычную, что была неподалёку, и облегчили измученные души. На этом минута оживления закончилась надолго. Как теперь стало доподлинно известно, Андропов хотел устроить большое политическое дело, обвинив ненавистных ему «русистов» как главных врагов интернационального Советского Союза. Не получилось, Господь прибрал грешную душу раба своего Георгия 9 февраля 1984 года.

Нам всем стало немножко легче. Но ненадолго.

Все обстоятельства данной истории опубликованы в наших книгах об Андропове и Брежневе, а также в воспоминательных сочинениях А. Байгушева, М. Лобанова, М. Любомудрова, В. Сорокина и иных. Интересующиеся могут свериться.

Издательская группа «Скимень» выпустила в свет новую книгу Константина Крылова «Прогнать чертей»

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

Запрещенный в официальных СМИ, он сумел завоевать популярность и внимание читателей благодаря электронным сетям. Личный интернет-дневник www.krylov.livejournal.com — один из самых популярных блогов Рунета.

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ДИАЛЕКТИКА РУССКОГО ЭТНОСА, или В поисках русского ГЕНОФОНДА

Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М.: ООО «Луч», 2007. — 416 с., илл.

Передо мной уникальная книга, актуальность которой трудно переоценить.

Сегодня впервые за последние полтысячелетия перед русским народом вновь в повестку дня поставлено обретение своего национального государства. Особая историческая и политическая роль русских как единственного государствообразующего народа России в этой связи становится предметом обостренного внимания.

Неудивительно, что вопрос о том, кого следует считать русским, выходит при этом на первый план. Ибо нет ничего более ошибочного, чем наделять особыми привилегиями или обременять особыми повинностями тех, кто не должен быть ими наделен и обременен. А между тем роль государствообразующего народа ко многому обязывает как народ в отношении данного государства, так и государство в отношении данного народа.

Проект Русского национального государства в общих чертах уже создан на бумаге. Написана его идеология. Разработана под эту цель новая Конституция России. Выпущена даже карта оптимальных границ такого государства. Осталось только воплотить этот проект в жизнь.

Разумеется, у проекта Русского национального государства есть много противников, которые возводят против самой этой идеи разного рода плотины и бастионы. Так, печально и всесветно знаменитый русофоб — директор Института этнологии и антропологии Валерий Тишков дошел даже до того, что пытался доказать в Госдуме, что никаких русских просто нет в природе. Это крайнее выражение неприятия, имеющего порой менее яркие, но более изощренные воплощения, показательно и взывает к ответу.

Вопрос о том, что представляет собой любой народ (в данном случае русские) именно как народ, имеет, в первую очередь, научное значение. Однако научные ответы на этот вопрос предназначены лежать в фундаменте политической проекции проблемы. Поэтому книга Е.В. и О.П. Балановских «Русский генофонд на Русской равнине» предстает как очень важная и своевременная попытка разобраться в этом непростом деле.

Удивительна история этой книги. Это не просто многие годы труда двух научных работников, по случайности играющих роли матери (антрополога, д.б.н.) и сына (генетика, к.б.н.). Это жизнь, которую на данное исследование положила мать, а потом свою добавил сын. Научный подвиг двух поколений одной семьи биологов, служащих одной идее. Книга трудоемка, весьма непроста для восприятия, глу-

бока и многопланова, она во многом носит вызывающе новаторский характер и тем самым обречена на полемическое восприятие научной и политической общественностью. Одну из первых попыток такой полемики я и намерен предпринять.

Пройдет немного времени, и книга Балановских разойдется на цитаты в далеко не только специальных СМИ, она начнет использоваться как «убойный» аргумент в далеко не только профессиональных дискуссиях, к ней наперебой станут апеллировать как к последнему слову науки. Есть весьма серьезные опасения, что трудности и недостатки пионерской работы Балановских будут недобросовестно интерпретированы заинтересованными сторонами, а в итоге сложные и важные вопросы, поднятые авторами, окажутся профанированы¹. А поскольку любые выступления на русскую тему принимают сегодня острополитический характер, книга быстро превратится в политическое оружие. Важно заранее точно определить его характеристики и границы применения.

Я вполне сознаю трудность и ответственность своей задачи, ведь такую книгу не взять с наскоку. Она требует специальных знаний (или по крайней мере способности их освоить по ходу чтения), широкой эрудиции и напряженных, обстоятельных раздумий. Однако овчинка стоит выделки.

Первое впечатление от книги: авторы накопили материала и знают намного больше, чем смогли или пожелали осмыслить для нас. Это богатство вызывает к своего рода соавторству читателя, позволяет самостоятельно ставить вопросы и доискиваться ответов. Тем более что в книге сочетаются поразительные научные открытия и архиважные выводы с установками и методами,

¹ Что уже и произошло в ряде СМИ, когда авторы поспешили ударить в колокола, не взглядевши в святцы, то есть не разобравшись ни в фактуре, ни в идеологии разбираемой книги.

вызывающими недоумение с точки зрения логики и диалектики. Несмотря на то что последние семь лет я предпринимал значительные усилия, чтобы разобраться в важнейших проблемах расы и этногенеза, я не могу считать себя большим специалистом и судить о чисто биологических аспектах книги Балановских. Но в вопросах методологии я смею иметь свое суждение, поскольку два с лишним десятилетия посвятил социологии, в т.ч. специфической проблеме критерия и выборки. Да и со строгими законами мышления (логикой и диалектикой) стараюсь дружить. Книгу Балановских я воспринял как вызов.

Прежде всего я постараюсь объяснить читателю, какие цели ставили перед собою авторы и какие установки и методы использовали. А затем расскажу об узловых проблемах книги, о том, как решают их авторы и чего они достигли. Ссылки на страницы книги даны в скобках.

Авторы сразу честно предупреждают: перед нами — вероятностная модель, а не последнее слово науки (11). На первый взгляд: зачем нам вероятностная модель, если по ней нельзя сделать важных однозначных выводов? Такие модели — для узких специалистов, нас они только запутают.

На самом деле это не так. Важность подобного исследования в том, что оно позволяет заглянуть в самую суть проблемы во всей ее противоречивости. Книга Балановских даже показательна в этом смысле, поскольку противоречия, в ней содержащиеся, крайне существенны. Первостепенное значение методологии в пионерских работах заставляет меня говорить вначале о недостатках, а лишь затем — о достоинствах книги. Велики и те, и другие.

Я прочитал эту объемную, многослойную, бездонно информативную и непростую для понимания монографию несколько раз, с разноцветными карандашами, каждый раз выделяя в ней нечто новое для себя. Я понимаю, что очень немногие повторят за мной

этот номер интеллектуальной гимнастики, поэтому считаю важным максимально адаптировать книгу для широкой публики.

Как авторы понимают свою задачу

Главный из моих учителей любил повторять: правильно поставленная задача уже наполовину решена. Искусство правильно ставить научную задачу — важнейшее и необходимейшее свойство настоящего ученого. Насколько оно присуще авторам — судите сами.

1. Геногеография — превыше всего

Как понял я, осмыслив всю книгу в целом, главная задача, сверхидея авторов была связана не столько с поиском русского генофонда на русской равнине, сколько с утверждением в своих правах относительно новой науки геногеографии, преданными адептами которой они являются. Русский генофонд тут не цель, а лишь подручное средство. Если бы в руках авторов был столь же подробно рассмотренный генофонд с иным наименованием, он был бы использован точно так же.

Помогло ли средство достичь цели? Судя по признаниям самих авторов — нет.

Как пишут Балановские: «В этой книге мы собрали все данные, накопленные о русском генофонде самыми разными науками, и провели анализ этих данных методами геногеографии. Казалось бы, что ещё нужно, чтобы разрешить, наконец, загадку русского генофонда? Объем данных огромен, их объективность и разносторонность не вызывают сомнения, а методы позволяют не только проанализировать данные каждой науки, но ещё и сопоставить и объединить их. Похоже, что сейчас, в заключительной главе, мы сможем подвести итоги и, наконец, сказать самое главное о структуре русского генофонда. Ах, если бы...» (285).

Почему же нет? Что мешает? А вот что:

«Главный результат мы получили давно — в конце 1999 года, когда у нас в руках оказались четыре массива данных о русском генофонде... Для каждого из этих массивов данных ещё тогда мы провели анализ главных компонент — обычный для геногеографии способ выявить самую главную информацию... Главный сценарий каждого очевидца показывал широтную изменчивость: постепенные изменения в русском генофонде с севера на юг. Мы смотрели на эти широтно бегущие волны генофонда с изумлением, восхищением и недоверием — почему изменчивость русского генофонда широтна?.. Мы тогда же доложили этот поразительный результат на съезде Вавилонского общества и решили, что русский генофонд стоит того, чтобы его изучать — объёмы накопленной информации уже позволяют делать достоверные выводы.

Прошедшие с тех пор годы мы его и изучали... Чтобы осмыслить эти результаты и найти ответ, мы и задумали написать эту книгу. Книга написана, но ответа по-прежнему нет...

Можно и не считать широтную изменчивость главным результатом, а переключиться на другие закономерности — распространения русских фамилий, или же гаплогрупп Y-хромосомы, или на “ядерные структуры”, обнаруженные по антропологическим данным... Но главное, что мы хотели бы сказать читателю, — это что мы сами, имея в руках всё множество этих результатов, не решаемся выбрать, который из них основной. Нам неизвестны те слова, в которых можно было бы сформулировать “главное о русском генофонде”... Что является важнейшим, самым существенным — этого мы по-прежнему не знаем. Стоим и ждем ответа...».

Своеобразная, прямо скажем, апология метода.

Провели огромную, титаническую работу, а зачем — неизвестно. Прикладное значение отсутствует, по-

скольку выводов сделать не смогли. Игра в бисер?

Более того: можно было, оказывается, и вовсе не тратить сил и не играть в эту игру, поскольку внутренней убежденности в ее значении нету. Хотя сама игра рекламируется по ходу дела непрерывно. Движение — все, цель — ничто?

Авторы объясняют этот свой триумф несколько провокативно: «Теперь читатель, держа в руках те же результаты, находится с нами в равных условиях и, может быть, сумеет увидеть новые, не распознанные нами закономерности, лежащие в самой основе генофонда. В этом и была главная цель нашей книги» (286).

На мой лично взгляд, такой результат компрометирует сам метод, т.е. геногеографию.

2. Неуловимый генофонд

В самом начале книги авторы задаются вопросом: «Каковы истоки русского генофонда? Какие племена и народы составили основу нашего генофонда?.. Какие миграции — часто нешумные и почти не отмеченные в памяти народов — определили многие черты современного генофонда?» (9).

В самом конце книги авторы подводят нас к признанию в том, что сама подобная постановка вопроса научно неправомерна: «Какие же гены считать “русскими”? Ведь чем на большее число поколений мы спустимся в любую родословную, тем больше мы насчитаем “пришлых” генов. Более того, чем глубже мы будем погружаться в прошлое популяции, тем больше мы будем отходить от современного народа (русского, украинского, татарского или французского) и переходить к тем “пранародам”, из которых он вырос. Например, погружаясь в генетическое прошлое русского народа, мы уже вскоре окажемся среди генофонда иного народа, который дал начало и русским, и украинцам, и белорусам. А ещё глубже — и среди ещё иного ге-

нофонда: народа, который дал начало русским, марийцам, удмуртам, коми... И среди ещё нескольких генофондов, частью влившихся в состав русского. Но при этом не заметим никаких качественных различий в наблюдаемом нами генофонде: одних генов стало чуть больше, других чуть меньше, но нигде нет той границы, где бы вдруг неизвестно откуда дружно появились на свет “русские” (или “украинские”, или “татарские”) гены. Нет их! И нет оттого, что народ и его генофонд не являются некоей неизменной замкнутой единицей — напротив, это динамичный, живой, подверженный постоянным изменениям “суперорганизм”, умеющий, как и все живые организмы, сохранять своё единство и перерастать в своих потомков» (315).

С одной стороны, все вышеизложенное замечательно согласуется с общей теорией этногенеза. Ведь все названные европейские народы, включая германские, кельтские, славянские, финские, европеоидны в своей основе, все они прямые потомки кроманьонца, к которому и ведет ступень за ступенью нисходящая в глубь веков лестница.

С другой стороны, несколько странно видеть равнодушие генетика к «слишком маленьким» различиям генофондов, к этим «тонким настройкам». Ведь в них-то и есть вся суть этнических, а порой и расовых, и даже классовых (в биологическом смысле) различий. Разницу между человеком и шимпанзе делают всего-навсего чуть более одного процента генов, имеющиеся у одного и отсутствующие у другого, а почти на 99% они генетически одинаковы... Малюсенькие генетические различия позволяют, тем не менее, отличить не только такие близкие по происхождению этносы, как русские, украинцы и поляки, но и предков от потомков: греков от эллинов, итальянцев от римлян.

По-видимому, авторы не только чувствуют и осознают противоречие, в которое сами себя завели по итогам

колоссального труда, но и тяжело его внутренне переживают. Только этим можно объяснить, что им пришлось прибегнуть к аргументам, считающимся в науке попросту недопустимыми.

Они пишут: «Но если “самое главное о генофонде”, возможно, осталось не понятным до конца, мы всё-таки знаем достаточно, чтобы сказать, чем генофонд не является. Какие воззрения на генофонд являются ошибочными, неверными, необоснованными, ненаучными — это мы сказать теперь можем. Этот принцип — “не то” и “не это” — используется при описании очень сложных объектов (например, в духовной литературе). Он помогает очертить границы, в пределах которых реально находится объект» (286).

Подобные дефиниции, построенные на отрицании («А» не есть «Б»), именуются в логике «апофатическими» и категорически не рекомендуются даже начинающим ученым. Ибо возможности подставлять все новые значения для «Б» безграничны до абсурда (сковородка не есть подушка, но она не есть также и облако, и собака, и логарифм, и... т.д.). Да, в течение долгих столетий церковная схоластика прибегала к подобным доводам, но уже к началу XX века, в том числе благодаря русским религиозным философам, апофатические определения оказались изгнаны даже из богословия. В науке им и подавно делать нечего. Здесь требуется ясность, недвусмысленность и положительность («А» есть то-то и то-то), базирующаяся хотя бы на постулатах, если больше не на чем. И только тогда возникает возможность полноценного сравнения объектов и разграничения их свойств («А» не есть «Б» потому-то и потому-то). Но мы от авторов не дождались даже четких постулатов, не говоря уж об однозначных определениях.

В итоге полного ответа на поставленный Балановскими исходный (!) вопрос мы, соответственно, так и не получим. «Откуда ты, Русь?» — на такую глубину понимания авторы прин-

ципально отказываются проникнуть. Проблема русского этногенеза, заявленная как задача всей книги, остается лишь приоткрытой, но не раскрытой.

3. Неуловимая история

Книга Балановских фиксирует настоящее состояние русского генофонда по полевым, так сказать, исследованиям, но она не посягает судить о прошлом.

Между тем авторы буквально разрываются между назревшей необходимостью и возможностью заново переписать историю народов и рас с точки зрения их генетической изменчивости — и мировоззренческим неприятием подобного вполне естественного стремления. «Гены не детерминируют историю», — утверждают они (17). Утверждение в высшей мере спорное, хотя и в той же мере политкорректное. А поскольку книга в значительной степени представляет собой попытку утвердить геногеографию в качестве именно исторической науки, то налицо противоречие².

Историческая наука накопила достаточно версий о происхождении русского народа. Казалось бы — вот задача для союза генетики с антропологией: перебрать и оценить эти версии с точки

² Нас в школе учили не складывать метры с килограммами и не поверять данные одной науки данными другой, поскольку они не обуславливают друг друга. Возможно ли в принципе считать геногеографию наукой исторической, если генетика, вообще-то, есть наука биологическая, а география есть попросту география? Авторы временами даже претендуют на роль арбитров историографии: «Генохронология по данным генетики оценивает возможное время реальных исторических событий. Она дает датировки давно прошедших событий в истории генофонда» (358). Однако таблица совпадений датировок, предлагаемых, с одной стороны, историками, а с другой — геногеографами (361), показывает в ряде случаев результат слишком приближенный, далекий от оптимального.

зрения биологической достоверности или хотя бы вероятности. Какие из них имеют право на существование, а какие нет. Была бы огромная польза и гарантированная благодарность всех лиц, заинтересованных в таком приложении геногеографии к истории.

Балановские, однако, так и не дерзнули предложить историческую расшифровку тем географическим аномалиям, которые обнаружены ими в русском генофонде. И, возможно, правильно сделали, не будучи историками. Ибо влияние истории на генетику понятно каждому: пришли, к примеру, молодые и холостые русские в Сибирь, поотнимали женщин у местных монголоидных, уральских, алтайских, тюркских народов, женщины нарожали смешанное потомство — вот вам и новый генофонд. Судить о нем на базе истории очень даже можно³.

А вот можно ли, наоборот, на основе генетики судить о ходе истории, о том, кто, когда и с кем смешивался? Достаточно ли мы знаем хотя бы историю миграций рас и этносов, историю их дивергенций и реверсий, вообще историю этногенезов, чтобы расшифровывать ее через генетику, не попав впросак? Балановские это делать отказываются, и правильно, поскольку уже имеются примеры крупных ошибок в таком подходе.

В итоге книга о русском генофонде не получила авторской исторической проекции, она дает лишь снимок современного положения дел, верный для определенного ареала. Баланов-

³ Такую заявку Балановские делают: «Важно понять, что могла изменить масштабная экспансия русского народа в генофондах столь крупных частей ойкумены, как Сибирь, Средняя Азия, Кавказ, Дальний Восток. Ведь хорошо известны аналогичные изменения населения всего остального мира в результате экспансии западноевропейских народов». Но тут же дают задний ход: «Генетические итоги экспансии восточноевропейских народов еще ждут своих биографов» (246).

ские воздержались от исторических гипотез, хотя для них имеется достаточно оснований. Но табу авторов — не наши табу, а посему речь о том ждет читателя впереди.

Проблема метода: природа этноса «по Балановским»

Природа этноса — главный камень преткновения, который был и остается между различными школами современной этнологии. Прежде всего, между отечественной и западной, но и между разными отечественными также⁴. Читатель должен знать, что любые утверждения о достигнутом в этом вопросе научном согласии, о неких договоренностях по данному поводу, о едином, якобы общепринятом базовом определении этноса и этничности — совершенно не соответствуют действительности.

Основной водораздел: этнос — биологическая или социальная категория? Имеются приверженцы как одной из крайних позиций, так и сторонники различных компромиссных подходов. Автор этих строк — убежденный и непоколебимый биологист, считающий, вслед за Б.Ф. Поршневым: социальное не из чего вывести, кроме как из биологического.

Книга биологов Балановских в данном вопросе демонстрирует такую же противоречивость, как и в ряде других. Факты, добытые ими, противостоят их же теоретическим установкам и убеждениям.

С одной стороны, они дают настоящий бой советской грубо социологизирующей школе, памятником кото-

⁴ Позволю себе рекомендовать специально посвященную этой разногласице книгу: *Элез А.И.* Критика этнологии. М., 2001. Автор этих строк также посвятил немало времени обзору проблемы и истории вопроса о природе этноса: *Авдеев В.Б., Севастьянов А.Н.* Раса и этнос. М.: Книжный мир, 2007, 2008; *Севастьянов А.Н.* Этнос и нация. М.: Книжный мир, 2008.

рой стала вышедшая в 1986 году статья Якова Машбица и Кирилла Чистова, безапелляционно утверждавшая:

«Существуя объективно, этническое самосознание является субъективным механизмом осознания этноса как общности. Это — одна из форм обыденного сознания, притом нередко способ осознания социальной общности как единства происхождения, как своеобразного биологического родства (русский — русский по рождению, француз — француз по рождению). Но это вовсе не означает того, что этническое самосознание действительно отражает биологическую реальность. Утверждать так значит возводить в ранг научной теории обыденную и притом иллюзорную форму сознания социальной по своей природе общности (никогда не удастся доказать, что все русские или французы, или англичане родственники между собой; более или менее крупные и неизолированные этносы даже теоретически не могут располагать единым генофондом)»⁵.

Товарищи Машбиц и Чистов ошиблись — притом в корне, сокрушительно. Этническое самосознание действительно способно и не отражать биологическую реальность или даже отражать ее превратно, тому есть немало примеров. Сознание вообще много чего может. Но это вовсе не значит, что этнос по своей природе не биологическая, а социальная общность.

Книга Балановских своей фактографией напрочь отвергает и полностью опровергает эту ложную точку зрения, господствовавшую еще недавно. Им удалось именно доказать, что очень многие крупные и неизолированные европейские этносы являются практически гомогенными, имеют единый генетический портрет, узнаваемый и отличный от других этносов, а все соч-

лены этих этносов имеют, таким образом, общих предков в более или менее отдаленном прошлом. В соответствующем месте приведены даже таблицы гомогенности-гетерогенности разных народов, позволяющие сделать сравнения и прийти к вполне однозначным выводам (речь о них впереди).

С другой стороны, факты фактами, а в теории сами Балановские стоят ровно на той же советской ущербной философской и политической позиции. Они настаивают: «Попытка любой привязки гена к народу уже исходно неверна — это просто разные системы координат. Принадлежность к народу определяется самосознанием человека» (10). Подобные безапелляционные утверждения в духе «либеральной антропологии» а-ля Валерий Тишков они делают не раз. И в конце книги заявляют то же, что в начале: «Только сам человек может определить, к какому народу он себя относит. Это дело его выбора, не имеющего никакого отношения к биологии и к генетике» (315)⁶.

Видя это донельзя наивное смешение субъективного с объективным, так и подмывает спросить авторов: «Себя человек относит к этносу сам, субъективно, — или все же относится к нему

⁵ Машбиц Я., Чистов К. Ещё раз к вопросу о двух концепциях «этноса» (по поводу статьи К.П. Иванова) // Известия Всесоюзного Географического общества. 1986. Т. 118. Вып. I.

⁶ В интервью «Газете.ру» от 18.01.2008 г. О.П. Балановский вновь расписался в верности принципам: «Каждый человек и на севере, и на юге Европейской России — “стопроцентный чистокровный русский” по той единственной причине, что он считает себя русским. Если же еще русский язык для него родной, то все вопросы и вовсе отпадают, кто бы ни были по национальности его родители или его отдаленные предки тысячу лет назад. Русский — по определению не тот, все предки которого славяне... русский — это тот, кто считает себя русским. Это единственно возможный научный подход, в рамках которого национальность определяется не по родословной, не по генетике, а по самосознанию». Плохо здесь не то, что ученый имеет принципы, продиктованные абстрактным гуманизмом (это его право), а то, что он выдает их за научные.

помимо воли, объективно?». Ведь если следовать завету Тишкова и Балановских, то получается полная ерунда: «Мы — то, что сами о себе думаем».

Ясно и без доказательств, что это абсурд, субъективный идеализм чистой воды (то есть вранье и фикция), очень характерный для западной научной школы, но столь же чуждый для русской. Вопиюще антинаучный тезис в книге, претендующей на абсолютную научность!

Представьте себе, что овощи бы вдруг заговорили, и огурчик с вашей грядки заявил вам, что он кабачок или арбуз. Вы бы решили, что он попросту сбрендил. Этаким сумасшедший огурец-молодец. Вообще, любой психиатр, с места не сходя, опровергнет тысячу примеров любую попытку полагаться на самосознание человека в деле его идентификации. Мало ли «Наполеонов» томится по психушкам всего мира! Мало ли кто кем себя считает, в том числе в этническом смысле! Что же, мы так и должны всем верить?

Апология самозванства: вот как такой «научный подход» называется. Благословлять самозванцев, санкционировать самозванство... Какая уж тут научная этика!

В дальнейшем авторы профессионально поведут речь о тонких, еле уловимых отличиях в генофонде разных народов, даже таких почти неразличимо близких, как русские и белорусы. А это значит, определенно и недвусмысленно, что народы имеют каждый свой, как говорят сами Балановские, «генетический портрет». Но ведь *любой* биологический индивид может быть проверен на соответствие виду. Всегда можно составить генетический портрет конкретного человека и проверить его на степень соответствия генетическому портрету народа. И определить с высокой долей вероятности, кто перед нами — представитель данного этноса или самозванец. (В целом, разумеется, — и какого рода отклонения имеет, если имеет.) Вот это и будет

единственно неложным установлением принадлежности к народу.

А тут вдруг такое! Патологическая ненависть ревнителей политкорректности к истинной науке всем известна. Печально думать, что она настигла и привела к присяге наших ученых, заставила их изрекать тезисы, ими же научно и опровергаемые в той же книге.

Но самое печальное: авторы уповают на самосознание как основной критерий этнической идентичности не только в отношении индивида, но и в отношении вида, то есть самого этноса. К примеру, они довольно наивно пишут: «Этнический уровень определить все же проще других — благодаря этническому самосознанию членов этноса. Люди обычно сами говорят, к какому этносу их следует относить» (93).

А мы, выходит, и сметь не должны их слова проверить научными методами? Но мало ли какие у кого aberrации, в том числе массовые. Встречались племена, искренне убежденные, что кроме них на свете вообще людей нет...

Следует решительно возразить против концепции этнического самоопределения! Она философски, мировоззренчески недопустима, научно нечестна попросту.

Балановскими, между тем, для нашего вразумления на этот счет создан специальный микрораздел «Этнос и этническое самосознание», отмеченный убийственной непоследовательностью и идеализмом.

Для авторов, к примеру, синонимами этноса являются — и это глубоко верно — народы, племена, нации. Но тут же они дают и глубоко неверный пример синонима: этническое самосознание — этническое самоопределение; при том, что самосознание по смыслу слова обязано отражать объективную реальность, а самоопределение — нет. Балановские тут же письменно подтверждают эту дихотомию.

Они верно указывают, с одной стороны: «В самосознании народа переплетены как сознание общности

происхождения («мы с тобой одной крови — ты и я!»), так и сознание общности исторической судьбы, отличной от других народов». Именно так: общая кровь и общая история составляют самую суть этнической общности, будь то племя, народ или нация! То и другое — вещи вполне объективные, самосознание тут совершенно ни при чем.

И здесь же Балановские противоречат сами себе: «Этнос как универсальная единица популяционной системы обладает свойствами целостности и системности. Эти свойства проявляются, прежде всего, в этническом самосознании, цементирующем популяцию в единое — хотя и многоликое — целое... Но именно сознание общности исторических судеб обычно играет главенствующую роль в этническом самосознании и в формировании генофонда этноса (кто и когда это определил? — А.С.). Объединяющее начало этнического самосознания приводит к тому, что постепенно все части этноса — независимо от их происхождения — рано или поздно генетически сближаются, становятся обладателями некоторых общих генов, образуя некий общий и неповторимый «портрет» генофонда» (24)⁷.

⁷ Фальшь авторской установки видна на конкретном примере: в таблице гомогенности-гетерогенности различных народов Европы авторы наряду с такими мононуклеарными народами, как поляки или немцы, поместили вдруг австрийцев! Но ведь всем известно: австрийцы не народ, не этнос. «Австрийство» — есть не более, чем согражданство, внутри которого стиснут конгломерат различных этносов — немцев, венгров, чехов и др. — со своими национальными самосознаниями и своими национальными языками. Поэтому гетерогенность «австрийцев» ни о чем не может свидетельствовать, кроме как о полиэтничности австрийского согражданства. Исследоваться, уж если на то пошло, могли бы австрийские немцы — на предмет генетического соответствия германским немцам... Этнос вне общности происхождения — не этнос.

Вот мило! Сознание первично — материя вторична! Самосознание формирует генетику! Биологическая популяция есть феномен сознания! Архиепископ Беркли ликует и рукоплещет в райских куцах, почитывая Балановских...

А Балановские с каким-то садомазохистическим нажимом переводят эту установку конкретно на русский народ: «Очень ярко это проявилось в истории русского народа. Он включил в себя — кроме славянского — множество иных составляющих не только финно-угорского и тюркского происхождения, но также, видимо, и балтские, иранские, германские элементы. Попытки XIX века реанимировать сознание единства по происхождению («по крови») и противопоставить «великороссов» и «инородцев» не выдержали критики со стороны общественности и науки — слишком очевидны были факты включения этнически инородных компонентов в сам русский народ. Не последнюю роль сыграли в этом и данные антропологии, выявившие внутреннюю неоднородность антропологического типа русских: географически разные части «ареала великоросса» различны и по физическому облику русского населения... Этот процесс слияния генофондов даже спустя многие века далёк от завершения, в то время как этническое самосознание давно уж выкристаллизовалось в единое целое, выстраданное общностью исторических судеб населения Русской равнины» (25).

В дальнейшем сами же авторы собственными данными подтвердят, что генетическую гетерогенность русских не стоит преувеличивать и драматизировать (она ниже среднего), а также железно докажут, что азиатское присутствие в нашем генофонде вообще близко к нулю, статистически ничтожно.

Но дело даже не в этом, а в принципиальной трактовке фактов. Как известно, и золото не бывает 100-про-

центным. Если в каких-то русских людях присутствуют в виде примесей некие иные этнические субстраты, это ведь еще не значит, что в них отсутствует собственно русский субстрат как основной генетический компонент. К чему-то ведь эти примеси примешивались! От того, что Балановские не желают синтезировать некий эталон — «абсолютного русского», не следует впадать в отчаяние и говорить об исчезновении феномена русскости. Плодотворнее, наверное, было бы поговорить о ядре этноса, состоящем из обладателей максимального количества русских этнических маркеров, и его периферии, где это количество градуированно снижается. А следовательно, о соответствующей градационной шкале принадлежности к этносу. И о той границе, за которой один этнос теряет свою идентичность и преобразуется в другой. И т.д.

В порядке утешения и успокоения мне тут кажется уместным напомнить читателю о двух обстоятельствах, вытекающих из дарвиновского учения о дивергенции и реверсии.

Дивергенция (расхождение признаков) в популяции кроманьонца-европеоида и его потомков насчитывает не менее 50 тысяч лет. Как можно будет далее судить по исследованию Балановских, отдельные протуберанцы этой популяции еще в очень отдаленные времена (15–12 тыс. л.н.) достигали Охотского моря и Байкала. Дивергенциальное распадение ностратической общности, сложившейся задолго до того, на индоевропейские этносы (кавказионцы, кельты, германцы, славяне, финны и др.) также относится примерно к этой же поре. Индоевропейские этносы, в свою очередь подверженные дивергенции, порождали разные субэтносы (так славяне породили антов и склавинов, ляхов, чехов, сербов, пруссов и др.), которые вступали между собою в разные отношения, но в случае их смешения происходило не исчезновение или «порча» этнично-

сти, а лишь реверсия — восхождение к исходному типу: явление, открытое Дарвином⁸.

Именно так, видимо, происходило и с русскими, причем как минимум дважды.

Во-первых, славянский этнос в ходе дивергенции раздробился на самые разные субэтносы. В том числе на два таких крупных, как анты на юге и склавины на севере, давшие в свою очередь жизнь многочисленным племенам. Но не только на них. Среди разнообразных славянских субэтносов, распространившихся по всей Европе от Балкан, Черного и Каспийского морей до Балтики и Белого моря, были и т.н. русы, также разделившиеся минимум на две популяции: южную, шедшую затем к восточным славянам через Подунавье и Приднепровье, и северо-западную, прибывшую туда же через побережье Балтики. Явившись же к восточнославянским племенам, потомкам антов и склавинов, русы подчинили оных, после чего ассимиляция названных трех этнических компонентов продолжилась естественным путем, приводя к появлению собственно русского этноса (народа).

Вполне понятно, что при таких обстоятельствах ни о какой «абсолютной» генетической гомогенности русских нечего и мечтать. Естественный изначальный дрейф генов, ведущий к упомянутой дивергенции (расхождению признаков), а также различные метисации на периферии могли дать в результате богатое разнообразие даже внешних признаков, таких как цвет глаз, волос, строение черепа (долихоцефалы — брахикефалы) и т.д. Не говоря о невидимых глазу генах.

Однако при этом результат все рав-

⁸ Со временем субэтносы восходили в своем развитии и обособлении до стадии этносов и порождали новые субэтносы, а бывшие этносы превращались тем самым в суперэтносы (кавказионский, кельтский, германский, славянский, финский и др.).

но не выходил за рамки славянской суперэтничности, о чем, в частности, косвенно свидетельствует тот факт, что язык на всем русском пространстве от Новгорода до Киева оставался общим при всем богатстве диалектов.

Во-вторых, затягивая (как доказано Балановскими) в процесс этой внутриславянской ассимиляции финский субстрат и «балтские, иранские, германские элементы», проторусские люди при этом точно так же оставались в рамках индоевропейской и, тем более, ностратической биологической праобщности, по-прежнему принадлежа к расе европеоидов кроманьонского извода. Наша биологическая природа по большому счету (!) не менялась при этом. Здесь, кстати, разгадка повышенной готовности русских ассимилировать и ассимилироваться с другими европеоидами: нам не привыкать к реверсии, мы ее не боимся.

Таким образом, все просто-напросто упирается в правильное определение: **русский народ — это сложносоставной европеоидный этнос, имеющий славянскую генетическую основу от летописных племен и говорящий порусски.** Сложносоставность в своей конкретности обеспечивает как внутрирусскую гетерогенность, так и генетическое своеобразие русских по отношению к другим европеоидам, в том числе по отношению к украинцам, белорусам и полякам, высоко гомогенным, не претендующим на сложный генетический состав⁹. А русский язык выражает это наше своеобразие в фонетике, лексике, синтаксисе и т.д.

Понятно, что при таком определении не только общность истории, но и (что куда более важно) общность происхождения русских не приходится брать под сомнение. А этническое самосознание русских («мы одной крови и одной истории») своей ослепительной самоочевидностью делает ненужным и нелепым какое бы то ни было

самоопределение, которое есть не что иное как плод сомнений в собственной идентичности. «Самоопределяется» только тот, кто не уверен в своем происхождении. Тому, кто уверен, достаточно самосознания.

Самое отрадное: как мы вскоре убедимся, исследование (не концепция!) Балановских не противоречит вышеприведенному определению русскости ни в целом, ни в частности.

* * *

Но вернемся, однако, к концепции. Авторы не могли не чувствовать недостаточность субъективно-идеалистического подхода к определению этничности. Все-таки биология — настоящая наука, наука фактов, а не чьих-то мнений, даже всенародных. И они пытаются нащупать объективный критерий этничности, но... вновь ищут его не в биологических характеристиках этноса, а во внеположных собственно этничности эпифеноменах, конкретно — в языке.

Отвечая на вопрос, зачем определять финскую этничность по языку, Олег Павлович Балановский написал мне: «Вы пишете, зачем нужна лингвистика в выделении финно-угров. Но они и выделяются-то именно по лингвистике! Любой народ выделяется прежде всего по языку». Наихарактернейший ответ! При этом, однако, сами авторы, заявляя тезис о наличии финского субстрата в русском генофонде, определяют этот субстрат вовсе не по фонемам и лексемам, а именно по генам, в очередной раз жестоко противореча себе.

Поставив во главу угла такие «критерии» этничности, как самосознание и язык, авторы загнали себя в логическую ловушку без выхода.

Должен известить читателя, что от языкового критерия этносов советская наука отказалась еще в 1960-е годы, осознав его непригодность. Так, главные популяризаторы этнологии того времени, супруги Чебоксаровы, тру-

⁹ То и другое доказано Балановскими.

дившиеся под покровительством главного этнолога СССР Ю.В. Бромлея, писали: «Чем же отдельные народы отличаются друг от друга? Вероятно, всякий, кто попытается ответить на этот вопрос, скажет, что главным признаком народа является его язык». Однако не зря в этих словах звучит ирония. Ибо исследователям уже тогда было совершенно «ясно, что на земном шаре существует много языков, которые являются родными не для одного народа, но для целых групп этносов. Границы расселения отдельных народов и распределения языков далеко не всегда совпадают... Нередко встречаются также народы, отдельные группы которых говорят на различных языках»¹⁰. Сказанное справедливо и не дает никакой возможности преувеличивать роль языка как критерия этничности.

Я не хотел бы углубляться здесь в проблему вторичности языковой природы человека по отношению к биологической (это сделано мной в другом месте¹¹). Замечу только, что случаев перехода языка от одного народа — к другому (например, от народа-победителя к народу-побежденному и наоборот) очень-очень много. Вот экзотические, но весьма убедительные примеры.

У африканских пигмеев, чьи племена не живут все компактно друг близ друга, а разбросаны по большой территории, нет своего общего языка, каждое племя говорит лишь на языке тех разноплеменных черных земледельцев, что оказались по соседству с ним. Между тем, как пишет исследователь Джаред Даймонд: «Люди, обладающие такими отличительными характеристиками, как пигмеи, и обитающие в такой уникальной среде, как экваториальные тропические леса Аф-

рики, в прошлом должны были жить достаточно изолированно и их языки должны были составлять уникальную семью. Однако сегодня этих языков больше не существует, а что касается ареала обитания пигмеев... то он теперь крайне фрагментирован. Сложив этногеографические и лингвистические данные, мы приходим к выводу, что земли пигмеев были в какой-то момент оккупированы пришлыми черными земледельцами и что языки этих земледельцев стали языками пигмеев, у которых от их исконных наречий остались лишь некоторые слова и фонемы. Прежде мы уже наблюдали похожий эффект на примере малайских негритосов (семангов) и филиппинских негритосов, которые переняли соответственно австроазиатские и австронезийские языки у заселивших их территории аграрных племен»¹².

Прелесть приведенного примера в том, что пигмеи — не просто этнос, такой же, как все прочие, но мутировавший некогда в сторону захирения (как считали когда-то): нет, это, по мнению современной науки, вообще особая субраса! Она существует изначально как непреложная биологическая данность более высокого порядка, чем этнос. Тем не менее определить ее по языку — невозможно. Расово-этническая идентичность есть, а языковой — нет! Ну, а кем себя считают пигмеи, каково их этническое «самосознание» — это вряд ли вообще кого-то интересует. Ибо кем бы они себя ни считали, на каком бы языке они ни говорили, одного взгляда достаточно, чтобы сразу определить: пигмеи! И никто иной!

Категоричность Балановских, избравших такие критерии этничности, как самосознание и язык, кажется удручающе излишней в свете этих (и множества подобных) данных.

¹⁰ Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971. С. 11–12. О том, что язык не может служить критерием этничности, блестяще убедительно не раз писал Лев Гумилев.

¹¹ Севастьянов А.Н. Этнос и нация...

¹² Даймонд Джаред. Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. М.: АСТ, 2009. С. 490–491.

Проблема метода: ареал генофонда — или «генофонд ареала»?

На втором месте по размеру вызываемых сомнений (после критерия этничности) стоит тезис авторов об ареале генофонда.

В хитросплетении авторской аргументации необходимо разобраться досконально, это важно для общего понимания книги.

Авторы постулируют: «Ареал русского генофонда — территория, населенная русскими» (24). Прекрасно сказано! Ясно и понятно.

На первый взгляд.

Но как определить, без предварительного генетического анализа, русскими ли заселена данная территория или еще кем-то? Не верить же, в самом деле, людям на слово! Нужен объективный критерий.

Перед нами — заметная проблема метода, весьма не новая, в частности, для социологов. Куда ни кинь, наталкиваешься на необходимость первоначального отбора, вынужденно условного. Характер условности — главный камень преткновения: кто и по каким критериям будет отбирать? Нужно быть максимально откровенным и точным, решая этот вопрос, не вуалируя научные принципы никакими побочными соображениями.

Балановские, ограничив ареал русского генофонда Русской равниной, записали, таким образом, в русские лишь гипотетических потомков восточных славян, некогда населявших некоторую часть территории Древней Руси (не всей). Это кажется странным, ведь русские массово и компактно живут и за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, на Украине и в Новороссии, и в Крыму, и на Южном Урале, и на северо-востоке Эстонии, не говоря уж про целиком генетически русскую (по данным Балановских) Белоруссию.

Получается, что из исследования выпали немаловажные части именно той самой русской популяции, ко-

торую надлежит исследовать. Что в корне противоречит авторскому определению ареала русского генофонда — постулату, приведенному выше.

Что же помешало авторам, анализируя последовательно одну часть русской популяции за другой по всей гипотетической территории расселения (в соответствии с собственным постулатом), фиксируя их генетическую общность и отталкиваясь уже от нее, со всей определенностью судить и о наличии некоего условно русского народа, и об ареале его расселения? Ведь они сами указывают: «Целые области пространства характеризуются сходными значениями генных частот» (16); вот по этим значениям и определяли бы популяцию...

Помешало отчасти своеобразное (слишком!) представление о популяции, о чем речь впереди. Отчасти тот факт, что русские, в отличие от белорусов или поляков, есть популяция разделенная, отдельные части которой находятся друг от друга на заметном генетическом расстоянии, что затрудняет (хотя и не делает невозможным!) выведение некоего общего для всех частей генетического «знаменателя».

Но главное — помешало именно то самое представление об этносе как небиологической сущности, о котором шла речь главкой выше. Коготок увяз — всей птичке пропасть.

Но это бы полбеда. Беда в том, что сильно ошибется тот, кто подумает, будто авторы и впрямь вознамерились исследовать «русский генофонд», как обещает нам название книги.

Самым парадоксальным образом авторы-биологи утверждают: «Прежде всего подчеркнем, что генетические границы не имеют никакого отношения ни к политическим границам (которые определяются политической ситуацией), ни к этническим границам (которые определяются этнической самоидентификацией группы населения)» (301).

Насчет политических границ это

бесспорно так: они, бывает, разрезают единый этнос «по живому», что с русскими, кстати, и произошло. Понятно, что этнос может существовать как целое и поверх государственных границ.

А вот насчет этнических границ авторы явно играют в абсурд: как генетические границы могут не совпадать с этническими? Это представляется невозможным по определению. Что же тогда отграничивают генетические границы, если не один этнос от другого? Какую-токую иную общность людей? Назовите же ее тогда!

Однако авторы уходят от такого ответа, а лишь многократно настаивают на том, что генофонд — это, мол, одно, а этнос — совсем другое. И именно потому, что предлагают абсурдное: определять этничность через самоидентификацию, а не через биологию.

Но ведь понятно, что если позволить кому попало именоваться русским, то никакой общей генетической идентичности у троих, допустим, таких самозванцев можно и не обнаружить. И мало ли какой сброд вдруг оказался в том или ином селе на стыке разных расовых и этнических ареалов или на постоянных, излюбленных маршрутах тысячелетних миграций! Эти люди могут самоопределяться как угодно, но генетический анализ вряд ли подтвердит их общность. А если мы примем за общность именно сам генетический разнородностью как таковой, то ареалом этой общности придется признать только данное село. Иного логика не допускает.

Между тем авторы нам именно это и предлагают: «Говоря о русском генофонде, мы говорим обо всех генах, собранных всем долгим ходом истории в “исконном” русском ареале и запечатленных в нем. А уж какие гены в него попали — это дело истории, не нам судить» (10).

Такой подход порождает два класса недоумений.

Во-первых, если уж собрались выяснить, что же именно в сегодняшних русских генетически общего, если ста-

вилась задача «изучить русский генофонд через его географию» (60), то непонятно стремление изучать русских не по всему ареалу их нынешнего расселения от Калининграда до Владивостока, а лишь на ограниченной территории.

Установленное авторами ограничение априори убивает самую проблему генетической идентичности русских, которой в этом случае «не может быть, потому что ее не может быть никогда». Это, на мой взгляд, не очень понаучному. Все-таки теорема решения задачи требовала бы хотя бы попытаться эту идентичность установить опытным путем. Не удалось бы — ну, тогда другое дело... А так — что мы узнаем? Где расселились русские в период Московского царства? Это и так не секрет.

Я бы понял другое: изучив русских на исконных территориях, обнаружить эталон русскости, чтобы потом отличать русских от нерусских или от не совсем русских, где бы они ни жили, где бы ни обнаружились. Это действительно важно, это очень нужно.

Так же важно разобраться, все те же ли мы, русские, пока еще, на всем пространстве России, или уже разные? А если разные, то где и насколько? Это тоже очень важно и нужно.

Но Балановские нам говорят: никакого эталона русскости нет и быть не может.

Тогда зачем все это?

«Русский генофонд на Русской равнине!»! Казалось бы, речь должна пойти о генофонде русского народа. Нет, на самом деле исследуется лишь население определенного, искусственно ограниченного географического ареала, Русской равнины — и ничего более. Об этом нам неоднократно и на все лады напоминают сами авторы.

Но разве население ареала всегда тождественно этносу? Иногда это так (например, жители села Кубачи в Дагестане, не заключающие браков ни с какими окрестными селами и представляющие, по сути, народ-изолят), но

чаще — нет. Принципиальную разницу выдает сама семантика слов: «народ» (те, кто народился) и «население» (те, кто населился).

Что же такое в этом случае исследуемый «русский генофонд»? Сумма генов, случайно находящихся в данный момент на данной территории? Получается, так. Почему же он тогда «русский»? Умом сего не понять.

Авторы очень стараются нам все разъяснить и разжевать, но только запутывают своими объяснениями дело.

Они, например, формулируют: «Генофонд определяется концентрацией генов в определенном историческом ареале» (10). Чьих генов? Чей генофонд? Непонятно. Выходит, по правде говоря, какая-то ерунда: **генофонд ареала...** Но тут уж, простите, попытка «сложить метры с килограммами»: приписать биологию к географии. Как если бы нам было интересно изучать ареал, а не этнос! Но возлюбленный авторами «ареал» не есть форма жизни и не способен обладать генофондом. Сам по себе он никому не интересен.

Увы, это не случайная оговорка, в другом месте мы натолкнемся на тезис еще покруче: «Русский генофонд входит в состав Восточной Европы, та в свою очередь — в состав Северной Евразии...» (30). Но биология не может войти в географию и наоборот¹³. Разве можно утверждать: «Волга впадает в русский народ»?! А ведь это то же самое...

Снова и снова отрешиваются авторы от мысли, что этнос может определяться по биологическим критери-

¹³ Научные странности в виде скрещивания биологии с географией не кончаются на этом, а идут дальше: «Сложившиеся в определенной социальной и природной среде особенности генофонда адаптированы именно к этой среде» (16). Но нас всегда учили, что наследственные признаки не адаптивны, а адаптивные (благоприобретенные) не наследуются, т.е. не переходят в генофонд. Кто и когда установил обратное?

ям, по генам в частности: «Анализируя “исконный ареал”, мы никогда не говорим об “исконно русском генофонде”, об “исконно русских” генах» (10).

Возникает вопрос: с какого момента и почему, в таком случае, генофонд на данной территории следует считать русским? И что здесь было до этого момента, какой генофонд? И как он вдруг стал русским, если не был таковым изначально, если «исконно русского генофонда» нет, как нас уверяют, в природе?

Перед нами новое противоречие: авторы определяли русские популяции, подлежащие исследованию по сумме антропологических признаков, исходя из понятия «исконного ареала» (287). А надо бы — ровно наоборот: определять исконный ареал по границе расселения популяций, объединенных суммой антропологических признаков. Где расселена антропологическая общность — там, стало быть, и есть ее исконный ареал.

Исконный, разумеется, относительно: он становится таковым с момента окончания заселения. Исконность зависит от фактора времени¹⁴. Территория Киевской Руси стала для русских исконной к XIII веку, Московского государства — к XV, а вся Россия — только в XIX веке. Но сегодня она для

¹⁴ Сколько лет должен прожить этнос на новом месте, чтобы считаться коренным? Русские живут в Сибири как минимум со второй половины XVI века, более 400 лет. Мало? Как сказать. Вот якуты осели в Якутии всего лишь столетием раньше, а попробуй кто скажи, что они некоренные, хищные пришельцы! Правда, эвенки, эвены, коряки и ительмены именно так и считают, но кто слышит их голос? А татары в Крыму, прибывшие туда в XIII веке, — коренные? Они скажут: да; но местные караимы, например, крымчаки или греки только посмеются... Я не думаю, что русским следует мириться с титулом колонизаторов за Уралом, а то так можно и Урала лишиться и много еще чего. Мы давно уже коренные на каждом квадратном миллиметре России.

нас уже вся (за небольшими исключениями) — исконная, в т.ч., без всякого сомнения, Сибирь и Дальний Восток.

Но вот сомнение еще каверзнее: если в одном и том же ареале брать срезы разных эпох, то совсем не обязательно перед нами предстанет история одного генофонда. На определенном этапе, если подмес другой расы или этноса слишком велик, происходит качественный скачок, диалектический переход количества в качество. Сегодня перед нами один генофонд и, соответственно, этнос, глядь — завтра тут уже другой генофонд и, соответственно, этнос. Он может по недоразумению носить прежний этноним (греки — яркий пример), но этнос-то уже другой. И хорошо, если только этнос, а ведь может быть и расовая рокировка: один расовый тип исчезает, другой приходит ему на смену. Как это произошло в «ареале» нынешних Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, некогда полностью европеоидных.

Как видим, неизменность ареала не гарантирует исследователю аутентичность изучаемого генофонда, который сегодня, допустим, заслуживает названия «русский», а завтра может и перестать. И где тогда прикажете искать народ, имеющий право так называться?

Во-вторых, не вызывают доверия критерии исконности, примененные авторами к избранному ареалу. Они спорны.

Авторы поясняют свой выбор ареала — Русской равнины — тем, что это де исконный ареал русского народа. «Исконный» ареал — это та территория, где популяция исторически сформировалась. Иными словами — где сложился её генофонд. Впоследствии ареал может расширяться или сжиматься, но для понимания истории генофонда (то есть того, как сформировался генофонд до своего расширения на другие территории) важно изучать в первую очередь «исконный» ареал» (24).

Они призывают в обоснование своего выбора историю: «Особо подчер-

кнем — исторический, “исконный” ареал задан вовсе не генетикой! Нет, он определен историческими науками, науками о прошлом. Именно они определяют, в каких пределах и на каких землях сложился русский народ» (10).

Пусть так, согласимся с этим. Но дальнейшая конкретика не может удовлетворять. Исконный ареал должен по определению: во-первых, включать в себя ВСЕ земли, на которых данный народ сложился, а во-вторых, не включать в себя земли, на которых он не сложился, а появился уже сложившимся. Авторы нарушили оба этих принципа¹⁵.

Балановские поясняют: «Для русского генофонда таким “исконным” ареалом можно считать территорию Московского государства до начала присоединения им земель с неславянским населением» (24).

Возникают вопросы:

— во-первых, знают ли авторы историю Московского государства? Историю русской колонизации?¹⁶ Новгородские земли, Северо-Восток и Поволжье всегда были заселены нерусскими. Но Новгород присоединял их с X века, когда еще никакого Московского государства не было (да и

¹⁵ Интересно: авторы приводят пример — адыги, «после Кавказской войны переселившиеся не только в Турцию, но и во многие страны Передней Азии, Ближнего Востока и даже Мадагаскара. Однако их “исконный” ареал по-прежнему остается на Западном Кавказе, несмотря на то, что ныне там плотность славянского населения намного превышает плотность коренных народов» (86). Однако для русских такой подход авторы не применяют, их исконный ареал расселением летописных племен не ограничивают. Двойной стандарт?

¹⁶ Лучшим источником по данной теме считается «Обзор истории русской колонизации» академика М.К. Любавского. Можно бы рекомендовать и труд профессора Кельнского университета А. Каппелера «Россия — многонациональная империя».

до основания Новгорода русские шли на финский Север). Владимир, Ростов, Тверь, Вятка — также... Все эти земли вошли в состав Московского царства уже к концу XV века. Московское царство изначально было этнически сложносоставным, полиэтническим, при существенном численном перевесе славянорусов, всегда остававшихся единственным государствообразующим народом, инициировавшим создание и расширение Руси;

— во-вторых, уж если ориентироваться на историю, то почему исконным для русского генофонда надо считать Московскую, а не Киевскую Русь? Ведь основной этап славянской экспансии на эти земли тогда уже произошел, на Севере и на Юге во всяком случае, да и в центре в основном тоже. В течение нескольких веков столицей русской земли, центром, вокруг которого активно формировался русский этнос, был все-таки Киев, а не какая-то иная точка на карте. Впрочем, уже и тогда присоединение неславянских земель шло полным ходом, как минимум от Рюрика, призванного двумя славянскими и тремя (!) финскими племенами! А то и раньше, если судить по археологии. А вот Кубань, попавшая в исследование Балановских, никогда к исконным русским землям не относилась¹⁷;

¹⁷ По ходу чтения книги Балановских у меня не раз возникал вопрос о качестве исторических источников, ими использованных. К примеру, изучая русских Краснодарского края, они взяли только... кубанских казаков (86). Опираясь при этом на весьма апокрифическую генеалогию оных, ведущуюся, якобы, с XIX века от донских казаков и пришедших русских людей (170). Но ведь в действительности первыми (если не считать давно исчезнувшую Тмутаракань) заселяли эти земли, отнятые у турок только в XVIII веке, бывшие запорожские казаки, против их воли введенные на новоприобретенные территории указом Екатерины III! Сохранилось до наших дней даже песенное моление запорожцев, обращенное к царице, с просьбой оставить их

— в-третьих, сомнительно даже, что и вся территория Киевской Руси может быть зачислена в категорию «исконной». Разве не исключительно территория первоначального расселения летописных племен должна быть признана за таковую? Уж что может быть исконней! Тем более, что, как выяснили сами Балановские, именно этот-то ареал (западная часть той территории, которую записали в «исконную» наши авторы) и хранит наибольшее генетическое своеобразие, роднящее его население как с летописными племенами прошлого, так и с современными белорусами и украинцами (81)¹⁸.

Почему авторы пожертвовали этой существенной генетической близостью при определении как исконного ареала, так и вообще русской популяции, и предпочли ей менее существенную

на родине (чего сделано не было). Запорожский субстрат и лег в основу генофонда казаков Кубани, где до сих пор чаще поют украинские, чем русские песни и говорят на суржике. Следовало ли, в свете этого, ограничивать исследование русских кубанцев именно казачеством? Может быть и да, поскольку запорожцы изначально — не украинцы, а недобитые татарами «исконные» русские XIII века и их потомки, но тогда это так и следовало обосновать. Это не единственная историческая «шероховатость» в книге.

¹⁸ Каким правильным кажется замысел Балановских относительно исконности: «смысл один — это те территории, где формировался русский народ, а не те, где он впоследствии расселился» (63). И каким неправильным кажется их отступление от этого принципа, когда они, включив в «исконный» якобы ареал восточные и северо-восточные регионы Русской равнины (значительная часть которых заселялась уже после татарского нашествия), не включили при этом действительно исконные русские территории. В результате из анализа исследователей выпали такие древние этнообразующие племена славянорусского народа, как дреговичи, уличи, тиверцы, радимичи, хорваты, дулебы (волынские) и их потомки.

близость с ассимилированными финнами? Кто из здравомыслящих русских воспринимает финнов как братьев, да еще вместо белорусов или украинцев? Кто согласится признать финнов вторым государствообразующим этносом Руси?

Как ни крути, а к самым исконным русским территориям относятся многие земли нынешней Украины, Белоруссии и Прибалтики. Почему же Балановские их не взяли ради объективности и полноты исследования? И кстати, если генетически русские и белорусы — практически одно (как это неопровержимо доказывают сами авторы), то почему их исследуют порознь, почему искусственно разделяют друг от друга? Уж если обязались брать русский исконный ареал — так и возьмите исконный, не сдвигая его резко на восток!

Ответ Балановских повергает в шок поклонника научной честности: «Чтобы не потакать геополитическим спекуляциям, нам пришлось “обрезать” надежно изученный ареал русского народа по современной политической границе России» (153).

Ничего себе аргумент! Вот так критерий исконности! Вот так ученые!

Разве можно так?!

Попытка Балановских взойти на Олимп от грешной Земли явно не удалась. Казалось бы, какое ученому дело до политики?! Но это не так, конечно. Нельзя ставить политику в оппозицию к науке, как алхимию к химии, астрологию к астрономии, шаманство — к медицине и т.д. Подлинная политика — это синтез наук: биологии, истории, культурологии, психологии, экономики и др. Поэтому настоящему ученому лучше бы иметь научно выверенную до последней мелочи политическую позицию. Но уж если таковой нет, то не следует ли закрыть глаза на внеположные исследованию обстоятельства и честно придерживаться объективных методов и полных данных чистой науки?!

Ученый должен понимать: не хочешь

потакать одним политикам (и политикам) вольно, сознательно — будешь потакать другим невольно, в меру своего непонимания. В стороне остаться не удастся в любом случае. Небрежное, свысока, «олимпийское» отношение Балановских к политике оказало дурную услугу им как ученым и русским как народу. Ибо авторы хотели бы, но не могут быть вне политики и потому вторгаются в нее неуклюже. Увы! Они таки пошли на поводу у политических спекулянтов, притом жестко антирусских, приравняв политическую границу к генетической, этнической! (Хотя сами против этого предостерегали.) И тем самым де-факто опротестовали статус русских как разделенной нации и их естественное право на воссоединение...

Голос Балановских-политиков, к счастью, стоит немного. Но в результате этой их манипуляции пострадала наука, они изуродовали, «обрезали» не ареал, а истину. А поскольку голос Балановских-ученых, напротив, стоит немало, их книжка льет воду на мельницу украинских и прибалтийских националистов и русофобов. А что хуже всего — ставит интеллектуальное препятствие на пути воссоединения русских с белорусами, русских России — с русскими Украины, Казахстана, Эстонии. Такова пагубная политическая проекция научной непринципиальности и предвзятости.

Нехорошо.

* * *

Мои недоумения по поводу «филологии ареала» Балановских на этом не заканчиваются, но уже относятся к другим, не только русским ареалам, назначенным ими к рассмотрению. Отчасти об этом придется говорить в следующей главке, специально посвященной проблеме популяции, но кое-что необходимо сказать уже сейчас. Главная претензия — та же: *в рассмотрении берется не ареал генофонда, а генофонд ареала.*

Несколько смешивая, по обык-

новению, биологию с географией, Балановские оперируют понятием «ойкумены», традиционно, от древних эллинов, географическим и цивилизационным, — как биологическим, популяционным. И пишут: «Ойкумена — это уже самый высокий уровень для популяций человека. Человечество представляет единый вид и является той самой большой “матрешкой”, в которую вложены все остальные» (93).

Против такого взгляда необходимо возразить. Из того, что при создании всего человечества, всех рас и народов использовался в разных сочетаниях один и тот же набор генов в разных комбинациях — еще не следует их родственная связь и/или восхождение к общим предкам. Попробуйте заменить в такой гипотезе слово «ген» на слово «химический элемент» или «атом» (а ведь все мы, безусловно, сделаны из одинаковых атомов), и абсурдность ее станет очевидной.

С тех недавних пор, как генетику Сванте Паабо удалось неопровержимо доказать, что неандерталец не является предком кроманьонца, вся эволюционная цепочка происхождения человека, заучивавшаяся нами в школах, полетела ко всем чертям. Теории моногенизма (происхождения всего человечества в одном месте от одних предков) был нанесен смертельный удар, а полигенисты заслуженно торжествуют. Самая большая реальная «матрешка» отныне — раса.

Балановские, как видим, не учитывают названное обстоятельство, оставаясь на позициях моногенизма («все народы от века друг другу сродни»). Что плохо сказывается как на выборе ареала исследований, так и на трактовке результатов.

Так, очередной любимой игрушкой авторов оказывается такая «ойкумена» и такой «генофонд», как «Северная Евразия». Которая, как мы убедимся, и не ойкумена, и не генофонд. Модный у политических спекулянтов, которых так опасаются Балановские,

топоним «Евразия» вообще, на мой взгляд, имеет крайне ограниченное применение. Представление о Евразии согласуется вполне лишь с геологией, уже только кое-как с географией (и то физической, но не политической), а уж с расологией, антропологией, историей, политологией, культурологией — вообще никак не согласуется!

Балановские интригуют нас: «В результате специально проведенного анализа генофондов народов всего мира, мы можем сегодня утверждать, что именно генофонд Северной Евразии (основную часть которого составляет Россия) сохраняет в себе максимум характеристик общечеловеческого генофонда. Такого сходства с генофондом человечества нет ни в одном другом генофонде коренного населения мира. Если основываться только на этих свойствах и на минуту забыть, о сколь северной окраине ойкумены идет речь, то можно было бы подумать, что мы имеем дело с некоей самой центрально расположенной частью мировой суши или же с прародинной человечества. Но поскольку первое предположение неверно, а второе невероятно (?), то тем самым мы стоим перед самой настоящей загадкой, представляющей серьезную научную проблему» (17). На с. 369–372 они прямо отождествляют Северную Евразию с «бывшим СССР» и подтверждают свой вывод: «Наиболее близок к мировому “генетическому центру” генофонд Северной Евразии» (370).

Ну и что? О чем это говорит? СССР — «модель мира»? Мерси за честь, а толку-то что?! Ведь такое генетическое разнообразие характеризует вовсе не некий единый «генофонд Северной Евразии», несуществующий на самом деле: вместо него налицо салат из генофондов разного этнического и расового происхождения, упакованных в одну политгеографическую оболочку Советского Союза, который, кстати, не случайно распался именно по этнополитическим границам.

Если в одну емкость вы вывалили вместе селедку, шампанское, духи и елочные игрушки, а потом перемешали — разве это все составляет единство? Разве что в смысле оригинального новогоднего подарка. Но произвольность, необязательность такого «подарка» бросается в глаза. И вообще, границы емкости — это еще не «единство»!

* * *

Подытожу. Подходить к фактам, обнаруженным Балановскими, с их установками нельзя. А то выводы будут: а) ложными, б) не поддающимися рациональной трактовке.

Во-первых, непонятно, как можно замыкать некий якобы единый генофонд в ойкумену типа «Северная Евразия» (географически совпадающую с СССР, где и проводились полевые исследования)? Генофонд не может быть замкнут в границах политической географии, в границах некоей страны. В противном случае, чей же это будет генофонд, какого этноса, какой расы?

То, что попадает в оптику Балановских, именуется не иначе как «население Советского Союза». И все! Тут нет ничего этнического, ничего расового. Если, конечно, не считать за этнос такую фикцию, как светлой памяти «советский народ» — фантом из фантомов, не проживший и полвека.

Перед нами — искусственное, вымышленное единство. Пресловутый *генофонд ареала*. Поэтому мозаичность «генофонда Северной Евразии», на которую упирают авторы (253), на деле ни о чем не говорит, поскольку ареал выбран произвольно и неправильно, а сам подобный «генофонд» — классическое «воображаемое сообщество» по Бенедикту Андерсону. Вроде пассажира вагона метро, генофонд которого никому не придет в голову изучать, хотя ареал налицо.

Такая псевдоцельность ничем, кроме случайных границ, не скреплена. Никакого обобщающего значения ее

исследование дать не может в принципе: ведь сюда попадают и европеоиды, и монголоиды, и метисы. Не может простая сумма генов Северной Евразии (то бишь СССР) почитаться за какой-то единый генофонд, тем более если мы признаем, что «по уровню общего разнообразия этот генофонд занимает первое место в мире»!

Эту понятийно-методологическую дикость авторы никак не объяснили. Точнее, привели мелким шрифтом такое объяснение, которое заставило меня до боли им посочувствовать, но... не оправдать:

«Для советских генетиков Северная Евразия вынужденно становилась всей ойкуменой. Влияния государственной идеологии на науку было невозможно избежать. Например, в компьютерные картографические программы граница СССР была “зашита” так же прочно, как очертания континентов... “Железный занавес” — государственная граница СССР — действительно воспринималась тогда как граница осязаемого мира, граница “местной” ойкумены» (246).

Что ж, мы все родом из СССР, но, простите, прошло уже 20 лет с его кончины; кажется, было время избавиться от издержек политического диктата. А если авторы этого не сделали, чем их извинить? Не есть ли это та самая политическая спекуляция, которой они так старались избежать?

Самое интересное, что авторы открыто возводят свой произвол в принцип и метод, провозглашая: «Выделение регионов целиком подвластно произволу (таланту, научной интуиции) исследователя» (93)!

Результат этого принципа налицо.

Во-вторых, стоит только «расшить» границы СССР — и загадка, обескуражившая Балановских, просто исчезает. Надо взглянуть на генофонды именно поверх границ, в т.ч. с Китаем и Монголией.

Тогда-то и обнаружится тотчас же, что естественные границы у гено-

фондов есть, но они называются не Северная Евразия, не СССР, не Китай или Монголия, а «раса монголоидов» и «раса европеоидов». Не политическую, а этнографическую (в расовом ключе) карту мира следует иметь в виду при таких исследованиях¹⁹.

Сами авторы это признают опять же мелким шрифтом, между строк, стыдливо и робко. Они пишут: «Генофонд Северной Евразии с самых древних эпох своего существования состоит из двух взаимодействующих и взаимодействующих субгенофондов. Думается, мы не погрешим против истины, если — на правах правдоподобной гипотезы — соотнесем эти субгенофонды с европеоидной и монголоидной расами: эта гипотеза уже нашла подтверждение в анализе антропологических данных о населении и Восточной Европы, и предварительных данных о Северной Евразии» (253).

Замечательное, честное признание, только неясно одно. Зачем говорить о каких-то «субгенофондах» внутри мифического «генофонда Северной Евразии», когда речь на деле идет просто-напросто о двух принципиально разных расовых генофондах, сошедшихся навстречу друг другу на указанной территории?! Европеоидный и монголоидный генофонды самостоятельны по своему происхождению и генетическому наполнению, они самодостаточны и не являются структурными подразделениями никакой более высокоорганизованной общно-

¹⁹ Существует именно такая огромная и очень подробная карта расселения всевозможных этносов на территории России и сопредельных с нею государств (бывших республик СССР, но не только, например, Китая, Монголии и др.), подготовленная и выпущенная в середине 1990-х годов совместно Институтом картографии и Институтом этнологии и антропологии РАН. На этой в высшей степени пестрой карте с помощью разноцветных значков и символов размечены добрых две сотни наций, народов и племён.

сти: это ясно, как божий день, любому непредвзятому наблюдателю. Да, они взаимодействуют и даже взаимопроникают — ну и что?! У гибридов бывает плодовитое потомство, это давно доказано натуралистами²⁰.

На самом деле наблюдения Балановских (особенно хорошо они понятны на картах, о которых речь впереди) есть важный довод в пользу не признаваемого ими полигенизма: мы отчетливо видим далеко разнесенные центры расогенеза и обширную зону разной степени метисации между ними. Именно тут и лежит разгадка того, что показалось авторам загадкой. Но для того, чтобы увидеть ее, надо отвернуться от генофонда ареала и повернуться к ареалу генофонда!

Да, бывший СССР есть именно прародина, но только не всего человечества, этой фикции, а лишь расы европеоидов: здесь лежит эпицентр ее расогенеза. А рядом, в Монголии и Китае, — эпицентр расогенеза монголоидов. Вот и весь секрет.

В-третьих. Игры с географией довели Балановских до очень сомнительных утверждений. Увлечшись фикцией единого «генофонда Северной Евразии» (или будучи принуждены к тому советской цензурой), они изобрели еще и такие новации, как «европейский этнос» и «сибирский этнос». Что тут скажешь?

Прежде всего: таких этносов никогда не было, нет и быть не может, поскольку в том же «европейском этносе» присутствуют и кельты, и германцы, и славяне, и финны, и кав-

²⁰ Еще Дарвин, обратясь к проблеме скрещивания у человека, сделал в книге «Происхождение человека и половой подбор» (1871) принципиальное заявление: «Полная плодовитость при скрещивании человеческих рас, если она будет установлена, не может, безусловно, возбранить нам признавать эти расы различными видами» (Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1908. С. 158).

касионцы, и баски, и корсиканцы и прочие настоящие отдельные этносы и суперэтносы. Какой же может быть «суммарный этнос»?! Это лишь салат из этносов, как и в пресловутой «ойкумене». Европейским этносом можно было бы назвать только такой этнос, в котором вся эта смесь перемешалась, гибридизировалась до степени однородности, как перемешались в латиносах-метисах индейцы, негры, испанцы и португальцы. Латиноамериканский этнос реально существует, европейский — нет.

Что до «сибирского этноса», то тут маседуан еще покруче европейского. Если судить по генетическим расстояниям не только между разными народами, но и между разными популяциями отдельных сибирских народов (по данным Балановских), ни о какой этнической «сибирской» цельности не может быть и речи.

Но у меня возникает и вовсе нехорошая политическая ассоциация.

Некогда в ведомстве министра Третьего рейха по делам оккупированных территорий Альфреда Розенберга работал начальник отдела колонизации Ветцель. Ему было поручено подправить в соответствии со своей компетенцией план «Ост», вчерне сделанный ведомством Гимmlера. Одной из навязчивых идей Ветцеля был якобы автохтонный «сибирский народ», который предлагалось искусственно культивировать. Ветцель писал: «Мы должны также стремиться всячески усиливать сибирские народы, чтобы не допустить укрепления русских. Сибиряки должны чувствовать себя народом с собственной культурой».

К сожалению, мы уже дожили до того, что эта идея, выношенная гитлеровцами, находит своих адептов не только у реальных сибирских автохтонов, но и в русской Сибири, «обиженной» на Москву, на центральную власть. Исконно русские люди, отлично знающие свои русские по всем линиям корни, кокетливо предпочитают

именоваться сибиряками, а не русскими, словно не понимая опасности этой игры.

А игра эта для нас, русских, опасна — и смертельно. Кто бы мог сто лет назад предположить, что малороссы когда-нибудь решительно отмежуются от русского суперэтноса, отрекутся от общерусского корня! Но ведь сегодня это реальность. К аналогичной реальности могущественные силы сегодня всячески подталкивают и белорусов, и казаков, и поморов, и семейских Алтая, и старожилов Магаданской области, и кержаков, и другие русские субэтносы. А теперь еще и сибиряков в целом.

Нужно ли разъяснять, что за всем этим стоят планы всемирных стратегов по расчленению России? Многим в этом мире очень хотелось бы, чтобы русские и впрямь замкнулись в границах Московского царства.

Понятно ли, в какую игру втянулись Балановские со своим «сибирским этносом»? В устах авторитетных ученых даже пустая оговорка может сыграть зловещую роль.

И здесь уместно снова вернуться к выбору Балановскими «ареала генофонда».

Балановские жестко констатируют: «Русский генофонд... в двучленной структуре генофонда Северной Евразии... целиком относится к его западной половине... остается на территории западного, европейского субгенофонда, не заходя не только в восточную, но и в переходную зону».

Как прикажете понимать это утверждение?

Если здесь речь о несмешении русских с каким-либо монголоидным субстратом, то тут все ясно и верно. Но если речь о географическом расселении русских, об их повсеместной идентичности — то нет. Ведь мы, русские, согласно переписям, имеем статистическое большинство и на Урале, и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Да и антропологи то же говорят: русские

антропологически едины по обе стороны Урала. Русский — он и в Африке русский.

Можно понять так, что Балановские своим утверждением ставят под сомнение этот тезис. Не хотят ли они сказать, что на деле там, за Уралом, — сплошь генетические ассимилянты? Не вполне русские?

В сочетании с их фактическим отказом изучать русский генофонд за пределами Московского государства, а также с их сомнениями в том, что за пределами «исконного ареала» русские являются коренным народом, а не колонизаторами (283), авторы объективно работают на идею дальнейшего расчленения русского народа на «настоящих» русских, проживающих в пределах одного ареала, и различные модификации типа «сибиряков».

Это не только научно неверная, но и очень вредная, опасная идея с точки зрения пропаганды и укрепления этнического единства русского народа, являющегося сегодня единственной скрепой, предохраняющей пока Россию от трагической судьбы распавшегося СССР.

Вот к чему привела авторов подмена ареала генофонда — генофондом ареала.

Проблема метода: популяция — категория географическая или биологическая?

Рядом с проблемой определения и понимания этноса и ареала стоит проблема определения и понимания популяции, термина, которым Балановские пользуются особенно часто.

Авторы разбивают наши иллюзии: «Если нет генов русских или славянских, отчего же мы генофонды называем такими именами? Лишь оттого, что популяциям (и их генофондам) надо дать понятные имена» (235–236).

Что же это за популяции такие, которым зачем-то надо давать понятные имена? И притом не просто «давать» новые имена, а произвольно присваи-

вать старые, всем известные, популярные этнонимы!

Не обретет ли при этом, например, некая этнически вполне бессодержательная популяция ярлык «русская», украденный у вполне определенного по содержанию этноса? Не происходит ли на наших глазах смешение или подмена понятий «этнос» и «популяция»? Или, наоборот, не происходит ли разведение этих двух синонимических понятий по разным полюсам смысла?²¹

Такая установка авторов вообще обесмысливает само понятие «русский генофонд». А заодно и их труд. Если объективно русских нет, чей же генофонд исследуется?

Балановские объясняют с милой простотой: «Если сказать, что под русским генофондом мы будем иметь в виду коренных сельских русских в их “исконном” (историческом) ареале, а затем использовать термин “русский генофонд” во всей книге, то читателю легче будет понять, о чём говорят авторы. Поэтому генофондам мы и даём условные имена — для простоты взаимопонимания» (236).

Логическая порочность хода мысли видна невооруженным глазом: русский генофонд — это русские люди, поэтому генофонду условно дано имя «русский». А русскими-то эти люди являются как — условно или безусловно? Если условно, то вообще теряется, становится зыбким и неопределённым предмет исследования: условно русский генофонд условно русских людей. А если безусловно, то почему тогда нужно считать условным русское

²¹ Теоретически русский этнос в целом и любая отдельная русская популяция должны быть тождественны по биологическому и социокультурному содержанию, а отличаться могут лишь количественно (например: русский народ как таковой и популяция русских в эксклаве — Калининградской области), а если качественно (биологически), то незначительно, не утрачивая общность в целом. По аналогии с разными диалектами одного языка.

имя генофонда? Он тоже безусловно русский и больше ничей! Но если данный генофонд является безусловно русским, значит, те гены, которые отличают его от других генофондов, — они и будут являться «русскими генами». Которых якобы нет в природе.

Таким образом, главное внимание должно сосредоточиться на поиске ответа на вопрос: почему мы должны считать русскими этих людей, есть ли для этого твердые основания? Ответ может быть получен, по логике, только одним способом: ту или иную популяцию следует протестировать на соответствие биологическому эталону русскости (русским генам). Но такого эталона, как нам уже объяснили Балановские, не может быть, потому что его не может быть никогда.

Замкнутый круг...

Зачем все это делается? Зачем вообще надо изучать некие «популяции», как нам предлагают Балановские?

На этот вопрос ответить непросто по одной причине: авторы трактуют термин «популяция» очень уж на свой лад.

Что принято понимать под словом «популяция» в биологии — и что понимают под ним Балановские? Увы, совсем не одно и то же. Судите сами.

* * *

Биологический энциклопедический словарь (гл. ред. М.С. Гиляров; редкол.: А.А. Бабаев, Г.Г. Винберг, Г.А. Заварзин и др): «Популяция, совокупность особей *одного вида*, обладающих *общим генофондом* и занимающих определённую территорию» (здесь и далее выделено мною. — А.С.).

Большая советская энциклопедия (Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.В. Яблоков, Н.В. Глотов): «Популяция в генетике, экологии и эволюционном учении, совокупность особей *одного вида*, более или менее длительно занимающая определённое пространство и воспроизводящая себя в течение большого числа поколений... Основной ха-

рактеристикой П., определяющей её центральное положение как элементарной единицы эволюционного процесса, является её генетическое единство».

Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия (гл. ред. А.П. Горкин): «Популяция, совокупность особей *одного вида с общим генофондом*, в течение большого числа поколений населяющая определённое пространство или объём (водный) с относительно однородными условиями обитания и относительно обособленная (изолированная) от других совокупностей этого вида».

Общая биология: Учебное пособие для 11-го класса: «Популяция — структурная единица *вида*... Группировки (совокупности) особей одного вида, длительно населяющих определённую часть ареала, свободно скрещивающихся друг с другом и дающих плодовитое потомство, относительно обособленные от других совокупностей этого же вида, называются популяцией... Таким образом, популяция является внутривидовой группировкой и, следовательно, конкретной формой существования вида, а сам вид — сложной биологической системой».

Особенно важно для нас данное здесь же в учебнике определение ареала: «Ареал вида. Особи одного вида встречаются на территориях, где они находят подходящие для жизни условия. Часть земной поверхности (или акватории), в пределах которой встречается данный вид, называется ареалом».

Подчеркнем: ареал детерминируется видом, а не вид ареалом!! Мы не можем, поместив в один садок исландскую селедку и селедку иваси (а тем более добавив к ним треску), утверждать потом, что это — одна популяция. Никакие границы, кроме биологических, генетических, — политические, административные, географические, любые иные, неважно! — не могут определять ареал популяции.

* * *

Ознакомившись с хрестоматийными текстами, мы должны со всей определенностью дать себе ответ на главный вопрос: чем же определяется принадлежность к этнической популяции? Территорией или генофондом? Понятно, что может быть только два взаимоисключающих ответа: либо — либо. Поскольку территория не детерминирует генофонд этносов (за редким исключением народов-изолятов), а генофонд, естественно, не детерминирует территорию.

Энциклопедические статьи и учебник трактуют этот вопрос однозначно. Главное в популяции — биологическое родство всей совокупности особей, принадлежность к одному виду (в нашем случае — этносу), общность их генофонда. Границы популяции есть границы вида (или внутривидовой группы), обладающего общим генофондом, а посему должны определяться именно генами. Ареал, в котором проживает весь данный вид, — это и есть ареал данной генеральной популяции, и никак иначе. Поскольку на конкретный вид, в данной популяции проявленный, указывает присутствующий ему генофонд. Это требование элементарной логики. Биология не поверяется географией.

Итак, популяция есть понятие биологическое, а не географическое.

А что пишут Балановские, какое определение дают?

А вот: «Популяцию человека можно определить как относительно обособленную группу населения, которая исторически сложилась на определенной территории и воспроизводит себя в границах этого “исторического” ареала из поколения в поколение» (15).

Обратите внимание: не часть народа (этноса), а группу населения! То есть, заведомо не вида, как принято у биологов, а случайного для данной территории набора особей разных видов. Фактором, образующим популяцию,

отчетливо выступает территория (излюбленный авторами «ареал»).

Такова у Балановских дефиниция популяции, явно противоречащая общепринятой. Интересно, что сами авторы характеризуют свое определение довольно уничижительно, находя, однако, в нем своеобразные достоинства: «Это нестрогое и невнятное (!) определение позволяет привлечь внимание к крайне важному моменту: для популяционной генетики “популяция” — это не просто случайная группа людей... Нет, популяция — это особый, исторически сложившийся, и главное — стабильный суперорганизм, живущий в конкретных рамках исторического времени и географического пространства. В этих же рамках времени и пространства существует и генофонд популяции» (15). На деле, конечно, «исторически сложившийся суперорганизм» сложился именно и только по воле случая, в одном месте — одного, в другом — другого.

Как видим, Балановские принципиально определяют популяцию, так же как и генофонд, не по генам или иным биологическим критериям, а по территории и истории. Но тогда получается, что биологический вроде бы термин не имеет биологического содержания. Нонсенс? Да. Потому что мы попадаем в методологический тупик: нельзя в принципе небологическое явление исследовать биологическими методами. Нельзя одну науку мерить категориями другой, «складывать метры с килограммами».

Как авторы попали в эту логическую ловушку? Как можно популяцию привязывать к ареалу, измерять, ограничивать ареалом? А если она не совпадает с «определенной (кем?) территорией»?²²

²² Это особенно бросается в глаза в отношении мигрирующих популяций, например, лосося или угря. Какая уж тут может быть привязка к территории! А популяция, между тем, существует. В мире людей таким примером могут служить цыгане, евреи. Если же

Кто внушил им эту ересь? Популяции кочуют, мигрируют...

Вновь политкорректность загнала в тупик? Или идеологический диктат советской власти? Нет, на этот раз, скорее, увлечение красивой и пустой фразой модного некогда болтуна, французского анархиста-бакунинца Элизе Реклю²³: «География по отношению к человеку есть не что иное, как История в пространстве, подобно тому, как История является Географией во времени». Эту вполне бессмысленную мыслишку Балановские с пиететом вынесли в эпиграф и потом еще цитируют и комментируют в восторге: «Это ясное и элегантное выражение принципа эргодичности, то есть взаимозаменяемости пространства и времени, как нельзя лучше отражает понимание геногеографии как истории генофонда, неотделимой от естественной и общественной истории популяций человечества» (15).

Ссылка на Реклю, чьи слова никак не относятся к физической географии, а только к политической, говорит лишь об одном: авторы перепутали один вид географии с другим. Вот и выходит, что порой даже бесспорно верные тезисы Балановских получают затем уродующее их преломление.

К примеру, они совершенно правильно указывают: «Все локальные популяции данного народа в совокупности

популяция оказывается привязана к некоей территории, то это может быть обусловлено вовсе не географическим фактором, а к примеру, химическим составом морской воды для исландской или норвежской сельди.

²³ Французский географ и политический деятель, один из теоретиков анархизма (1830–1905). В период Парижской коммуны 1871 – боец Национальной гвардии. Член 1-го Интернационала. Профессор географии в Брюсселе. Известность приобрёл его труд «Человек и Земля» (1876–1894), в котором он попытался дать общую картину развития человечества, сильно преувеличивая влияние географической среды на развитие общества.

образуют этническую популяцию» (93). Но что же это оказываются за «локальные популяции»? Биологи Балановские в своем географическом понимании следуют самому максималистскому варианту: «В русском населении элементарные популяции могут быть самого разного “административного” ранга: сельсовет, район или даже край» (92).

Искусственность границ названных популяций бьет в глаза. Русские расселялись, когда этого административного деления еще не было, оно не органично и никак не ориентировано на ареал расселения! Административным решением нельзя никого назначить русским. Генам — бесчисленные тысячи лет, а административные границы меняются все время. Авторы сами писали, что генетические границы и политические могут не совпадать, но ведь отличие политических границ от административных только в масштабе.

Впрочем, чему удивляться. Коли уж начали с географических границ «ойкумены»-СССР, то вот и дошли до административных, столь же условных, а то и произвольных, оставленных в наследство коммунистами, любившими перекраивать карты.

Правда, авторы загадочно уточняют: «Возможны и не “административные” классификации русских популяций» (30), но расшифровки этому не дают и сами никакими другими классификациями не пользуются.

Здесь хочется еще раз подчеркнуть: любые границы, проведенные на карте человеком, произвольны и условны. В то время как популяции — естественны и самотождественны, независимо от любых границ. Разве популяция лосося в Баренцовом море определяется границей 200-мильной зоны: здесь норвежский, а там — российский лосось? Разве популяция сусликов зависит от границы с Китаем или Казахстаном: здесь российские суслики, а там — китайские, казахские? Разве советские корейцы генетически не такие, как в Корее?

Или тот же лосось: пока жирует в Тихом океане — это, выходит, одна популяция, а как явится в Охотское море на нерест — так сразу другая? Или, все-таки, та же самая?

Одна реплика авторов помогает понять, что за досадная аберрация произошла с их пониманием популяции. В небольшом разделе «Система популяций» они пишут: «От локальных популяций мы поднимаемся к народам... Народ лишь в чрезвычайно редких случаях соответствует самому нижнему уровню популяционной системы, ее кирпичику — элементарной популяции... Обычно же каждый народ и сам является иерархически организованной системой популяций. И яркий пример тому — русский народ. Его “кирпичиками” — локальными популяциями — являются города, деревни, села, погосты, починки, поселки, выселки... Группа локальных популяций составляет популяцию более высокого уровня — волость (сельсовет), сельсоветы объединяются в районы, районы — в области, области — в регионы (например, Русский Север) и только далее уже следует этнос (русский народ)» (30).

В этих словах отчетливо видны два момента, с которыми нельзя согласиться и которые стали для Балановских камнями преткновения.

Во-первых, мы видим: авторы пытались идти от частного к общему, от части к целому. А надо бы, в первую очередь, — от целого к части, от общего к частному, как того требует классическое определение популяции. Ибо иначе получится, как в знаменитом анекдоте про слона, которого по частям описывали пять слепых. Но ведь целый слон — это и не хвост, и не хобот, и не бивень, и не нога, и не бок, хотя все это у него имеется. Вначале необходимо определить, что же общего у данных популяций; надо удостовериться, какой вид (этнос) они все представляют; выяснить, что в каждой из них имеется от целого, как она с целым связана.

Во-вторых, отчетливо видна ущерб-

ность привязки к административному делению.

Балановские считают — и это грубо верно — что этнос (синоним: народ, племя, нация) есть «универсальная единица популяционной системы» (24). Но тогда о каких «популяциях» в административных границах можно говорить? Мне здесь видится противоречие, ведь русский этнос ни с одной из них не совпадает. Ибо нет таких этносов: «архангельские русские», «калининградские русские», «курские русские», «московские русские», «сибирские русские», «русские села Кукуева»...

Есть генеральная популяция русских вообще. Это популяция, как говорят биологи, «разделенная», то есть имеющая в себе локальные популяции низшего уровня, могущие незначительно отличаться генетически друг от друга. К ним относятся и эксклавы, будь то Калининградская область или некий район Лондона. И эти эксклавы пребудут частью генеральной популяции до тех пор, пока не перемешают свой генофонд с автохтонами (например, в Лондоне) или мигрантами (например, в Калининградской области) до степени утраты идентичности.

Но одно дело — эксклав, со всех сторон обтекаемый иными этносами. Учет политических (область) или административных (район) границ, его определяющих, в этом случае оправдан. А другое дело — проживающие бок о бок в самой России разные русские популяции более низкого уровня, чем народ в целом. Это не эксклавы, они не отделены чужими территориями, не разделены морями и пустынями, а потому не подлежат выделению по административному или географическому признаку.

Вполне понятно, что некоторая генетическая разница подобных отдельных популяций такого большого, географически разбросанного народа, как русские, — есть неизбежность. И Балановские — великие специалисты, гово-

рю это без малейшей иронии, именно по этим тонким различиям генофонда, описанным ими в разных системах и картографированным. Вот на этих-то замечательных, уникальных картах наших авторов и видны воочию истинные границы популяций! Которые могут совпадать, а могут и далеко не совпадать с административными. Как то и положено биологическим общностям.

В чем же смысл выделения в «локальные популяции» соседних, близлежащих сел или областей, если у них не различаются генофонды? Нет никакого смысла! Это противоречит хрестоматийному пониманию популяции. Но Балановские противоречат и сами себе, поскольку знают и убеждают нас, что «целые области пространства характеризуются сходными значениями генных частот» (16). Вот через эти сходные значения и определяли бы популяции!

И наоборот: как можно говорить о популяции, скажем, всего Русского Севера, когда Балановские отчетливо и очень убедительно выделили там как минимум два русских ареала, чей генофонд отличается по целому ряду позиций от всех остальных, указывая именно на наличие разных русских популяций в данном регионе? Вот эти два ареала, биологически заметно иные, — безусловно и есть локальные популяции русского народа, а какими административными границами они при этом очерчены (или не очерчены) — не суть важно.

* * *

Философия популяции, как и философия ареала, имеет у Балановских ряд странностей и вызывает резкое неприятие именно с философских, логических и мировоззренческих позиций.

Балановские начинают с человечества как популяции самого высокого уровня, чей ареал — вся планета Земля. С этим невозможно согласиться.

Как следует из хрестоматийно-

го определения, нельзя, к примеру, говорить о популяции просто рыб в Охотском море, но говорят лишь о популяциях **вида**: трески, наваги, иваси, палтуса и т.д. в этом море. Разве можно иметь в виду под популяцией механическую сумму всех рыб водоема? Это недопустимо в терминах науки. Нельзя сложить навагу с иваси, добавить туда палтуса и треску и все это вместе взятое назвать популяцией Охотского моря.

Но Балановские утверждают обратное: «Все человечество представляет собой одну гигантскую популяцию, подразделенную на множество меньших... Это принцип матрешек» (335); «Все человечество представляет собой многоуровневую, иерархическую популяцию, и почти каждая конкретная популяция и сама состоит из нескольких субпопуляций, и входит в состав популяции более высокого иерархического уровня» (336).

Это что-то странное.

Выше уже говорилось, что ни калининградцы, ни москвичи, ни сибиряки — не популяции, ибо популяция не тождественна просто населению. Не является популяцией и не тождественно человечеству и население всей «ойкумены».

Виды (в данном случае расы) или подвиды (в данном случае этносы) могут быть представлены популяциями, которые маркируют собой тот или иной ареал. Но механическое сложение видов и подвидов (рас и этносов) не дает еще один особый вид — «человечество», претендующий на ареал типа «Земной шар». Человечество само по себе популяцией не является, это вообще лишь фикция, прижившаяся в политическом лексиконе, типичное «воображаемое сообщество» по Б. Андерсону, не существующее как факт.

Однако есть, очень условно говоря, антропосфера²⁴, которая состоит из как

²⁴ Концепция «человечества» требует допустить, что все основные расы — европеоиды, монголоиды, негроиды — представляют

минимум трех подразделенных популяций, а именно трех рас: европеоидной, монголоидной и негроидной. Помимо этих изначальных, первичных, больших рас, есть множество производных, вторичных, гибридных, возникших в ходе бесчисленных миграций и метисаций. Все эти расы, первичные и вторичные (третичные, десятичные и т.д.) являются подразделенными популяциями и представлены разными этносами, которые также, в свою очередь, подразделяются на субэтноты.

Балановские, в отличие от некоторых новомодных умников, прекрасно сознают и подтверждают реальность рас, за что им честь и хвала. Но не имеют смелости осмыслить этот факт до конца и сделать соответствующие выводы. Мы уже видели эту робость мысли на примере установления ареала исследования по произвольным границам СССР. Теперь то же самое следует отметить на примере определения разного рода популяций, начиная с «человечества».

Спускаясь с этой вершины ступень за ступенью, Балановские говорят нам о популяции Северной Евразии, затем — даже о популяции Сибири и т.д. Обоснованно ли?

Теоретически в границах Северной Евразии вообще нет и быть не может никакой единой популяции (единого вида, как мы поняли из хрестоматийных текстов). Однако авторы на ней настаивают и даже говорят о некоем едином генофонде этого ареала (371).

Что же это за популяция такая проживает в регионе Северная Евразия? Уж не советский ли народ, в реальность которого нас заставляли верить?²⁵ Но

собой все вместе нечто целое (что явная, очевидная ложь). Контрконцепция «антропосферы» не настаивает на этом.

²⁵ Тогда, по аналогии, придется признать, что в Америке (всей) тоже существует единая популяция: американцы. Что с точки зрения этнологии, осведомленной о том, какой пестрый конгломерат этносов там собрался, — полный абсурд. Согражданство — вполне за-

СССР не есть этнически целостный регион, не есть ареал какого-либо одного вида. Он четко делится на зоны европеоидные, монголоидные и зоны разных степеней градиентной метисации (Алтай, Урал). Это зоны видов, а «североевразийская» популяция — есть генетический нонсенс, поскольку видом не является.

Соответственно, следует понимать, вопреки уверениям Балановских, что никакого «самостоятельного генофонда» в рамках всего СССР (Северной Евразии, ойкумены) нет и быть не может.

Точно так же невозможно принять всерьез тезис Балановских: «Вся Сибирь рассматривается как одна подразделенная популяция» (334). Но Сибирь же населена разными расами и этносами, чистыми и микшированными. О каком едином «сибирском» виде, о какой, следовательно, единой «сибирской» популяции можно говорить?!

Столь очевидные нелепости, да еще и выстроенные в систему, в иерархию приоритетов, позволяют говорить о глубокой порочности метода авторов.

* * *

Главная проблема, которую не смогли решить Балановские, носит философский характер и проходит по ряду логики и методологии.

Чтобы обозначить границы русской популяции, нужен биологический эталон: идеальный, образцовый русский генофонд. Где его взять? Сами генетики его заведомо дать не могут, т.к. ничто не определяется через самое себя.

Зато такой биологический эталон знают и могут одолжить генетикам (для первоначального отбора материала) антропологи, тем более что способность поверять данные генетики данными антропологии уже подтверж-

---

конный объект исследования, только к биологии он никаким боком не относится.

дена самими генетиками²⁶. Известны комплексы антропологических т.н. маркеров (признаков, критериев) многих этносов, в том числе русского. Такой комплекс, в своем максимальном выражении, и дает искомый эталон, теоретический абсолют. Вот его-то и должны были бы найти на пространстве нашей Родины и обследовать генетики, а затем, проведя замеры в разных регионах, отследить границы и полноту соответствия эталону.

Эта полнота везде и всюду никогда не будет 100-процентной, это понятно; везде и всюду будут свои вариации, отклонения. Но именно это и даст нам помимо таблицы гомогенности-гетерогенности (она есть у Балановских) еще и шкалу русскости! По степени приближенности к эталону можно судить, кто больше, а кто меньше ему соответствует, и по каким признакам, а кто стоит на критической черте (допустим, 51% признаков, критериев, маркеров), а кто уже не соответствует совсем, перешагнул за черту соответствия.

А что делают вместо этого наши авторы?

Взяли некий весьма произвольный регион, провели обследование населения и делают какие-то умозаключения почему-то о русских. Тем более странные, что для авторов непреложна истина: «Нет генов “русских” или “украинских”, так же, как и нет генов славянских или романских» (235)

Кто же тогда доказал, что это изученное население — русские?

«Они сами так считают» — не аргумент. Мало ли кто кем себя считает.

«Таково историческое предание» — тем более не аргумент. Недавно на Алтае раскопали древнюю гробницу высокоранговой женщины. Местные этнические алтайцы подняли страшный крик: нельзя-де тревожить прах нашей царевны! Руки прочь от нашей принцессы! Опомнитесь, милые, останки — отчетливо европеоидны и

не имеют к вам, появившимся на Алтае сравнительно недавно, никакого отношения ровным счетом.

А бывают на почве истории массовые aberrации еще смешней. Недавно вот таджики официально и торжественно праздновали «День Арийца», весь Душанбе кругом свастиками изрисовали. И тем остальной мир повеселили. Опомнитесь, милые, взгляните на себя в зеркало, «арийцы»! Арийцами были когда-то ваши далекие-далекие предки, но после визита орд Чингисхана, Тамерлана и их коллег с арийством пришлось расстаться всем предкам нынешних таджиков, узбеков и ряда других современных этносов.

Нет никаких гарантий, что, доверившись историческим преданиям (или историческим иллюзиям) исследователь не изучит в итоге генофонд, имеющий весьма малое отношение к тому или иному этнониму.

«Они говорят по-русски» — ну, это уж и вовсе никуда не годное обоснование этнической идентичности. Точно так же, как границу популяции не может установить ни история, ни география, ее не способна установить и лингвистика. Биологическая сущность вообще не поддается описанию и изучению небиологическими методами. Выше об этом уже говорилось. Между тем в эту логическую ловушку Балановские тоже попали с головой.

«Имена популяциям часто даются по именам языков. Так принято сейчас в биологических науках» (236), — утверждают они. Как понимает читатель, это — не аргумент. История научных заблуждений знает еще и не такие aberrации. Авторы стараются пояснить: «Почему мы говорим о генах славянской или германской языковой семьи? Научно ли это? Вполне. Ведь мы занимаемся *популяционной* генетикой и говорим лишь о той *популяции* людей, которые говорят на языках славянской или же германской ветви языков. И ничего другого за “лингвистическими именами” не стоит».

²⁶ Подробности в следующей главе.

Но язык, как это каждому понятно, не является биологическим маркером вида, а следовательно — и популяции. «Популяция говорящих на одном языке» — есть антинаучная формула. Объяснение Балановских тщетно, увы... Печально и нелепо до смешного, если под видом генофонда русского этноса нам предъявили бы генофонд всех русскоговорящих! Только этого не хватало!

* * *

Видимо, где-то в глубине души Балановские и сами понимают, что выносили в своих мечтах о геногеографии что-то не соответствующее строгим требованиям науки. Не зря авторы сетуют, что в западной традиции «изучение генофонда превратилось в генетико-статистический анализ свойств популяции» (15).

Я не поклонник западной науки, поднявшейся на закваске философского идеализма, предпочитающей иметь дело с мнениями, а не с фактами. Но в данном случае надо отдать должное: ведь именно так и следует делать, именно это и правильно! Только надо вначале верно определить, что есть популяция, чем определяются ее границы: гены — территорией или территория — генами? Выше мы уже справились с этой задачей. Но повторю для закрепления.

Популяцию (фракцию вида, этноса) следует определять и устанавливать биологически: антропологически и генетически. А территорию (ареал) — по уже установленной популяции. Вот кратко суть правильного алгоритма.

«Исконная» это территория или нет, «историческая» или нет — не имеет значения. Это территория популяции по факту. Сегодня она может быть одна, завтра — другая. Популяция же останется сама собой в любых странствиях, пока будет соблюдать брачную структуру и соответствовать своему генетическому портрету.

Сказать правду, авторы не всегда последовательны, и порой противоречат сами себе, как бы споря с собственными

несовершенными установками: «Генофонд популяции — вся совокупность генов, которыми она обладает — имеет свой географический ареал, свои географические и историко-культурные границы. Эти границы, конечно же, не представляют собой непроходимые “заборы” — сквозь них проходят потоки генов, но они не столь интенсивны, как внутри границ ареала. Эти границы плавучи, текучи, неоднозначны, но при этом абсолютно реальны» (15).

Вот это — святая правда. Почему же вновь и вновь авторы ищут и исследуют популяции по границам, а не границы по популяциям?

Не знаю. Это целиком на их совести.

* * *

Несмотря на то, что установки и принципы авторов, на мой взгляд, глубоко ошибочны, это не умаляет значения сделанного ими исследования. Ибо по счастливой случайности основное изученное Балановскими население в том ареале, который они произвольно очертили для своего исследования, действительно — русские, насколько позволяет судить история. Прямые потомки расселившихся здесь некогда «летописных племен» восточных славян и русов. Жители сел и маленьких городов, где никогда не жили иноэтнические завоеватели и куда инородная миграция почти не докатилась. Только поэтому результаты генетического обследования этих жителей отразились так объективные особенности именно русского генофонда, позволили создать реальный генетический портрет нашего народа. Точнее, не один, а несколько портретов, с учетом широтной и долготной изменчивости русских. Как минимум пять: один — для русских северян, другой — для южан, третий — для жителей Центральной России, да еще по одному для западной и восточной частей. Плюс еще несколько для особых русских популяций на Севере и Юге. Но об этих деталях — в своем месте.

Проблема метода: антропология и генетика

Кстати, об антропологии и эталоне русскости. Вначале несколько фактов и цитат. Они касаются четырех важных аспектов нашей темы: принадлежности русских к европеоидной расе, отсутствия в них монголоидного субстрата, русской антропологической однородности и проторусских предков на пресловутой Русской равнине.

Все познается в сравнении. Антропологической экспедицией 1955–1959 годов, возглавляемой крупнейшим советским антропологом В.В. Бунаком, были изучены более 100 групп великорусского населения. Предварительно Бунак, сопоставив данные по десяткам групп населения всей зарубежной Европы, выявил пределы максимальных и минимальных значений антропологических признаков для этих групп (форма и размеры головы, лица, носа, а также длина тела и т.п.). Сравнение этих данных с теми же пределами значений для русских показало, что у русских разброс в 2 раза меньше, чем для всего европейского населения. То есть, во-первых, все европейские признаки выражены у русских наиболее типично (по основным расовым критериям мы занимаем центральное положение среди европейцев, являемся эталонными европеоидами). А во-вторых (для нас сейчас это главное), русские значительно однороднее антропологически, чем население Европы в целом.

Современный известный антрополог В.Е. Дерябин подтвердил вывод насчет русской европеоидности уже в наши дни: «Русские по своему расовому составу — типичные европеиды, по большинству антропологических признаков занимающие центральное положение среди народов зарубежной Европы и отличающиеся несколько более светлой пигментацией глаз и волос, и менее

интенсивным ростом бороды, и более крупными размерами носа»²⁷.

А Институт молекулярной генетики РАН совместно с Уфимским научным центром РАН подтвердил вывод относительно антропологической гомогенности русских, особенно в сравнении с другими народами России, в частности с башкирами. Сравнив представителей русского народа из южной (краснодарской) и северной (вятской) популяций, ученые обнаружили, что «между ними оказалось сходства больше, чем ожидалось». Популяции башкир, проживающие по соседству друг с другом, имеют порой гораздо больше генетических различий, нежели русские, проживающие за тысячи километров друг от друга²⁸.

Именно относительная антропологическая гомогенность русского народа позволила ученым Института антропологии МГУ поставить вопрос о портрете «среднестатистических» русских мужчины и женщины, а также «прародителей русской нации», получить и опубликовать их компьютерное изображение²⁹.

Что же касается легенды о значительном влиянии азиатских генов на формирование русского антропологического типа, то она давно опровергнута отечественной антропологией. Легенда эта поддерживается, как правило, людьми, осведомленными о монголоидной составляющей их собственного личного набора генов (Николай Карамзин, Владимир Ульянов-Ленин, Лев Гумилев), но не находит научного подтверждения: исключения никак не удается выдать себя за правило. К примеру, известный советский антрополог Н.Н. Чебоксаров, исследовав такой основной признак монголоидности, как наличие эпикантуса (осо-

²⁷ Дерябин В.Е. Современные восточнославянские народы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 1999.

²⁸ Газета «Поиск» от 21–23 ноября 1995 г.

²⁹ «Комсомольская правда» от 4 июня 1999 г.

бое устройство век), установил, что у монголоидов он встречается в 70–95% случаев, но «из числа более чем 8,5 тысячи обследованных русских мужского пола эпикантус обнаружили только 12 раз, к тому же только в зачаточном состоянии»³⁰. 12 из 8,5 тыс. — это 0,14%.

Совсем иное дело — преобразование генофонда татаро-монгольских завоевателей под воздействием расового смешения вследствие обилия европейских (прежде всего русских) женщин в их гаремах³¹. Не татары подмешали свою кровь к русским, а наоборот, русские жены и наложницы сломали татарский генофонд, переварили пришельцев, изменили их этническую природу...

Наконец, крупнейший современный краниолог А.Г. Козинцев, проанализировав черепа из могильников центральной части России, принадлежащие периоду IV–I тысячелетий до нашей эры, пришел к однозначному выводу, что жители данного региона указанного периода были расово чистыми северными европеоидами. Нет никаких оснований не видеть в них наших предков, праславян.

Вот такая информация к размышлению. А теперь вернемся к книге Балановских.

³⁰ Чебоксаров Н.Н. Монголоидные элементы в населении Центральной Европы // Уч. зап. МГУ. М., 1941. Вып. 63. С. 235–270.

³¹ Т.И. Яблонский в статье «Монголы в городах Золотой Орды (по материалам мусульманских некрополей)» писал: «К началу XV века большую часть горожан Золотой Орды составляли люди смешанного типа. При этом преобладал европеоидный компонент. Судя по всему, как в провинции, так и в столице золотоордынского государства процесс антропологического смешения шел в направлении ассимиляции завоевателей-монголов. В богатых кирпичных склепах, расположенных на территории мечети или мавзолея, хоронили людей вполне европеоидного облика» (см. в сб.: Проблемы антропологии древнего и современного населения советской Азии. Новосибирск, 1986).

Завершая книгу, авторы признаются: «Если изначально геногеография мыслилась как наука о географии генов, то сейчас перечень используемых для описания генофонда маркеров намного шире. Это, во-первых, антропологические признаки... Во-вторых, данные археологии... В-третьих... анализ квазигенетических маркеров, в первую очередь фамилий» (377).

Спрашивается: зачем же в таком случае генетикам дублировать антропологию и другие почтенные возрастотом и авторитетом науки? Да еще так сложно и громоздко? Что нового привнесли собственно генетические исследования в уже известную картину?

Авторы книги провели очень широкие и разнообразные исследования, в том числе впервые подвергли анализу передающуюся по мужской линии генетическую структуру 1228 наших современников, живущих на территории древнего Московского государства. Данные были собраны в 14 районах России. Добровольцы, предоставившие свой генетический материал, могли с уверенностью сказать, что их предки вплоть до четвертого колена являются этническими русскими. Особое значение для нас имеет тот факт, что один из авторов генетик, но второй — антрополог, участник множества полевых исследований. Поэтому так важны нижеследующие их выводы.

«Молекулярная генетика не меняет картину мира, а лишь по мере собственного совершенствования приближается к уже известной по данным антропологии» (22). На этой же странице важнейшее признание абсолютной репрезентативности не генетических, а именно антропологических карт, которые через фенотипические признаки «отражают реальную структуру генофонда»:

«Выявленное сходство между картинами мира антропологии и генетики позволяет сформулировать вывод о том, что данные антропологии (а это фенотипические признаки — напри-

мер, цвет глаз, рост бороды или же кожные узоры) отражают реальную структуру генофонда. Из этого следует неординарный вывод: именно обобщенные карты антропологии, благодаря чрезвычайно широкому спектру изученных популяций, являются эталонными и обладают предсказательной силой для молекулярной генетики (а вовсе не наоборот!). Этот тезис был проверен экспериментально» (22).

«Даже узнав генетическую подоплеку расовых признаков, мы не получим нового научного знания о самой расе: эти знания уже добыты этнической антропологией, собраны и научно обобщены. Генетике остается только уточнить, конкретизировать эти знания, но принципиально нового здесь ей добавить просто нечего» (39).

Вот даже как: генетика, оказывается, не дает нового знания о расах по сравнению с этнической антропологией. Даст ли она в таком случае что-то новое об этносах, в т.ч. о русском народе, ведь это еще более изученный предмет?

«Вывод: когда исследование проведено корректно, результаты антропологии, старой “классической” генетики и современной молекулярной генетики совпадают: ДНК маркеры не дают иной картины мира» (23).

Итак, основной вывод генетической составляющей книги — в том, что авторитетность и представительность антропологических характеристик русского народа заслуживает абсолютно доверия. И добавить к ним по большому счету нечего. Даже генетикам.

Перед нами весьма ценные признания. Особенно с учетом вышеприведенных данных именно классической антропологии, которые получают высокую апробацию от лица генетики.

Но вот что странно. Посвятив огромный труд составлению книги под названием «Русский генофонд на Русской равнине», авторы как будто расписываются в бессилии современной генетики сказать не только новое, но и вообще сколько-нибудь дельное слово.

К примеру, они, сообщив, что в исследовании задействовались сорок четыре генетических маркера, итожат: «Закономерности, общие для большинства генов, выявить не удалось. Они лишь неявно просвечивают сквозь плотную вуаль своеобразия отдельных генов» (125). Красиво сказано, но эта красота прикрывает... пустоту. Хотя, конечно, отрицательный результат — тоже результат.

К сожалению, характеристики генов, представленных в исследовании, не содержат сведений об их проявлении во внешнем облике: генотип оторван от фенотипа.

Для читателя это некий вызов: манипуляция абсолютно абстрактными формулами, кодами, числами, которые мы не в состоянии соотносить с нашими визуальными представлениями о расе и этносе. Набор сведений, которые неспециалист не в силах оценить ни рационально (какое нам дело до некоей эстеразы D^2), ни эмоционально.

Гены невидимы, но их проявления могут быть зримы. Если бы авторам удалось проанализировать гены, отвечающие за те же рассмотренные ими выше антропологические характеристики (соматические и дерматоглифические признаки, общим числом 25), это позволило бы нам наглядно представить себе, что стоит за той или иной информацией. А так — одно неизвестное сменяет другое, оставляя нас равнодушными и лишая слабovolьных стимула к внимательному, вдумчивому чтению.

К сожалению, данная позиция авторов носит принципиальный характер, что позволяет отнести ее к недостаткам метода. Они пишут резко и однозначно: «Порой сталкиваешься с тем, что к генетическим маркерам относят просто признаки с большой долей наследственной компоненты — например, цвет глаз или признаки кожных узоров. Это неверно. Как бы ни был велик вклад наследственности, но если мы не можем однозначно указать, какие именно гены стоят за данным

фенотипом, каков точный тип наследования, мы не имеем права называть эти фенотипические признаки генетическими маркерами. Только однозначное определение аллелей генов, стоящих за данным фенотипом, позволяет отнести признак к генетическим маркерам» (19). То есть мы не по глазам должны судить о генах, а по генам — о глазах. Кому, кроме профессионалов, это по уму?

В итоге остаются без ответов со стороны автора-генетика весьма важные вопросы. Есть ли хоть что-нибудь в генетическом наборе свойств, что есть у всех русских, но нет у других народов? Есть ли «биологически средний», эталонный русский с точки зрения генетики (с точки зрения антропологии, как мы знаем, он есть)? И что же тогда делает русских русскими, если не генетика? Реальна ли эта общность, русские, — или они, как теперь модно поговаривать, всего лишь «воображаемое сообщество»? Судя по многочисленным цитатам, приводившимся ранее, второй подход близок по крайней мере одному из авторов. Тому, который в своих интервью настойчиво твердит: «Русский — это тот, кто считает себя русским».

Впрочем, четкий ответ на последний вопрос как раз-таки есть, но его дает не генетика: «Этнография не выделяет (!) в русском народе четко фиксируемых подразделений. И антропологи, прежде всего, указывают на антропологическое единство русского народа, несмотря на его большой ареал» (128–129)³².

³² Авторы ссылаются здесь на следующие источники: 1) Происхождение и этническая история русского народа. По археологическим данным / Под ред. В.В. Бунака. М.: Наука, 1965; 2) *Алексеева Т.И.* Антропологический облик русского народа // Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа. М.: Координационно-методический центр «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии РАН, 1998; 3) *Алексеева Т.И., Балановская Е.В., Бахолдина В.Ю., Година*

Итак: этнография и антропология противоречат генетике (генетику?).

При этом они однозначно устанавливают реальность русского народа и его единство.

При этом генетика (генетик?) вполне публично склоняет голову перед антропологией.

Следовательно?

Эти вопросом, обращенным к читателю, я останавливаю свое критическое перо.

Проблема метода: генофонд и культура

Поговорили о недостатках методики Балановских — теперь поговорим о достоинствах. Среди них на первом месте смелое допущение корреляции генофонда с культурой, проявившейся в артефактах, представленных археологией.

Страницы книги, посвященные этой теме, чрезвычайно важны по двум причинам.

Во-первых, крайне важна сама идея, согласно которой генофонд популяции неподражаемо воплощается в памятниках материальной культуры, отражающих, само собой, и определенную духовную культуру.

Во-вторых, благодаря этой плодотворной идее и на основе изучения топографии палеоартефактов были получены карты распространения доминирующих культур в Северной Евразии эпохи палеолита, соответствующие границам палеогенофондов. Они позволяют сделать важнейшие выводы, проливающие свет на самые интимные моменты происхождения рас, и делают книгу Балановских аргументом в куда более ответственном разговоре, нежели сравнительно узкая тема русского генофонда. Если что и вызовет мировой научный резо-

Е.З., Дубова Н.А., Зубов А.А., Первозчиков И.В., Яблонский А.Т. Проблема расы в российской физической антропологии. М. Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.

нанс, так именно эти карты и посвященные им страницы.

Идея заявлена авторами так:

«Главный постулат — наличие в общем случае связи между материальной культурой и генофондом: если материальная культура на двух территориях различна, то мы вправе предполагать, что и генофонд населения различается, если материальная культура сходна — будем считать сходными и генофонды».

Итак, различие в генофондах выражается различием в материальных культурах: разные генофонды порождают разные культуры. Смелый тезис, который разделяет и всячески пропагандирует автор этих строк. В философском смысле он выглядит так: гены определяют дух, этничность первична во всех отношениях, «кровь есть душа» (Библия).

Авторы настолько уверены в своей правоте, что считают:

«Для изучения прошлого генофонда есть и иной путь. Это анализ всего массива археологических данных, то есть находок культуры человека, а не его самого... Недостаток этого пути — такие данные свидетельствуют о материальной культуре древнего населения, а не о его генофонде. Хотя бесспорно, что связь между археологическими культурами и генофондами носителей этих культур велика и несомненна». Предполагается, что «выявленные закономерности в географической изменчивости материальной культуры отражают и изменчивость генофонда населения, оставившего эту культуру» (247).

Огромный и уникальный банк данных по материальной культуре палеолита был собран Е.В. Балановской в сотрудничестве с археологом Л.В. Греховой. Регион бывшего СССР за регионом: артефакты инвентаризировались и описывались тщательно. «Этот банк данных является пионерским в том плане, что впервые археологическая информация представлена в формализованном виде по всему огромному региону: каждый памятник палеолита

охарактеризован значениями единого набора показателей» (249).

Для каждого признака выстраивалось «по две карты: одна для основного этапа верхнего палеолита (26–16 тыс. л.н.), вторая — для финального этапа верхнего палеолита (15–12 тыс. л.н.)». На базе всех признаков совокупно были созданы две итоговые, суммарные карты. Безумно интересные карты!

На первой из них (9.1.3) видна очень четкая долготная граница, проходившая 26–16 тыс. л.н. между двумя принципиально разными палеокультурами. Она фронтальна сверху донизу, без загибов.

Вот как трактует эту карту Е.В. Балановская:

«Главный сценарий — выявляет две резко различные культурные провинции: Европы и Сибири. Европейская провинция объединяет все памятники Восточной Европы, Приуралья и Кавказа. Большинство памятников Сибири также сходны между собой, но значения компоненты в Сибири совершенно иные, чем в Европе. Примерно по 70-му меридиану (посредине Западной Сибири) проходит узкая, как лезвие бритвы, граница. Эта граница разделяет Европейскую и Сибирскую верхнепалеолитические провинции. Такая четкая закономерность (две резко различные археологические провинции, занимающие две четко разграниченные области) нарушается лишь в одном месте карты: материальная культура Прибайкалья резко отлична от окружающей ее культуры Сибирской провинции и сближается по значениям компоненты с географически далекой от нее Европой. Такова была главная закономерность изменчивости материальной культуры на основном этапе верхнего палеолита... Что же эти данные по материальной культуре палеолита могут сказать о генофонде древнего населения? Мы считаем, что эти данные однозначно свидетельствуют, что на основном этапе верхнего палеолита гено-

фонд населения Европейской и Сибирской частей Северной Евразии резко различался. Это были два соседних, но *изолированных* генофонда» (250–252).

Хотя Балановская не переводит разговор сразу в откровенно расовый аспект, он, тем не менее, кричаще очевиден. Речь, конечно же, идет о границе между протоевропеоидом ностратической эпохи (все еще кроманьонцем, до подразделения на индоевропейские субстраты) и протомонголоидом (возможно, все еще синантропом или «пекинским человеком», а возможно, более продвинутыми биоформами). Тот важнейший факт, что граница между ними «узкая, как лезвие бритвы», говорит о том, что в ту далекую эпоху практически никакая метисация этих двух мощных и совершенно самостоятельных, самодостаточных проторас, каждая из которых, несомненно, обладала собственным эпицентром расогенеза, еще не происходила. (Метисация, как мы сейчас увидим, начнется, но позже.) Интересно, что уже тогда отчетливо виден мощный протуберанец кроманьонца в Центральную Азию и Сибирь, к Приаралью и Прибайкалью, с легким дрейфом на восток.

В конце концов Балановские все же признают (мелким шрифтом, как бы стесняясь этого) расовую проекцию своего открытия, называя своим именем европеоидный и монголоидный ареалы, поделившие столь наглядно между собою Евразию. Заветные слова так или иначе оказываются произнесены (253).

Вторая карта (9.1.4) — не менее интересна. О ней Балановская пишет так:

«Позже, на излете верхнего палеолита (15–12 тыс. л.н.) эта закономерность стала расплываться и терять свои резкие контуры. Конечно, в главном картина осталось прежней: одни экстремумы компоненты сосредоточены в Европейской части, противоположные значения — в Сибири. Но исчезла четкая граница между двумя провинциями! Вместо неё обнаруживается широкая переходная область. (Зона смеше-

ния рас — Урал и Алтай. — А.С.) Эта область настолько широка, что можно сделать вывод: если на основном этапе верхнего палеолита культурный мир Северной Евразии был двухчленным (Европа — Сибирь), то к концу верхнего палеолита культурный мир уже стал трёхчленным (Европа — безымянная переходная область — Сибирь).

Мы воздерживаемся здесь от каких-либо гипотез и объяснений полученного результата, оставляя их специалистам археологам. Мы вправе дать только генетическую интерпретацию. Подчеркнем два момента. Во-первых, эта переходная область сформировалась за счёт обеих провинций — огромная часть Сибири стала «переходной», но и заметная часть Европы приблизилась к «сибирским» показателям. Во-вторых, переходная зона является мозаичной, географически неупорядоченной, пёстрой, представляет собой калейдоскоп «сибирских», «европейских» и «промежуточных» оттенков» (250–251).

Уточним. На карте отлично видно мощную экспансию кроманьонца (точнее, уже его потомков, индоевропейских осколков развалившейся ностратической общности, скорее всего, финского, иранского или неизвестного нам образца) на Урал, прорыв с его стороны центрального фронта долготной границы, а также его десант аж до лучших земель Китая, к побережью Охотского моря, и пребывание там неопределенное время³³. Но из Приаралья его след постепенно уходит, концентрируясь зато вокруг Байкала. На этой второй карте также виден и десант на Запад протомонголоида-азиата по северной и южной кромке ойкумены, обход границы сверху и снизу, на что ранее он не решался. След этого десанта остался не только в виде северных народов За-

³³ Вот когда объяснились находки кроманьонских останков в знаменитой пещере Чжоукоудянь близ Пекина и в других местах Китая.

полярья (коряков, ительменов, чукчей, эвенков и т.д.), но и в генофонде коми, лопарей, карелов, финнов, эстонцев и даже восточных немцев (если смотреть по верху карты)³⁴, а также в генофонде народов Южного Урала, Поволжья и Прикаспия (если смотреть понизу карты). Однако никаких протуберанцев со стороны протомонголоида в Центральную Европу не видно.

Вообще, европеоиды потеснили монголоидов преимущественно в центре, образовав широкую переходную зону в Сибири. А монголоиды европеоидов — по краям, зато существенно, и лишь немного — в центре. В любом случае карты крайне важны в плане истории расогенеза. Четко видны два изначальных эпицентра, на западе и на востоке, которые далеко не сразу начали взаимную диффузию, хотя кроманьонец и «выпрыгивал» из своей зоны далеко на восток и юго-восток. О какой «общей Еве в Африке» может теперь идти речь?! Идея полигенизма нашла в указанных картах свое вполне зримое воплощение. Это крайне важно.

«Можно сделать вывод: если на основном этапе верхнего палеолита культурный мир Северной Евразии был двухчленным (Европа — Сибирь), то к концу верхнего палеолита культурный мир уже стал трехчленным (Европа — безымянная переходная область — Сибирь)... На финальном этапе верхнего палеолита произошли интенсивные миграции населения, которые привели к смешению этих двух

³⁴ Интересный факт в этой связи: на северо-востоке русского ареала (на Пинеге и в Унже), как отметили Балановские, суммарная частота восточно-евразийских (монголоидных) гаплогрупп выше, чем у прочих, но — за счет очень специфичного варианта гаплогруппы D, который связан скорее с Севером Европы, чем с Азией. Это, на мой взгляд, — следствие того самого прохода древних монголоидов кромкой Ледовитого океана, который оставил свой след в эстонцах, саамах и других финнах Севера и даже в северо-восточных немцах.

генофондов и формированию промежуточного, смешанного генофонда. Это генетически промежуточное население заняло обширную зону, потеснив как сибирский, так и (в меньшей степени) европейский генофонд. Зона смешений была хотя и обширной, но ограниченной в пространстве: как на западе, в Европе, так и на самом востоке Сибири сохранились зоны, по-прежнему занятые «исходными», несмешанными генофондами»³⁵ (там же).

След названных обстоятельств отчетливо читается в генофонде народов, ныне живущих в зоне этой активной верхнепалеолитической метисации: на Алтае и Урале³⁶. След настолько яркий, что сам В.В. Бунак, не видевший, разумеется, этих карт, еще не созданных в его время, предлагал выделить уралоидов в особую расу. Не предполагая, что она, как мы теперь понимаем совершенно однозначно, образовалась в ходе метисации двух проторас, он даже предлагал считать проторасой именно уралоидов, а образование европеоидов и монголоидов выводил из ее дивергенции. (Якобы уралоидная раса, несущая в себе признаки европеоидности и монголоидности одновременно, с чего-то вдруг расслоилась по этим признакам, как коктейль «Кровавая Мэри». Так сказать, «Сибирская

³⁵ Очень точное слово: исходными! Именно так. Но ведь исходному генофонду должен соответствовать исходный, в прямом смысле слова, ареал. И он четко виден на первой же карте. Полигенизм торжествует!

³⁶ Кстати, стало понятно, почему народы алтайской и уральской группы принято выделять по языковому, а не антропологическому признаку: породившие их неизвестные нам этносы сгнули в процессе диффузии, растворились без следа, и только их языки остались в той или иной мере. Но эти языки уже не имеют четкой привязки к другим языковым группам, в т.ч. индоевропейской группе, они самобытны. А потому служат удобным этническим идентификатором, даже не являясь на деле таковыми.

Ева» родила белого Авеля и желтого Каина, или наоборот.)

Но какой бы сильной ни была дивергенция, она не может привести к созданию разных видов — рас, а только подвидов одной расы (этносов). На самом деле перед нами, как совершенно верно интерпретирует данные карты Балановская, именно переходная зона, зона метисации³⁷. Об этом говорит не только относительно позднее появление зоны смешения, но и ярко выраженная долготная изменчивость ряда ныне проживающих там народов. К примеру, ненцев, подразделенных на ряд популяций, растянувшихся с запада на восток, которые хотя и говорят на диалектах единого языка, но имеют настолько отчетливую градацию пропорций монголоидности/европеидности (монголоидный компонент возрастает, естественно, с запада на восток), что в своих крайних проявлениях легко могут быть отнесены к разным этносам. Заметно подобное антропологическое подразделение и среди удмуртов, и среди чувашей, и среди марийцев, и среди мордвы.

Разумеется, мы знаем, что данная массовая метисация была хоть и первой (это теперь можно считать доказанным), но далеко не последней на территории России. В дальнейшем к смешению рас прикладывали усилия и т.н. «андроновцы» (породившие индоариев, иранцев, скифов и сарматов), и гунны, и тюрки, и половцы, и татаро-монголы и, разумеется, русские. Но, во-первых, судя по карте 9.1.5, они не смогли сколько-нибудь сдвинуть тот геногеографический баланс, который обозначился уже в конце палеолита. А во-вторых, только эта первая взаимная миграция и метисация прото-

рас объясняет наличие монголоидных компонентов там, куда названные кочевники не доходили.

В завершение темы вновь процитирую Балановскую: «Эта трёхчленная структура генофонда, сформировавшаяся на финальном этапе палеолита, без принципиальных изменений сохранилась вплоть до современности... Рассматривая митохондриальный генофонд Евразии, мы вновь увидим пограничную зону между западно-евразийским и восточно-евразийским генофондами. И один из сегментов этой пограничной зоны расположен в Западной Сибири — то есть там же, где некогда пролегла граница между двумя палеолитическими культурными провинциями и где на исходе верхнего палеолита стала возникать зона контактов населения. Это позволяет считать, что, благодаря созданию археологического Банка данных и геногеографическому анализу этой информации, удалось проследить — вплоть до палеолита — истоки главной закономерности в генофонде Евразии» (252).

Честь и хвала смелой и прозорливой исследовательнице!

Важно отметить, что выводы антрополого-культурологические подтверждены в книге данными генетики, которые демонстрируют: есть гаплогруппы европейские и азиатские (в других терминах — западно- и восточно-евразийские), есть и переходная зона между ними, проходящая по Уралу с охватом прилегающих территорий в обе стороны от горного хребта (275). «Современный генофонд больше похож не на самый древний, а на более близкий к современности финальный этап палеолита. Даже граница (точнее, широкая переходная зона) между западным и восточным современными субгенофондами проходит там же, где она проходила в верхнем палеолите — в Западной Сибири» (282).

Но я был бы не я, если бы во всем согласился с изложенным в книге. И

³⁷ Гениально прав был Чарльз Дарвин, твердивший, что природа создает только совершенные, то есть чистые, а не смешанные формы, поскольку последние априори менее совершенны, природе низачем не нужны, и в ее действиях не запрограммированы.

связаны мои возражения, конечно же, с тем искусственным ограничением ареала (Северная Евразия, СССР, ойкумена), о котором писалось выше. Потому что:

1) решительно не хватает сведений о Монголии и Китае, ведь именно там должен бы находиться очаг, эпицентр азиатского расо- и этногенеза, отсюда должны были идти волны экспансии, в т.ч. в Сибирь, на Север, в Поволжье, а возможно, и на Дальний Восток;

2) почему-то речь вновь идет о некоем едином генофонде за Уралом, о Сибири и неких «сибиряках», хотя совершенно ясно по логике — и отчетливо видно по картам — что коль скоро встречное движение идет с запада на восток и с востока на запад из разных эпицентров, значит, азиатская экспансия берет начало за пределами Сибири (будь то Монголия, Китай или Дальний Восток), соответственно речь должна идти не о «сибиряках», а об азиатских носителях монголоидности, дошедших с Востока до Сибири и пытавшихся двигаться дальше³⁸.

Но я надеюсь, что это поправимые недостатки.

Расы — есть!

К большим удачам методологического характера я отношу открытое выступление авторов в поддержку расовой идеи. Они с позиций генетической науки решительно и блистательно вдребезги разбивают «миф о несостоятельности рас». Это тем важнее, что проблема этногенеза непостижима вне расового анализа.

Балановские подчеркивают, что «примерно 15% генетической изменчивости соответствует различиям между

всеми популяциями мира, а примерно 85% — приходится на различия между организмами». Но в отличие от тех, кто пытается утверждать на этом основании незначительность расового фактора (Р. Левонтин и др.), они указывают, что «это соотношение... не имеет никакого отношения к вопросу о расе, а является видовой характеристикой человечества» (43). И с беспощадной иронией, но аргументированно высмеивают фальсификаторов (к примеру, группу Дж. Вильсона), в чьих трудах «научные работы, в которых все основные результаты доказывают генетическую реальность существования рас, используются для обоснования идеологической позиции отсутствия рас» (44).

Вывод ученых: «Критика генетических основ расы вызвана простым невежеством в антропологии... Широко распространенное мнение о том, что генетика (и особенно молекулярная генетика) дала важные аргументы против расовых классификаций, является не более чем мифом» (46). Они положительно утверждают:

«Большие расы имеют глубокий генетический фундамент», который, по данным молекулярной генетики, оказался «даже в два раза более обширным и глубоким, чем предполагалось по данным классической генетики. Т.о. можно констатировать, что изучение и классических, и ДНК маркеров в населении мира подтвердило основательность генетического фундамента рас» (41).

А значит: «*Расы генетически значимы даже при анализе индивидуального геномного разнообразия*» (46).

Хотелось бы, чтобы эти страницы прочли наши доморощенные гонители расовой идеи, такие как Валерий Тишков, Александр Брод, Алла Гербер, Евгений Прошечкин и другие любители беспокоить прокуроров своими фантазиями по данному поводу.

Обращение к казалось бы побочной для книги теме расы на самом деле поднимает ранг исследования. Ибо эт-

³⁸ Вообще, стоило ли прикрывать топонимами — расонимами (в дальнейшем этнонимами)? Ведь ясно, что речь идет не о неких анонимных сибиряках или пусть даже дальневосточниках, а именно о монголоидной проторасе и расе. Издержки проклятой политкорректности?

нос непостижим вне расы, как раса вне проторасы. Никак нельзя рассматривать проблему этногенеза вне связи с расой и расогенезом. Эта связь будет незримо присутствовать и ощущаться, даже если авторы обойдут ее молчанием (что, собственно, Балановские и делают). Увы, такое умолчание оставляет у читателя вопросы без ответов, часть которых я тут воспроизведу. Некоторые из них уже ставились выше по другому поводу, что позволяет подчеркнуть их закономерность.

1. Если человечество едино, как берутся утверждать авторы, тогда должен быть исходный набор генов, породивший все расы и, как следствие этого, все этносы. Где он? Каков он? Почему трансформировался так радикально и так многократно и многообразно, коль скоро роль мутаций априори ничтожна (на что указывают и сами Балановские)?

2. Авторы смело настаивают на верности расового подхода. Это прекрасно. Но почему бы в таком случае не вести исследование, исходя не из мифической и в высшей степени условной «Северной Евразии», а из реальных биологических сообществ — рас? Разве не продуктивно было бы изучать не частично, в искусственных границах обрезанные, а целиком ареалы европеоидной и монголоидной рас и их взаимодействие?

3. Авторы утверждают (329), будто бы по генетическим компонентам получается, что «народы Европы сформировались в неолите в ходе постепенного распространения земледельческого населения из Малой Азии через Балканы далее к Северу и Западу Европы». Как же в таком случае объяснить, что задолго до того, в глубоком палеолите граница европейского генофонда проходила в Западной Сибири по 70-му меридиану (да и потом никуда, по большому счету, не делась)? Когда и как носители этой палеогенетики оказались в Малой Азии? Откуда они там взялись? На каком основании этот регион нам предлагают считать

за точку исхода европеоидов, если это противоречит археологии? С каких пор земледелие, появившееся сравнительно недавно, стало расовым или этническим критерием?

4. На с. 29 авторы утверждают, что цвет глаз считается «признаком, устойчивым к воздействиям среды». Прекрасно! Еще один гвоздь в крышку гроба той нелепейшей концепции, согласно которой одни потомки общей для всех рас «Африканской Праматери Евы» якобы «под воздействием среды» или неких никому не ведомых мутаций побелели и поголубоглазели, а другие пожелтели, почерноглазели и окосели. Но как совместить принципиальность этой позиции Балановских с их же утверждением, что-де у ряда этносов «сложившиеся в определенной социальной и природной среде особенности генофонда адаптированы именно к этой среде» (16)? Нас всегда учили, что наследственные признаки не адаптивные, а адаптивные (благоприобретенные) не наследуются. Кто и когда установил и доказал обратное?

5. «Главный тренд современного генофонда», с точки зрения авторов, — расовое смешение в Сибири и на Дальнем Востоке (246). Однако, произвольно ограничив свое исследование генофонда Русской равниной, они ничем не подтверждают данный тезис. Чем же он доказывается?

6. Близок по смыслу и следующий вопрос. Балановские утверждают по поводу Зауралья: «Широкое расселение русских на этих землях должно было сдвинуть “европейско-сибирское” («метрическо-килограммовое», т.к. европеец — это еще и расовое понятие, а сибиряк — только географическое. — А.С.) равновесие в генофонде в европейскую сторону. Но... оно не могло внести кардинальные изменения в саму макроструктуру генофонда Северной Евразии» (255).

Выше я пытался опротестовать само понятие «генофонда Северной Евразии» как противоречащее клас-

сическому понятию популяции. Но допустим на минуту, что таковое все же есть. Как же тогда понять и зачем утверждать, вопреки очевидному, что появление за Уралом русских не имело-де большого значения? Разве возникновение русского абсолютного большинства на всем пространстве от Урала до Тихого океана не изменило расовый баланс самым наирадикальнейшим манером? Разве соотношение расовых компонентов не изменилось там в корне? Это не похоже на правду.

Или авторы хотят сказать, что все эти же гены встречались на той земле и раньше? Пусть так. Ну и что? Разве самое главное — не в пропорциях?! Ведь пропорции-то генофонда изменились именно кардинально! Теперь-то ведь это уже — русские края, русская земля, и русские давно здесь — коренные! И доминация европейских генов в этих краях очевидна априори.

7. В научных кругах долго считалось, что первоначальное население проникло в Америку из Северо-Восточной Азии в конце палеолита за 30—25 тыс. лет до нашего времени, но свежее генетическое исследование по-новому датирует заселение Америки. Команда ученых под руководством Ноя Розенберга из Мичиганского университета и Андре Руиса-Линареса из Университетского колледжа Лондона пришла к выводу, что примерно 12 тысяч лет назад предки коренных американцев пришли с Чукотки. Изучив генетику представителей 29 сохранившихся к настоящему времени коренных народностей Америки — как Северной, так и Южной, учёные обнаружили уникальный набор генетических маркеров, характеризующий народы обеих Америк, но не свойственный для других народов мира, за исключением ненцев и якутов. Распространение монголоидов по обеим Америкам происходило с севера на юг и с запада на восток, что естественно, если пришельцы явились через северный перешеек, некогда соединявший Чукотку и Аляску. Известно также, что

из Сибири тем же путем шли не только протоякуты и протоненцы, и не только в Америку. К примеру — проточукчи (они же протоэскимосы) в Гренландию и в Заполярье. К такому выводу пришли генетики.

Что же, какой взрыв (космический, планетарный, вулканический, демографический) заставил монголоидов столь глубокой древности вдруг двинуться вначале на север и затем пройти так далеко на запад (в сущности, по кромке Ледовитого океана) и на восток? По всей видимости, одновременно или почти одновременно некоторые отряды монголоидов, дальняя или ближняя родня наших якутов, ненцев и чукчей, прошли через Берингию: 1) в Америку, генетически отразившись в автохтонных американцах (изначально австралоидного, как недавно выяснилось, типа); 2) в Гренландию (через Америку). А другие их отряды примерно тогда же — на север Евразии вплоть до Балтийского моря, оставив свой след в финнах, балтах, германцах, а местами прочно осев в виде т.н. коренных северных народов. Они же, видимо, попробовали пройти в Европу и южной Сибирью, оставив градуированный след не только на Алтае, но и на Урале и в Поволжье. Что за внезапный странный рейд? Что подвигло их на такие миграционные подвиги? Теоретически это мог быть демографический бум, кризис перенаселения, как позднее у татаро-монгол, но почему, отчего?

Будем надеяться, что когда-нибудь Балановские или их ученики и последователи дадут ответ на эти вопросы.

Насколько мы азиаты?

Важный вопрос, волнующий уже не одно поколение русских.

Первый и последний, краткий и ясный ответ: ни на сколько.

География кожных узоров свидетельствует: «мы не обнаруживаем никаких “монголоидных” влияний на русский генофонд — вопреки

мифу о мощном влиянии “татаро-монгольского ига” на антропологический тип русского народа» (72).

Это аргумент от антропологии. А где — от генетики?

Вот и они:

«Базовый, главный вывод, который следует из проведенного изучения русского генофонда, — это практически полное отсутствие в нем монголоидного вклада» (298);

«Данные по мтДНК указывают на отсутствие сколько-нибудь значительного монголоидного пласта в русском генофонде» (142);

«В славянских популяциях встречены почти исключительно западно-евразийские гаплогруппы. Восточная зона расселения славян является крайним западным рубежом для распространения “азиатских” гаплогрупп» (234).

Карта генетического рельефа не отражает европеоидно-монголоидные взаимодействия, «в терминах которых привычно осмысливать генетическую изменчивость русских популяций» (107).

«Не русскому генофонду выпала роль “буферной зоны” между западом и востоком, не он стал местом их встречи — эта роль досталась иным народам, живущим на восток от Урала» (298). И, как уже установлено, произошло это вовсе не в результате нашествий IV–XVII вв., а гораздо раньше — 15–12 тыс. л.н.

То есть с монголоидами у нас — генетическая стена, кордон, четкая граница: тут кончаются одни, а там начинаются другие. Не скифы мы, не азиаты мы с раскосыми и жадными очами.

Больше того: как ни странно и ни забавно, но присутствие монголоидного компонента у европейских народов, живущих западнее нас, заметнее, чем у русских! Балановские указывают: «Средняя “фоновая” частота восточно-евразийских гаплогрупп в Европе равна 3,6%. То есть в русском генофонде она даже меньше (2,0), чем “средняя по Европе”, поэтому монголоидный компонент у русских оказы-

вается не просто нулевым, но даже с отрицательным знаком. Итак, мы не видим последствий монгольского нашествия в русском генофонде» (296).

Авторы никак не объясняют факт наличия восточно-евразийских гаплогрупп у европейцев. Но можно предположить, что это как раз следы, во-первых, того самого верхнепалеолитического северного рейда монголоидов. А во-вторых, это, конечно же, наследие гуннов, очень ярко запечатленное на иконах и картинах тосканской (флорентийской) школы XIV–XV вв. (Джотто и др.), изображавших святых, Богородицу и Христа с характерным монголоидным разрезом черных глаз.

Здесь уместно сказать, что и в нашем, русском генофонде гены монголоидности могли бы отметиться не только в ходе нашествия Батыя и его потомков, но и во время того верхнепалеолитического миграционного бума, о котором шла речь в предыдущей главке. Или в ходе случайных миграций и метисаций в промежутке между этими двумя событиями. Как у европейцев.

Но нет, в той же главке приведен ответ Балановской, гарантирующий нам 12-тысячелетнее соблюдение расово-демографического статуса-кво, нарушенного лишь русскими, мигрировавшими за Урал начиная с XVI века. Что если и меняло существенно генофонд, то, скорее, сибирских народов, а не наш. Пример: «Влияние народов алтайской семьи на восточноевропейский генофонд ограничивается лишь зоной их расселения и по рассматриваемым данным практически не прослеживается даже на смежных территориях» (238–239).

В результате — «генетические влияния “Азии” почти не затрагивают русский генофонд, они ослабевают еще задолго не доходя до него, еще перед Уралом (“перед” — если смотреть из Азии). А за Урал в Европу переходит уже слабое дыхание Азии, кото-

рое быстро угасает на пространстве между Уральским хребтом и Волгой». Граница весьма четко проходит с севера на юг по 60° долготы, дальше на восток идет зона смешения: «Приводимая нами карта показывает пограничную полосу примерно от 70° до 90° меридиана» (276).

Это говорит о том, что не столько монголоиды на запад, сколько европеоиды двигались на восток фронтом, стеной, по всей длине меридиана. Чуть отклоняясь то в центре, то на краях, но не очень значительно. При этом перемены в генофонде уральских и сибирских народов происходили медленно, в результате очень долгой, может быть в течение тысячелетий, диффузии. Иначе не было бы такого плавного прирастания монголоидных и убывания европеоидных признаков с запада на восток: все были бы резко одинаковыми.

Что касается уральских народов, то понятно, что сближает нас с ними: финский компонент есть и в них, и в некоторых из нас. Но в них, как показано на картах Балановских и видно по ДНК маркерам, есть и алтайский (монголоидный) компонент, который в нас отсутствует (238).

Итак, подведем окончательную черту под мифом, выражающимся в слогане «поскреби русского — найдешь татарина»: этот слоган следует читать строго наоборот. Не татары изменили русский генофонд, а русские женщины, рожая в татарских гаремах, подменили татарскую расово-этническую идентичность.

Почему так получилось? Почему татаро-монголы дали со среднеазиатскими арийцами, ими завоеванными, устойчивый узбекский и таджикский микст³⁹, переменяв их былую европео-

идную идентичность, а с русскими — не дали такового?

Ответ простой: потому что с русскими и на Руси не жили. Неуютно было, некомфортно.

Больше того. Я хоть и не сторонник теории о взаимно полезном симбиозе татар и русских, завоевателей и завоеванных, но думаю, что в плане генетики один полезный эффект татарское иго все-таки дало. Золотая Орда взяла под свой весьма пристальный и жесткий контроль в том числе внешнюю политику русских князей, но при этом ревниво берегла границы «улуса Джучи», своих данников. Благодаря владычеству татар мы на 250 лет попали в довольно плотную международную изоляцию, выпали из европейской семьи народов. За это время мы выварились в собственном соку, гомогенизировались духовно и физически (в том числе за счет массовых внутренних переселений, порою вынужденных), выработали и закрепили свои национальные архетипы, замесились в конце концов в единую нацию. Как японцы за триста лет добровольной изоляции под властью сегунов Токугава, только намного раньше. Итогом стало рождение русской нации и мощный прорыв к созданию централизованного русского государства, сложившегося в XV веке, в правление Ивана III.

Но достаточно об этом.

От мифа о татарском наследстве в русском генофонде авторы нас избавили.

Но не для того ли, чтобы заменить его таким же мифом «о мощном влиянии» финского субстрата?

Поговорим об этом ниже.

*Окончание —
в следующем номере журнала.*

³⁹ Коротким словом «микст» (от английского «mixed» — смешанный) я обозначаю этнический сплав, образованный в результате смешения (метисации) этносов или рас.

Уроки ПОГИБШЕЙ империи

Яси Оскар. Распад Габсбургской монархии. М.: Три квадрата, 2011. — 614 с.

Последние десятилетия существования Австро-Венгрии подданные Габсбургов с остроумием обречённых называли «весёлым Апокалипсисом». К середине XIX в. национально-государственное устройство Австрии стало выглядеть почти экзотично, учитывая общий или, во всяком случае, схожий для Европы путь развития к современному национальному государству.

Классик геополитики Рудольф Челлен называл Габсбургскую монархию «выжившим динозавром», страной, «состоящей из одних Ирландий». Чуть раньше Адам Мицкевич с остроумной пронциательностью так определил властную модель Габсбургской империи того времени: «Эта империя насчитывает 34 миллиона жителей, но на самом деле лишь 6 миллионов жителей: это те 6 миллионов немцев, что поработили 28 миллионов людей иного происхождения. Если из этих 6 миллионов вычтут крестьян, ремесленников, торговцев и т.д., которые не принимают никакого участия в управлении, останется, самое большее, 2 миллиона австрийцев — они-то и правят всей этой толпой... Модель этого общества — английская Ост-Индская компания». Европейский книжный рынок стали наводнять сочинения с предсказаниями (прогнозами) гибели Дунайской монархии, которую специфический юмор политической публицистики образно наименовал лоскутной. При этом ощущение надвигающейся катастрофы пронизало сознание политических и культурных элит самой Австрии. Венский историк и публицист Генрих Фридунг писал: «Упадок государства

обсуждают во всех публичных местах и слоях общества, соседние государства уже поделили между собой провинции».

Между тем, при всей очевидности прогрессирующего упадка, Австрия 50–60-х гг. позапрошлого столетия давала не так уж много формальных поводов для столь безнадёжного пессимизма. Страна вальсов и оперетт, управляемая трудолюбивым, лояльным и к тому же галантным Францем-Иосифом, с конца 40-х гг. XIX в. не знавшая существенных внутренних катаклизмов, внешне совсем не походила на умирающий политический организм. Большинство жителей империи в критической ситуации 1849 г. не только проявили лояльность в отношении к династии и государству, но и выказали готовность сражаться за них. Военная и, в меньшей степени, экономическая мощь гарантировали Австрии место в ряду великих держав. В европейской политике Вена оставалась важнейшим элементом поддержания стабильности и порядка. Поэтому остаётся вопросом, действительно ли крах Австрии был так уж неизбежен и почему он всё-таки произошёл. На мой взгляд, удачную попытку ответа можно найти в содержательной монографии Оскара Яси «Распад Габсбургской монархии», совсем недавно вышедшей на русском языке.

Оскар Яси, родившийся и проживший до отъезда в Соединённые Штаты в Австро-Венгрии более сорока лет, рассматривает историю этой древней империи не только с научно-объективистской позиции, но и с позиции человека, у которого есть личное, иногда сентиментальное отношение к предмету исследования. Эмансипированный венгерский еврей, ещё не затро-

нутый завиральной истерией Холокоста, Яси не принимал ни примитивных схем наподобие «Австрия — тюрьма народов», ни тем более различных конспирологических конструкций. Будучи поклонником демократического, или точнее — национал-демократического социализма в духе Жана Жореса, он воспринимал исторический процесс, если так можно выразиться, социологично, т.е. не как историю властителей и героев, а как отношения различных общественных групп, которые, в свою очередь, во многом определяли характер национального развития того или иного народа.

Главной идеей монографии Оскара Яси стало утверждение, что при разумной и справедливой национальной и социальной стратегии развития у Австрийской империи был шанс сохраниться в качестве влиятельного современного государства. Ответственность за этот упущенный шанс Яси возлагает на Габсбургов с их убого консервативной и при этом крайне непоследовательной политикой, которую Яси охарактеризовал словами Франца Грильпарцера: «Политика наполовину осуществлённых дел, наполовину пройденных путей».

Политические неудачи, дегенерация основных государственных и социальных институтов империи были обусловлены как объективными, так и субъективными причинами. К первым, прежде всего, относилась «лохкутность» империи, части которой, кроме очевидных культурных различий, к тому же были крайне слабо связаны экономически. Сложно сказать, была ли возможность сохранить ветшающую конструкцию Дунайской монархии путем продуманной стратегии модернизации, но субъективные факторы и особенно избранные Веной модели сохранения империи как раз усилили почти все негативные процессы, убивавшие государственный организм габсбургской монархии. Лекарства оказались хуже болезни. Это в

равной мере относится и к внутренней, и к внешней политике. Внешней политики Оскар Яси почти не касается, зато внутренняя политика рассматривается им подробно.

Венгерское восстание 1848–1849 гг. поставило страну на грань катастрофы. Молодой император Франц-Иосиф обратился за поддержкой к царю Николаю I. Империя была спасена славянами, подданными Габсбургов, и славянами, подданными Романовых. Австрийские славяне составили в тот период основу имперской армии, а русские войска сокрушили основные силы венгров. Спасенная Австрия поступила прямо противоположно тому, что возможно было ожидать не только в качестве благодарности, но и как проявление здравого политического смысла. В Крымскую войну (1853–1856) Габсбурги заняли жесткую антирусскую позицию. Франц-Иосиф писал матери: «Наше будущее на востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательно незаметно для царя Николая, но верно мы доведём русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, а наш естественный противник на востоке — Россия». Из этого письма видно, что император не отдавал себе отчёта в том, насколько Священный Союз, т.е. фактически союз с Россией, важен для сохранения Австрии. Превратив давнего и верного союзника в непримиримого противника, Австрия оставалась в одиночестве перед внешними и внутренними врагами. Недаром А. Дебидур в знаменитом труде «Дипломатическая история Европы» назвал Австрию «единственным проигравшим» в Крымской войне.

Оскар Яси ограничился лишь кратким комментарием на нелепо-наивный «прагматизм» австрийской политики этого периода, резонно заметив, что «эта авантюра... привела к катастро-

фическим последствиям», ибо «открыла дорогу панславистской пропаганде». Однако именно политика Франца-Иосифа в отношении своих славянских подданных сделала эту пропаганду достаточно эффективной. Лишившись в лице России верного и, в общем, бескорыстного союзника, Дунайская монархия за десять лет после окончания Крымской кампании проиграла две большие войны — французам и итальянцам в 1859 г. и пруссакам в 1866 г. Важнейшим результатом этих неудач стало превращение в 1867 г. Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгрию.

План этой политической метаморфозы принадлежал человеку, которого на родине именовали не иначе как «венгерский мудрец» — Ференцу Деаку. Согласно этому плану, империя делилась на немецкую Цислейтанию и венгерскую Транслейтанию. Последняя, в составе Венгрии, Хорватии, Словении, города Фиуме и (с 1908 г.) Боснии и Герцеговины, получала полную самостоятельность во внутренних делах, при сохранении на уровне общеимперского правительства лишь вопросов внешней, военно-морской и финансовой политики. Первейшим следствием полуразделения империи стало появление таможи между обеими частями страны, причём их взаимная торговля значительно уступала торговле с иными государствами.

Однако наиболее пагубным для будущего государства стало положение в ней славянского большинства. Это большинство, спасшее трон Габсбургов в критической ситуации 1848–1849 гг., оказалось не только обманутым в своих ожиданиях, но и оскорблённым теми преимуществами, которые получили вечно неспокойные венгры. Один из главных идеологов чешского национального движения Франтишек Палацкий, в своё время сказавший, что «если бы Австрии не было, её следовало придумать», узнав о введении дуализма, не без печали за-

метил: «Чехи жили до Австрии, проживут и после неё». Положение усугублялось тем обстоятельством, что венгры, получив столь значительные политические преференции, начали проводить крайне жёсткую политику мадьяризации, игнорируя даже самые умеренные требования подвластных Будапешту национальных меньшинств.

В связи с этим Яси цитирует современника событий и, что важно, публициста-мадьярофила Иосифа Редлиха: «За всю историю девятнадцатого века, за исключением подавления поляков русскими, — вряд ли можно найти другой пример столь полного и спланированного попирания законов и процедур, касающихся большинства населения страны, при игнорировании политических прав и привилегий, которые венгры гарантировали представителям национальных меньшинств, нежели действия венгерской знати и правителей страны с 1867 года, направленные против всех иноязычных граждан Венгрии». Кроме того, «в Австрии равенство всех наций воспринималось как аксиома, по крайней мере в теории; для венгерских же партий идея единого венгерского национального государства и венгерского превосходства оставалась догмой, сомневаться в истинности которой было равнозначно государственной измене». Даже при печатании денежных знаков в период дуализма «на банкнотах, выпущенных на австрийской стороне, надписи делались на языках всех народов Австрии, равных в своих правах, на венгерской же всё было написано только по-венгерски». Забавно, но после распада Австро-Венгрии на австрийских банкнотах остались надписи лишь на немецком, зато в Венгрии на банкнотах появились надписи на языках тех народов, земли которых когда-либо входили в состав Венгерского королевства.

В результате славянские подданные империи становились не только врагами венгров, но и врагами самого

государства, которое они подозревали (и не без оснований) в покровительстве славянофобскому мадьярскому шовинизму. Между тем австрийские славяне не являли собой этнической, и уж тем более политической целостности. У чехов, словаков, словенцев, хорватов, русинов-галичан было разное видение своего положения в Габсбургской монархии, что, при умелой политике, могло дать имперской администрации значительную свободу в выборе стратегий существования и развития страны. Замечу, даже в случае потери своих венгерских владений империя Габсбургов оставалась значительным европейским государством, сравнимым по населению и территории с Францией.

Немецкое население империи, в свою очередь, также оказалось недовольным положением дел после введения дуализма. Будучи лидирующей национальной группой, немцы несли и основную тяжесть забот о поддержании мощи Австро-Венгрии. Оскар Яси приводит сведения, согласно которым «за первое десятилетие XX в. немцы, составляющие 35,58% от населения, обеспечили 63% прямых налоговых поступлений. Немец платил в среднем в два раза больше налогов, чем чех или итальянец, в четыре с половиной раза больше, чем поляк, и в семь раз больше, нежели представители южных славян». Поэтому, если славяне в результате неразумной политики Вены стали восприимчивы к панславистской пропаганде, то австрийские немцы не остались глухи к пропаганде пангерманизма. Неудивительно, что при развале Австрии в 1918 г. председатель законодательного собрания с немецкой стороны открыл заседание следующими словами: «История сделала нас, немцев, основателями старого австрийского государства, и мы, на протяжении веков, с безупречной верностью и бескорыстной самоотверженностью, отдавали этому государству лучшее, что было в нашей культуре и экономи-

ке. Теперь же мы без благодарности говорим этому государству “прощай”, с тем, чтобы энергия нашей нации высвободилась, и мы, черпая из этого бездонного источника, смогли построить новое сообщество, которое будет служить исключительно нашему народу». Ровно через двадцать лет, при всеобщем ликовании, Австрия вошла в состав гитлеровского рейха.

Самым удивительным, однако, следует признать то обстоятельство, что наиболее выигравшие от режима дуализма венгры вовсе не стали лояльны к обновлённой империи. Полученные немалые преимущества они использовали для построения своей мини-империи. Национальный венгерский миф Яси определил как «феодалный эпос», важнейшей составляющей которого являлся культ борьбы и борцов с «деспотией» Габсбургов. В эпоху дуализма этот культ получил в Венгрии официальный статус, наполнил страницы учебников и книг, подчеркнув тем самым абсурдность самой идеи двуединой монархии. Между тем упреки венгров имперской власти в жестокости и даже кровожадности можно смело назвать чрезмерными. В постоянно беспокойной провинции на протяжении трёх поколений чрезвычайные военно-полевые суды вынесли 114 смертных приговоров, а в 1765 случаях подсудимые были наказаны лишением свободы. Даже по меркам относительно «травоядного» (в сравнении с ужасами XX столетия) XIX в. эта цифра не кажется значительной.

Кроме того, венгры отличались от прочих, даже германских, подданных Франца-Иосифа крайне завышенной самооценкой, которую Яси называет «шовинистической манией величия». Следствием подобной мании, как это обычно и бывает, становилось презрение к другим народам. По личным воспоминаниям он приводит постоянные венгерские присказки, вроде «немец — подлец», «каша не еда, словак не человек» и т.д. К тому же позиции

венгров усиливало еще одно отмеченное автором обстоятельство — отсутствие у национальных меньшинств Транслейтании в тот период «нацеленности на создание собственного государства — как это было в случае с чехами, поляками или итальянцами» в Цислейтании. Подобное, весьма непростое положение осложнялось действиями венгерского дворянства, которое, сталкиваясь с социальным и национальным протестом, часто «поворачивало» его в сторону Австрии и «габсбургской камарильи».

В этих условиях шла постоянная борьба за разного рода политические и экономические преимущества. Как пишет Яси, «император, с его инстинктивным страхом перед демократией и боязнью поколебать основы системы, стремился по возможности выполнить волю Будапешта в ущерб Вене... С венгерской точки зрения эти уступки всегда оставались недостаточными, тогда как по австрийским понятиям они были слишком велики». В Венгрии «велась активная демагогическая пропаганда против объединённой армии и общих институтов Монархии, представляемых как проявление злого духа “проклятой Вены”».

Яростная борьба национализмов, разрывающая Австро-Венгерскую империю, накладывалась на растущую социальную напряжённость, где в особо тяжёлом положении оказывались крестьяне лояльных империи славянских народов. В качестве примера Яси приводит ужасающую картину жизни крестьян-украинцев в австрийских владениях. Он пишет: «После дуализма польская шляхта обрела почти неограниченные возможности для развития культурной жизни, а также экономической и политической эксплуатации русинской части страны». В огромных поместьях польских аристократов, включавших иногда десятки деревень, «чтобы добраться до своих крохотных участков, крестьяне были вынуждены по несколько часов ша-

гать по бездорожью, перебираясь через канавы. Обширные леса поместья тяжким бременем давили на деревню. Если крестьянский телёнок или курица случайно забредали в такой лес, владельцу приходилось платить огромный штраф. Стоит девочке сорвать несколько грибов или ягод, объездчик хватается её, срывает одежду и забирает туесок». Недоедание стало привычным делом в Галиции. Даже граф Пузина вынужден был признать, что «галицийский крестьянин, работающий у него в поместье, получает в качестве годового дохода на 900 фунтов хлеба меньше, чем требуется для поддержания его семьи». Галицию поразили тотальный алкоголизм, причем держатели лицензий на торговлю спиртным, польские аристократы, передавали свои права евреям-корчмарям.

Таково было реальное, а не мифическое, пропагандируемое нынешними галичанскими националистами европейское прошлое Западной Украины. Недаром именно этот регион стал центром массовой эмиграции за океан. Как пронизательно заметил Яси, эмиграция стала «для монархии настоящим предохранительным клапаном — она спасла перегретый котёл от взрыва», но она «подрывала экономическое и духовное развитие страны». Конечно, эмиграция могла смягчить, но не могла уничтожить растущее социальное недовольство в различных частях империи. В свою очередь, архаическое социальное устройство не позволило создать в Австро-Венгрии и мощного среднего класса, который смог бы стать подлинным носителем либерально-модернизаторской идеологии, а только она одна в условиях Европы конца XIX — начала XX в. могла противостоять национальному партикуляризму. Более того, неким подобием этой важнейшей социальной группы, особенно в немецкой части империи Габсбургов, стали евреи. Традиционно нелюбимое в Восточной Европе меньшинство оказалось

не только конкурентом национальной буржуазии, но и представлялось оружием Вены в борьбе с интересами подвластных наций.

Таким образом, в борьбе против Габсбургов слились два важнейших фактора — национальный и социальный. Империя не смогла найти механизма и, что не менее важно, общей идеи, которые смогли бы соединить народы, существовавшие в её границах веками. В то же время в соседней Германии, чье положение после Первой мировой войны было куда более тяжёлым, а единое государство существовало меньше полувека, сепаратистские тенденции оказались крайне слабы.

В середине позапрошлого столетия интересный мыслитель и пламенный австрийский патриот Карл Меринг писал эрцгерцогине Софии: «Должны ли олигархия и бюрократия год за годом подталкивать Монархию к пропасти до тех пор, пока она не окажется на краю и, потеряв равновесие от ма-

лейшего толчка, рухнет вниз?.. Есть, правда, одно средство, но оно единственное. Им следует воспользоваться, ибо речь идёт о жизни и смерти. Это единственное средство — общественное мнение... переводящее бедствия, выпавшие на долю государства, на язык правды, а не на бюрократический жаргон». Если бы имперской власти удалось услышать и понять подлинные чаяния большинства своих подданных, она могла бы найти пути к их удовлетворению, вместо того чтобы бессмысленными уступками пытаться достичь невозможного — завоевать любовь агрессивно-истерического венгерского меньшинства. Но этого не случилось, и на месте древней монархии мы видим конгломерат крошечных государств, не имеющих серьезного значения даже внутри маленькой старой Европы. Sic transit gloria mundi.

Александр Ефремов

Фонд Поддержки и Развития Гражданского Общества «РОД» представляет

Ростислав Антонов

ПРИМОРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ: ПАЦАНЫ С КИРОВКИ

Документальное расследование Ростислава Антонова посвящено одному из самых громких и неоднозначных уголовных дел последних месяцев — истории «приморских партизан».

Что заставило нескольких молодых людей с оружием в руках выйти на тропу «войны с ментами»? Каковы истинные обстоятельства их недолгого взлета и кровавого поражения? Наконец, что происходит с ними сейчас? Ведь «дело приморских партизан» еще далеко не закончено...

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АВТОРЫ НОМЕРА

Алтуфьев Дмитрий Юрьевич

(р.1970), выпускник и адъюнкт Академии управления МВД России, полковник полиции, автор ряда научных статей и интернет-публикаций.

Близнеков Владимир Леонидович

(р.1971), философ (Ph.D.), публицист, юрист-международник, в настоящее время проживает в Швейцарии (Берн). Печатался в журналах «Политический класс», «Сократ», в «Русском Журнале».

Брусиловский Максим Анатольевич

(р.1965), публицист, общественный деятель.

Завольский Дометий Валерьевич

(р.1980), историк, публицист, сотрудник Российского государственного архива социально-политической истории, ведущий программы «Академический час» радио «Радонеж».

Карамаев Сергей Георгиевич

(р.1971), историк, публицист, специалист по истории локальных конфликтов в Африке второй половины XX в., а также по истории государства Южная Родезия.

Кильдюшов Олег Васильевич

(р.1972), независимый аналитик, публицист, переводчик, редактор, политический обозреватель журнала «Сократ».

Любомудров Марк Николаевич

(р.1932), театровед, критик, публицист, общественный деятель, профессор Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, вице-президент Международного фонда славянской письменности и культуры, автор книг «Старейший в России» (1964), «Федор Волков и русский театр» (1971), «Н. Симонов. Ю. Завадский» (1984), «Противостояние. Век XX: традиции — авангард» (1991), «Русский рубеж» (2003), «У истоков русской сцены» (2010) и др.

Неменский Олег Борисович

(р.1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Самоваров Александр Владимирович

(р.1959), историк, публицист, автор книг «Останутся ли в России русские?» (2007), «Перспективы русского национализма» (2008), «Нужно ли нам возвращаться в СССР?» (2009)

Сергеев Сергей Михайлович

(р.1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализм», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Севастьянов Александр Никитич

(р.1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006) «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011) и др.

Фролов Роман Валерьевич

(р.1976), Ph.D., нейрофизиолог, публицист, научный сотрудник в Университете Оулу (Финляндия). Автор ряда работ по этнополитическим проблемам, размещенных в интернете.

Холмогоров Егор Станиславович

(р.1975), историк, публицист, главный редактор интернет-сайтов «Русский обозреватель» и «Новые хроники», автор книг «Русский проект: Реставрация будущего» (2005), «Русский националист» (2006), «Защитит ли Россия Украину?» (2006).

SUMMARY

The eighth volume of "Issues of nationalism" begins with the topical article «Russian national democracy as a structural challenge to regime» by Oleg Kildushov. The article is devoted to the role of the national democratic movement on the current Russian political process.

The main issue of the volume is various aspects of multiculturalism. Egor Kholmogorov reflects on challenges to Russia of migration from Asia and criticizes the Eurasian concept of Russian history. Philosophers, historians, political scientists, participants of the conference «Failure of multiculturalism: what next? «try to answer questions: whether western elites have alternative sociocultural scenarios, what resources for realization these scenarios demand, whether multiculturalism has future in Russia? Oleg Nemensky and Maxim Brusilovsky continue to discuss the problems at their articles. Dmitry Altufiev critically analyzes the concept of tolerance and reveals its inapplicability to a modern Russian situation. Domety Zavolsky confirms firmness of Russian culturocentrism in contrast to the any variants of pseudo-universalism.

Vladimir Bliznekov tells about the formation of democracy in Switzerland which has become a stronghold against

multiculturalism and globalism in the section «World experience». Sergey Karamaev describes how white and black nationalism were developed in Rhodesia and consequences their collision has resulted.

Roman Frolov draws a portrait of famous American right-wing politician and publicist Patrick Buchanan in the section «Personalia».

Ivan Rusakov suggests Russian nationalists to begin serious talk about what will they do when they come to power.

Sergey Sergeev's article is devoted Feodor Dostoevsky's 190 anniversary and features of his nationalism.

Obituaries on the death of historian, publicist, member of editorial council of «Issues of nationalism» Sergey Semanov precede the publication of his diary for 1982. Diary describes position of Russian national movement during persecutions on the eve of Brezhnev's death.

The volume ends with bibliographic materials. Alexander Sevastyanov analyses in details the fundamental investigation of Russian gene pool by geneticists Balanovskys. Alexander Efremov reviews the monograph on reasons for decline and destruction of Habsburgs empire.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77 – 37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 04.12.2011.

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8-964-551-49-52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8-916-950-61-43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8-964-580-19-92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.